

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Оренбург)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

4 ■ 2020

ПРОЗА

- Наталья МОЛОВЦЕВА. **Такие сны.** Рассказы 3
 Борис ПОДГАЙНЫЙ. **Книголюбь.** Повесть 34
 Сергей ДУБЯНСКИЙ. **Кирилл и Ян.** Повесть 68
 Виктор ОСТРИКОВ. **Божья коровка.** Рассказы 116
 Игорь СЕМЕНОВ. **Остановка Рай.** Рассказы 131

ПОЭЗИЯ

- Владимир ШЕМШУЧЕНКО. **Земля волнуется и дышит.** Стихи 29
 Нина СТРУЧКОВА. **Пронизанный ветром великий простор.** Стихи 64
 Екатерина ЯКОВЛЕВА. **Красный клевер.** Стихи 111
 Геннадий ИВАНОВ. **Озерные очи.** Стихи 125
 Алла КАСЕЦКАЯ. **Холодно-горячо.** Стихи 144
 Александр АНАНИЧЕВ. **У огненной черты.** Стихи .. 164
 Сергея ЛУЦЕНКО. **Пусть услышат Руси голос...**
 Переводы из русинской поэзии 176

СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- Дмитрий ЯКУШКИН. **Три рассказа про мою войну** .. 148
 Елена ГУСАЧЕНКО (Гаврилова). **По строчкам судьбы.**
 (Письма и дневник приоткрыли историю пропавшего
 без вести военврача) 169

ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ

- Елена АНТОНОВА. **«Если писатели выполняют свои обещания...»** (Срез литературной жизни в переписке Вячеслава Полонского и Николая Замошкина) 181

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

- Петр ТКАЧЕНКО. **«Сквозь точек смотровые щели...»**
 (Духовный смысл в поэзии Юрия Кузнецова) 198

ПАМЯТЬ

- Михаил ФЁДОРОВ. **Егор Исаев: «От нерва Бондарева можно было прикурить»** 208

КРУГ ЖИЗНИ

- Андрей РУМЯНЦЕВ. **Для музыки нет провинций.**
 (Штрихи к портрету пианиста-виртуоза
 Дениса Мацуева) 210

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

- Александр ГУТОРОВ. **Когда в картинах живет душа.**
 (Творческий путь художника Николая Трунова) 219

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Петр РЯБИНИН. **Крону питает почва.** (Историческая проекция на современность в книге воронежских ученых и литераторов) 221

Наталья Николаевна Моловцева родилась в селе Константиновка Ромодановского района Мордовской АССР. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета. Работала в газетах Магаданской, Сахалинской, Воронежской областей, Якутской АССР. Публиковалась в газете «Литературная Россия», журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Странник», «Ковчег» и сборниках прозы. Автор книг прозы «Меня оклики», «Тонкий серпик луны», «Берега вечности». Лауреат премии «Кольцовский край». Член Союза писателей России. Живет в городе Новохопёрске Воронежской области.

Наталья Моловцева

ТАКИЕ СНЫ

Рассказы

*Посвящается
Светлане Борисовне Руденченко*

...П

очему она ни разу не приходила ко мне во сне? Почему не хотела сниться? Ведь она знала, что с ее уходом из моей жизни ушло многое. Чей номер я могу теперь набрать, если шла-шла, жила-жила и вдруг попала в тупик, из которого, кажется, нет выхода?

У нее было редкое, нет, редчайшее качество: принять на себя чужую боль, пережить ее вместе с тобой, вникнуть во все ее нюансы и перипетии, а потом ненавязчиво, тихим, задумчивым голосом сказать несколько слов, несколько таких неожиданных слов, что ты с изумлением начинала понимать: а ведь выход из тупика есть! Просто ты не предполагала, что он может быть именно здесь, в таком месте! Откуда знала это она?! Как могла догадаться? Бог весть!

И вот теперь я должна искать-находить эти выходы сама. Не привыкла. Не умею...

Может, она потому и ушла, чтобы научить, вынудить меня делать самостоятельные шаги? Глупости... Конечно же, причины были другими. И не мне судиться-разбираться в них. Мне остается только испытывать горькое чувство оставленности. Осиротелости.

Как мы любили с мужем ездить к ним в гости! К ней и ее супругу. Нас всегда ждал накрытый стол, и она, только что чистившая картошку и нарезавшая салаты («да сиди ты, я сама все сделаю»), находила минутку, чтобы переодеться: из будничного халата — в красивую праздничную блузу. «Все, идите за стол!»

За столом она ненавязчиво, но от души потчевала: «Попробуй вот это... и вот это... Вкусно?..»

Все и всегда у нее было вкусно! Такими же «вкусными» были и наши застольные беседы, когда говоришь обо всем, о чем душа пожелает, и знаешь, что все это действительно от души, всерьез, а где надо, где кстати — то и с юмором; где маленькая рюмочка, которую наполняет хозяин дома, это радостное чувство единства и родственности (пусть и не по крови, но не по крови бывает иногда даже крепче) только объединяет нас еще больше.

Неужели это больше никогда, никогда не повторится?

И вдруг...

Все было как всегда: накрытый стол, душевная беседа, только за столом на этот раз сидели еще два гостя: ее сестра с мужем. Сестра разливала по чашкам чай и предлагала насыпать туда по щепотке каких-то семян. Что это были за семена? Зачем их бросать в чай?

И тут в комнату вошла Светлана Борисовна. Как всегда при гостях и почти всегда в жизни вообще — веселая, оживленная. Она набирает эти семена в горсть и всем сыпет в чашки: «Вот увидите, как хорошо будет». Ну, если это говорит сама Светлана Борисовна...

— Она действительно знает, как лучше, — объясняю я сомневающимся. И добавляю: — Светлана Борисовна знает даже, как надо жить, чтобы всем было хорошо.

Она и впрямь это знала. Вот как: надо бросаться на помощь всякому, кто тебя об этом попросит. Нет, она не декларировала это правило, просто я видела, что каждый раз именно так она и поступает.

И вдруг я ВСПОМИНАЮ... И начинаю понимать, что все, что происходит сейчас — это всего лишь сон... Не хочу — сна! Хочу яви! И я приклоняюсь к ее плечу — оно живое, теплое, мягкое, и говорю-плачу:

— Неужели то, что произошло — правда?

— А ты вспомни...

И я вспоминаю:

Без рассужденья, все равно,
Я выпью горькое вино...
И в черно-белом домино
Заглянет ночь в мое окно,
Поднимет черную вуаль
В другую весь, другую даль,
Где мне однажды суждено
Узнать знакомое окно
И взглядом встретить долгий взгляд...

— А ты говоришь: хорошо. Хорошо больше не будет. Кончилось все хорошее, — эти слова привычно неторопливо и непривычно горестно произносит ее супруг.

...И опять пошла жизнь без нее. Но однажды...

Однажды мы с мужем были в ссоре. Причем на этот раз такой, что думалось: все, хватит друг друга мучить, пора разбежаться.

И вот тут ночью, во сне, опять пришла она. Причем на этот раз я ее даже не видела. Я только чувствовала, что она — рядом. От нее идет теп-

ло, и еще что-то, названия чему я не знаю. И вот лежу я в этой странной ауре и чувствую, что со мной что-то происходит... Что? Тоже не знаю.

Но утром я просыпаюсь, отдохнувшая, словно после тяжелой и долгой дороги. Смотрю на мужа и вдруг говорю ему: «С нынешнего дня мы будем жить с тобой по-другому. Ты целуешь меня утром, а я тебя — вечером. Перед сном». И на душе — никакой такой вчерашней неприязни к нему. Даже наоборот.

Стало понятно: это — она... это ее работа. А ведь я ее в этом сне даже не видела...

Вот одно из последних стихотворений Светланы Борисовны:

Ты меня не увидишь седой,
Я расстанусь с тобой молодой.
Я покину тебя невзначай,
Не в обиду, не в гнев, не в печаль.
А уйду я не в стужу, не в зной,
Я уйду, знаю, ранней весной.
Будет стылая, стылая ночь...
В первый раз не смогу я помочь...

Она угадала — ушла от нас весенней порой. Так бывает с поэтами. У них свои отношения с вечностью.

Но вот что касается «не смогу я помочь»...

Как хорошо, что не угадала!

ЛЮБОВЬ НА ДРУГОМ КОНТИНЕНТЕ

Ночью на пляж выходили кошки. Они были худые, с короткой, словно подстриженной, шерстью. Кошки не подходили к людям и не терлись об их ноги; нагулявшись, они устраивались отдыхать на песке. Независимые, величественные, как сфинксы, они лежали, вытянувшись всем телом, а не свернувшись привычным для ее глаз клубочком.

Все, все на этом клочке морского побережья было по-другому. Что кошки — небо, и то было другое: тонкое, плоское, как туго натянутое полотно, хорошо хоть синего цвета. Морская же вода была неправдоподобно красивой — ее словно подкрасили, но не синькой, а бирюзой. И почему в таком случае море называлось Красным?..

А утром на берег выходили люди. Как и положено отдыхающим, они ели, пили, купались. Она тоже заходила в бирюзовую воду — медленно, чтобы продлить удовольствие от соприкосновения со стихией, и потом плыла, плыла, отдавая этой стихии усталость и боль и призывая ее поделиться с ней свободой и силой...

А соседка по лежакам (а еще раньше — по креслам в самолете, а потом и по проживанию в номере) все время спала. Мертво. Изредка, выныривая из сна, она извинялась:

— Устала. Так устала... Если захраплю — ширни в бок.

Только чего бы она ширяла. Пусть отдыхает. Лера пока не спросила, от чего именно эта усталость, ну, так у нее и своих переживаний хватает.

...Когда-то, в далекой юности, ей казалось: все женщины делятся на три категории. Женщины-мальчики — короткая стрижка, узкие бедра, и вся фигурка — тоже узкая, без всяких выпуклостей и прибабасов. Еще бывают женщины-девочки — челка до глаз, круглые голубые глаза и ресницы — хлоп, хлоп. Женщин-теток с пышными телесами и химической завивкой на голове она просто не замечала, хотя их было явное большинство.

Себя же она считала... женщиной-бабочкой. Или маленькой птичкой колибри. Потому что вдобавок к маленькому росту, челке и голубым глазам у нее были еще и крылышки. Их, конечно, никто не замечал, но она-то чувствовала.

Вот и он — ничего не видел. Ходил и ходил мимо, равнодушно скользя по ней глазами. Но однажды, когда они, как обычно, пришли с Ленкой на танцы в Дом культуры, он вдруг споткнулся о ее взгляд, словно это была какая-то материальная субстанция, и удивленно сказал:

— Слушай, такие круглые глаза бывают только у бабочек. Ты — бабочка?

— А то! — обрадовавшись его догадке, радостно отозвалась она. И доверчиво добавила:

— У меня и крылышки есть.

Он провел рукой по ее спине:

— Хватит сочинять. На бабочку ты, конечно, похожа, но чтобы крылышки... Пошли лучше танцевать.

И они пошли. Так отчаянно она не танцевала еще никогда. Вечер шел, а она не только не уставала, но, кажется, становилась все более и более легкой. Может, даже невесомой.

— А ты и правда — летаешь. Не знаю, как там насчет крылышек, а энергетика у тебя потрясающая. Мне нравится. Пошли, погуляем?

И они опять пошли. Разве могла она сказать нет, если ждала этого... так долго ждала!

Вышли к реке. Он взял ее на руки и понес. И она опять летела...

— Летела-летела, да... залетела.

Ленка всегда так. Молчит-молчит, а потом — в самую точку.

— Что будем делать?

Лера с радостью отметила это «будем» вместо равнодушного «будешь». Ленка — хорошая подруга. Да, подруга... Но ей-то теперь был нужен муж. Защитник, опора. Отец будущего ребенка.

— Хочешь, я с ним поговорю?

— Нет, я сама.

И он понял все с полуслова.

— Ну, если так... Завтра пойдем к моим, послезавтра — с заявлением в загс.

И все складывалось хорошо. Свадьба. Рождение дочки. Дочка в первый класс... дочка в институт... дочка вышла замуж и ушла жить к мужу...

Они остались одни, и многодетная Ленка сказала: «Вдвоем... как хорошо-то! Как в молодые годы!»

А потом вдруг ее звонок:

— Видела его сегодня с бабенцией — две таких, как ты, в одной. Или даже три. Его что — на мясо потянуло?

В первый раз она даже внимания не обратила на эти Ленкины слова. Подумала только: завидуете. Даже такие, как Ленка, не свободны от зависти. Завидуете, потому что такой любви, как у нас с Игорем, в вашей жизни никогда не было! Вы не можете без ссор, а мы легко без них обходимся. У нас мир и лад, а вы то сходитесь, то расходитесь...

Но потом Ленка позвонила еще. И еще... И тогда она пошла к проходной завода и спряталась за киоском. И увидела все сама.

— С-с-слушай... Ты меня того... изредка буди все же. А то так и проплю все десять дней.

Соседка протерла глаза, села на лежаке, потом уставилась в море долгим, ленивым взглядом.

— Дрыхни, раз хочется. Отдыхай. Наверное, есть от чего.

— Есть, подруга, есть. Всю зиму от мужа не отходила. Подай это, отнеси то. Сделай укол. Подложи утку...

— Он что — так сильно болен?

— Сильнее некуда.

Соседка потрясла головой, словно хотела стряхнуть с себя что-то неприятное, мешающее и смотреть, и дышать.

— Понятно. Но если уж мы приехали отдыхать — пошли в море. Пошли?

Плавали они долго, почти не разговаривая и не испытывая от этого неловкости. Хорошо!..

Вечером, за ужином, взяли по стакану виски с колой. Было неловко, но ведь — «все включено». Вон — народ не стесняется. Почему бы и им не расслабиться?

— Оль, ну давай... По глоточку. Да и познакомиться надо поближе. А то только и знаем: я — Лера, а ты Оля. Родом-то откуда будешь?

— Я-то? Из тюрьмы.

— ???

— Да не таращись ты так. Все просто. Папу должны были посадить за растрату, а мама уже сильно беременная была. Папа говорит: возьми все на себя, тебя с таким животом быстро отпустят.

Соседка отпила из стакана еще глоток.

— Не отпустили. И я там не только родилась, но и ножками пошла. А когда вернулись домой... мама сама пошла вразнос. То один хахаль, то другой... Любила и растила меня бабушка.

Лера забыла про еду. Теперь ей напомнила соседка:

— Мы с тобой отдыхать приехали? Вот и давай отдыхать.

Таких прилежных отдыхающих отель еще не видел. Они записывались на все экскурсии, участвовали во всех затеях, предлагаемых массовиком-затейником. Только к пирамидам ехать не решились: почти сотня километров по раскаленной пустыне — нет, это уже не для них, пусть и на автобусе, пусть и с кондиционером. В конце концов, пирамиды тысячи лет простояли без них и столько же простоят еще. А им хорошо и так. Вот и опять — ужин, опять — виски с колой...

— Хорошо!.. Слушай, Оль, оказывается, жизнь может быть приятной. А вы... сколько лет вы с мужем прожили вместе?

— Ты лучше спроси, сколько лет вместе мы не живем.

— Ну и...

— Да уж с десяток, считай.

— А почему ж ты за ним... принеси, унеси...

— А кто ее знает. Дура...

Дура... И она оказалась — дурой...

...Сначала она не поверила своим глазам. Потом — ушам, когда вечером он бормотал что-то типа: «Понимаешь, внеочередной заказ получили. Все остаются после работы, а я уйду? Да и деньги лишними не бывают...»

Но когда она заставила свои глаза увидеть реальность, а уши — услышать не то, что он говорит, а что пытается скрыть, спросила:

— Вы что — выполняете этот заказ где-то на стороне, а не на родном заводе? И исключительно с помощью белокурых пухленьких помощниц?

Наверное, он уже был готов к подобному разговору. Потому что совсем не испуганно ответил:

— Ну, что ты выдумываешь ерунду.

Она ухватилась на эту «ерунду», как за соломинку. Подошла, попросила, заглядывая в глаза:

— Обними, как раньше. Подари мне немного твоей энергии.

— Я устал! — в его голосе звучало легкое раздражение. — Откуда я возьму эту энергию?

— Тогда просто — обними. Все остальное я додумую сама.

Нехотя, словно чужую, он прижал ее к себе — на несколько коротеньких секунд. В эти секунды и подумалось с полной безнадежностью: она — жена? У нее есть муж? Да она теперь одна, как в пустыне. Настолько одна, что хоть волком вой. То бишь волчицей...

Вот тогда-то Ленка и достала ей эту путевку: отдохни, подруга. Постарайся прийти в себя...

— Лер, а ты? Ты от чего улетела?

— Я-то?

Она добросовестно, с той же откровенностью, собралась ответить, но вдруг... поплыла. Потому что... потому что — ЭТИ ГЛАЗА НАПРОТИВ!

Откуда они возникли? Как? Да просто за столик напротив сели мужчина и женщина. Она что-то сосредоточенно писала на листочке бумаги, а он, вольготно раскинувшись в кресле, обводил глазами зал. И вдруг остановился... на ней. Она натолкнулась на этот взгляд, как на материальную субстанцию. Он был из какого-то другого мира; она еще не знала, из какого, но так захотелось ему поверить! Этот взгляд говорил: тебе плохо? Со мной будет хорошо. И спокойно. Тебе не придется ждать и выпрашивать ни любви, ни ласки — я осыплю ими тебя, я подарю их тебе с радостью и охотой...

Хорошо и спокойно... Так было когда-то. И так может быть снова?! Но ведь это и есть счастье...

А может, она просто перепила виски с колой? Сделала лишний глоток...

Ольга смотрела на нее и, казалось, не замечала никакой в ней перемены. Сказала буднично:

— Завтра экскурсия на море. Говорят, часть путешествия будет проходить под водой. Запишемся?

Вот — это то, что надо. Ей надо как раз туда — на морское дно. Поглубже. Подальше от этих глаз.

...Там оказалось страшновато, на морском дне. Затонувшие деревья, камни, коряги. Мимо — совсем рядом — проплывают рыбки, независимые и равнодушные к людям, которые ухитрились оказаться так близко к ним.

А что, если случится что-то страшное, и они не смогут подняться на поверхность?

А что, если правда, что смерть — это только начало новой жизни? Конец и начало... если бы обладатель ТЕХ глаз был рядом — не было бы страшно совсем. Потому что — вместе...

Что с ней случилось? Причем — независимо от ее воли. Она совсем не хотела, чтобы ей в голову пришли такие вот мысли.

Но если они все-таки пришли... За что же тогда она обиделась на мужа? Он не виноват. И она не виновата...

— Слушай, а теперь предлагают экскурсию на Райский остров.

— Даже так? Получается — рай возможен на земле?

— Вот и увидим. Своими глазами.

...Сначала плыли на катере. Было полное впечатление, что они уже не на земле. Или в первый день ее сотворения. Бесконечная бирюза моря. Чистейший ласковый воздух. Холмы на далеком берегу, напоминающие туши гигантских, улегшихся отдыхать, животных. И такое высокое небо! И опять — эти глаза. И рядом почему-то нет его женщины...

С катера их пересадили на лодку, и на берег они сходили уже с нее. Молодые слетали на песочек легко, как бабочки. А она... ее-то крылышки уже были сломаны. Лодку качало, страшно было оступиться в воду. И тут к ней протянулась с берега крепкая мужская рука. Она схватилась за нее (раздумывать было некогда — за ней очередь) и не заметила, как тоже перемахнула на белый, ласковый песок. Вот и в раю...

— Спасибо. Вы очень мне помогли.

— Рад был это сделать.

Отдыхающие купались, делали селфи (так, кажется, теперь говорят вместо «фотографировались»), удивлялись прозрачности воды и чистоте песка (а разве могло быть по-другому на Райском-то острове?), любовались на странные, крытые пальмовыми листьями жилища аборигенов («для экзотики держат; только бизнес — ничего личного»)...

— Может быть, познакомимся?

У нее хватило выдержки не выдать счастливого блеска в глазах. И даже сказать:

— Если та женщина — ваша жена, то вряд ли стоит.

Он промолчал. Да и зачем было говорить, если и так хорошо! Даже лучше — ничего не говорить и ничего не знать, а просто смотреть и впитывать в себя воздух, небо, свободу...

На обратном пути отдыхающих кормили, поили, развлекали. Руководитель поездки — шоколадный молодой человек — был ангельски красив и опасно откровенен в шутках и прибаутках. А впрочем... не на собрании же — на отдыхе...

Незнакомый знакомый не делал больше попыток к сближению, но смотрел так, что самой хотелось побежать через палубу и прижаться к его сильному, загорелому плечу...

А вечером следующего дня отдыхающим предложили ужин на берегу моря. С наступлением темноты. Чтобы было совсем-совсем романтично. Они с Ольгой, конечно же, не преминули записаться.

И опять была райская красота вокруг (маленькие, словно подсушенные жарким воздухом звездочки теплятся на черном небе, море вздыхает таинственно и тихо), на столе — вкусная еда и вино, на сцене один артист сменяет другого. К восточным мелодиям они уже успели привыкнуть, язык танцев тем более понятен без перевода, но вот этот юный араб вытворяет что-то совсем невероятное: кружится вокруг своей оси минуту, две, три... десять... Как это можно? Откуда в нем столько энергии? Почему у него не кружится голова?

У нее вот кружится. Хотя они с Ольгой удобно сидят на стульях, потягивая легкое винцо.

— Лер, я и с собой привезла бутылочку. А мы ее еще так и не открыли. Давай сегодня?

— Давай. И повод есть: наше пребывание в райских куцах подходит к концу.

— Вон и твой воздыхатель пришел. И все только смотрит и смотрит... Бойтся от бабы оторваться. Может, тебе самой надо быть посмелее?

— Может быть.

И тут объявили белый танец. Она почувствовала, что где-то в районе лопаток что-то зашевелилось — там, где когда-то были крылышки. И тогда она встала и пошла к нему. Да, рядом с ним — женщина. Ну и пусть! Она — тоже женщина! И она тоже хочет быть рядом!

Голова кружилась, кружилась... Она закрыла глаза и позволила обнять себя чуть крепче, чем это предполагал медленный танец. А когда открыла...

Его женщина смотрела на них понимающе и печально. Она все знала про нее и тем более про него.

И тогда она вдруг остановилась. И сказала:

— Идите к ней. Насовсем идите.

Ольга уже стояла у выхода и ждала ее.

Бутылочка открыта. Маленькие дорожные стаканчики наполнены, стоят в ожидании. Да только куда им торопиться — в отпуске-то?

— Ну, и чего ты от него убежала? Жены испугалась?

— Вспомнила себя в такой же ситуации.

— Давай рассказывай.

— За два дня до отъезда это было. Пришел домой смурной и жалкий, как побитая собака. Спрашиваю: ты чего такой? Хотя ответ уже знала: верная моя подружка рассказала, что новенькая чертежница написала заявление по собственному желанию. Причина — собралась уезжать в Москву. Сейчас все едут в Москву за хорошей жизнью.

И вот смотрела я на него и не понимала: это — тот самый мужчина, который всегда был таким сильным и уверенным в себе? Даже улыбка — и та у него была победительная. Куда же все подевалось? Ох, как захотелось закричать, грохнуть об пол тарелку! Остановила скорбная складка в его губах. А главное, почувствовала, что сейчас, в эту вот минуту, я сильнее него. А раз сильнее — значит, просто обязана помочь.

— Ну, и...

— Спрашиваю: а ты сам-то хочешь поехать с ней? Ответ: боюсь, этого не хочет она. И опять эта скорбная складка... И тогда я говорю: а давай об этом спрошу ее я! Набирай номер. Он, как зомби, послушно (послушно!) выполнил мое приказание. И вот ее ласковый голосок в трубке: да-да, я вас слушаю. Представляюсь по всей форме: жена, сами знаете кого. Все про ваши отношения знаю и совсем не против, если в Москву вы поедете вместе. Вдвоем. В трубке — молчание. Интересуюсь:

— Вы меня слышите?

В ответ:

— Слышу. И вот что я вам скажу: пусть ваш муж остается с вами.

И тут выдержка оставила меня. Как закрычу:

— Вот только не надо меня жалеть!

А мне — спокойненько так:

— А я вас и не жалею. Я просто хочу уехать одна.

И — отбой...

— Ну, а он? Он-то что?

— Подошел к окну. Долго-долго стоял там, глядел в темноту. Потом говорит: пойду спать. Мне надо хорошенько выспаться.

— Слушай, Лер, давай-ка все-таки по рюмахе. За то, чтобы твой суп-руг хорошенько отоспался. И проснулся здоровенький.

— Слушай, Оль... А у тебя... сейчас-то кто ухаживает за твоим быв-шим?

— Наша дочь. Сначала не соглашалась, но я упросила. Твой-то хоть трезвенький, работага, а мой и гулял, и пил. Дочь до сих пор простить не может.

— А ты? Приедешь — и опять на вахту? Почему, Оль?

— А я знаю? Чую, что должна — и все... Знаешь, он когда-то пел хо-рошо. Так пел! Тогда в моду входили ВИА, ребята одного из них к нему приглядывались, говорили, что, скорее всего, возьмут к себе. Ну, у него голова и закружилась. Сегодня с одними обмывает радужные перспекти-вы, завтра с другими. Так и понеслось... А тем-то не собутыльник нужен был, а певец...

Помолчали, думая каждая о своем.

— Да он без меня просто подохнет, — спустя время, печально вздох-нула собеседница. — Подохнет, потому что никому теперь больше не ну-жен. Вот и вся причина.

— А я раньше я считала, что только любовь...

— Любовь, любовь, — нетерпеливо, с досадой перебила ее Ольга. — Затаскали словечко. Да у нас, русских баб, все и всегда было больше, чем любовь. Как по телевизору. По каналу «Культура».

Какое-то время они опять сидели молча. А когда глазами встретились, в них было недоумение: чего разнюнились-то? Мы что — не отдыхать при-ехали на этот далекий континент? Ударим весельем по тоске и печали!

Первой, пробуя голос, начала хохотать Ольга. Лера, после недолгого раздумья, присоединилась к ней. И когда уже разошлись, смеялись дол-го, захлеб. Пока не устали. А когда так же внезапно остановились, Оль-га деловито сказала:

— Как говорила моя незабвенная мамаша — тут без пол-литра не обойтись. Бутылку мы с тобой не осилим, а вот по рюмашке...

НА ОТШИБЕ

Махал Махалыч — звали его в селе. Без юмору, без смешинки наро-ду скучно, особенно в нынешнее сумеречное время. Колхоз давно при-хлопнули, какого-то управляющего вместо председателя привезли. Да ладно бы мужика — бабу. Утром она приезжает из райцентра на маши-не, вечером таким же макаром уезжает. Это как — чтобы председатель, ну пусть и управляющий по-теперешнему, жил не в селе, вместе с наро-дом, которым руководить приставлен, а где-то на стороне? Это все равно, как не мать, а мачеха в доме. Чужая.

Ну да где ему разобраться во всех этих новых порядках. Тут с собой — и то не все ясно. Хотя то же имя взять: в детстве был Мишкой, в жени-хах — Михайлом. А как зажил семейной жизнью, да попер на колхозной работе в передовиках — так и в Михаила Михайловича произвели.

А потом всему — крах. Колхозу, привычной жизни. Да и семейной

тоже. Выросшие дети разъехались, жену схоронил. Сейчас ему даже говорить с сельчанами — и то не больно охота. Он и взял манеру: спросят о чем — поглядит недоуменно да и махнет рукой. Ну, и как тут было народу не воспользоваться моментом, Махал Махалычем не наречь? Сказать честно, он и не обижается на это то ли имя, то ли прозвище: пускай тешатся, от него не убудет. Хотя где-то глубоко внутри себя... Народ ведь какой: за глаза — Махал Махалыч, а как в водонапорной башне полонка, как пересохнет в колонке вода — так и идут во двор к нему, к его колодцу, и тут уж если не полной регалией, так хотя бы Михалычем назовут.

Колодец Михалыч соорудил по двум причинам. Первая — живет на отшибе, на самом краю села, и когда строили водопровод, при советском еще времени, то ли труб не хватило, то ли еще чего, но до его дома линию не довели.

А второе — не больно ему водопроводная вода и нравится. Потому как железом отдает. Ржавчиной. Вот он и почистил заброшенный, вырытый в огороде еще дедом, колодец, подновил сруб, крышу над ним поставил. Еще и красочкой синенькой прошелся по ней — пусть веселее глядится. Цепку крепкую в райцентре купил. Ну, и стал пользоваться своей персональной водой, еще и односельчан время от времени выручает.

Но вот однажды зашла в его двор женщина совсем незнакомая. И мало того, что незнакомая, еще и всем видом не своя, не деревенская. Местные бабенки больше в байковых халатах ходят, а эта в цветастом сарафане; местные повязывают платок узлом под подбородком, а у этой платок — чудное дело — жгутом перекручен, и концы его отведены назад. Получается, голова как венком опоясана. Кто такая?

Вышел Михалыч по такому случаю на крыльцо.

— Здравствуйте. Говорят, у вас колодец есть. Можно, я водички наберу? — спросила незнакомка.

Тут уж не отмахнешься, пришлось отвечать:

— Чего же нельзя. Для того и сделано.

Тем же вечером пришел за водой Василий, давний Михалычев дружок, с которым они вместе когда-то и пахали, и сеяли. Присели на крыльцо, закурили.

— Ты подумай, Михалыч, совсем народу работы не стало. На посевную своих людей из района привезла. Управляющая-то. Убирать, говорит, они же будут. Объясняет: у них техника такая, что вы в ней не сообщайте.

Михалыч, по привычке, молчал. А Василий шел дальше:

— И чем теперь местному народу заниматься? Только и остается — самогон гнать.

В ответ опять — молчок. Дружок осерчал:

— Ты совсем немтырем становишься. Женился бы, что ли. Вон и невеста в селе объявилась.

— Кто такая? — отверз, наконец, уста Михалыч.

— А-а, интересно все же... Бабенка вполне справная, стала на квартиру в пустой Дунькин дом. Говорят, картины рисует. Ненашенское, конечно, занятие, и потому непонятно, чего она в нашем селе забыла. Ну да у всякого свои причины. Так что заказывай, Михалыч, картину.

Михалыч, опять свое прозвище оправдывая, только рукой махнул: зачем ему?

А перед сном, поужинав хлебом с кружкой молока, вдруг задумался: а чего бы ему и вправду не завести в доме картину? Стена-то над диваном

все равно пустая. Над кроватью — тут всегда ковер висел. Пока жива была матушка, это была картина с крутошеими лебедями, плавающими в пруду, и девицами вдоль по бережку — пышноволосями, глазастыми, с красными, что тебе яблоки, щеками — тоже, видно, какой-то художник нарисовал. Они с женой завели уже настоящий ковер, фабричного производства, с цветными узорами да разводами. Он и сейчас висит, и никакого другого, пожалуй, больше не предвидится. А вот над диваном...

И когда женщина в перевитой косынке пришла за водой в другой раз, он решил не отмахиваться, а поговорить с ней по-человечески. Для начала спросил имя-отчество. Она несмело представилась:

— Милана... Можно без отчества.

Он удивился про себя: Милана? Это еще что за имя? Маланьи в их краях — да, водились, но ведь это когда было-то. Сейчас имена другие пошли. А Милана... это почти что милая. Это же выговорить невозможно! И зачем выдумывать такие трудные имена?!

В общем, обошелся без имени. И когда эта... Милана... шла уже назад, от колодца, остановил ее вопросом:

— Вы, говорят, картины рисуете? Я бы, пожалуй, приобрел одну.

— А вы приходите ко мне. Посмотрите, может, какая и понравится.

И на другой день они пошли к ней вместе. Ведро с водой нес он, Михалыч. Ну, а как же? Не пойдешь же рядом с нагруженной женщиной порожняком.

Дунькин дом — известное дело — не дом, а домишко. Хозяйка давно умерла, и никто не подправлял разохшиеся полы, не подновлял обсыпавшуюся штукатурку. И все в доме было как при хозяйке — по старинке: стол, лавки вокруг стола, кровать у стены. А вот картины, на полу вдоль стены расставленные — это внове. Стал разглядывать. Девчонка сидит на лавке, голыми ногами болтает — ну, это он и без картины каждый день может увидеть. Мальчонка белоголовый... В их селе, после того, как сюда повалили откуда-то из своих краев армяне, больше черноголовые да черноглазенькие бегают. Он, Михалыч, с советских времен привык все национальности равными считать и против армян ничего не имеет: раз там, на родине, стало вам плохо, живите у нас, земли на всех хватит. А все-таки обидно, что светленьких-то голов среди играющей на улице пацанов почти не стало. И имена... Ашотик, Гарик, Левон — кличут по вечерам женщины, созывая ребятишек домой. И не слышно знакомого: Иван, Вовка, Петька... да тот же Мишка, в конце концов...

Однако он пришел сюда не за тем, чтобы об именах размышлять. Он пришел за картиной. И вот, кажется, та, которую он унесет домой. Совсем простенькая картинка — букет цветов. И все они такие знакомые-раззнакомые: ромашки да васильки, да желтая кашка, да ржаные колоски среди них. Лето красное минет, а они у него над диваном так и будут цвести — глаз радовать, душу греть.

— Вот эту возьму. Говорите цену.

— Да вы можете и не платить ничего. А лучше наделали бы мне рамочек. Рамочек мне не хватает.

С тех пор так и повелось: то она к нему за водой, то он к ней с рамочками. Народ, конечно, все это наблюдал, делал прогнозы. Озвучил их тот же Василий:

— А что, Михалыч, не пора ли тебе в сам-деле... У вас ведь уже кооператив образовался: она рисует, ты рамочки мастеришь. Вы бы ладком, мирком — да за свадьбу...

Михалыч не стал отмахиваться, ответил словами:

— Людей на старости лет смешить?

А сам тем же утром, когда она пришла за водой, вдруг взял да сказал:

— И чего мы ходим туда-сюда? Оставайся у меня насовсем.

Ее, кажется, не обидело, что он без согласования с ней на «ты» перешел. Дружелюбно, даже с улыбкой, ответила:

— Хорошо, Михаил.

У него по сердцу как ангел пробежал: Михаилом назвала. Именем, от которого он почти отвык.

Старенький чемоданишко — все, что она принесла вечером. «О-о-о» — пропела уважительно, оглядев его дом и сравнив с Дунькиными «хоромами».

Свадьба — какая уж там свадьба. Но стол они, уже вместе, собрали, друг напротив дружки сели. Михалыч наполнил рюмочки взятой по такому случаю беленькой. Без лишних, ненужных слов, чокнулись. Выпили. Потянулись вилками к салату.

Михалычу и от одной рюмки хорошо стало. А она — заметил он — была не прочь еще выпить, только сказать не решалась. Так он и не стал ждать никаких слов, взял да налил по-новой. После второй вдруг и разговорился: стал рассказывать про то, что жили они с женой ладно, и детей вырастили вроде неплохих — все в городе теперь живут, работают, детей, то есть внуков его, растят, да уж больно редко навещают. Скучно им в сельской, как они говорят, глуши, а ему скучно одному. Но вот теперь, когда они будут вместе...

Милана сама вдруг потянулась к бутылке, налила и ему, и себе, вот только ждать его на этот раз не стала — опрокинула рюмашку первая, а, выпив, посмотрела на него туманно и даже как бы с легкой усмешечкой.

— Ладно жили, говоришь? Это хорошо. Это просто замечательно. А вот у меня ладно никогда не было. Никогда! Даже в детстве. Отец пил, мать пила. Школу кое-как кончила — что дальше? Учительница по рисованию говорит: у тебя талант, развивать надо, а... на какие шиши? Родителям не до меня... В общем, ушла я из дома.

Михалыч слушал, сочувствуя гостье всей душой.

— Ну и — как же ты дальше?

— А как многие такие же... Общага... официантка в кафешке... по вечерам картинки малюю... кавалеров меняю, как перчатки...

Милана опять потянулась к бутылке, опять выпила, не дожидаясь его, и понесла совсем уж непотребное:

— Думаешь, обрадовал меня, осчастливил? Да я, если бы захотела, могла бы и в городе... не хуже, а лучше, чем в вашей дыре... у вас тут теперь даже молока не купишь — крестьяне называются...

Он слушал ее, дивясь и не веря, что человек может так быстро перемениться: вот только тихой да кроткой была, вот только имя свое — Милана — оправдывала, и вдруг — на тебе...

Когда ее речи стали совсем уж дерзкими и путаными, он, сам того от себя не ожидая, стукнул кулаком по столу:

— А ну, марш на диван! Под свою картину...

Милана (да какая там «милая» — глаза бы не глядели!) упала на диван кулем и всю-то ноченьку ворочалась, бормотала чего-то, вздыхала со стоном, будто кто ее душил, — ну да, с ней все понятно, а он-то чего в по-

толок глядит? Глядит и костерит сам себя последними словами: красоты захотел, дурак? Ну, ешь теперь полной ложкой. Да запивай еще. Пример перед глазами...

Ругал Василия: ладно он, Михалыч, с краю села живет, а тот-то в самой середке — неужто за ней ничего не замечали? Чего ж не сказал, не упредил? Нет — «женился бы в сам-деле...»

А сам что — маленький? — обрушивался опять на себя. — Свою жену сызмальства знал, потому без ошибки и вышло. А тут... загорелось ему... одному, вишь, скучно... зато теперь больно весело стало...

Потом в его измученную горькими мыслями головушку пришла такая: да что — она одна, что ли, вот так-то? Как все перевернулось в стране, как пошла эта дурная перестройка, как пооставались люди без работы — многие стали находить утешение в бутылке. Где-то ведь ее отец работал до этого. И мать. Что не спросил?..

Да что спрашивать — у них в селе, что ли, не так? Василий правильно сказал: люди бесхозные остались, государству ненужные. А приезжающая управляющая — она сама человек подневольный. Что велит, то и делает. Велит работников из района везти — она и везет. А что местных оставили без работы...

Без работы человек дичает. Даже личным хозяйством — и то не хочет заниматься. Она, Миланка-то, верно сказала: только называемся крестьянами. Это же надо: молока в деревне теперь не найти! А если и купишь — то только у тех же армян. Они-то сразу поняли, что на чужой земле их никто кормить не будет, понастроили хлебов да сараев, завели скотину. Раньше, при колхозах, как весна — один колхозный трактор пашет все личные усады сразу — они так и шли за домами, один за другим, образуя одно поле. Людо-дорого было потом смотреть, как хозяева торят межи, восстанавливая границы своего усада, как дружно, всем семейством, сажают картошку — основную крестьянскую еду. А теперь... Теперь на тех усадах, на той земельке, что кормила их, стоят армянские скотьи постройки, а где их нет — земля зарастает ивняком и чертополохом.

Милана с утра глядела искоса, обидчиво, но когда он позвал ее пить чай, сникла вдруг, опять стала тихой.

— Вот теперь ты знаешь, какая я.

Не дождавшись в ответ ни звука, сказала еще:

— Пойду, наверно, в свой домик.

И опять он промолчал.

Так, молча, и допил чай, вышел на улицу. Сошел с крылечка, поднял голову к небу. Ах, хороший занимался денек! Такой уж светлый, такой благодостный... И чего ей, заразе, надо?.. В хороший дом пришла. Мужик не пьет, не бьет. Становись к плите, свари щей, а потом рисуй, сколько твоей душеньке угодно.

Душенька-то вот только... больная. И признайся себе, Михалыч: залечить ее раны тебе не под силу. Тут какое-то особое снадобье требуется, а ты его рецепта не знаешь...

Оглянулся — а она уже стоит на крыльце со своим драным чемоданишкой. Стоит и стоит. И чего медлит? Вышла — так иди, не дли муку.

— Михаил... можно, я напоследок водички из твоего колодца попью?

Как и в тот, в первый раз, он сказал:

— Чего же нельзя. Для того и сделано.

Пошли в огород. Звякая цепкой, Михалыч опустил и вынул ведро. Она зачерпнула кружкой.

— Хорошая у тебя вода, Михаил.

И вот это «Михаил», сказанное дважды, так резануло по сердцу, что он вдруг разозлился и пошел на грубость:

— Хорошая, говоришь? Ты могла бы каждый день ее пить. Вместо белой-то отравы.

И отвернулся.

А когда обернулся, увидел, что она уходит прочь. И опять его резануло чувство, которому он и названья не знал. Боль? Жалость? Одиночество? Все вместе... Стало трудно дышать.

Сделав над собой усилие, он все же набрал в грудь воздуха и выдохнул в два приема:

— Ми... лана...

Она замедлила шаг.

— Не уходи... Ты мне вернула... имя. Кто еще и когда назовет меня Михаилом?

НАДЕЯ

Старуха готовилась помирать.

Узелок у нее был припасен давно. В узелке — платье, чулки, тапки. Платье — трикотажное, дочь привезла в подарок еще на восьмидесятилетие, и Пелагея тогда сказала ей: «Если уж и буду носить, то не здесь». — «Где же?» — недогадливо спросила дочь. Она в ответ только усмехнулась. А про себя подумала: трикотажное — это хорошо. Зимой в нем не так холодно, а летом не упреешь. И опять усмехнулась, теперь уж на саму себя: да если ТАМ-то — разве не все равно?..

Чулки же были куплены давно, еще в те времена, когда их полно было в магазинах. Она и взяла — сразу двое: одни носить, другие для узелка. Теперь носят колготки, но ей-то они зачем нужны? В привычном способнее будет лежать.

А тапки... Одни уже износились; вот так же приехала дочь: ой, мам, комнатную обувь забыла, а у вас чистота... Ну, она их и вынула: старушечьи, мол, конечно, но откуда ж у нее быть другим. Потом донашивала эти тапки сама, а на замену купила уж повеселее, в цветочек — мало ли что...

Старуха, конечно, догадывалась, что узелок в ее приготовлениях — не самое главное. А что главное — кто ей ответит на этот вопрос? С таким вопросом к батюшке надо идти, да где его взять, батюшку, если церковь в селе порушили, когда ее еще и на свете не было?

Словом, остается рассчитывать на собственный ум, а он уж подводить стал. Память — никуда. Зайдет на кухню, и встанет в недоумении — зачем шла? Сноха уже не раз говорила: пора тебе генеральский пост сдавать, в рядовые переходить. Злыдня... верховодить хочет... Ну нет, пока она еще на своих ногах ходит, пока она и оладушки в силах испечь, и щи, если надо, сварганить. Так что не спеши в генералы, Надея...

Надея — это придумал сынок. «Надежда» ему неинтересно показалось. Еще выдумал, что лучше нее, Надеи, на свете никого и нет. Молодой был, чего еще соображал...

Молодой был, молодой и остался. Вон они на стене, два портрета:

муж, Фаддей Никитич, и он, Алешенька — волосенки русые вьются, в губах улыбка заплуталась. Старый воевал в Отечественную, молодой — не понять в какую. Теперь-то ее называют афганской, а когда забирали — никто ничего не знал. Полный был секрет...

Старый со своей Великой войны вернулся, а молодого — с не понять какой — в цинковом гробу привезли. Она, мать, убивалась, а Надея... Нет, плакала, конечно, лила слезоньки, только как-то быстро, по ее, Пелагеиным, понятиям, утешилась. «Нынче концерт, мама, пойду схожу»... А то и без концерта уметелит к какой-нибудь из подружек. Она ее вразумляла, конечно: не слишком ли скоро свободу почуяла? Не рано ли в полет пошла? «В какой полет, мама — к Веруне вязать пойду».

Слава Богу, работать ее научила. А то ведь когда в дом пришла — не умела ни корову доить, ни огурцов-помидоров посадить. Сынок заступался: «Она же в городе жила, мама...» Вот и пусть бы жила, неужто своих, деревенских, девок мало? — вскипало у нее внутри. Пускай бы так и стояла на своем базаре, торговала обувкой, жевала батон с пакетным молоком.

Да, за обувкой он тогда и поехал... а привез вон кого. Околдовала она его, что ли? Чтобы вот так, сразу... Сказал — любовь с первого взгляда. «Из какой она семьи-то?» — допытывалась Пелагея. Оказалось — у девки ни отца, ни матери, — в детдоме выросла. После детдома получила койку в общежитии. Всего приданого у невесты оказалось — сумка в клетку, не слишком сильно барахлишком набитая. «Все у нас будет, Надея, вот увидишь...»

А — и будет! Если она, Пелагея, даст маху, дом на нее запишет. Ну да пока она в своем уме, понимает, что дом родной дочери должен достаться.

...Вон с огорода пришла — руки у крана моет. Уже не молодка, фигурой уже оплыла, и волосы как известкой сбрызнуло. Городская дочь старше нее, а выглядит куда моложе...

— Мама, к телефону подойдете?

— Ай звонит кто?

— Звонит.

Дочь, легка на помине.

— Приехать собираетесь? Завтра? Вот и хорошо. Ставь пироги, Надея. Тем боле что завтра праздник.

— Какой, мама?

— Троица. Надо бы знать. Чем только твоя головушка забита.

Тут и пришла ей в голову мысль: приедут-то на машине. Вот она и попросит свозить ее в райцентр. Там церковь есть, и батюшка, рассказывают, такой хороший...

В церкви была благодать: пол травкой устелен, березонька как в лесу стоит. А уж как сладко поют певчие...

К исповеди она пошла первой: ну-ка, есть ли тут кто старше ее? А батюшка оказался совсем молодой, с редкой бороденкой, волосы в косичку заплетены. Можно ли такому верить? Ну да коли приехала...

— Батюшка, мне уж недолго осталось... и узелок приготовила... А душа непокойна: что я еще-то должна сделать?

— Это хорошо, что душа беспокоится.

Поглядел на нее жалеючи. И сказал так:

— Вы долго пожили. Всякое, наверно, за такую жизнь было. И вас обижали, и вам, наверно, обижать приходилось. Приходилось ведь?

— Да нет вроде.
— А вас обижали?
— Да еще сколько! Если начну рассказывать — до вечера не управлюсь.

Батюшка помолчал. Потом сказал твердо:

— Вот это и надо: всех своих обидчиков простить. И самой — тут уж вы сами знаете у кого — прощения попросить.

И вернулась она домой в полном смятении...

Надея уже накрыла на стол. Что-что, а встретить гостей она умела: вон и салаты всякие на столе, и картошка дымится, и курочка своя, не покупная синяя...

Зять разлил по рюмкам привезенное вино. Она пригубила со всеми, стала спрашивать про внуков. Даша на море укатила — от учебы отдохнуть, Виталик, молодой папаша, в командировке — с правнучкой сегодня жена занимается. Хотели и они поехать, да что-то девчонка засопливила...

Пелагея слушала, а из головы не выходило: «всех своих обидчиков простить»... Да как же можно простить человека, коли он виноват? Это какая-то несправедливость получается. Ту же Надею взять... Одно время стала замечать Пелагея, что сноха ведет себя как-то по-странному. То на концерт открыто собиралась, докладывалась — вернусь тогда-то, а тут... глаза прячет, щеки маковым цветом горят... Пошла она к Настасье Перепелихе, та всегда все про всех знает. Настасья ей как на духу: с Генкой Макеевым у нее шуры-муры. Генка ее к себе жить зовет.

Она не помнит, как и до дому добралась. Легла на постель прямо в одежде — не было сил раздеться. Какое там раздеться — вздохнуть не было сил, так ее придавило обидой. Взяли в дом, считай, голой, ничем ни разу не попрекнули (по крайней мере — вслух), ест-пьет с их стола... а она, как тот волк: сколько его ни корми — все в лес смотрит... И это она должна простить?!

Не сдержалась она в тот вечер, дождалась Надею с поля (тогда свеклу еще руками убирали) да и выдала ей по первое число. И та — хоть бы слово возразила (а чего тут возражать, коль виновата?), хоть бы слезинку пролила (знала, что не разжалобит ее!), молчала как пень, как камень. Но, видно, все-таки проняла она ее, усовестила, коль та же Настасья спустя время сказала: «Как бабка пошептала». — «Не пошептала... выражалась громко. И прямо в глаза».

Ишь, сидит, как не виноватая. Как равная им всем сидит...

— Мам, надо ехать. Аленка внучку рано приводит, чтобы на работу не опоздать.

— Ну, надо так надо...

Это уж ночью, когда сон про нее забыл, когда все глазыньки в потолок проглядела, пришла ей в голову мысль: внуки — хорошо, правнучка — замечательно... А она, мать? Она-то пока живая. А она, родная-то дочка, скинула ее на руки снохе. Лишний раз не позвонит, не приедет. А если она сляжет? Охота ей из чужих рук стакан воды принимать?

Тут же припомнились Настасьины слова:

— Да чего ты ее гносишь, сношеньку? Алешу уж не вернешь, а она молодая. Да и ребятишек жалко. Будто не знаешь, что у Генки двое малых после смерти жены осталось.

— А я с кем останусь?

— Да у тебя вроде дочь есть.

Да. Вроде есть. А вроде и нету...

Вот, батюшка, до чего ты довел: вместо того, чтобы успокоить, утешить старуху, разбередил всю душу. Сама себя наизнанку выворачиваю. Придется уж, видно, припомнить и тот разговор, который она старательно забывала, а он забываться не хотел. Так же вот приехали прошлый год дочь с зятем, и тоже лето стояло; отобедав Надеиными разносолами, зять ушел подремать под яблоню, а дочка с Надеей уселись в холодке на крылечке. Она хотела выйти, посидеть с ними, да остановилась за занавеской (занавеска, как и во всех сельских домах, висела в проеме открытой двери, чтобы свежий воздух в дом шел, а мухи не залетали). Остановил ее разговор.

— Надь, меня совесть мучит. Я — дочь, а живешь тут, заботишься о маме ты.

— Ну, что же делать, если у вас жилье в городе и вся жизнь в городе?

— Надо маму к себе взять.

— Это на ваши-то городские метры? Да и не поедет она от родных стен.

Помолчали. Потом дочка:

— Хочешь, я с ней поговорю? Про Гену.

Не сразу Надея ответила:

— Теперь уж чего... Теперь уж поздно. У него уж и детишки большие.

А я...

Надея опять замолчала. Пелагея дышать забыла — ждала, чего еще та скажет. Только одно слово еще и добавилось:

— А я... старая.

Всего одно словечко, а резануло — будто серпом...

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА, ЦАРИЦА КЛИЗМЫ

Когда от Гали ушел муж, она решила не впадать в тоску и панику. С ним, что ли, не тосковала, когда приходил домой пьяный в стельку и тут же заваливался спать? А паника ее, можно сказать, и не покидала: сохраняла душевное равновесие при такой жизни. Пришел пьяный — это еще хорошо, а бывает, пропадет на два-три дня, и она ходит, мучается — где он, что с ним...

На этот раз Жорик ушел, кажется, насовсем. Две недели — срок серьезный, а тут еще соседки подтвердили: видели его на другом конце города с женщиной. Одной и той же. Несколько раз...

Тут Галя и решила: хватит страданий! Надо начинать жить сначала. И по-другому.

Перво-наперво она, пенсионерка, решила устроиться на работу. Чтобы осуществить все задуманное до конца, ей требовались некоторые средства. Выручила соседка Лилечка, старшая медсестра больницы: «Санитаркой пойдешь?» — «Санитаркой?» — задумчиво переспросила Галя. «Ну не врачом же!» — чуть-чуть даже обиделась Лилечка. И Галя тут же бодро спросила, когда ей выходить на службу.

— Да хоть сегодня, — горестно вздохнула Лилечка. — Младшего медперсонала не хватает. Так же, как и среднего, между прочим.

— Нет, приду завтра, — огорчила ее Галя.

И, более не медля, отправилась в парикмахерскую. А здесь, опустившись в кресло, заявила:

— Стригите меня под Мирей Матье!

Парикмахерша, не ожидавшая от немолодой клиентки подобных запросов, опешила:

— Под Мирей Матье? Там изюминка, между прочим, в воздушности прически. У вас хотя бы фен есть?

— У меня есть бигуди, и они меня никогда не подводили, — веско произнесла Галя, поставив тем самым парикмахершу на место. И та взялась за дело...

Обновив прическу, Галя отправилась в магазин, в отдел бижутерии, и высмотрела там самые яркие, самые крупные серьги. Продавщица, как и парикмахерша, тоже начала было высказываться по поводу возраста («оно вам надо — до плеч будут висеть»...), но Галя и ее решительно пресекла:

— Что — только вам, молодым, хочется быть красивыми?

И любовно посмотрела на выбранные сережки: в середке — крупная капля вишневого цвета, вокруг нее стекляшки (да понимает она, что стекляшки!) поменьше, но ведь сверкают-то, как алмазы!

Завершить перемены во внешности она решила в парфюмерном отделе, и здесь ее немного качнуло: одобренные продавщицей духи стоили столько же, сколько стрижка, покраска волос и серьги вместе, и даже еще дороже, но покупательница нашла выход:

— А «Белая сирень» у вас есть? Были раньше такие хорошие духи.

— Хорошие? — усмехнулась продавщица. Но духи подала. И Галя тут же попросила выдать чек.

Когда на другой день она появилась в хирургическом отделении больницы, заведующий был несказанно удивлен: старшая медсестра говорила, что на работу выйдет скромная немолодая женщина, а тут...

— Клеопатра! — выдохнула, едва сдерживая смех, но и удивление тоже, случившаяся рядом молоденькая медсестра с красивым именем Нелля.

Клеопатры заведующего не интересовали; ему нужна была аккуратная, чистоплотная женщина, которая убирала бы палаты и коридоры отделения с тем же старанием, что и собственную квартиру. Но вскоре он должен был признать, что именно так новенькая санитарочка и убиралась. И большие серьги при этом ей совсем не мешали. Мало того, когда она появлялась в палатах при полном своем параде, больные невольно подтягивались, старались и сами пригладить смятые за ночь волосы, одергивали халаты, торопливо прибирались на тумбочках...

Со временем и медперсонал, и больные заметили у Гали-Клеопатры еще одно достоинство: никто не умел так хорошо ставить клизмы, как она. Особая морока была с мужиками: пока стоят в коридоре, дожидаясь своей очереди — смелы и насмешливы, а зайдут в Галин кабинет (так она сама его называла) — и впадают в столбняк и непреодолимую робость. Другие нянечки от этого начинали сердиться, иногда и грубить мужику, а Галя спокойненько, как малому дитяти, говорила:

— Ложитесь на левый бочок.

Тронутый такой заботой и лаской, мужичок покорно ложился. А Галя, не мешкая, тем же медовым голосом предлагала:

— А теперь только и остается — спустить штанишки.

Ну, и как тут было не выполнить просьбы — при таком-то обращении?

Самое же главное — довольны были хирурги: после Галиных проце-

дур в животах пациентов было чисто, будто они наводили там эту чистоту с помощью какого-нибудь фортранса. Словом, вскоре Галя стала считаться в клизменном деле лучшим специалистом, и сам заведующий, случалось, направлял к ней больного с просьбой подготовить к операции — срочно.

...Галя однажды не выдержала, подошла к пересмешнице Нелле и спросила: кто же она такая, эта Клеопатра.

— Да царица такая была, — на этот раз вполне серьезно разъяснила ей сестричка. — Причем — красавица из красавиц.

— А где же она правила?

— Да в Египте.

— То-то я думаю — зовут не по-нашему.

— Она была царица Египетская, а вы... — тут уж Нелля не выдержала, опять перешла на смешки, — а вы у нас царица клизмы!

Смех смехом, но к Галиному имени с той поры стали прибавлять отчество Петровна, а кто и прямо навеличивал ее Клеопатрой Петровной. Вроде с юмором, но скрывали за ним кто что: кто — уважение, а кто и зависть — ишь какая, все у нее не как у людей. Что серьги, что эти... клизмы.

Точку во всем этом разнообразии мнений поставила Лилечка:

— Все бы так работали — мы бы давно при коммунизме жили! Без всяких там перестроек.

Месяца через два-три встретила Галя в «Пятерочке» с неверным мужем. Жорик оторопело смотрел на нее, забыв о покупках. Потом решил сверить свои впечатления, причем не с кем-нибудь, а с самой Галей:

— Галь, это ты?

— А то, — подтвердила покинутая супруга.

Ответ Жорику показался неполным. Он спросил опять:

— А где же ты — такая — была раньше?

Галя-Клеопатра не замедлила с ответом:

— С тобой, дураком, теряла лучшие годы жизни.

И пошла себе дальше, оставив Жорика в тяжелых раздумьях...

И вот когда она прочно — так казалось ей — утвердилась в новой жизни, эта самая жизнь преподнесла ей новое испытание.

...Утром — Галя еще толком и не проснулась — раздался звонок в дверь. Она машинально набросила на себя халат, машинально открыла дверь. На лестничной площадке стояла блондинистая девица современных субтильных форм, а перед нею — глазастенькая девочка лет пяти-шести. Девица сказала странное:

— Сил моих больше нет. Теперь потетешкайтесь с девчонкой вы.

Галя по-прежнему молчала, не понимая: почему она должна тетешкаться с чужим ребенком? Блондинка не спешила что-нибудь разъяснять. Вытащив из сумки полиэтиленовый пакет, протянула его Гале:

— Это ее документы.

И только сейчас, глянув на остолбенело молчавшую хозяйку квартиры, добавила:

— Не сомневайтесь — это ваша внучка. Папаша ее, ваш сынок, совсем об этом забыл. А я вам забыть не дам. Гуд бай...

И исчезла. Как сон, как утренний туман, — всплыла в ошарашенной Галиной голове где-то слышанная фраза...

Перед тем, как взяться за швабру, Галя зашла в Лилечкин кабинет и по-соседски, чистосердечно все ей рассказала. Когда старшая медсестра была чем-то недовольна, а то и возмущена, она произносила известную всему среднему и тем более младшему медперсоналу отделения фразу: «Еще раз повторяю для непонятливых».

— Еще раз повторяю для непонятливых, — услышала Галина Петровна. — Ты, Галь, конечно, Клеопатра и царица клизмы, но теперь-то тебе предлагают быть еще и мамашей. Вспомни, сколько тебе лет! Ты потянешь?

— Не знаю, — честно сказала Галя.

— А я знаю! Нынче твоей глазастенькой шесть, а придет время — будет шестнадцать. Да что шестнадцать! Уже через год она начнет требовать у тебя айфон! Потому что они есть у всех ее ровесниц! А еще джинсы и кроссовки с иностранными этикетками — я через это уже прошла. Ты потянешь?

И опять честно Галя сказала:

— Не знаю.

— Так зачем же ты оставила девочку у себя? Почему не отвела в милицию или, как там она теперь называется... Есть и другие органы, которые должны заниматься брошенными детьми.

— Она... такая миленькая.

— Еще раз повторяю для непонятливых: это сейчас она такая. А завтра...

Покончив с полами, Галя закрылась в своем кабинете — на ключ, чтобы еще раз спокойно вспомнить сегодняшнее утро...

— Ты правда моя бабушка?

— Хм... Я бы, может, и не призналась, да глазенки-то у тебя — чисто папкины — большие и в длинных ресницах. Ты помнишь отца-то?

— Нет. Мама говорит: он ушел, когда я была совсем маленькой.

— Сначала от нас с отцом ушел, потом от вас ушел. Как тот колобок... А теперь и мама ушла. Как ты думаешь: проживем мы без них?

Она тут же пожалела о своем вопросе: нашла кого спрашивать! — как вдруг услышала неожиданно разумный ответ:

— Ты сейчас пойдешь на работу, бабушка, а меня отведешь в садик. Меня всегда кто-нибудь отводил, если мама утром проснуться не могла. А вечером заберешь. Меня всегда кто-нибудь...

В дверь постучали. Клеопатра Петровна открыла — это была опять Лилечка.

— Думаю: не ревет ли, сидит? Молодец, что не ревешь.

Старшая медсестра привычно оглядела Галин кабинет: все, все здесь было в полном порядке, все сияло чистотой, и потому без опасений можно было присесть на главный объект Галиного кабинета — краешек кушетки; хозяйка же кабинета, не чинясь, сидела на крышке унитаза — нет, не плача и не рыдая, но очень невесело опустив голову со стрижкой под Мирей Матье.

— Вот думаю: чего они у тебя такие? — начала Лилечка, со строгой начальнической ноты перейдя на душевную, соседскую. — Ладно, Витька — молодая дурь покоя не дает. Но этот-то старый хрыч... Ему чего не хватало?

— Говорил: скучная ты женщина, Галюха. Не умеешь понять радости жизни.

— Ага. А он понимает. Видела его как-то с новой страстью: оба идут поддатые, только что песни не поют...

В дверь опять постучали, а следом в проеме показалась белокурая головка Нелли:

— Лилия Андреевна, Лена звонила, у нее ребенок заболел. Кто будет перевязку делать?

Вот и поговори по-соседски...

— Да кто — я и буду.

И уже по-командирски:

— Галина Петровна, а ты давай в пятую, там тяжелую привезли, помоги определиться...

Закрывая свой кабинет, его хозяйка поймала себя на неожиданной мысли: а признайся-ка ты себе, Галина Петровна, не потому ли ты и кинулась наводить красоту, что внутри себя была согласна с мужем: скучная она, скучная. Одна работа всегда была на уме, и совершенно было наплевать, как она выглядит. И вон как резко ее качнуло: стригите меня под Мирей Матье, дайте мне серьги до плеч... Потрогала свои стекляшки: снять? Выбросить, спустить в этот вот унитаз?

Господи... о чем она думает, если сегодня... вечером... хорошо, что макароны остались...

Разогрели макароны, посыпали тертым сыром. А еще на столе были апельсины и мармелад — Галина Петровна успела забежать в магазин. Детям нужны витамины и сладости...

— Ешь, Лизавета, ешь.

— И уговаривать не надо. У меня макароны — любимая еда.

— Да ты что? Вот хорошо-то. Наварил кастрюлю, и грей — то с сыром, то с творогом. А то, глядишь, и мясом разживемся. Мясо-то любишь?

— Котлетки. Туда накрутить хлебца побольше да картошечки — и котлеток мно-о-го будет.

Галина Петровна застыла с вилкой в руках. Вдохнула:

— Умница ты моя, разумница. Где только таких деток берут.

— У мамы с папой... А тебя как зовут, бабушка?

— О, у меня много имен. Основное — Галя, Галина Петровна. Запасное — Клеопатра. Клеопатра — это царица такая была.

— Ты тоже на царицу похожа.

— Чем же, интересно?

— А сережки — как у царицы.

— Да я их выбрасывать собралась.

— Не надо, бабушка, не надо!

— А что же надо?

Внучка посмотрела на нее Витькиными глазами и выпалила:

— Надо быть красивой — вот!

И опять Галя застыла над тарелкой. Да что же это за ребенок такой?! Лилечка — серьезная женщина, плохого совета не даст. И если слушать ее — не надо ей пускать эту девочку в свое сердце, ему и так есть от чего болеть. А если слушать внучку...

— Бабушка, а Новый год скоро?

— Ну, не так чтобы скоро, но через месяцик...

— А мы с тобой елку наряжать будем?

— Гм... Наверно... у нас еще есть время на раздумье.

Тут положила вилку и Лизавета. Положила, устремила глаза в потолок и проговорила:

— А я раздумываю уже сейчас. Нарядим мы с тобой елку, нажарим котлет с макаронами, сядем за стол. И тут — звонок. Кто там? А там — мама с папой пришли! И еще бабушка с ними! У нас ведь есть еще и бабушка?

Слезы уже бежали по Галиному лицу, но она их не вытирала: чего уж там было таиться, от кого?!

— Мое ты дитя... Никому тебя не отдам. Никому!

ЧАСИКИ

...Когда-нибудь ты будешь большой и совсем другой. Не веришь? Я тоже когда-то не верила. И думала так: буду всегда такая, как сейчас. Как в детстве. Нет, внешне я, конечно, стану меняться, а как же иначе, но вот внутренне... Меняться внутри себя я совсем-совсем не собираюсь. Вот сейчас, невзрослая, я прекрасно знаю, что такое хорошо и что такое плохо. Знаю, как надо — правильно! — поступать в той или иной ситуации. И буду знать это всегда! И без колебаний все и всегда делать хорошо! Но... пришло время, когда я с удивлением заметила, что границы между «хорошо» и «плохо» размылись, а то и вовсе превратились в свою противоположность. Получалось, что я... изменилась? Изменилась — должна была констатировать факт. Изменилась настолько, что порой вынуждена спрашивать себя: та наивная, доверчивая, все наперед знающая девочка — это была я?!

Так же будет и с тобой. Потому что так бывает со всеми. И все-таки, думаю, не все исчезает бесследно, что-то из наивного, доверчивого, все наперед знающего детства человеку удастся в себе сохранить. Можно, я помогу тебе ПОМНИТЬ?..

— Бабушка, я хотел бы быть вечным ребенком.

Это что-то новое. До сих пор я слышала фразы: «Вот когда я был маленьким...» — «А сейчас ты большой?» — «Конечно». Это звучало и в пять, и в шесть лет. И вот тебе семь, и... что я слышу?

— Но зачем? — донельзя удивленная, спрашиваю я.

— Чтобы всегда играть с Соней.

Ох уж эта Соня... Ты, житель шумного, богатого на всяческого рода фейерверки и развлечения мегаполиса, приезжаешь в гости к нам, в маленький провинциальный город, и первая твоя фраза: «Если бы ты знала, как я соскучился по Соне!»

Любовь в такие годы, пишут психологи, явление не такое уж редкое. Я наблюдаю твою любовь. Пять, шесть, семь... сейчас тебе уже девять лет, закончены два класса. Ты уже умеешь читать и писать и — дитя 21-го века — не любишь ни того, ни другого. Компьютер, айфон — твои любимые игрушки, твое любимое занятие и времяпрепровождение. Про школу ты уже успел сочинить крамольные стихи:

По камешку, по камешку
Мы школу разберем...

А я школу в свое время любила. Но... тогда ведь и школа была другая. Учебные программы не перегружали наши умы и позволяли самостоятельно и неспешно видеть, обдумывать, постигать окружающий мир. Теперь, в вашей школе, есть даже такой предмет: окружающий мир, а мы

этот мир изучали без всяких программ. Может быть, это было не совсем полноценное постижение (что-то мы, руководимые не научными разработками, а только собственным внутренним чутьем, упускали), но зато уж что постигали — то было наше. Нашими были зима с санками и ныряниями в сугробы, лето с речкой, точнее, с озером, но мы всегда говорили: пошли на речку! У берега — тина едва не до колен, но потом дно все ровнее, все тверже, и вот ты уже отталкиваешься от него ногами и плывешь, плывешь... вода — счастье, воздух — счастье, синее просторное небо — тоже счастье! А весна — это уже всем счастьям счастье! Весной, самой-самой ранней, мы шли в овраг. Он был далеко за селом, но мы все равно шли, нас тянуло в него неудержимо, потому что именно там, в овраге, на солнечной его стороне появлялись весной первые проталины, на которых земля освобождалась от уже надоевшего снега и прогревалась настолько, что тут можно было уже и сесть, и лечь, не опасаясь простуды. Про простуду мы, конечно, не думали, а просто хотели скорее, как можно скорее соединиться с теплой землей, от которой шли запахи недавнего снега и прорастающей травы, и это сочетание (вон он, снег — на дне оврага еще целехонек, а здесь, на солнцепеке, уже проклюнулась травка), это сочетание было таким радостным и бодрящим! Мы брали с собой еду — посыпанный солью хлеб и лук. Ах, какой вкусной была эта нехитрая еда! И как хорошо нам тогда говорилось, молчалось, мечталось...

Ты тоже любишь овраги! И не только летние, но и зимние!

Разве забыть мне тот случай? Сколько тебе было? Наверное, шесть — в школу ты еще не ходил. Но, может быть, все значительное, и даже, может быть, самое главное происходит с нами как раз до школы. До обеда вы играли дома, а потом резко засобирались на улицу. Ты, Соня, Юля. Соня и Юля были соперницами, соперничая, конечно же, из-за тебя. «Если ты пойдешь к Соне — я не буду с тобой дружить...» Но зима, желание покататься на ледянках вас объединило. «Бабушка, я игрушки потом уберу!» Конечно, потом. Мне ужасно хочется остаться, наконец, одной, спокойно почитать, спокойно приготовить ужин. Но вот проходит час, другой... Дело идет к вечеру. Начинаю волноваться. Пожалуй, пора отправляться на поиски. Иду сначала в «свой», ближний овраг. Никого! Иду в другой, чуть дальше. И здесь никого! А уже темнеет, и мороз нехилый — за двадцать. Наступает момент, когда мной овладевает паника, страх. «Давай на машине, по всем ближним улицам проедемся», — говорю деду. Но и на заснеженных, морозных улицах — нигде, никого... Боже, что делать?!

И вот когда мое отчаяние достигает пика, вижу: по улице плетутся, донельзя усталые, два маленьких человечка — ты и Юля (Соня, значит, уже дома, а Юля живет в нашем конце). Слава Богу, нашлись! Трогаю твои руки — они в обледенелых варежках. Трогаю ноги — они в обледенелых штанишках. Скорее, скорей домой! Скорее — ноги в таз, в воду погорячее! Делаю все, что нужно, и причитаю: «Ну как ты не понимаешь — я уже с ума схожу! Пропали, нигде нет...» — «Мы, бабушка, в дальний овраг ходили». — «Ну, зачем в дальний, если и в своем можно хорошо покататься? Посмотри, какие ноги холодные, не дай Бог, заболеешь...» Причитаю и думаю: вот ведь ничего, ничего не чувствует и не понимает... что ему бабушкины переживания...И вдруг:

— Бедная бабушка... Ты не убирай игрушки, я сам уберу. Завтра. Как поем блинов...

Мог ли ты сказать что-то еще более обезоруживающее, чем это? Мог.

Но сказал именно так. Ах, если бы ты сохранил эту способность — сопереживать, жалеть — на всю жизнь. Сохрани, пожалуйста! Знаешь, зачем? Чтобы всякое сердце отзывалось тебе тем же...

А что было наутро! Про игрушки — кто из нас их убирал, я уже не помню. Но другое!..

— Бабушка, а ведь я вчера поссорился с Соней.

— Как?!

— У нее мама строгая. Соня покаталась в овраге и сказала: все, надо идти домой. А Юле разрешают гулять, сколько она хочет. И мне тоже так хотелось еще покататься с горки! И я сказал Соне: ну и иди. Трусиха. И Соня тогда сказала: ты мне больше не друг.

— Ну, милый мой, как же ты мог... Надо было как-то мягче сказать. А то — «трусиха». Может, она ушла не потому, что боится мамы. Просто не захотела ее расстраивать. Тебе так не кажется?

Молчит. Думает. Мы сидим за столом на кухне, пишем буквы (ты уже до школы умел читать и писать). Чувствую, что на душе у тебя беспокойно. И вот:

— Бабушка, я напишу Соне записку.

— А может, проще позвонить?

— Нет, я сначала напишу. А позвоним потом.

Звоним после обеда:

— Сонь, тут вот хотят с тобой поговорить. Я передаю трубку...

Ты берешь открытку и читаешь:

— Со-ня, про-сти ме-ня.

Я удивляюсь шепотом:

— Читать-то зачем? Ты скажи словами.

И тогда тем своим ласковым, душевным голосом (как вчера — «бедная бабушка...»), ты говоришь:

— Соня, я был не прав. Я тебя люблю!

Я оцепенело сижу на диване, сраженная твоей искренностью. Господи, помогай этому ребенку всегда, во всякой ситуации, и сейчас, и потом...

Блины же — твоя любимая еда. Жарь хоть каждый день. Что я с радостью и делаю: не ломаю голову, что на завтрак — блины! И — поприжаристей. Или бутерброды. Кашу — ни в коем случае! В садике надоела.

Дети помирились, снова играют вместе. Соня на год старше моего внука, но ей с ним интересно. Мне и самой интересно с ним. Словарный запас внука впечатляет, познания в самых разных, порой неожиданных областях — тоже; он знает, например, кто такой был Никола Тесла и в чем заключалась его научная и практическая деятельность; однажды я стала рассказывать ему о фашизме и концлагерях, он перебил меня вопросом: «Ты какую войну имеешь в виду — первую или вторую мировую?» Про физическое устройство мира — всякие там молекулы, атомы, электроны и протоны — элементарно может прочитать минилекцию. Про бабочек и жуков — тоже. Боже, сколько их было переловлено и посажено в то дошкольное лето в стеклянные банки — для наблюдений! А сколько времени мы провели у муравьиных куч, наблюдая жизнь неутомимых насекомых. Ты меня просвещал: «Тебе известно, что они обладают коллективным разумом? У каждого человека разум свой, а у них один на всех». — «Да откуда ты это знаешь?» — «Странно, что это не знаешь ты»... А еще у вас с Соней был период увлечения составлением различных смесей («нам нужно растительное масло, уксус, крахмал. А если крахмал просто в воду — смотри, какой

твердый он становится»...) Словом, быть интересным для девочки на год старше внуку не составляло труда. Но вот в чем заключался осложняющий жизнь момент: Соня — красавица. Большие глаза, пухленькие и румяные, как у девочек на дореволюционных открытках, щечки, аккуратный носик, а самое главное — вся она излучает какие-то фантастические, притягивающие к себе лучи. Несмотря на свой юный возраст, она, видимо, это знает, и, можно не сомневаться, получает знаки внимания не только от моего внука, потому что однажды вдруг заявляет:

— Как вы мне все надоели! Завтра я начинаю новую жизнь. Заведу жизненный дневник. И мы больше не будем с тобой встречаться. Ну, примерно лет двадцать.

Соня, конечно, чистейшей прелести чистейший образец, но... это не дает ей права обижать моего внука! А ты пришел домой вконец расстроенный:

— Бабушка, и что мне теперь делать?

Я не нахожу ничего лучшего, как призвать на помощь классика. Поучительным тоном цитирую его знаменитые строки: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей...» Понимаю, как смешно преподносить их в качестве рецепта от любви маленькому мальчику, и, вконец запутавшись, выхожу из положения так:

— В общем, тебе просто-напросто не надо излишне волноваться и переживать. Надо выдержать характер. Увидишь — завтра, а вовсе не через двадцать лет, вы опять будете вместе.

— Ты в этом уверена?

— Давайждемся завтра.

На другой день Соня — красота все-таки не затмевает в ней разума и чувства дружбы — пришла к нам сама: «Ну, во что будем сегодня играть?..»

— Бабушка, я сейчас что-то тебе скажу... Только ты никому не говори, даже дедушке. Когда мама плачет, я плачу вместе с ней. Так все дети поступают?

Почему я все-таки решаюсь открыть эту твою великую тайну? Потому что это признание надо подарить человечеству. Давай подарим? Давай напомним ему, что вовсе не доллары — главная ценность мира, что вовсе не ими надо дорожить больше всего на свете...

А этот наш диалог...

На моей прикроватной тумбочке ты увидел маленькую, красиво изданную книжку — почти игрушку. И, может быть, как раз поэтому проявил к ней интерес.

— Бабушка, это что за книжечка такая?

— Высказывания оптинских старцев.

— Ну, прочитай что-нибудь.

Открываю страничку наугад. «Не осуждайте никого, всех прощайте, считайте себя худшими всех на свете и спасены будете».

Ожидала всего, но только не этого:

— Я таким себя и считаю. Я некрасивый и хуже всех.

Придя в себя от замешательства, бросаюсь тебе на помощь:

— Это ты некрасивый? Ты очень красивый! И... почему это хуже всех?

— Со мной всегда что-нибудь происходит... что-нибудь непонятное...

Ну, да, происходит. Это со всеми происходит. Но по твоему тону чувствуется, что ты имеешь в виду событие не совсем красивое. И тебе хочется облегчить душу.

— Хочешь — Расскажи.

...Однажды твоя вторая бабушка пришла за тобой, чтобы забрать домой из садика, и нашла тебя стоящим в углу. Воспитатели с жаром принялись рассказывать: увидел подбитую птицу, да как пнет ее ногой... и раз, и два... и наблюдает, как она поведет себя... разве так можно?.. Конечно, нельзя. И бабушка справедливо тут же учинила суд и расправу: хорошенько отчитала, а чтобы урок усвоился еще лучше — нахлестала по щекам.

Детская жестокость — вещь существующая и специалистами по детской психологии доказанная. Я не думала, что мой внук окажется еще одним примером в этой цепочке доказательств, но... что произошло, то произошло. Не берусь судить судей моего внука, а вот сказать слово в твою защиту хочу. Так раскаться, как это сделал ты — не всякий взрослый (чтобы не сказать — редкий взрослый) сумеет сделать. Это говорит о не соответствующей возрасту зрелости твоей души. Твое раскаяние перевесило твою вину.

Как хорошо, что нам попались на глаза высказывания оптинских старцев...

...И вот тебе уже девять, и тебе совсем неинтересно гулять с бабушкой. С кем интересно? Конечно же, с Соней! И вдвоем вам совсем не скучно: вы уже не ловите бабочек и жуков и не составляете адских смесей, зато лихо катаетесь на велосипедах, снимаете фильмы-ужастики (сами операторы, сами режиссеры, сами авторы текстов), сами... о, сколько всего, самого разного, происходит в течение дня! Меня радует, что, несмотря на обилие увлечений и занятий, вы пока еще помните, что на свете есть бабушки, которые вас любят. Вы приносите им с прогулки букетики цветов: Соня — своей, ты — мне.

Разбираю один из них: душица, зверобой — это для чая. Ромашка — поставим-ка ее в стакан с водой. А вот — часики...

— Эти розовенькие цветы — часики. Как же я их люблю!

— А почему они так называются?

— Не знаю. Конечно, у них наверняка есть какое-нибудь официальное название, но мы в детстве называли их часиками. Смотри: маленькие, кругленькие, и лепестки — как стрелки у часов — расходятся в разные стороны.

— Так это почти у всех цветов так. Почему эти любимые?

— Не знаю... Может, потому, что детство напоминают. Да и вообще... они такие милые, трогательные.

Вдруг в голову приходит такой аргумент:

— Девочек на свете тоже ведь много. И все друг на друга чем-то похожи. Но Соня для тебя — лучше всех. Как ты думаешь, почему?

Молчишь. Потом — задумчиво:

— Я тоже не знаю.

Теперь мы молчим вдвоем. И думаем — верю я — о чем-то важном, постигая, может быть, одну из главных тайн мироздания. Это непременно забудется (забываются даже главные тайны; жизнь идет дальше, и столько всего преподносит для осмысления и запоминания). Как же сделать, чтобы потом все вспомнилось — в самый нужный момент?

Стоп! Придумала. Тебе всего-то и надо будет найти этот цветок — часики. Ты посмотришь на их лепестки-стрелочки — и в твоей памяти сразу вспыхнет все, что так опрометчиво, так ненужно забылось. Всплывет, и поможет ответить на какой-то очень важный на новом этапе жизни вопрос.

Не забудь только одно: эти цветы называются — часики...

Владимир Иванович Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Окончил Киевский политехнический и Норильский индустриальный институты, Литературный институт им. А.М. Горького. Автор шестнадцати книг стихотворений. Главный редактор журнала «Всерусский сборъ». Лауреат Международной премии «Поэзия», премий имени Н. Гумилева, А. Прокофьева, обладатель «Золотого пера Москвы». Член Союза писателей России. Живет в г. Всеволожске Ленинградской области.

Владимир Шемшученко

ЗЕМЛЯ ВОЛНУЕТСЯ И ДЫШИТ

* * *

Пером и кистью по зиме
Поземка пишет акварели.
Дрожат ресницы старой ели
И серебрятся в полутьме.

С зеленоглазою луной
Играет старый кот в гляделки.
Вживаюсь в роль ночной сиделки,
Поскольку сам себе — больной.

Пузатый чайник на плите
Пыхтит, вздыхает и бормочет,
Как будто мне напомнить хочет
О законной красоте.

Звездам нет счета, бездне — дна.
От белой зависти немею,
И все же выдохнуть посмею:
Россия — это тишина.

* * *

Апрельское утро грачами озвучено.
Уходит в подлесок туман не спеша.
Еще две недели — и скрипнет уключина,
И лодка пригладит вихры камыша.

Еще две недели — и синяя Ладога
Натешится вволю, подмывая берега,

И в небе проклюнется первая радуга,
И рыба пойдет нереститься в луга.

И ветер с Невы — как глоток VanaTallina! —
Гортань обожжет... А пока среди льдин,
Как спящая женщина, дышит проталина
С лиловым цветком на высокой груди.

* * *

Украинская ночь домашним пахнет хлебом.
Здесь время не идет, а тянется, как мед.
На капли молока, пролитые на небо,
Во все глаза глядит ленивый старый кот.

Его пра-пра-пра — пра... мурлыкал фараонам,
Он по-кошачьи мудр, он доктор всех наук.
По одному ему лишь ведомым законам
Он выскользнуть сумел из цепких детских рук.

Он знает, почему туман сползает с кручи,
И то, о чем поют метелки тростника.
А я у костерка под ивой неплакучей
Никак не разберусь — зачем течет река?

Динь-динь, динь-динь, динь-динь — проснулся сторожок!
(Должно быть, крупный лец польстился на наживку...)
Удилище — в дугу! Он сам себя подсек!
Я вывожу его... как кралю, на тропинку.

И вот он — золотой! Наверно, в два кило!
Танцует на песке последний в жизни танец...
Украинская ночь вздыхает тяжело,
И на ее щеках — предугранный румянец.

Лизнула сапоги неспешная волна,
И лец — пошел, пошел, качаясь с бока на бок...
Иди — мне жизнь твоя сегодня не нужна.
И сладок этот миг, и ветер теплый — сладок.

* * *

Светилась яблоня в саду
За три минуты до рассвета.
В тени ракиит купало лето
Кувшинки желтые в пруду.

Играла рыба в глубине
На перламутровой свирели,
И камыши чуть слышно пели,
И подпевать хотелось мне.

Звенел комарик у виска
О чем-то бесконечно важном...
И это было не однажды,
И те же плыли облака...

Упало яблоко — пора —
И ветка, охнув, распрямилась...
И, торжествуя, жизнь продлилась
За три минуты до утра.

ПОЭЗИЯ

От сердца к сердцу, от любви к любви,
До самых-самых незащитных — нас!
Сквозь жизнь и смерть, сквозь властный голос крови,
В урочный или неурочный час,
Листвой опавшей, первою травой —
Нас властно отделяя от других,
Доходит и хватает за живое...
И сторонятся мертвые живых!

* * *

Когда лязгнет металл о металл и вселенная вскрикнет от боли,
Когда в трещинах черных такыров, словно кровь, запечется вода, —
Берега прибалхашских озер заискрятся кристаллами соли
И затмит ослабевшее солнце ледяная дневная звезда.

И послышится топот коней, и запахнет овчиной прогорклой,
И гортанная речь заклокочет, и в степи разгорятся костры, —
И проснешься в холодном поту на кушетке под книжной полкой,
И поймешь, что твои сновиденья осязаемы и остры.

О, как прав был строптивый поэт — Кузнецов Юрий, свет, Поликарпыч,
Говоря мне: «На памяти пишешь...» (или был он с похмелья неправ?)
Хоть до крови губу закуси — никуда от себя не ускачешь,
Если разум твой крепко настоян на взыскующей памяти трав.

От ковыльных кипчакских степей до Последнего самого моря,
От резных минаретов Хорезма до Великой китайской стены —
Доскачи, дошагай, доползи, растворяясь в бескрайнем просторе,
И опять выходи на дорогу под присмотром подружки луны.

Вспомни горечь полыни во рту и дурманящий запах ямшана,
И вдохни полной грудью щемящий синеватый дымок кизяка,
И сорви незащитный тюльпан, что раскрылся, как свежая рана,
На вселенском пути каравана, увозящего вдаль облака...

* * *

Черемуховый обморок. Безумье соловья.
Подслеповатый дождь, крадущийся по крыше...
Скучают во дворе веревки для белья,
И, кажется, земля волнуется и дышит.

На цыпочках рассвет по лужам пробежал
И в спешке обронил роскошный куст сирени...
Он долго на ветру качался и дрожал,
Роняя на траву причудливые тени.

Откуда ни возьмись нагрянули скворцы,
Снуют туда-сюда... И важные такие...
И тотчас воробьи — на что уж храбрецы! —
Расстроили свои порядки боевые.

И, кажется, что зла на свете вовсе нет,
Зато добра вокруг — невыпитое море:
И от костра дымок, и яблоневый цвет,
И соло василька в большом цветочном хоре!

* * *

Наливаются яблоки, ветви пригнув до земли.
После долгих дождей в полный рост поднимаются травы.
Дядька в Киеве верит, что воду в Днепре москали
Отравили не корысти ради, а ради забавы.

Украинская полночь для дядьки — тиха и темна —
Лучше времени нет перепрыгивать польское сало...
А ко мне в полнолунье приходит Олесь Бузина,
И вселенской тоской от Обводного тянет канала.

Он садится за стол и усмешкой коверкает рот
И с пустого листа откровенья наотмашь читает...
Дядька в Киеве верит, тоску буряковую пьет
И из сердца (меня!) пятерней на паркет выжимает...

* * *

Ты жил в тепле с красивою женой.
Я выживал наперекор судьбе.
Ты много лет смеялся надо мной.
А я был рад, что весело тебе.

Ты разучился отдавать долги.
Я научился терпеливо ждать.
Ты бросил дом, когда пришли враги.
А я тебе отдал свою кровать.

Ты ненавистью метишь путь земной.
Я все тебе простил, и мне легко.
Ты зря топор заносишь надо мной —
Я тень твоя, а солнце высоко...

* * *

На озерах ноябрь вяжет цепкие белые сети
На пугливых подранков и поздно окрепших птенцов.
Донага раздевает ольху разгулявшийся ветер,
А она лишь дрожит, закрывая рукам лицо.

Надеваю пальто, не надеясь нисколько согреться, —
Темно-синяя грусть затопила с утра целый свет —
Перелетные птицы смогли на нее опереться...
Я за ними хотел... Оглянулся, а крыльев-то нет.

Эко я воспарил, что совсем не заметил пропажи,
Возомнил о себе, а цена-то гордыне — пятак,
Навязал узелков, да таких, что никто не развяжет.
А ведь мне говорили... Но я не поверил, дурак!

* * *

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега,
И вольная мысль хороша.

Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны.
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

* * *

Дождь походкой гуляки прошелся по облаку,
А потом снизошел до игры на губе.
Он сейчас поцелует не город, а родинку,
На капризно приподнятой Невской губе.

И зачем я лукавую женщину-осень,
С разметавшейся гривой роскошных волос,
Ради музыки этой безжалостно бросил,
Чтоб какой-то дурак подобрал и унес?

Я по лужам иду, как нелепая птица,
Завернувшись в издавшее виды пальто.
Этот сон наяву будет длиться и длиться...
Из поэзии в жизнь не вернется никто!

Борис Владимирович Подгайный родился в 1964 году в поселке Воля Новоусманского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Журналист. Главный редактор газеты «Воронежский курьер». Публиковался в сборниках «Земная колыбель», «Есть город в России...», альманахе «Ямская слобода», в журнале «Подъём». Автор книг прозы «Двенадцать историй», «Хроники нашего города». Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Борис Подгайный

КНИГОЛЮБЫ

Повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТОМ, КАК ПАВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ И ПЕТЯ СОШЛИСЬ

Павел Евгеньевич в «Светлячок» заходил нечасто, и, уж конечно, не считался здесь своим. Но был уважаем и даже популярен, как чудак интеллигентного вида с аккуратно подстриженными седыми усиками, при больших очках в коричневой роговой оправе с выпуклыми дальнозоркими стеклами, при сутулых застенчивых плечах и словно приседающей, словно кланяющейся походке. И на улице, и в помещении он передвигался так, как будто не просто шел, а все время обходил невидимые препятствия или уступал кому-то дорогу. Говорил он тихо, медленно подбирая слова, вздыхал и покряхтывал чуть ли не после каждого слова, будто стеснялся или извинялся.

Брал он обычно рюмку кизила или вишни на коньяке, долго стоял с ней у подоконника, повторял редко. И такой напиток, и такая доза считались в «Светлячке» чудачеством. Там ни кизила с вишней, ни тем более коньяка и в помине — сплошная химия, куча сахара и градусов кот наплакал. А он стоит, сутулится, потягивает

свои крашенные пятьдесят, поблескивает виноватыми линзами. Старичок-чудачок, вполне безобидный.

Были у Павла Евгеньевича и другие чудачества. И самой поздней осенью, и даже зимой мог он прийти в «Светлячок» в одном пиджачке серой мышинной расцветки, да в черной, под кожу, потрескавшейся кепке, прикрывавшей залысины. Дождь на улице, ветер, град — воротничок на пиджачишке поднимет, кепчонку на очки, улыбнулся и пошел. Лишь в самые сильные морозы появлялась на нем комбинированная кургузая, полы пиджака торчат, курточка, совсем не зимняя. Да та же кепка. Впрочем, сильные морозы в наших широтах нынче непродолжительны. Или пока непродолжительны — тут среди научных кругов еще нет определенности.

«Чтой-то, Павел Евгеньевич, — скажут ему, — здоровье не дорого? Слякоть какая, стужа на дворе, а вы налегке? Не мальчик ведь». — «Не мальчик, — вздохнет застенчиво, — но мне не холодно». — «Как так? Вроде бы и не сильно согреваетесь». — «А греться вот тут, — постучит себе над очками, — надо. Тут вся необходимая организму энергия».

Фраза, конечно, железная. Хотя, как мудро расценили в «Светлячке», будь у старичка иные материальные обстоятельства, заходил бы он сюда в шубе из песка и бобровой ушанке, не ощущая никаких ущемлений организму и генерирующей тепловую энергию башке. А у пенсионера какие возможности? Впрочем, знали в «Светлячке», работал в свое время старичок на оборонном предприятии, и в немаленькой должности, так что пенсия должна быть отнюдь не ниже рядовой. К тому же и на пенсии подрабатывал, в охране того же предприятия. Так что мог бы себе и кепчонку поменять, и пальтишко приобрести, с подкладочкой.

Но была у Павла Евгеньевича жена, не первая, видимо. Моложе его лет на пятнадцать, а то и двадцать. «Сквалыга, — дружно решили в «Светлячке», — жадюга кровососная, в черном теле держит бедолагу». Это, понятно, не при Павле Евгеньевиче обсуждали, попозже, когда уйдет.

С женой-то все ясно, но, объективности ради надо признать, что водились в энергичной башке старичка и совсем не безобидные, в материальном плане, чудеса. Поскольку был он библиофилом и пушкинистом. Собирал чуть ли не всю свою сознательную жизнь самые разнообразные книги (а это и раньше, и теперь — недешево). Особенно книги про Александра Сергеевича и редкие издания его поэтического наследия. Выписывал какие-то каталоги, общался с такими же, как он, поклонниками творчества, обменивался, покупал, перекупал... Вот на это свое чудо-хобби всю мошну и ухнул. Ходит теперь в пиджачке, генерирует.

На почве книг Петя Щелкунов с Павлом Евгеньевичем и сошелся.

Петька ночным сторожем подрабатывает в мини-типографии. Там оборудование солидное. Сигнализация есть, конечно, но, тем не менее, надо, чтобы и живая душа по ночам присутствовала, на всякий пожарный. Вообще-то, он, Щелчок, в киоске компакт-диски и компьютерные игры продает. Вымирающая, чего там, профессия, покупателей все меньше, сейчас все через одно место — через интернет. И платят копейки. В типографии сторожем — тоже не разгуляешься. Но вместе — то и то — на жизнь хватает. А компьютеры в типографии все запароленные, не зависнешь. И телевизора нет. Тупо спать всю смену — так это двенадцать часов. Бухать напролет — все мозги пропьешь, да и сдаваться утром хозяевам надо без перегара. Вот он к художественной литературе и пристрастился.

Как именно они познакомились, сейчас уже и не припомнишь. Как знакомятся в «Светлячке»? Зашли в одно время, обменялись взглядами, потом парой фраз о том, что творится на улице и в стране. В следующий раз — уже вежливый кивок, еще пара фраз — и добрые знакомые. Ни к чему существенному не обязывает, но улыбнуться при встрече, словечком переброситься воспитанные люди должны. Этикет есть этикет, оно и не трудно, и самому приятно.

Впрочем, с другими завсегдатаями Павел Евгеньевич в разговоры почти не вступал. А вот Петьку почему-то выделил.

Пушкин, опять же, свою роль сыграл. То ли дата какая-то назревала, то ли просто к слову пришлось, но Петька говорит:

— А у нас в драмкружке гимнастика дыхательная была. Надо полную грудь воздуха набрать и на выдохе, без пауз, чтоб не вдохнуть ненароком, тянуть слитно — из Пушкина, «Буря мглою». Очень здорово легкие развивает и громкость голоса. Чтоб со сцены тебя слышно было. Говоришь вроде как обычно, а слышать тебя и в самом последнем ряду, хоть на триста мест зал, хоть на три тысячи.

Ему, конечно, — иронически:

— Где это ты в зале на три тысячи мест выступал?

— На три, не на три, — говорит Щелчок скромно, но веско, — а на восемьсот приходилось. И слышали. Потому что я на Пушкине упражнялся. Там произведение с подвывертом. Вроде всего шесть строф — четверостиший. Но в конце два предыдущих повторяются. Итого восемь.

— И ты все восемь тянул? — подначивают.

— Восемь, врать не буду, не тянул, — говорит Петька. — Все восемь — только оперным голосам под силу, у них дыхалка покруче. Драматическому шести строф достаточно, уже зал твой.

— Ну а ты-то, ты-то сколько?

— У нас редко кто до третьей дотягивал, на второй выдыхались. А я...

Щелкунов выпятил грудную клетку, шумно втянул воздух и, сделал свирепое лицо, затанул гортанно, как бурятские шаманы:

— Бурямглоюнебокرواتвихриснежныекрутятотакзверьоназавоеетто...

До пятой строфы дотянул, стервец, до «выпьемсгоря». Присутствующие смотрели с уважением. Петька, весь малиновый, но довольный, отдышался, пот смахнул, оглядел всех.

— Уф, — говорит, — давно не тренировался, а ведь без малого семь выдавал. Но на четыре спорить можно железно. Так что, — подмигнул, — слово прозвучало — «выпьем»! А горевать не будем!

За такое дело, конечно, все с радостью. Даже Павел Евгеньевич по второй свои крашенные пятьдесят заказал. Вот с той поры у них и пошло сближение. Видимо, это «Бурямглою» провыл Петя близко к авторскому тексту, что не могло не вызвать симпатию в трепетной душе пушкиниста. Вышли они из «Светлячка» вдвоем. Петька тыкал указательным в лацкан пиджачка Павла Евгеньевича и твердил не завывая уже, а с щемящим драматическим чувством:

— Спой мне песню, как синица ти-ихо за морем жила...

— Спой мне песню, — отбивал поклоны пушкинист, — как девица... ох... за водой поутру... ох...

А потом стал Павел Евгеньевич Пете книжки таскать. А чего не таскать, библиотека-то немереная, накопил за всю жизнь, и куда их теперь? Некоторые просто дарил, те, что поплоче, видимо. А некоторые и продавал. Книжки-то старые, потрепанные, не особо, надо полагать, цен-

ные — советских годов. Таких на развалах уличных пруд пруди — оптом. Но Петя брал. Не все, но некоторые. От четырехтомника Байрона отказался:

— Поэзию, — говорит, — в оригинале надо читать, тогда постигаешь... А у меня английский — на уровне общеобразовательной. То есть, не дано.

Впрочем, шесть томов Блока тоже брать не стал. Зато приобрел сборник «Советская юмористическая повесть 20-х годов», Марка Твена, О. Генри, Булгакова. Хемингуэя — в четырех томах. Продавал-то старичок за символические цены, ему, пожалуй, на развалах больше бы дали. Он на развалы потом все и пер, что Щелкунов не брал. Но сначала — обязательно Пете, Петру Евгеньевичу.

Он Щелчка исключительно по имени-отчеству величал. Петька ему говорит:

— Павел Евгеньевич, бросьте, я вас вдвое моложе! Петр я для вас, Петя, и на «ты».

— Нет-нет, — трепещет линзами библиофил, — я уж так... Во-первых, вы натура художественная, артистическая...

— Да какая артистическая, — ухмылялся Петя, — ну, ходил в драмкружок в студенчестве, это когда было...

— Вы студентом были? Где учились?

— На журфаке в универе.

— Вы журналист?

— Пару-тройку лет в городской газете.

— А потом?

— А потом очень много развелось журналистов. В кого ни ткни — журналист. Во-вторых-то что?

— Во-вторых, — повздыхал пушкинист, — забавная штука, понимаете... У меня брат старший, шесть лет у нас разница, так он тоже Петр Евгеньевич. Ваш полный тезка. Он художник, маринист — море пишет. В Питере живет — сейчас под Питером, в домике, на берегу Балтийского... Ух, вот... Вот мне и приятно вас называть Петром Евгеньевичем, понимаете...

Ну, раз приятно...

В другой раз Павел Евгеньевич рассказал о брате подробней. Заслуженный художник не РФ, а еще РСФСР. В Строгановке учился. Начинать как пейзажист, был отмечен всякими там светилами. Масса командировок, экспедиций, пленэров по всему Союзу. Всесоюзные выставки, и персональные. Лауреат. В последние годы — ну, как последние, лет двадцать пять, четверть века уже — маринист. Исключительно море — северное. Не только Балтийское. А и Баренцево, и море Лаптевых, и Берингов пролив. Стихия, понимаете? Буйство естественной природы. И гармония. Суровая, но гармония!

— Да, хорошо, — сказал Петя, — любопытно.

— А вот что, — свернул очками Павел Евгеньевич, — а вы приходите ко мне. У меня есть альбомы брата, я покажу. И библиотеку мою посмотрите. И, гхе, Пушкиниану.

— К вам? — усмехнулся Щелкунов.

— А что, а что, — закивал пенсионер. — Вы женаты?

— Нет, — удивился Петя. — Был.

— Детки есть?

— Дочка. Они с женой в другом городе.

— Ы-ы-мм, — сочувственно протянул старичок. — А у меня жена — молодая интересная женщина. Вам, может быть, хм, любопытно будет пообщаться.

Петя бросил взор на стопарик пушкиниста. Едва отпил. А что мелет-то? Что он имел в виду? Пушкинист смотрел выжидающе и покорно. На чистом глазу, без коварного блеска и демонических искр. Просто старый чудак. С моложавой супругой.

Приглашение Петя вежливо отклонил.

ГЛАВА ВТОРАЯ, В КОТОРОЙ ПЕТР ЕВГЕНЬЕВИЧ ПРИХОДИТ В ГОСТИ К ПАВЛУ ЕВГЕНЬЕВИЧУ

Но недельки через две Петя оказался у Павла Евгеньевича в гостях. Под изрядным, надо сказать, хмельком. Впрочем, изрядность у Пети проявлялась лишь в повышенной активности, да еще, пожалуй, доброжелательности. Координации он не терял, артикулировал членораздельно. Как ему представлялось.

Павел Евгеньевич вновь завел разговор про брата, полного тезку, про его альбомы — «мне бы хотелось, чтобы вы, гхе, гхе, увидели». Библиотекой своей завлекал, Пушкинианой. И вдруг снова:

— И с женой вас хочу познакомить, понимаете...

— Павел Евгеньевич, — развеселился Петя, — да не понимаю я. С женой-то зачем?

— Се-се-се, — засопел старик, полуоткрыв рот. Сглотнул, вытер платочком слюнки в уголках губ. Почти половина зубов у него — вставные, металлические, старость не радость.

— Так ведь, — побряхтел Павел Евгеньевич, — просто...

Глаза его в выпуклых линзах выглядели совсем наивно. Пушкинист придвинулся к Щелкунову.

— Понимаете, — потрогал он осторожно свои усы, — она меня моложе. Серьезно моложе. Она образованный человек, начитанный... Все прекрасно, душевная, добрая... Но, понимаете, хм, разница в возрасте, в годах, безусловно, сказывается. Безусловно... Ей не хватает общения со сверстниками, понимаете?

— Нет, — продолжал веселиться Петя. Внутренне, конечно.

— Сверстницы-то есть, но это не тот круг... — махнул рукой Павел Евгеньевич. И стал похож вдруг на облысевшего дикобраза. Очень разозленного тем, что облысел. Дикобраз попытался оцетиниться, но снова превратился в милого дедушку. — А у меня и коньячок дома есть, очень приличный, очень, — подмигнул он Щелкунову. И уголки губ платочком промокнул.

«А ведь забавно, — подумал Петя, — вполне забавно». И сказал:

— Ну, раз так — чего ж ему, приличному, киснуть.

Проживал Павел Евгеньевич, как выяснилось, остановки за четыре от «Светлячка». Зачем в «Светлячок» таскался, непонятно, есть же ближе. В маршрутке порывался заплатить за Щелкунова. Петя, естественно, не согласился.

Пятиэтажка рубежа семидесятых-восьмидесятых. На третьем этаже. Классическая лестничная клетка, темная, узкая, пропитавшаяся едкими запахами давно заселенных квартир.

Вошли. По узкому, но вытянутому коридору — стеллажи, с обеих сторон, снизу доверху. Книги.

Павел Евгеньевич вручил Пете матерчатые синие тапочки. Щелкунов, прикинув свежесть своих носков, снова развеселился.

— Люба, — позвал Павел Евгеньевич вглубь коридора. Ответа не было.

— А-ах, — протянул пушкинист, — незадача. Ну, может, придет скоро. А мы пока...

Мимо кухни прошли, мимо зала с тахтой и стенкой. Потом была закрытая дверь, с замком, встроенным.

— Комната дочери, — пояснил старик.

— Дочка у вас?

— От первого брака. Любиного, жены.

— Взрослая?

— Да, да. В позапрошлом закончила экономический. В отделе кадров работает.

Квартира была трехкомнатная, сносная, ухоженная. Ремонт явно делали не так давно. Года три назад, от силы пять.

Комната, которую Павел Евгеньевич назвал «мой кабинет», была, по сути, просто спальней. Диван раскладной, но снова полки во всю стену, с книгами. И небольшой стол, полированный, с тумбочкой. Без компьютера.

— Ну, — потер руки Павел Евгеньевич, — нет жены, и к лучшему. Давайте-ка... А давайте я вам альбомы покажу, брата, Петра Евгеньевича. Вы, гм, смотрите, а я быстренько...

Старичок положил на стол альбомы и вышел. Альбомов было три. Прилично изданные, не толстые, но качество печати на уровне. В Питере изданы все три. Петька, откинувшись в кресле, листал глянцевые, отпечатавшиеся от люстры страницы. Акварель, масло, темпера. Всюду было море, почти всегда суровое, беспокойное, бурное, пенное. Или — застывшее, скованное льдами и снегами, то ослепительно-белыми под холодным колючим солнцем, то синими и фиолетовыми под свинцовым небом. Людей на картинах не было. Встречались корабли, чаще на заднем плане, гражданские суда, военные. Белые медведи выныривали из полыньи, белые песцы пробегали по берегу, тучи неизвестных птиц усеивали крутой, уходящий к штормящему морю обрыв. Сосны росли на фоне западающего в промозглые воды одинокого светила. Скалы таращились из серой закрученной пены, а на них летел, накренившись и сдавшись, то ли траулер, то ли сейнер. Приличные были картины. Только тягостные.

Павел Евгеньевич, появившись, поставил на стол тарелки с лимонами, нарезанными кружочками, с полукопченой колбаской и оранжевым мягким сыром. Нырнув в тумбочку, выудил бутылку и две металлических стопки.

— Ну, как? — Присев на диван, кивнул на альбомы. — Что скажете?

— А может, сначала? — ляпнул Щелкунов. Не слишком тактично, но...

— Ой, да, — суетнулся старик, — вот лимончики, вот...

Стопки были мелкие, с два наперстка. И коньяк, Петька, конечно, не знаток, но так себе, средней проходимости.

— Я, конечно, не знаток, — сказал он, зажевав, — но впечатляет. Как там у классика: твои скалы, твои извивы, и блеск, и — что...

— И тень, и говор волн... — расцвел старик. — Хотя это у Александра Сергеевича про Черное море, скорее, а тут северная экзотика...

— Ну да, на берегу пустынных волн, — вновь блеснул эрудицией Петя. — Впечатляет, Павел Евгеньевич, нет, впечатляет...

— Правда? — благодарно сверкнул тот линзами.

— Seriously, — растопырил пальцы Петя. — И это несмотря на то, что, конечно, в целом...

— Что? — насторожился пенсионер.

— Ну, в целом, явный традиционализм.

Пете понравилось, что непростое в данной ситуации слово он произнес твердо и четко, без помех.

— Традиционализм? — переспросил Павел Евгеньевич осторожно. Артикулировал тоже вполне прилично.

— Безоговорочный, — взмахнул руками Щелкунов. — Не Чюрленис ведь, но и не Дали... Так это и славно! Крепкий, надежный... — Произнести еще раз заковыристое словцо он не рискнул. — Так на нем-то все и держится...

Искусствоведческий диспут явно не стоило продолжать. К счастью, последний довод старика, видимо, вполне удовлетворил. Попыхтев благодарно и промокнув платочком губы, он придвинулся к Петке:

— Понимаете, Петр Евгеньевич, со зрением у него в последнее время... Это я-то с детства полуслепой, а он всегда орел был... Стопроцентное зрение! И вот теперь год от года все хуже... А для художника зрение — это...

— Катаракта? Так ведь лечат теперь, если не запустить...

Медицинская тема тоже оказалась не из легких. Хорошо, что старик, отсопев и отохав, догадался плеснуть в наперстки.

— Ну, за здоровье тогда вашего брата, — сказал Петя сочувственно. — И ваше тоже.

— Я к нему езжу, конечно, — пожевав лимончик, сказал Павел Евгеньевич, — раз в год, примерно, чаще не получается. Но созваниваемся. Жен у него было и подруг — не перечить, орел! А сейчас, вот, один... Домик у него, на берегу моря. Хороший домик, замечательный, сам строил. Не замок, не дворец, как сейчас строят, а для себя, удобно, все из дерева, зимой тепло, в жару прохладно...

Говоря о брате, Павел Евгеньевич поглядывал на полки вдоль стены. Ну, точно сейчас достанет какую-нибудь реликвию из своей Пушкинианы. «Что делать, — подумал Петя, — раз пришел, надо соответствовать». И приготовился покорно впечатляться, раз уж пришел. Только цитировать классика надо поменьше, запас-то невелик, не ровен час раскусит книголюб. Ничего, можно просто поддакивать да изумляться редкости коллекционных изданий. И глотать из наперсточка.

— Как вы в «Светлячке»-то давеча, — хихикнул вдруг Павел Евгеньевич, — ловко!

Щелкунов замер, не отпив.

— «Выпьемсгоря», ловко! Прямо номер у вас концертный! — Старикан придвинулся к Пете вплотную. — Ведь прерывалось дыхание, а? Прерывалось, скажите?

— А вы заметили? — подмигнул Щелкунов.

— А незаметно, — закричал пушкинист, — незаметно, нет...

Петя встал, выпил, расправил плечики, прошелся по «кабинету».

— А на нет и суда нет!

— Ловко, — затряс линзами старик, — но, между нами, в чем секрет? Ведь невозможно дотянуть, не прерывая! Ну, две строфы, ну, три от силы...

— Без тренировки и первую-то не вытянешь!

Щелкунов вдруг представил, как старичок, сопя и охая, пытается повторить его, Петькин, рекорд.

— Слушайте, — сказал, — это же фокус, как раз для рюмочных. Народ расслабленный, эффект неожиданности. Я руками перед собой вращаю, они на руки и смотрят...

Расстроился, что ли, пушкинист?

— То есть, все восемь нельзя?

— Нет, ну, если целенаправленно тренироваться, на уровне, там, чемпиона по нырянию...

— То возможно?

Вот привязался-то!

— Думаю, да.

— А у вас такие знакомые были? В драмкружке?

— Нет. — Щелкунов остановился. — Там курили почти все, какая у них дычалка... Вы лучше про свой фокус расскажите: на морозе в одном пиджачке — в чем секрет?

— В постоянстве, в регулярности. Я, кхе, и босиком бы смог, но — неприлично...

— Моржеванием занимаетесь?

— Нет, обливанием. Холодной водой.

— А брат ваш?

— Так он меня и приучил. Мы, хех, вместе...

«А что же он слепнет-то, — чуть было не сорвалось у Петьки, — не смотря на ваши регулярные?» Но не повернулся язык, к счастью. Пора бы уже отсюда, пора...

Ключ в замке входной двери скрежетнул несколько раз. Кто-то пришел.

Пенсионер встрепнулся:

— А вот и... Минуточку!

Павел Евгеньевич выбежал в прихожую. Там кто-то раздевался. Голосов Петя не слышал, только вздохи какие-то, видимо, раздраженные. Раздевшись, кто-то пошел на кухню. Петя прошелся вдоль полок, посмотрелся в круглое зеркальце в коричневой оправе, стоявшее перед толстенными томами Гумилева, Льва. Зеркало увеличивало. Были видны поры на коже, ямки от давних юношеских прыщей, рыжие щетинки топорщились неэстетично. Петя перевернул зеркальце. В обычном отражении изъяны облика не так бросались в глаза. Хотя рожа все равно припухшая, и бриться надо с утра, господа хорошие.

Из кухни доносились шорохи и шуршания, потом кто-то открыл кран: то ли руки мыл, то ли хотел заглушить все другие звуки. Петя плеснул себе в наперсток.

Павел Евгеньевич появился с тарелками в руках, задом прикрыл дверь:

— Огурчики вот, помидорчики свежие...

— Да ладно, зачем, Павел Евгеньевич...

— А как же — витамины, полезно, знаете...

— Какие там сейчас витамины, — махнул рукой Петя.
— Нет-нет, Люба только у своих берет, на рынке, у проверенных, все натурально... А вот мы их под коньячок!

Выпили.

— Неплохой коньяк, — сказал пушкинист, зажевывая огурчиком. Зубы его при этом слегка клацали. — Неплохой. Сейчас суррогатов видимо-невидимо. Но этот неплох.

— Приятный, — соврал Петька.

— Я, Петр Евгеньевич, — вздохнул старик, — об одолжении вас попросить хочу. Вы ведь в типографии работаете?

— Сторожу.

— Но все равно ведь знакомы с сотрудниками? Я, понимаете, напечатать хочу...

— Там мини-типография, — поскущел Петя, — листовки печатают, визитки, рекламу всякую. Если книги — это в издательство надо...

— Нет-нет, — снова придвинулся старик, — речь не о книге — брошюра! Брошюру ведь могут?

Петька кивнул. «Несет у него, небось, изо рта. — Пришло почему-то в голову. — Хорошо, что спиртное нюх отбивает».

— Понимаете, — сопел старик, — хочу издать брошюру. За свой, разумеется, счет. Думаю, не слишком затратно будет. Понимаете...

Пенсионер вскочил, Петя откинулся на диване, закинул ногу на ногу. Павел Евгеньевич потер руки, к полкам своим подскочил:

— У меня, — блеснул линзами, — не слишком шикарное собрание. Я, безусловно, любитель, просто любитель. Инскриптов самого, разумеется, нет. Но есть очень достойные экземпляры, очень приличные издания, я ведь с тридцати лет Пушкинианой занимаюсь. Вот о своей коллекции и хочу написать...

— Павел Евгеньевич...

— Нет-нет, Петр Евгеньевич, нет-нет... Я ни о чем особенном вас не прошу. Но вы же общаетесь там... Можете ли узнать, во что обойдется выпуск небольшой такой брошюры, библиографическое издание: перечень всех единиц моего хранения и мои впечатления, мои заметки об экземплярах, которые есть у меня, порой — истории, с ними связанные, мои воспоминания...

Петя хотел было сказать, что узнать проще простого у менеджера, но старичок, восторженно руки воздев, потянулся к полкам, и Петя согласился. Невеликий труд, действительно, почему бы и не оказать любезность. Книголюб прямо расцвел — и сопел, и пыхтел, и кланялся, и руку тряс, и в стопки опять плеснул. Чрезмерно как-то... Станные они, коллекционеры, не от мира сего. Или пить не умеют.

На кухне шумела вода. В бутылке сущая ерунда оставалась.

— И все-таки, — снова метнулся к полкам Павел Евгеньевич, — не все, конечно, но самое интересное я вам продемонстрирую. Самое-самое...

— Павел Евгеньевич...

Открылась дверь. Пушкинист повернулся:

— Люба... Вот Любовь Михайловна, супруга моя...

Моложавой супруге было лет под пятьдесят. Во всяком случае, за сорок — ничего себе ровесница. Да уж. Диета ей явно не помешала бы, хотя вряд ли уже и помогла б. Блузка конусом, два шарика впереди, и юбка как купол. Небольшой такой бочоночек с крашеными кудряшками и в тапочках с помпонами. Или снежная такая бабца — в кудряшках и

мощной юбике. Рыбьи глаза застывшие, и ничего в них, кроме «все я о себе знаю и ничего нового от вас, одноклеточных, не услышу». Щелкунов привстал.

— Сидите-сидите, — сказала супруга, — не буду мешать.

А вот голос у нее был протivoестественный. Из бочонка какие должны быть звуки? Го-го, га-га, артподготовка. А тут мягкий такой тембр, плюшевый. Отчасти, даже неземной. Таким голосом хорошо романсы петь. Не со сцены, а так, в кругу друзей. Если, конечно, слух имеется.

— Приятель мой, — кланялся книголюб, — Петр Евгеньевич. Я о нем рассказывал, Любонька, помнишь? Вот общаемся...

«Петр Евгеньевич» он произнес со значением, несколько нараспев: «Пе-тр Евге-еньевич». Подчеркнул.

— Я вижу, — пропела супруга. Иронично, надо сказать, даже весьма. — Не увлекайтесь.

Снежный бочонок подкатился к полке, взял круглое зеркальце и выкатился, не сморгнув и не взглянув даже на Петин диванчик. Вот тебе и светский прием. Снова зашумела вода.

— Вы, Петр Евгеньевич, не думайте, — закрихтел пушкинист, — Любовь Михайловна с работы, не отошла еще...

— Нет, — притронулся к гортани Петька, — о чем речь! А где работает-то?

Просто спросил. Надо же о чем-то спрашивать.

— Работает-то? — достал платочек библиофил. — В наркологии. В диспансере. Врач-нарколог. Алкоголики, знаете, наркоманы, токсикоманы — такая публика... Насмотришься за смену, пока отойдешь... По рюмочке?

На кухне зашипела сковорода.

— Картошечки сейчас, — потер ручонки старичок, — и рыбки жареной! Вы рыбку уважаете? Эх, маловато у нас...

— Я, Павел Евгеньевич, пожалуй, все — на дежурство пора, — соврал Щелкунов.

— Ой, — засуетился старик, — да как же — время еще...

— Пока дойду...

— Как же, ведь только разговор...

— Как раз начальство, может, застану, насчет вас поговорю. — Петя старался выглядеть решительным.

Прошли мимо кухни. Округлая супруга картошку нарезала. Уже в домашнем халате. Пестром, красно-черно-белом.

— Любонька, а Петр Евгеньевич-то уходит! Ему на службу — незадача какая! Жаль, ах, как жалко...

— До свидания, — колыхнула шариками супруга. Безразлично.

Но! Метнула в коридорчик такой, блин, взор! Вроде бы мимолетный, всего один. Но какой! Не рыбий остекленевший, а черный, жгучий, пронизывающий — насквозь. Петя даже шарахнулся. И лезвие ножа над расчлененной картофелиной сверкнуло. Или это Пете только пригрелилось?

— Я провожу, — суетился старикан, — до остановки хоть...

— Нет, — отрезал Петя.

«Попал, — думал, идя по темнеющим уже улицам, — Ну и попал. Вот же...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В НЕЙ ПЕТЯ ОКАЗЫВАЕТ ПУШКИНИСТУ УСЛУГУ

Несколько дней Щелкунов в «Светлячок» не навещался. Не потому что и оттого что, просто не хотелось. Да и некогда было. Свой визит к пушкинисту и его очаровательной супружнице он расценил как забавный анекдот, который при случае можно поведать друзьям-приятелям. Только, чтобы он стал еще забавней, надо деталей подкинуть. О том, что неутомимый пушкинист подсовывал ему постоянно всяческие инскрипты невразумительные, а конусообразная наркологиня бросала на него томные взгляды и, подсев с другой стороны, терлась округлым бедром... И коньячок подливала, который клопами пах. Предлагая у нее в диспансере пройти курс реабилитации. В отдельной палате со спецобслуживанием. А картошка на кухне в это время подгорела. Обуглилась к едрене фене. Что к счастью: остался бы на картошку, неизвестно, чем бы дело закончилось, а так — сохранил честь и непорочность. Вот такие вот книголюбы, оказывается, проживают в четырех кварталах от «Светлячка».

Хотя, рассказывать или нет, Петя еще не решил. Вообще-то, симпатичный старикан, в целом. Когда близко не придвигается. Неуверенный, неустроенный, не нужный, видать, никому. Наркологиня из него явно веревки вьет. Да и случая рассказать не выпадало пока.

А потом и само это посещение стало казаться не таким уж забавным, и другие дни его заслонили, иные заботы. И в «Светлячке» они не сходились, в разное время бывали, видимо. Но, конечно, снова встретились.

Павел Евгеньевич был очень обрадован. Повеселил Петю, сказав, что он произвел на супругу книголюбца «самое приятное впечатление».

— Взаимно, — ответил Щелчок любезно.

А Павел Евгеньевич — снова о брошюре. Дескать, как бы узнать, чтобы ее издать, во что выльется, в какие сроки и так далее. Ну, Петя и пообещал. Расценки узнать нетрудно, без проблем.

При следующей встрече выяснилось, что официальные расценки для пенсионера высоковаты. Но Петька договорился с компьютерщиком, свойским парнем, что верстку брошюры тот сделает неофициально, за магарыч. Павел Евгеньевич притащил папку с исписанными от руки страницами. Свойский кореш долго чертыхался («каменный век — набрать не может»), но, повысив объем магарыча втрое, набрал и текст, втихую от начальства. Петьке-то что — на магарыч не ему раскошелиться. А уж когда до печати дошло — тут мимо кассы никак. Поначалу пушкинист на 500 экземпляров тиража замахнулся. Потом, покряхтев, снизил до 200. Потом еще кряхтел да охал... В результате вышла брошюра в свет оптимальным тиражом в 80 экземпляров. Для кассы типографии, конечно, курам на смех. Но пушкинист был доволен. И даже, пожалуй, счастлив.

Да, тут что еще: как-то Щелчок с женой его, наркологиней, повстречался. Шел себе в приятном расположении, тут видит — она вроде бы. Сумка на плече, пакеты в руках увесистые.

— Здрасьте, — говорит Петя. — Помочь?

А она пакеты отдергивает.

— Не узнаете? — смеется Петя.

— Узнала, — говорит. И смотрит мимо.

— Как Павел Евгеньевич поживает? Давайте, до остановки донесу.

— А и неси, — говорит, — до остановки. А у Павла Евгеньевича все в порядке. Что ему делается!

Идут. Бочонок рядом покачивается, по высоте — до мочки уха Петьке всего, хотя на каблуках. Молодая, интересная... Умора!

— А не собирается ли Павел Евгеньевич, — возьми да брякни Петька, — презентацию устроить?

— Что еще за... — смотрит вперед супруга книголюб.

«Так, — думает Щелкунов, — язык мой... Старичок брошюрку-то, небось, втихаря от жены тиснул, на заначки».

— У него же такая коллекция богатая, — лепит Петька, — насколько я заметил...

— А вы знаток? — говорит.

— Какой там, — ржет Петька. — Я — менеджер по продажам!

— Тогда понимаете как менеджер, кому такое сокровище нужно...

— Не скажите, не скажите, нет, очень даже...

— Все, пришли, — остановилась она. — Давайте пакеты, менеджер. А голос у нее, и правда, странный. Убаюкивать хорошо таким голосом. Или гипнотизировать.

— Сейчас, — сказал Петька, — автобус подойдет... А вы ведь нарколог?

— А вы полечиться хотите? — И взгляд рыбий.

— А мне уже пора?

— А вам всем пора. Пока не поздно...

Черт поймет, что сказать хотела.

— Нет, — серьезно втянул воздух Щелчок, — полагаю, что сам справлюсь.

— Все вы так полагаете...

— Кто — «мы»?

— Алкаши. — И витрины разглядывает.

Хо-хо!

— Та-ак... А Павлу Евгеньевичу вашему...

— А ему поздно. Пакеты давай — моя подходит...

Петя отдал.

— Знаешь, — пропела она, — я алкашей не люблю. Все вы одинаковые.

— А наркоманы...

Уже входя в маршрутку:

— А они... — И — что это! — обожгла, прямо ужалила по-черному! — ...поинтересней бывают.

Цыганщина чертова. Значит, не пригрезилось. Вот тебе и бочонок!

Вспоминая потом несуразное это общение, Щелчок подумал даже: «А не приволокнуться ли за ней, в самом деле? Тоже бабе, видать, несладко». Мыслишка показалась ему забавной. Вот только чем ей наркоши глянулись? Может, конечно, юмор, но... Но ведь Горгона. Явная, явная.

Между тем, выйдя в свет, творение пушкиниста пару дней лежало в типографском закутке возле инвентаря уборщицы. Потом обе пачки по 40 штук Петька лично доставил домой Петру Евгеньевичу — на маршрутке. Свойский кореш втихаря (за пару стопок в «Светлячке») тиснул еще 20 экземпляров. Их старичок вез сам, пристроив на коленях и нежно поглаживая верхнюю брошюру.

Пачки Щелчок донес до квартиры, заходить наотрез отказался.

— Ну, давайте я вам хоть дарственную напишу, — трясся автор.

— На квартиру? — сострил Петя.

— Дарственная надпись — инскрипт...

— Потом как-нибудь, — улыбнулся Щелкунов, — подумайте, сформируйте. И в «Светлячок» занесете.

— Петр Евгеньевич, — вытянулся старик в струнку, — я благодарен, вы столько...

— Ой...

— Нет-нет, я обязан... Вот что. — Линзы пенсионера сверкнули даже в полутьме подъезда «брежневки». — А давайте-ка я к вам наведаюсь, на дежурство? Посидим, потолкуем. Вы же там один вечерами?

— Я с семи вечера заступаю, но, бывает, до девяти еще народ, если работа.

— Так я после девяти.

— Добираться вам потом...

— Доберусь. Маршрутки до двенадцати, до часу. Да тут и пешком...

Ну, что было говорить? Старикан Петю и в процессе предпечатной эпопеи пару раз угощал, и после. И смотрит так — не отвяжешься. Петя и сказал:

— Тогда с вас инскрипт.

— И не только, Петр Евгеньевич, и не только...

Договорились — на следующей неделе. Вроде бы никаких срочных заказов с авралами в типографии не предполагалось. У старика, действительно, событие, чего б не отметить? Чуть-чуть. Все равно куковать. И ведь не отвяжется.

К семи Петя прибыл, уже минут в пятнадцать восьмого закрыл дверь за последним тружеником, поставившим свой кабинет на сигнализацию, пошел в сторожку да завалился на кушетку. Из чтения у него была «Смерть Вазир-Мухтара». Любопытная книжечка, тоже пушкинист подогнал. Сочная, протяженная, ноющая и вязкая. Сочающаяся.

Но сейчас ее читать не хотелось.

Хотелось лежать и думать о какой-то другой жизни, о других временах, может быть, более сильных, может быть, менее расслабленных, когда людям было важно собираться, чтобы решить, найти для себя и для других что-то единственно правильное, верное, и потом добиваться... Или менее сильных и более расслабленных, когда понимали, что каждый миг каждой жизни неповторим, а потому прекрасен, и все беды от нас самих, что дуракам не понять, но, может быть, и поймут когда-нибудь, что лежать и думать вот так — хорошо, что очень хорошо — думать, и не надо, не надо, не надо...

Входной звонок прозвучал. Потом еще, еще. Очень тут резкий звонок, будоражащий. Контора...

Петя сел, протер глаза, пошел открывать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ ПАВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Павел Евгеньевич, собственной персоной. Хотя еще и полдевятого нет. Войдя, долго тряс руку, кланялся, шаркал подошвами о коридорный линолеум. Ничем не примечательные минитипографские стены разглядывал восхищенно, будто в Лувре оказался или каком-нибудь Фонтенбло.

— Вот, значит, как тут, — приговаривал, — вот, значит, что...

При том, что все кабинеты закрыты, включая печатный зал. Правда, вдоль стен кое-где красовались упакованные пачки готовой продукции да

картонные коробки с неиспользованной офисной бумагой. В каморке Щелкунова Павел Евгеньевич тоже восторженно поцокал, разглядывая пульт сигнализации, художественно выполненный стенд с телефонами экстренных служб, обшарпанный стол, по выслуге лет списанный из отдела маркетинга, и переехавший по той же причине из предбанника шефа выдавший виды диван. Остановившись под высоким, подоконник на уровне лба, зарешеченным окошком, хехекнул. Но обошелся без цитат. «Сижу за решеткой»...

— Вот, собственно, — развел руками Петя.

— Вижу, вижу, — затрясся книголюб и, доставая из полиэтиленового пакета, стал аккуратно расставлять на столе одноразовые тарелочки с уже нарезанными колбаской и сыром, огурчиками и лимончиками, апельсинчиками. Петрушечки достал и укропчика («Мытые, мытые», — успокоил), разложил красиво на тарелочках с колбасой. Четыре банана выложил, неразрезанных, водрузил отдельно. Баклажку минералки без газа, четыре пластиковых стаканчика. И увенчал стол, подмигнув Пете, бутылкой того самого — «проверенный!» — коньяка.

— Шикарно, — развел руками Щелчок, — ну и давайте.

— Я, — мял стаканчик в руках пушкинист, — благодарен вам, Петр Евгеньевич, правда, очень благодарен...

— Благодарили уже, Павел Евгеньевич, — пресек Петя.

Отпив, пенсионер бросил взгляд на «Вазир-Мухтара». Одобрительный. Поговорили о литературе. Павел Евгеньевич другие книги того же автора предложил, в качестве подарка. Щелкунов отказался, сказав, что читал уже в юности. Павла Евгеньевича вежливый отказ все же удручил, но настаивать он не стал, а, покрякав, выудил из пакета уже хорошо знакомую Петьке брошюру.

— Тогда вот, как обещал.

— С инскриптом, надеюсь? — бережно принял дар Петя.

— Разумеется.

Красивым и обстоятельным, в завитушках и округлостях, почерком на главной странице, между названием и датой выхода было выведено: «Уважаемому Петру Евгеньевичу, полному тезке моего старшего брата, с благодарностью за равнодушие, бескорыстный энтузиазм и творческое участие в моем скромном труде». И подпись, тоже обстоятельная, с изящными вывертами и загогулинами. Дата. И даже название их родного города.

— Ну, — развел руками Петька, — это, Павел Евгеньевич, это... не заслужил...

— Что вы, Петр Евгеньевич, что вы, — лил елей пушкинист, — не надо скромничать! Ваше участие — самое непосредственное, самое деятельное...

— Ну, тогда за ваше произведение, за его успешную творческую судьбу!

— Произведение, — клацая огурчиком, сказал Павел Евгеньевич, — конечно, громко сказано... Собственно, тут в основном лишь перечень того, что мне удалось собрать, каталог. Ну, и некоторые мои соображения по поводу этих книг, этих экземпляров. Размышления, если хотите... И воспоминания.

Петя покивал понимающе, хлебнул минералки и, извинившись, выскочил в коридор, в туалет, мол, приспичило. Едва перевалило за девять. О чем беседовать дальше, Петя представления не имел. С другой сторо-

ны, коньяками, даже такими, не разбрасываются, можно послушать, раз такое дело, и про маргиналии с конволютами.

— А как, — вернувшись, спросил он, — самочувствие Любви...

— ...Михайловны.

— Михайловны.

— Спасибо, спасибо, все хорошо. — Старик наполнил стаканчики. — Вам побольше, а мне капельку. — На протестующий Петькин жест руку к сердцу приложил. — Нет-нет, возраст, знаете ли... Это вам, молодым... Вы меня, Петр Евгеньевич, уж простите, — сказал старик, глядя на решетку, за которой было уже совсем темно. — Лезу к вам со своей персоной. Нет-нет, не возражайте! Я благодарен, что слушаете мои рассказы... Вы — человек, которые сегодня нечасто... Нечасто, нечасто такие... Мне ведь, Петр Евгеньевич, в сущности, и пообщаться-то не с кем, брат далеко, созваниваемся, езжу, но...

— А жена, а дочь?

— Дочь? Ну, она и не живет с нами. — Павел Евгеньевич смял стебелек петрушки. — Замужем она, гражданским браком, свои интересы. А жена... Понимаете, разница у нас приличная... Мои увлечения, кхе-хе, не слишком-то одобряет...

— Жена-то, небось, не первая?

— Первая, — посмотрел старик прямо в глаза Пете. — Я, Петр Евгеньевич, поздно женился.

— Лучше поздно, чем...

— Лучше вовремя. Все лучше — вовремя. — Пенсионер встал, прошелся по сторожке. — Я, Петр Евгеньевич, в молодости хулиган был. Большой хулиган.

«Слово-то какое вытащил, — подумал Щелкунов. — Где ты, где хулиганы».

Старик стоял, ссутулившись:

— Ну, это давно, был тогда моложе, чем вы сейчас. Намного моложе... А с Любовью Михайловной... Раньше жили неплохо. Я зарабатывал достаточно — мастер участка. Она, как специалист, только начинала. А теперь — с точностью, кхе-хе, до наоборот!

— А вы ведь, Павел Евгеньевич, — потянулся за закуской Петя, — тоже сторожите? Мы тут коллеги с вами?

— Перестал, Петр Евгеньевич, сократили. Теперь только пенсия. М-да, — остановился он посреди каморки, — хотя там, у нас, конечно, организация... Ну, оборонное предприятие, понимаете сами, совершенно другой уровень...

— Да-да, — покивал Петя, — госзаказ, военная тайна — не то, что здешняя макулатура.

— Петр Евгеньевич, — подсел книголюб, — а вот скажите, как на духу: вы почему здесь?

«Блин, — подумал Петя, — чего и следовало».

— Нет-нет, — прижал его запястье пушкинист, — не обижайтесь. Вы достаточно молоды, много чего впереди. И вы же творческий человек, я вижу. Вы, — линзами сверкнул, — поэтому здесь? Поэтому?

«Рассмеяться, что ли, — подумал Петя, — ему в лицо?»

— Да, я уверен — поэтому! — Старик хлопнул Петю по руке и встал, слава Богу. Даже, пожалуй, вскочил — с неожиданной прытью. И снова зашагал по комнате.

— И в мои времена творческие люди в сторожа уходили, и сейчас. Вы

играли в драматическом коллективе, вы творческий вуз кончили. Вам сейчас сколько? Между тридцатью и сорока — самый такой возраст... про-
дуктивный. Вы, — развернулся, — прозу пишете или стихи?

— Я, Павел Евгеньевич, — потянулся на диване Петя, — в прокате работаю. Рекомендую клиентам фильмы и игры.

— А что, если нам... — Пенсионер застыл у пульта. — Если нам с вами, Петр Евгеньевич, рассказ написать?

— Нам с вами? — потянулся Петя за бутылкой. — О чем?

— Об Александре Сергеевиче.

— Ах, так? — сказал Петя. — Логично. Именно рассказ?

— Небольшой, — снова зашагал старик, — можно сказать, этюд. Мне каплю, буквально одну. Вы представьте — утро в Михайловском...

— Это название?

— Почему бы и нет? Вы представьте — раннее, раннее утро, осень...

— Логично.

— Александр Сергеевич в ссылке, один...

— С няней?

— Не только, не только, — сверкал линзами книголюб. — Со многи-ми, на самом деле, он там общался, не в этом суть. Но в рассказе он — один.

— А слуги, девки крепостные?

— Были, были и девки, не об этом. Вот он встает, а утро такое све-
жее, может, даже первый морозец, но ясно, солнце встает. И день будет
яркий, краски осени...

— Водой обливается...

— Конечно! И хочет скакать верхом...

— К Кернам?

— Почему? А, да, к Осиповым, скорее, с Вульфами, пусть к ним. Но
лучше не к ним, а просто — по полям, по осенним полям...

Старик замолчал, присев на краешек дивана.

— И? — протянул ему стаканчик Петя.

— А, собственно, все. Конец этюда.

— Так суть-то в чем?

— В настроении, Петр Евгеньевич, в настроении.

— Творческом?

— В настроении, Петр Евгеньевич... — отставил стаканчик старик, —
одинокства.

— Это-то понятно. — Бросив косой взгляд на пушкиниста, Петя в
свою очередь принялся вышагивать по каморке. — Но скажите: он обли-
вается или ванну принимает? Со льдом?

Библиофил крикнул.

— Нет, нет, — продолжал Щелчок, — это принципиально! Детали
должны быть безупречны. Опять же — собирается скакать или скачет? По
утреннему-то морозцу? Там, поди, ледок уже — ежели во весь опор, так
навернуться можно с жеребца. Запросто! Особенно, если подкован неваж-
нецки.

— Вот вы иронизируете. — Старик встал. — А вы подумайте. Поду-
майте. Я, пожалуй, пойду.

— Да что вы, да рано, — затащил было Петя, простирая длани к ос-
тавшейся закуске. Но пушкинист был непреклонен. Доехать еще, время
позднее, и по капельке уже нет, не могу, возраст, знаете ли.

Руку, прощаясь, тряс подчеркнуто долго и бережно. Рот открыл, буд-

то сказать что-то хотел, но вздохнул только. И линзами, в лучах предбанника, шкарябнул. Видимо, все-таки обиделся. А на что?

Затворив — на все замки и засовы — за книголюбом дверь, Петя вернулся в каморку. Повертел в руке бутылку — половина еще, между прочим, ага. Фыркнул на невостребованные бананы. Обижать старика совсем не хотелось, но, сами посудите, какой-то Александр Сергеевич, рассекающий по стерне, сдуревший от одиночества... Да, он там, небось, в Михайловском, всех дворовых девок перепортил. Тоскуя. А потом скакал к мечтательным барышням, писал им в альбомы про чудные мгновенья, и барышни бледнели, перечитывая при свечах чарующие строки, и, накинув шаль на тонкие плечики, выбегали в подернутый морозцем сад и устремляли, под вдохновительной луной, восторженные взоры в усеянные звездами выси, а маменьки встревоженно зазывали их назад, и, передернув ябкими плечиками, барышни спешили в свои светлицы, чтобы еще раз склониться над альбомной страницей и оросить ее нечаянной слезой из бездонных, мерцающих неизбывной грустью очей... А автор бессмертных строк гнал по пажитям к себе в Михайловское, скалил во тьме африканские зубы и ржал, небось, как жеребец. Хулиган эдакий.

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА, ВСТАВНАЯ И СТРАННОВАТАЯ

Утром Петя успел избавиться от всех признаков вечеринки до прихода первых сотрудников. Амбре после вчерашнего, конечно, присутствовало. Но ничего, обошлось.

Боря Мичман уже поджидал его в «Светлячке». В парадной морской шинели, приталенной, с золотыми погонами, с белым шарфиком, в фуражке с растопырившимся грозно крабом. Кончики Бориных усов не свисали скорбно к подбородку, а были залихватски подкручены в стороны и вверх, симметрично застывшим крабовым клешням. Мичман был изящен, строен и деловит.

— Володя все достал, — сообщил он, аккуратно промокнув залихватские кончики белоснежным платком. — Леша Давкин к цирку подъедет. Решили встретиться не здесь, чтобы заведение не компрометировать. — Боря изящно извлек из-под полы брегет на серебряной цепочке, щелкнул крышкой. — Через четыре минуты выступаем. Как раз на разок. Эй, Надин!

Надя отмерила сто пятьдесят в пластиковый стаканчик.

— Тебе не предлагаю, Петя, — вздохнул Мичман, — сам понимаешь...

— Нет, отчего же, — хохотнул Щелкунов, — после вчерашнего — в самый раз...

Наденька отмерила и Пете, взглянув из-под ресниц, как показалось ему, неприязненно. «Давайте, — подумал Петя, — давайте. Морали еще почитайте». Он потянулся было к стаканчику, но рука предательски задрожала. «Заметили?» — Петя сунул руку в карман, за деньгами будто. Мичман поправил шарфик, Надин бросила взгляд за окно, в небеса.

— Подморозило, — сказала, — снег, нечто, пойдет.

— Морозец — хорошо. — Мичман бережно стянул иссиня-белую перчатку и поднял стаканчик. — Морозец — не слякоть.

Петя, потеряв в кармане рукой о ногу, с трясогузкой справился. Твердо взял стаканчик, чокнулся с Мичманом.

— Пора, — крикнул Боря, натягивая перчатку. — Прошу.

И открыл дверь. Петя пошел.

Завернули за угол — в лицо пригоршнями ледяной дробы хлестнул колючий и подывающий ветер. Мичман и не пошелохнулся, только глаза сузил — полярная закалка. Петя старался соответствовать.

— На рынок давай завернем, — крикнул он Боре. Мичман недоуменно дернул погонями. Но следом пошел.

Рынок был не самый дешевый, но не до жиру. Ни черешни, ни вишни не было — не сезон. Были ностальгирующие по первозданности помидоры, раздувшиеся от осознания полноценности апельсины с пожухлыми мандаринами обок, да контрафактные выгнутые абрикосы с желтыми или фиолетовыми, раскормленными ГМО сливами.

— Ты чего? — тронул его за рукав Мичман.

— А ничего, — улыбнулся Петя смотревшей на него снисходительно продавщице. — А дай-ка нам фундуку, неочищенного, килограмм.

Орехи продавщица положила в пакет с надписью «С Новым годом», хотя до него еще было месяца полтора.

«ПАЗик» Давкина стоял напротив цирка, со стороны мясокомбината, по направлению туда, к Юго-Западному. Во лбу «ПАЗика» маячил обычный его маршруточный номер — «666». Но на лобовое Давкин выставил большую картонку, на которой черным фломастером крупно было накарябано «ЭКСКУРСИОННЫЙ».

«Хорошо хоть не «РИТУАЛЬНЫЙ», — хотел было сострить Петя, но, увидев, что в «ПАЗике», на левых передних, уже сидят Павел Евгеньевич с Володей, язычок прикусил. Молча обменялись рукопожатиями: Мичман — с Володей, Павлом Евгеньевичем и Давкиным, Петя — с Давкиным и Володей. Сели на передние правые, Петя — к окну, Мичман — сбоку. Пушкинист был в своем обычном кургузом пиджачишке, и пурга ледяная ему нипочем, вздыхал да похмыкивал. Володя, наоборот, — в пятнистом камуфляже, непроницаемом всем ветрам, запахнутым от и до, и в серой советской еще ушанке, завязанной под подбородком, — только бордовая ряха наружу. Карманы его куртки сильно топорщились. Выглядел Володя, конечно, на уровне, но, отметил украдкой Петя, Мичман — при его-то параде — смотрелся, безусловно, выигрышней.

Давкин завел. На Петю он не взглянул ни разу, даже когда здоровались. «Тоже, значит, — прикинул Петя. — Ну-ну». Поехали — к кольцу с самолетом, дальше по Космонавтов, через Дорожную, к Юго-Западному.

— Где решили-то? — тихо спросил Петя. Зачем спросил — непонятно, какая разница — где.

— На Везелке, за витаминным, — ответил Мичман так же тихо, почти не разжимая губ. — Там сейчас никого.

Петя протянул ему пригоршню орехов. Мичман взял, щелкнул одним-другим, но с левыми сидениями не поделился.

И в городе-то почти никого не было — утро, рабочий день, непогода. Сиплые «дворники» надрывно скрежетали по лобовому стеклу, разгребая бледную сыпь, валившую все гуще. Проехали мимо кладбища, деревья стояли совсем уже занесенные, седые. Свернули на проселочную, потряслись на ухабах между двумя закоченевшими ельниками.

«ПАЗик» напрягся, взвыл и угас.

— Все, брателлы, — выдохнул Давкин, — дальше пешком.

Давкин в автобусе остался. На Петю и не посмотрел. А Павлу Евгеньевичу (заметил, вылезая, Петя) пожал руку. Сочувственно и уважитель-

но. Твердо, по-мужски. Петя пакет с орехами на сиденье оставил, только горсть зачерпнул — в карман.

Шли по хрумкающему насту. Мичман — впереди, чуть наклонив прижатенный корпус и придерживая околыш фуражки. За ним — Петя, сзади — Володя с книголюбом. Ледяная дробь молотила со всех сторон — и по лицу, и в уши, и за воротник. Земля под белой коркой была еще мягкая, вязкая, чавкающая.

— Ну, что же? — Мичман остановился на относительно ровном взгорке вдоль реки, посмотрел по сторонам, потом на Володю. — Здесь, что ли?

Володя прошелся вдоль берега, обернулся, попробовал сплунуть в речку. Плевков не долетел. Володя кивнул.

Мичман снял перчатку, достал платок, долго вытирал мокрые усы. Кончики их снова обвисли.

Вода в Везелке была абсолютно черной. Как дым от крыши. Ничего сквозь нее не просвечивалось, ничего от поверхности не отражалось. Желтый пар струился от воды, разметавшись рваными клоками вдоль по руслу.

— Витаминный опять химичит, — сплюнул Володя. — Всю речку загадили, извращенцы. А такая река была...

Павел Евгеньевич хрюкнул. Воротник его пиджачка был поднят, руки в карманах, плечики согнуты. Очки он снял — от наледи — и моргал, глядя на желтый пар от витаминной реки, не переставая.

Петя достал сигарету, попытался прикурить. Зажигалка щелкала, вспыхивала синеньким огоньком и тут же гасла. Подошел Мичман, накрыл Петины руки своими ладонями, огонек стал стройнее, Петя прикурил, стараясь не испортить белоснежные перчатки.

Володя тоже пару-тройку раз пыхнул сигареткой и запустил ее щелчком в желто-черное марево.

— Ладно, — сказал, — раз решили, не хрен тут... Так решили? Или?

— Или? — повернулся к Пете Мичман.

— Так не мне же решать, — поежился Петя. — Хотя я, со своей стороны...

— Нет, — сказал Павел Евгеньевич и закашлялся. Прокашлялся и повторил: — Нет-нет.

«Вот зачем это «хотя» ляпнул, — поежился Петя. — И лишне, и глупо... И стыдно».

Володя запустил красные ручищи в оттопыренные карманы своего камуфляжа. Копался там целую вечность. Вот достанет сейчас два пузыря, стаканчик складной, шматок сала, да заржет, как умеет, да подмигнет пороссячьей ресницей: «Все — хана, пацанва, харэ выеживаться! Поприкалывались — и будя! Ишь, удумали, блин, джентельментусы! А ну подходи — по полной — за мужское наше братство!» И приняли бы, из складного, — друг за другом, друг за друга, и сальцем бы закусил. И фундучок кстати пришелся бы, и крякнулось бы, и улеглось, и спали оковы, и отпустило бы, и полетело — за тридевять земель, в неведомую даль, и оттаяли бы законченвшие души, и не такой уж мерзкой была бы ледяная эта задолбавшая щеки сыпь, и не такой уж проклятой загаженная отбросами комбината Везелка...

Володя достал два свертка, что-то в тряпки завернутое, серые, подошел к Мичману, развернул.

— Стечкин, — кивнул Боря. — А это?

— Самодел, — крутанул ряхой Володя.

— Неравноценно, — мотнул усищами Мичман. Капли в стороны брызнули.

— А где я тебе равноценное, — напряг ряху Володя, — достану? За сутки? За полночи, считай? Пусть жребий бросают — кому какой!

Мичман поправил фуражку, чтобы клешни краба были строго параллельны усам:

— Ну, если стороны считают возможным... Чья решка, чей орел?

— Пусть Павел Евгеньевич выбирает, — сказал Петя.

Пушкинист выбрал решку. Мичман подбросил десюнчик, монета взлетела, кувыркаясь целую вечность, и упала в безжизненный наст. Боря присел на корточки, развел руками, призывая всех удостовериться, что впечатавшийся в корку десюнчик лежал вверх орлом. Значит, Стечкин достался библиофилу. А Пете Володя вручил какой-то металлический обрубок, напоминавший раскуроченный и недособранный гвоздодер. Весь в какой-то коричневой липучей и жирной смазке.

— Сюда вот нажмешь, — показал чеченец, — и всего делов. А прицеливаться вот так.

Мичман прочертил сапогом по насту черную полосу перпендикулярно реке, потом, отсчитывая шаги, еще две полосы по взгорку. У средней полосы воткнул палку. Расстояние между ними — всего ничего. Петя вспомнил вдруг, как во дворе школы физрук кедами по песку чертил им линию, до которой надо было допрыгнуть тройным прыжком, чтобы сдать норматив. Так там расстояние было побольше.

Павла Евгеньевича поставили у первой полосы. Петю повели к третьей. Проходя, он увидел, что центральную полосу уже засыпает белая острая крупа. Пока еще виден не совсем ровный и влажный шов, но скоро, очень скоро, и следов от мичманского сапога не останется.

Петя стал у третьей полосы. Гвоздодер был увесистый, и рука коченеела. Вдали, у ельника, угрюмо ждала уже до предела заледеневшая маршрутка Давкина. Петя вспомнил вдруг, что сзади у нее квадратный люк, просторный, чтобы гроб прошел.

Володя и Мичман отошли, встали напротив палки, поближе к маршрутке.

— Ну, что, — крикнул Володя, — давай, если не передумали!

— Постой, — сказал ему Боря, и секунданты снова подошли к дуэлянтам. — Тут ведь как, по кодексу... — Мичман обшлагом прошелся по тюленьим усам. — Требуется сказать: предлагаю сторонам... это... не страдать фигней и...

— И примириться! — рявкнул, укрывая ряху от ветра рукавом, Володя.

«И что сказать? — думал Петя, почти уже не чувствуя окоченевшую руку. — Что был неправ, что признаю свои ошибки? Что вел себя недостойно? Что ничего у меня с Любой — Любовь Михайловной — не было? Что я молод, а он стар? Что не девятнадцатый век, какая дуэль, опомнитесь, старый маразматик вам чего-то наплел, а вы и поверили, и поддались! А вам только и давай! Сволочи! Что, если и было чего, так это она — инициатор, не я? Значит, плохо ей, женщине, я и помог! И что теперь? Люблю ли я ее? Не девятнадцатый век, господа! Я просто... не думаю, что ей не понравилось. Но к старику я нормально отношусь, хороший старик, душевный, пусть живет и здравствует. Ну, рогоносец — и что? Слово-то запредельное! Вот далось ему — живут и с рогами, и отлично живут. И я без него жил, и без цыганки его куполообразной, и дальше... И вот те-

перь — под дулом... какого-то Стечкина, с гвоздодером дурацким в руке, я что вам должен? И почему? Что мне надо сказать — что мне страшно? Что я струсил?»

— Нет! — каркнул старик, укрывшись рукавом пиджачишка от ветра. — Никогда!

Ветер взвыл еще надсадней и донес до третьей полосы:

— ... только кровью!

«Совсем уж «Кавказская пленница», — подумал Петя и увидел, что чеченец с Мичманом топают назад, к своему посту. Из «ПАЗика» вылез Давкин, шел к ним, на кочках пошатываясь.

— ...одитесь! — донесся крик секундантов.

«Что это? — пронеслось в голове. — Родитесь? Плодитесь? Сердитесь? Трудитесь? Молитесь, быть может? Ах, сходитесь — надо идти, чтобы... надо...»

Павел Евгеньевич шел к барьеру, скукожившись в пиджачишке, подерживая левой рукой раздувавшиеся полы. Правая, черной дулей увенчанная, ходила ходуном. Старик моргал беспрестанно.

Подойдя к барьеру, пушкинист поднял Стечкина на уровень головы, заморгал еще бешеной. Петя левой рукой нащупал в кармане орехи, хотел было достать, хрустнуть пренебрежительно. Но глупо это все, ох, до чего же глупо, когда вот этот идиот целится, он что — сбрендил, он кто и как, вообще...

Мы можем трахаться с замужними женщинами, мы можем нести пургу, мы можем быть нехорошими и даже мерзкими, но разве мы заслужили эту вот черную дулю на уровне лба? Мы можем быть никчемными и никудышными, но, может быть, есть надежда, что мы станем другими — достойными и благородными? Но, когда ты видишь, что она летит, — а ты видишь, что она летит — вот эта жуткая пчела из черной дули, то ты... ай! Ай!..

Пушкинист лежал на белом насте, скрючившись засохшим крабиком и развернувшись, будто убежать хотел, от чертовой этой барьерной полосы. Мичман, Володя и Давкин неслись к нему. Петя сжимал в руке раскалившийся гвоздодер. Когда невозможно стало сжимать — бросил в снег. Жирную руку о куртку вытер — больно. Подул на нее — ожог, язвы будут.

Про Любу он не думал. Тело ее, колонноподобное и бочкообразное снаружи и такое нежное, такое незащитное на самом деле, вдруг раздулось в Петиной голове до невероятных размеров и лопнуло, как в мультиках. И ничего. Только осыпались сахарной горкой нотки ее плюшевого голоса. И упали на них цыганские глаза — страстные, желающие, влекущие. Нет — ненавидящие.

Петя брел, шатаясь и трясясь, почти по колено в снегу. Откуда его столько? Володя, Мичман и Давкин несли старика к автобусу.

— Как, — просипел Петя, снег набивался и в рот, — как...

— Как-как, — зашипел, обернувшись, Давкин, — через как! Жмурик!

«Что за слово? — пронеслось в голове. — Разве можно так? Только был человек и — жмурик. Нельзя, нельзя... Что же — посадят теперь? Дрянь-то какая!»

— Все теперь загребим под гребенку, — отплеываясь от снега, шипел Давкин. — А ты думал! Не девятнадцатый, блин, век!

Володя и Мичман сурово двигали спинами, держа тело за плечи. И тут старик приподнял голову и открыл глаза.

— Эх, — прохрипел Петя, шкандыбая сзади, — эй...

Тащившие ничего не заметили. Старик смотрел на Петю. Взор его был лучезарен и чист, как у младенца. Пушкинист улыбнулся. Гаденькая была улыбочка и подленькая.

— Он же, — хрипел Петя, — он же ж...

Старичок незаметно качнул головой, мол, ничего ты, милоч, не докажешь. Глаза его сверкнули желтыми огнями. Провоцирующего отродья. И пушкинист снова умер. Как бы, свинья такая. Петя достал из кармана орех, клацнул. Ядро было гнилое — мокрое и горькое.

ГЛАВА ПЯТАЯ, ГДЕ ПАВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ ПРИХОДИТ ВНОВЬ

Утром Петя успел избавиться от всех признаков вечеринки до прихода первых сотрудников. Амбре после вчерашнего, конечно, присутствовало. Но ничего, обошлось.

В «Светлячок» несколько дней не заходил. И не хотелось, и просто недосуг. Но, конечно, заглянул снова. И Павел Евгеньевич — тут как тут. Поздоровались дружески, слово за слово. А Щелчок уже в прекраснотном состоянии, хотелось сделать старику приятное, возьми да ляпни:

— Как там, Павел Евгеньевич, ваш этюд? Продвигается?

А старичок, похмыкав, говорит, тоже весело:

— Так я же, Петр Евгеньевич, вместе предлагал, сообща.

— Ну, — продолжает Петя шутейно, — вы же понимаете, неожиданное предложение! Тут с кондачка никак...

— Понимаю, — говорит пушкинист, — понимаю. Так давайте обсудим, давайте я к вам опять загляну.

— Да отчего ж не обсудить, — говорит Щелкунов, — может, и обсудим как-нибудь.

Что тут еще скажешь?

А через пару дней Петьку из киоска турнули. Не почему-нибудь — прикрылась лавочка, нерентабельно. Хозяин говорит, распродам все за месяц, по бросовым ценам, лишь бы взяли. А там и саму халабуду снесут, она внешний облик города уродует. Там весь ряд павильонов — под снос. А строить будут то ли гипермаркет, то ли гостиницу. Украсят облик. Петя, само собой, насчет месяца впереди заикнулся, но хозяин не поддался: сам все раскидает, а дармоедов еще месяц содержать ему и на фиг... Грубый человек, но понять можно: весь бизнес под откос.

В общем, на очередное сторожевание пришел Щелкунов в суровых раздумьях. И раньше-то, на двух работах — не рай, а тут...

Разошлись типографские уже в восьмом часу, а ближе к девяти — трель в дверь. Павел Евгеньевич, с пакетом. Милости просим.

— Балуете вы меня, — сказал Петя, наблюдая, как управляется пенсионер с сервировкой. Привычно управляется.

— Ну, — засопел старикан, наливая, — пустяки. Хм-хм. Я тут, Петр Евгеньевич, услышал о вашей, гхе, проблеме...

— Какой такой?

— Ну, сократили вас...

— Уже наслышаны? А-а, — махнул рукой Петя, — там и были-то копейки...

— Вот что, — подсел Павел Евгеньевич, — а если вам в охрану нашего предприятия попробовать?

— Так вас же там самого сократили?

— Меня по возрасту. Ну, и здоровье... А вы молодой. Молодые-то нужны. Там, разумеется, тоже не густо, но побольше, чем здесь. Вы здесь сколько получаете?

Петя махнул рукой.

— А может быть, и совмещать получится. Здесь, или еще что-нибудь найдете, — сопел старик, посверкивая стеклышками.

— Так у вас же режимное предприятие?

— Режимное.

— Так лицензия нужна на охранную деятельность. На ношение оружия.

— Какое оружие, что вы... Это же не склад боеголовок. Там инженеры сидят, схемы разрабатывают. Ну, инструктаж пройдете, проверку...

— На детекторе лжи?

— Анкеты заполните... Нет-нет, правда, у меня начальник охраны — приятель, могу поговорить...

Что ж за старик такой неугомонный! Щелкунов налил по второй.

— Все-таки, — мотнул головой, — не пойму, как же без оружия? А террористы налетят — наши схемы похитить?

— На террористов другая управа... Нет, есть, разумеется, тревожная кнопка...

— Стоп, Павел Евгеньевич, стоп. Это вы уже военную тайну разглашаете. А ведь, явно, проходили инструктаж, подписку давали.

Старик повертел стаканчик с коньяком.

— Я, Петр Евгеньевич, понимаю, вам нелегко сейчас. Но я ведь от чистого сердца.

— Спасибо, — хлопнул себя по груди Петька, — ценю, Павел Евгеньевич, ценю. Seriously. Но какое мне оборонное предприятие — я же трепло. А знаете, — Щелкунов вскочил и заходил по клетушке, — а, может быть, все и к лучшему? Что ни делается? Ну, нет проката, так и фиг с ним! Зато для творчества простор какой, а? А если нам, Павел Евгеньевич, драгоценнейший, как раз и засесть за Александра нашего Сергеевича?

Пушкинист отпил из стаканчика, смотрел выжидающе. Петька продолжал выпрашивать.

— Только этюд ваш — мелко это, уж, как на духу, поверьте. Нынче — либо бестселлер, либо в клозет — такое время. Эти скачки по полям, обливание на морозце — какой бестселлер! А вот если... «Тайный донжуанский список Александра Пушкина», представляете? К тому, что имеется. А мы с вами свой разрабатываем. И описываем. В деталях. Тут детали важны, подробности — для бестселлера. Чтоб натурально все, убедительно, на документальной основе (тут вы — знаток), но с немалой долей фантазии — убедительной, смачной такой, знаете...

— Вы, Петя, присядьте, — сказал старик, — присядьте. Выпейте.

Так и сказал — «Петя», не по отчеству. Щелчок и присел. В потолок посмотрел.

— Я, Павел Евгеньевич, — сказал, — в общежитии одно время с иностранцами жил. В одной комнате. С африканцами, из Камеруна. Или Сенегала. Тогда много иностранцев в универе училось. Месяца три жил, потом удалось переселиться к соотечественникам. Так вот, этот самый негр, Роже-Бернар, меня как-то и спрашивает... А может, он и не негр был, но пытливый... «А почему, — говорит, — Петя, у вас Пушкин — самый глав-

ный поэт? Все Пушкин да Пушкин»... Представляете? «Ведь ничего, — говорит, — вроде бы особенного, все просто»...

— И что же вы ответили?

— Да ничего толком. Так, мол, повелось как-то, не бери, Роже-Бернар, в голову... Муру какую-то брякнул, ни хрена я ему не сказал!

Петька снова вскочил, потянулся, крикнул.

— Во-от! А теперь скажите, Павел Евгеньевич, что бы вы этому Роже ответили?

Пушкинист поставил стаканчик на стол, потер руки:

— Так он сам и ответил: «Все просто».

— Во-от! — принялся опять вышагивать Щелкунов, бедрами повиливая. — Чего и требовалось! Просто! Удивительная простота, гениальная! И что, — остановился, — это, по-вашему, ответ?

— А разве нет?

— А что есть простота?

— Гармония.

— Гармония, — Петька плеснул себе, выпил. — Гормон и я. А алгебра ни при чем. С тригонометрией.

Пете понравилось, что «тригонометрию» он выговорил очень четко.

— Как, — скрестил он руки, опершись седалищем о край стола, — Любовь Михайловна поживает? Как Петр Евгеньевич?

— У Любви Михайловны, — поправил очки старик, — все терпимо... А брат в больнице. Ехать надо к нему...

— С глазами?

— Глаза тоже. Но там и сердце, и все прочее...

— Поедете к нему?

— Поеду. Завтра еду.

— Павел Евгеньевич, — тронул Петя висок, — давно хотел спросить: а почему ваш брат людей не рисует? Или пишет — как правильно?

Пушкинист посмотрел на Петю ласково:

— А не хочется ему.

— Хо! Потому что не любит?

Старичок посмотрел еще ласковей:

— Зачем, Петя, так? Вы же его не знаете.

— Вот мне и любопытно. — Петя, не отрываясь от стола, закинул ногу на ногу. — Разобраться.

Старик взял лимончик.

— Брат мой, — сказал, причмокивая долькой, — жизнелюб — поискать таких! Уж сколько он людей повидал на своем веку...

— Вот и разуверился.

— Хе-гхе, м-да... — Дедушка добрел на глазах. — Вы, Петр Евгеньевич, не обижайтесь, ради бога... Но вы...

— Глуп, туп. Вот и спрашиваю.

— Вы еще себя не нашли.

— Да, да, ищущицу — обыскался!

— Оттого и...

— Что?

Пенсионер обвел глазами каморку, поморгал:

— Все это...

— Ага. — Петя с радостью почувствовал, как легкая злая сила пошла от ушей к плечам. — Так акварельками баловаться Бог таланту не дал, понимаете? И других талантов с гульки хрен! Что делать — студенкой

водицей обливаться? Не выход! Разве что лапшу на уши — это могу, в этом достиг... степеней. Только вот что с такими дарованиями? Как обратить во благо? Ой, а может, собирательством заняться, коллекционированием? — С вывертом получилось, изященько — «коллекци-онированием». — С моими-то талантами — самое подходящее занятие! Например, труды какого-нибудь гения подсобрать. Оно и от этого дела отвлечет, — чиркнул Петя ноготком по бутылке. — Отвлечет! Денег-то на эту гадость и не останется! Только... — надул Петя щеки, — надо решить, какого? Тут серьезно надо подойти, главное — не прогадать. Можно, конечно, в заумь удариться, стать фанатом Хайдеггера какого-нибудь или Кьеркегора. Но кому они в наших пенатах сдались? Нет, тут надо кого-нибудь повостребованней, общеупотребительней. Чтобы был круг общения, чтобы обмениваться, втюхивать, чтобы брошюрку под это дело тиснуть, распространять таким же...

— Вот что, Петр Евгеньевич, — встал старик.

Петя, к столу прислонившись, ножкой покачивал. Павел Евгеньевич прошелся перед ним, остановился. Петя в сторону смотрел, ножкой покачивая.

— Талантов у вас немало, — сказал книголюб. «И что? — думал Петя. — И что дальше? В морду дашь или морали?»

— И не все еще загубили, — продолжил пушкинист. «Ах, значит, морали, — подумал Петя, — вот и все твоё хулиганство».

— А я вот загубил, — сказал старик. Глядел он тоже в сторону, в угол за пультом, где, кроме серой с напылением стены да плинтуса над ветхим линолеумом, ничего.

— Я ведь, Петр Евгеньевич, человека зарезал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, РАСКРЫВАЮЩАЯ ВЕСЬМА ПИКАНТНЫЕ ПОДРОБНОСТИ

Сообщил об этом Павел Евгеньевич очень просто, по-приятельски. Так не слишком тесно знакомые приятели, встретившись поутру, говорят другу мимоходом: «Что-то не спалось нынче, погода, видимо, атмосферное давление... Ну что, по пивку?»

Сообщил и снова присел. И стал рассказывать.

— Я, Петр Евгеньевич, в юности был, что называется, без руля. Безбашенный. Выросли мы с братом в хорошей семье. Хорошие родители. Отец — военный. Военный инженер. Воевал, потом служил, потом, уже на гражданке, главным инженером завода успел... Мама — учительница физики, завучем была... С братом — шесть лет разницы, он в войну родился, в начале, а я уже после. Жили, по тем временам — очень даже. Лучше многих. Ну, пока отец служил, помотались по Союзу, по гарнизонам. Я-то еще маленький, брат постарше, отсюда у него, наверно, бродяжья душа... Отец — на службе, на работе потом, редко дома, мама тоже всегда занята. В общем, брат — мой главный наставник. Он же и соперник.

Павел Евгеньевич потянулся к бутылке, плеснул Пете, себе капнул.

— Брат мой фотографией увлекся, фотоаппарат у нас был, ФЭД, а я за ним... Потом он поваром-кондитером решил стать — торты выпекали, чуть квартиру не сожгли... Потом — химические опыты, тут чуть весь дом не взорвали! И везде я за ним. Пожалуй, только с фотографией что-то у меня выходило, но не так, как у него, не так хорошо, не так замечатель-

но. И рисовал он всегда здорово, а я... Ну, пытался, но... Хотя ходили вместе, при Доме пионеров... То есть я походил да бросил, а у него — успехи явные... После школы он в Строгановку поступил, уехал, ну, а я и стал хулиганом... У меня с детства дальновзоркость, врожденная. Очкарик в школе — надо самоутверждаться. Вот и утверждался. Дрался, учителям хамил, в общем, все там... Учился сначала не в той школе, где мама — она принципиальная была. И дошло уже до исключения. Мама, видя такое дело, перевела меня в свою, не дожидаясь исключения. Но помогло уже плохо. И там компании, табачок, выпивать уже тогда начал...

Петя слушал старика и пытался представить, каким он был в детстве. Петя часто так представлял, это довольно увлекательно и, как правило, угадать нетрудно. В облике самоуверенного босса — затурканного трусливого замухрышку, презираемого всем классом, над которым издеваются в туалете; в лике разнеможно размалеванной красотки — тощую девчонку с жидкими косичками, покорно доносящую классной руководительнице обо всех преступлениях одноклассников. Но с Павлом Евгеньевичем как-то не складывалось. Гроза класса, раздающий щелбаны обалдуям и устраивающий благородные — один на один — спарринги на школьных задворках? Да нет, вроде жидковат. Хотя в том, как сидел сейчас старик, рассказывая, в попытке передернуть плечами, поигрывая, может быть... Нет, скорее, это типаж чувака из стаи, который подвывает лидеру, альфа-самцу. Или такой вариант — забитый очкарик, потерявший покровительство старшего брата, однажды решил и, засунув проклятую оправу в карман серого пиджачка, принялся молотить кулачонками во все стороны, ничего перед собой не видя, по всей этой стае регочущих оболтусов. Вряд ли одного раза было достаточно, чтобы все это прекратилось. И не раз, и не два надо было молотить, охая и задыхаясь от пропущенных по уху и в подбородок ударов, но стискивать расшатавшиеся зубы. И дома в подушку трястись безутешно, понимая, что завтра или послезавтра все повторится опять. А потом вдруг на треклятых задворках ему сказали: «Ладно, ты молоток, очкарик». И он, вытащив оправу из кармана, протер платочком линзы и сказал: «Я — не очкарик, ясно?» — «Лады, Молоток», — сказали ему... Могло и так быть: синюшный очкарик подрулил втихаря к гориллоподобному Шайбе или Грыже и наплел ему что-то про свою замечательную коллекцию марок или значков. И ерунда, что вся эта коллекция перекочевала к безденежным и оттого падким на красивые бирюльки Шайбе или Грыже. Зато появились почет и уважение, которые, разумеется, надо было сдабривать табачком да портвешком...

— ...но перед окончанием, в старших классах взялся, правда, за ум. Неплохо кончил, да и мама помогла. Поступил — на исторический. Я тогда нумизматикой увлекался, приличная была коллекция... Вот и хотел на исторический.

— Там же тогда — сплошная идеология?

— Ну, не сплошная. Хотя хватало... Но и науки хватало, я вам скажу. А главное, Петр Евгеньевич, интересно было. Очень, очень... Но... опять у меня началось.

— Это? — постучал по бутылке Петя.

— И это, и остальное все.

Старик опять встал, принялся ходить между столом и дверью, засунув руки в карманы брюк, отчего его пиджачок смешно встопорщился.

— Студенческая жизнь — классически — богема, богема... У меня любовница была.

Слово «любовница» Пете показалось странным. Не «любимая», не «возлюбленная». Не «телка на перетерку».

— На три года старше. Я жениться на ней хотел. Мама, разумеется, против. А отец и не знал ничего. Она в общежитии жила, на третьем этаже. Пятикурсница уже. И вот как-то, подвыпив, я — к ней. После теплой компании, в приятном расположении духа... Прихожу, говорю на вахте — мне к такой-то. А вахтерша: «Нет ее». Как так? Вот так. Выхожу на улицу, смотрю, свет в ее окнах. Возвращаюсь: «Ее нет. Там, вообще, никого нет. Свет забыли выключить. А тебя я, вообще, не пущу, ты пьяный». А я молодой, кровь играет, чувствую, что там она. Что делать? Снаружи, по этажам, лестница пожарная. Со второго этажа начинается, но, если меня посадить... Конечно, нашлись, кто посадил. И я лезу. Не к ней, в другую комнату на этаже. В окошко стучусь, там девчонки визжат: «Хулиган, милицию вызовем!» Я им: «Пустите, девчонки! Я не к вам, я в соседнюю, любовь у меня, пожар!» Ну, и пустили, сердобольные.

Павел Евгеньевич повздыхал, поглаживая залысины.

— В общем, — продолжил, — была она там не одна, с хахалем. Дверь я вышиб, там ломать нечего. А они — голые практически, не в постели уже, вскочили... Она кричит, девчонки из соседних комнат бегут, а этот хахаль — он здоровый такой — полез, разумеется, хотел меня... А у меня нож с собой — я же хулиган. Ну и, на глазах у всех — зарезал.

Пенсионер стоял, стаканчиком поигрывая. «Ему бы уже на маршрутку пора», — подумал Петя.

— Насмерть? — спросил.

Библиофил посмотрел на Петю. Паузу подержал, добрый дедушка.

— Нет, — сказал очень просто. — Выжил. Слава Богу. Но лечился долго, одно время критическое было положение. Ну, а меня, разумеется, там же — под белы ручки, — продолжал старик, сдвинув очки на нос и подергивая губами. — И пьян, и на глазах у всех... Все очевидно. Так что с учебой пришлось расстаться. И вот, отбыть.

Пете уголовников приходилось видеть, конечно, эпизодически, но не так уж и редко. И далеко не каждый из них тут же выхватывал из-за голенища заточку или крутил языком лезвие бритвы. Многие, наоборот, предпочитали не распространяться. Но, пообщавшись, особенно, под это дело — по тому, как шеей двинул, как сплюнул, как сощурился, — почти всегда можно было угадать человека сидевшего. Или притворяющегося, что сидел, — и таких придурков хватает.

А вот этот старик... Никаких, конечно, гримас и ужимок. Милый такой дедушка. Хотя, с другой стороны...

— И долго? — спросил Петя.

— Не очень. Сравнительно. Три года. Тогда была 109-я. Какая сейчас, не знаю. «Умышленное менее тяжкое телесное повреждение».

— Менее — чем что?

— Чем убийство, Петр Евгеньевич, чем убийство.

«Да ты не смеешься ли?» — подумал Петя.

— Отбыл, — посасывал лимончик пушкинист. — На исторический с таким клеймом — уже никак. Отец меня не дождался — инфаркт. Маму из завучей — опять в учительницы. Ну, вышел — куда? ПТУ, потом слесарем на завод. До мастера дослужился.

— А как же — с клеймом — на оборонное?

— Так ведь не генеральным конструктором. Вот такая, Петр Евгеньевич, петрушка, такое стечение обстоятельств. Ну что, еще по чуть-чуть...

Что-то в повадках старика изменилось. Двигаться, что ли, стал резче, плечи держит прямее, подбородок выставил. «А ведь, пожалуй, неловко ему», — подумал Петя.

— А эта ваша...

— Любовница? Замуж вышла, в другой город уехала. Хорошая, наверно, семья — не знаю.

— А этот...

— Вылечился. Он с юридического был. В прокуратуре работал. Семья тоже, дети. Полтора года как покойный, не знаю уж, из-за чего. Ну, так возраст уже. И молодые умирают...

Петя кивнул, вздохнув. А за решеткой окна — чернота.

— Но, если так на историческом хотелось? — спросил Петя. — Можно ведь и заочно.

— Нет, Петр Евгеньевич, нельзя. — Старик усмехнулся, губы трубочкой. — Тогда было нельзя. А сейчас — и не нужно. Ну что, пора?

— В смысле?

Старик похлопал себя по карманам, достал платок, протер стекла очков:

— Мне еще собираться.

— Надолго едете?

— Как сложится. Тут загадывать... Желаю вам, Петя, всех-всех благ, держитесь, не теряйтесь... Так начальнику охраны позвонить?

— Нет, — сказал Петя, — я сам.

— Смотрите, мне не трудно. Давайте я вам его телефончик оставлю. — Старик достал блокнотик, записал номер, вырвал страничку, положил на стол.

— А что, Павел Евгеньевич, — погладил макушку Петя. — Ну, стечение. Но в целом-то у вас...

— Что? — Старик, не разогнувшись, смотрел сквозь очки.

— ...нормально сложилось...

— Нормально? — переспросил старик почти зло. Почти свирепо. И тут же подобрел. — Нелепо, Петя.

Усмехнулся лукаво, линзами сверкнув. И скрежетнул — или только почудилось? — вставными:

— Хотя нормально, да. Закроете?

Пошли на выход.

— Там, — сказал Петя, — брату вашему — здоровья.

— Спасибо. — Старик придержал дверь. — А камерунец этот ваш, Петр Евгеньевич, пожалуй, неплохой малый. Пожалуй, неплохой.

Будто что-то еще сказать хотел, но не сказал. И ушел.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Никакому начальнику стражи Петя звонить, конечно, не стал. Позвонил жене бывшей, сказал, что выплачивать пока будет вдвое меньше. Временно. А устроиться — не проблема, в крайнем случае — грузчиком. Или вот приятель в деревню зовет — пруды зарыблять.

Хотя, чего скрывать, положение было не ахти. В типографии начальство тоже что-то коситься стало. А-а, где наша...

И вот под Новый год, дней за десять, Петьку и уведомили. Сокращают сторожей после праздников, через месяц. Просто сигнализация будет, окончательная, без людей. Прогресс, мать его, не до жиру.

Дежурить Пете с 30-го на 31-е выпало. Повезло. Отдежуришь — и вся волшебная ночь впереди, когда желания сбываются. Можно загадать что-нибудь жизнеутверждающее. Например, выиграть в лотерею миллиард. Перед дежурством зашел в «Светляк», не стесняясь типографского начальства, — чего теперь. И с собой захватил чекушку.

Почитывал, лежа, глянцевого журнал, презентованный приятелем. Журнал был не про баб и не про звезд, а про культурное и историческое наследие. Главная статья была про Пушкина, Александра Сергеевича. Про то, что было у него 29 дуэлей за жизнь. Но — отличный стрелок, с железной тростью гулял, чтоб рука тверже, пулю в серединку туза с десяти шагов всаживал — ни разу за все 29 никого не поранил. Только Дантеса покарывал. А тот его — к праотцам, в вечность. Любопытная статейка.

И тут — звонок, кого это черти! А на пороге — Любовь Михайловна. С рыбыими глазами. В куполообразной шубейке.

— Что, — говорит, — стоите? Зайти могу?

Зашла — конечно, носом повела. Ну, не будуар, мадам.

— Я, — говорит, — на секунду. Вот Павел Евгеньевич просил вам передать.

И протягивает альбом, который Петя уже видел. Брата, Петра Евгеньевича.

— Да вы присядьте, — изображает суету Щелчок. — Тут, конечно...

— Я пойду, — пропела она. — Дел еще много.

А голос — как песня из детства.

— Я... спасибо. — Петя смахнул со стола какие-то крошки. — Зачем только? Дорогой, наверно, альбом.

— Павел Евгеньевич просил. Лично вам. Ну и вот...

— А он-то сам? Где и как?

— В Питере. Под Питером. На даче брата. Продаем дачу, вот он и занимается.

— Продаете?

— Да. Нам зачем — далеко. А Петр Евгеньевич — полтора месяца уже, как. И сороковины прошли.

— А Павел...

— Вот и занимается. Вы о здоровье? Да, все в порядке. Насколько возможно. Переживает. Для него брат — как икона, — взглянула она на журнал.

— Любовь Михайловна, я...

— Ничего, — обожгла.

И, помолчав:

— Вы с собой разберитесь. Мусора у вас, — посмотрела вокруг. — Нечисто и... Ну, с наступающим.

На крыльце как будто что-то еще сказать хотела. Так и Петя что-то хотел сказать, но...

А на улице снег пошел. Весь день — слякоть, грязюка черная, а тут — на тебе! — валит хлопьями, пушистыми, как ресницы Снежной Королевы. Петя, не закрыв дверь, смотрел, как уходит под медленно кружащимися хлопьями снежная баба с волшебным голосом. Идет, покачиваясь, сапожки дутые, снежинки на плечах не тают, все больше их, а она все меньше, все круглей, пока не скрылась за поворотом к «Светлячку».

Петя вернулся, прилег, альбом полистал. Вот клыкастые моржи столкнулись тяжеленными тушами, чтобы понять, кто тут главный на лежбище. Вот тучи птиц понеслись над застывшим обрывом. Вот холод-

ное солнце застряло в ветвях одинокой сосны. Вот летит неприкаянный корабль прямо на черные, выточенные скалы. И никуда уже, никуда. Хороший художник. Очень неплохой. Чистые линии, никакого мусора, что хотел изобразить, то и получилось.

Петя допил и уснул. Снилось что-то? Наверно, снилось. Быть может, Любовь Михайловна, поющая, обжигая цыганским испепеляющим взором, колдовские плюшевые романсы. Гибкий девичий стан алой лентой подхвачен, безупречную талию подчеркивает. На стене за ней — ковер персидский и два дуэльных пистолета друг на друга направлены — изящные, с инкрустацией.

Быть может, усопший тезка, которого никогда не видел, ослепший художник, пытающийся попасть кистью в черный измазанный холст.

Быть может, мускулистый и подтянутый Павел Евгеньевич, взбирающийся по водосточной трубе на крышу небоскреба, чтобы разбросать по всему городу полный тираж своей единственной брошюры. Быть может, он же, макающий гусиное перо в бордовую, расплывающуюся по полу лужицу. И, промокнув уголки губ платочком, с пером в руке приближающийся, чтобы сказать Пете что-то, быть может, основополагающее, что хотел сказать раньше, да не сказал, и что Петя хотел услышать, но не услышал.

Быть может, снился и неведомый невероятный Александр Сергеевич, мчащийся по стерне затвердевших в ночи полей навстречу камерунцу Роже-Бернару, скалящемуся белозубо.

Быть может, все они, выбежавшие, в чем мать, на утренний осенний морозец, с радостным фырканием опрокидывающие на себя ведра студенной ключевой...

А может, и ничего не снилось. Кроме несущегося — необратимо — на черные скалы то ли траулера, то ли сейнера.

После праздников Петю уволили.

Нина Николаевна Стручкова родилась в деревне Погореловка Тамбовской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Работала в издательстве «Молодая гвардия», журнале «Очаг», в настоящее время — редактор журнала «Сельская новь». Автор трех поэтических книг, многочисленных публикаций в коллективных сборниках, альманахах, антологиях поэзии. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Нина Стручкова

ПРОНИЗАННЫЙ ВЕТРОМ ВЕЛИКИЙ ПРОСТОР

* * *

Я навстречу весне побежала,
Золотыми лучами согрета,
Я за ниточку солнце держала,
Но весна уже канула в лето.

Пели птицы красиво и звонко,
Я цветастое платье надела,
Побежала за летом вдогонку,
Оказалось — листва поредела.

Оглянулась — сады облетели,
Догоню ли я клин журавлиный?
А меня подгоняют метели,
И заснежены гроздьа калины.

Я бесстрашно по жизни бежала,
Только время меня побеждало.

* * *

Высокое небо, степное раздолье,
Пронизанный ветром великий простор.
И льнет к горизонту бескрайнее поле,
Где коршун парящие крылья простер.

Струятся лучи из лазури небесной,
Глубокую радость не спрятать уже.
Зачем же печальны протяжные песни?
Чего еще надо широкой душе?

Останется то, что дано изначально,
Но все уходящее сердцу милей.
Протяжные песни затем так печальны,
Что короток век наш на этой земле.

* * *

Светла просторная изба —
Мое надежное наследье,
И троеперстие у лба,
И колыбель, и кров последний.

Пусть этот кров не будет пуст,
Пусть поколенья собирает,
Как тот библейский древний куст,
Что и горит — и не сгорает.

Хоть не отмолена вина,
Что жизнь порой носила мимо,
Избы святая купина
В душе моей — неопалима!

* * *

Богородице, прости!
Богородице, помилуй,
Благодатного пути
Дай моей Отчизне милой!

Не позволь устам неметь,
Утоли моя печали,
Чтобы пушкам не греметь,
Чтобы музы не молчали.

* * *

Наш язык не утонет в иных языках,
Как ручьи принимая чужие наречья
На бессмертном пути, что Всевышним намечен,
Пополняясь и ширясь в грядущих веках.

Сохранил эту речь разноликий народ
Бережливо и гордо, достойно и долго.
Как в природе: Ока прибивается к Волге,
Дополняя ее, а не наоборот!

* * *

Такая весна, что на старости впору влюбиться,
Такая любовь, что весна все никак не кончается!
Добры и прекрасны друзей просветленные лица,
А ты почему-то грустна и готова отчаяться.

А осенью что тебе снова и снова не спится?
На тоненькой ветке висит и не падает яблоко,
На этой же ветке качается грузная птица,
Тяжелую влагу несет в себе светлое облако.

Смотрю на природу — какая отвага и сила!
И я научусь этой твердости сопротивления
И плечи расправлю, скажу: поняла и простила.
Судьба — не покорность, но стойкость и долготерпение.

* * *

Красна одежка, да плохо сшита.
Гостила радость, да позабыта.

Звала удача, да путь неблизкий.
Высоко небо, да тучи низки.

Родит земляца — да сушит солнце.
Сверкнет жар-птица, да унесется.

Витаю между слезой и песней.
Уснет надежда — и вновь воскреснет...

* * *

Таня у дома сажает цветы
Вместо картошки, морковки и лука.
Таня общается с ними на «ты»,
Вырастить их — непростая наука.

Как она любит и холит цветы!
Им достаются и ласка, и нега.
Ярко цветут островки красоты
С ранней весны и до первого снега.

Разные в жизни бывают мечты,
Мы не похожи — они не похожи.
Таня у дома сажает цветы, —
Словно подарки друзьям и прохожим.

* * *

Здесь дождь идет, грохочет гром,
Ветра листву дерев листьяют.
Блестят туманы серебром,
И росы золотом блистают.

Заря в полнеба полыхнет,
И соловьями ночь засвищет.
Душа к родной душе прильнет,
И станет мир добрей и чище.

И будет свет, и будет тишь,
И это все полюбишь сразу.
«Красиво жить не запретишь» —
Я принимаю эту фразу!

* * *

Распевайся с утра, молодая душа,
Разгорайся, желание встреч и открытий!
А покатится солнышко в ночь не спеша —
И оставит при старом, разбитом корыте.

Увела меня в мир путеводная нить
От нагретой и доброй родительской зыбки,
И пытались неясной мечтой соблазнить
Золотые красивые, лживые рыбки.

Но достаточно времени, чтобы понять,
Что так дорого мне и где счастье сокрыто.
Ни на что бы теперь не хотела сменять
Мое верное, битое жизнью корыто.

* * *

Долгое счастье — нелепица и небылица.
Вот невозможное сбудется — жаждущий счастлив вполне.
Не о чем больше жалеть и страдать, и молиться.
Незачем больше заботиться о наступающем дне.

Время пройдет, это чувство недолго продлится,
Станет обычным, привычным, устойчивым: жизнь хороша!
Старое счастье на полочке темной пылится,
Новым, несбывшимся чувством тревожно томится душа.

Снова потянутся бунты и скорбные речи —
Этот известный, извечный, подвластный мечтам сериал.
Будешь ли счастлив когда-нибудь? — Эх, человек! —
Если ты даже когда-то по глупости рай потерял!

Сергей Николаевич Васильев (псевдоним Сергей Дубянский) родился в 1955 году в Воронеже. Окончил Воронежский политехнический институт. Работал инженером-наладчиком на заводе, занимался предпринимательской деятельностью. Один из создателей и председатель Воронежского городского литературного объединения «Орион» в середине 1970-х годов. Автор многих книг прозы. Публиковался в журналах «Подъём», «Север», «Странник», «Сура». Живет в Воронеже.

Сергей Дубянский

КИРИЛЛ И ЯН

Повесть

Ян уже час стоял в коридоре вагона, наблюдая за мельканьем голых деревьев, серыми облаками на сером небе и огромными грязными лужами, застывшими в блестящей жирной глине; лужи соединялись «каналами». Ян не представлял, какой транспорт, кроме могучего «Кировца», мог решиться тут проехать, но колея явно принадлежала не трактору.

По коридорчику прошла толстая проводница, и Яну пришлось посторониться, коснувшись холодного влажного стекла, чтобы пропустить ее. Это вернуло от глобальных проблем к сиюминутной реальности, и он заметил, как недовольно взглянула на него девушка в голубом фартучке, следовавшая за проводницей — она уже третий раз проходила мимо с салатами и похожими на раздавленных мышей серыми котлетами. Наверняка ей было непонятно, чего человеку не сидится в купе, на мягком диване. *...Но не буду ж я объяснять всем и каждому, что органически не выношу запах грязных носков! Все равно ведь не поймут — для них это нормально. Чертов Славик!..* (Они познакомились еще до того, как сосед снял туфли). *Неужто сам не чувствует?.. Хотя чувствует, иначе б не убрал их на ночь в пакет.* (Охрененно благородный жест!)

Впрочем, здесь во всем так — все делают вид, что хотят, как лучше, а получается...

Ян обернулся — Славик преспокойно разгадывал кроссворд, а напротив сидела девушка с издевательски символичным именем Виктория и ела салат из пластиковой тарелки.

...Я находиться там не могу, а она ест! Воистину победа всеобщего быдлизма!.. — Ян снова отвернулся, хотя и пейзаж за окном в точности соответствовал его настроению.

— Ян! — раздался голос Славика, — слышь!

— Что? — при этом Ян не обернулся, хотя обычно на это второе, придуманное имя, всегда реагировал быстрее и охотнее, чем на первое, которое значилось в паспорте.

Первое имя знала лишь мать, жившая в тысяче километров от Москвы, университетские приятели, с которыми Кирилл практически не общался, и главный редактор, сам заинтересованный в сохранении тайны. Конечно, были еще всякие администраторы гостиниц, вокзальные кассиры, гаишники, но они не знали второго имени, и для них он являлся обычным клиентом, а не корреспондентом популярного столичного еженедельника. Вторым именем он подписывал репортажи, им представлялся, по нему его знали — Ян Борецкий! Это ж совсем не то, что тяжеломерно корявое — Кирилл Колодин.

— ...Ян, столица Турции ведь Стамбул? А тут не подходит.

— Анкара, Славик. Это в пятом классе проходят...

Творческий псевдоним возник сам собой — имя Кириллу нравилось давно, а фамилия прилепилась вроде случайно, но тут же обрела глубокий смысл. Во-первых, она прекрасно сочеталась с именем по национальному признаку, что немаловажно для восприятия образа. Во-вторых, у основной, наиболее тупой части публики, она ассоциировалась с некоей борьбой (журналист ведь непременно с чем-то борется, кого-то клеймит, раскрывает ужасные тайны), а у более просвещенных протягивала ниточку к мятежной Марфе Посаднице, в незапамятные времена сражавшейся за отделение Великого Новгорода от Москвы и за подчинение его полякам. Получилась вполне органичная «польская линия», хотя в самой Польше он никогда не бывал, да особо и не рвался — не та эта страна, где ему хотелось бы жить. Его больше привлекала Австрия; особенно сказочный городок Зальцбург, втиснувшийся среди Альп, родина великого Моцарта.

...За каким хреном я еду?.. В Выхино вчера строительный рынок полыхнул: пиши — не хочу, а тут буду выворачиваться наизнанку... было б перед кем! Перед дегенератами, которые не знают столицу Турции? Они ж и читать не умеют, а ищут знакомые буквы! А сейчас еще подрастет поколение, возвращенное на ЕГЭ — во, будет закат цивилизации... — Ян проводил взглядом заброшенный хутор, отделенный от дремучего леса полуразвалившимся забором. Мысль замерла, так как ее развитие неминуемо толкало в бездонную черную пропасть.

Обычно на время командировок Кирилл, сохранивший за собой крохотную каморку в уголке сознания, спал, даже не напоминая о себе, но поскольку сейчас работа еще не началась, он решил подать голос:

— *...Зато какой здесь народ! Допустим, не везет ему с правителями, а он все-таки выживает и будет выживать. Вспомни, к примеру, прошлый год...*

И Ян вспомнил. Вспомнил затопленные дома, плавающую мебель,

торчащую из воды кабину КамАЗа; но самое жуткое впечатление оставила вздувшаяся туша коровы, дрейфовавшая вдоль столбов, обозначающих скрытую водной гладью дорогу. Еще Ян помнил лихих ребят из МЧС (собственно, сейчас он и ехал к ним); вместе они тогда искали укрывшихся на крышах и чердаках людей, которые стерегли свое добро от мародеров. Ян сделал тогда материал об этом катастрофическом паводке, определив главной героиней бабку, чудом втащившую на крышу козу и объявившую, что не бросит «кормилицу» и, если «Богу так угодно», умрет вместе с ней. Репортаж получился настолько пронзительным, что после его публикации в области началась проверка, и один из вице-губернаторов даже лишился кресла.

— *И что?* — Ян презрительно посмотрел на «соседа по телу», но поскольку ему было скучно, снизошел до более обстоятельной беседы, — *героизм нужен там, где нет профессионализма, а у нас его нет нигде; потому Россия — страна героев. Великая победа, твою мать, сняли вице-губернатора! Так на его место поставят такого же — это ущербна сама вертикаль власти... Ты тут народом восторгаешься, а если вдуматься — когда козы и шмотки ценятся дороже собственной жизни, это что? А я скажу — это уже извращенное сознание!..*

— *Насчет вещей, согласен, а вот бабку с козой я понимаю,* — Кирилл вспомнил, как пацаном кинулся на здорового пса, спасая котенка, но делиться своими воспоминаниями не стал, представляя реакцию «соседа»; он молча закрыл дверь в свою каморку, и Ян с радостью вернулся в день сегодняшний. Правда, радоваться было особо нечему — командировочное задание выглядело абсолютно бесперспективным, из раздела «По следам наших выступлений».

...*Да ни хрена там не изменилось!..* Ян привстал на цыпочки, сделал пяток едва заметных наклонов, потому что поясница затекла от долгого стояния, но нюхать грязные носки было намного хуже.

— Ян! — снова донеслось из купе, — первый президент США, демократ? Ни Линкольн, ни Вашингтон почему-то не подходят!

— Они и не подойдут — при них еще никаких партий не было. А первый демократ — это Кливленд.

— Блин, точно! Откуда ты все знаешь?

— В школе хорошо учился, — пошутил Ян, но и с юмором у Славика оказалось неважно; он удивленно отложил ручку.

— Я, блин, академию закончил и то не знаю!

...*Представляю, какая академия в твоём Мухомосранске,* — Ян усмехнулся, — *тебе б мой диплом показать — ты б только на «Вы» разговаривал...* — но промолчал — он давно отучил себя заниматься «метанием бисера перед свиньями».

На смену деревьям пришли серые, еще не просохшие под нежарким весенним солнцем домики; потом они стали подрастать, делаясь благообразными и отгораживаясь каменными заборами; следы «землеходов» стали гуще, появились люди, магазины. Это начинался город, который за прошедший год успел смешаться с десятком других, точно таких же, превратившись в безликое нагромождение строений.

Вернее, нет, кое-что Ян помнил конкретно — например, загаженный голубями памятник Ленину на пустой площади, новенькое здание МЧС с развевающимися флагами у входа; кафе, где было вполне приемлемое пиво, но «резиновая» пицца.

...*Сейчас поговорю с МЧСниками... хотя что они мне скажут, если*

в этом году особого паводка не было? Что все у них теперь хорошо? Так в России все всегда хорошо, пока где-нибудь не случится катаклизм — тогда сразу кидаются все проверять, и везде оказывается плохо... ну, страна у нас такая — сплошных авралов и «кампаний по борьбе...»

Интересно, бабка с козой жива?.. Да, пожалуй, для начала съездим к ней, а дальше посмотрим. Что-нибудь накропаю, коль уж за это платят. Собственно, для чего мы живем? Чтоб зарабатывать в трудах и тратить в удовольствиях...

Поезд вкатился на перрон и, тяжело вздохнув, замер. В тишине возникли голоса, шаги, зашуршали пакеты. Ян никуда не спешил, поэтому вышел одним из последних, когда бурный людской поток уже перетек в город через новенькие кованые ворота; двигаясь по течению изрядно обмелевшего «ручейка», он вышел точно к стоянке такси.

— Мужики, в МЧС кто-нибудь подкинет?

— Садись, — пожилой водитель распахнул дверь. — Две сотни.

...Все же в провинции есть своя прелесть, — Ян аккуратно пристроился на колени выдавший виды кофр, — в Москве за две сотни разговаривать не будут, а здесь дверь открывают!..

— А правда, что Москва полдня стоит в пробках, или врут, как всегда? Типа, чтоб мы тут на жизнь не шишко жаловались? — спросил вдруг таксист, останавливаясь у светофора.

— Не, в этом не врут, — Ян усмехнулся. — Слушай, а с чего ты решил, что я — москвич?

— Есть в вас во всех что-то такое.

...Есть, — мысленно согласился Ян, — иллюзий у нас меньше. Только внешне-то как это проявляется? Одежда вроде по-вашему... — Ян отвернулся к окну, разглядывая облезлые четырехэтажные здания, явно построенные еще до войны. Горожане наверняка гордились «старинным» обликом главной улицы, а Ян чувствовал, что не смог бы прожить здесь и месяца — эти неторопливо двигавшиеся пешеходы; автомобили, степенно ползшие четко двумя рядами; витрины магазинов, сохранившие неформат начала перестройки — настоящее сонное царство. ...А меня никто, слава богу, и не зовет сюда жить...

— В этом году разлив сильный был? — спросил он.

— Да так, — водитель пожал плечами, — снега почти не было, и весна затяжная. Вот в прошлом году — да! У меня сестра в районе живет, так их чуть не смыло. Такое было в шестидесятом — я пацаном еще бегал, но помню.

— Кстати, а при социализме как с паводками боролись?

— Да никак, — водитель усмехнулся. — Кому мы нужны, хоть тогда, хоть сейчас? Ту же сестру взять — обещали и компенсацию за имущество, и дом из бюджета отремонтировать, а в итоге, как вернулась в полузатоленную халупу, так и живет. Газ обещали подвести по какому-то национальному проекту, так дотащили до поселка, а дальше, говорят, за свои бабки — шестьдесят штук с двора, и пользуйтесь благами цивилизации. А откуда в деревне шестьдесят тысяч? Даже если дом продать и жить на газовой трубе, все равно не хватит. Вы ж этого не знаете в своей Москве. Я читал, у вас квадратный метр стоит сто пятьдесят тысяч, а у нас мерило — «продовольственная корзина»; типа, сколько хлеба и картошки человек может себе позволить сожрать в месяц!..

Водитель замолчал, поняв, что отправляет претензии не по адресу, и

Ян решил не продолжать тему — зачем объяснять какому-то таксисту, что ждет эту страну в обозримом будущем? Кто он такой? Его дело — крутить баранку.

...А помнишь нашу коммуналку с сортиром в конце коридора? А как мать ни свет ни заря бегала занимать очередь за молоком?.. Вот было жуткое время!.. — напомнил Кирилл. — *А сейчас все класс...*

Вступать в полемику о том, что лучше — наше настоящее или наше прошлое, Яну не хотелось, и он предпочел возобновить беседу с таксистом.

— Думаешь, в Москве живут одни олигархи? — спросил он. — Там есть и свои нищие, и своя «продовольственная корзина».

— Ой, да бросьте вы! — таксист, похоже, всех москвичей считал олигархами, и дальше они снова ехали молча.

Когда показалось здание цирка с плоской скошенной крышей и рекламными щитами на фасаде, а напротив белые флаги с «розой ветров», Ян узнал это место и попросил:

— Останови.

Такси лихо тормознуло у входа, но едва Ян вышел, поспешно отъехало, потому что к нему сразу направился суровый человек в серой форме.

...Блин, конечно, а вдруг генерал подкатит на своем «мерине»? У нас же все для блага народа, — ехидно подумал Ян, поправляя на плече кофр.

Помпезно отделанный холл МЧС ничуть не изменился, даже телефон стоял на том же столике, и достав визитку, полученную в прошлом году, Ян набрал внутренний номер.

— Добрый день. Капитана Орехова можно услышать?

— Он на ликвидации. Должен быть к концу недели, — сообщил женский голос.

— А... — Ян напряг память, — лейтенант еще у вас есть; не помню, как зовут — молодой такой, высокий, красивый.

— Знаете, сколько у нас красивых высоких лейтенантов? — вздохнув, девушка положила трубку.

...Похоже, ей, бедной, лейтенанта не досталось, — Ян вышел на улицу. — Вообще, классный расклад! И что, до конца недели торчать в этой дыре? Да и было б ради чего!.. Значит, работаем по стандартной схеме — зря только приехал...

— Извините, — он остановил шедшую мимо женщину, — а где здесь администрация области?

Женщина, видимо, не признала в нем москвича и посмотрела с подозрением, как на потенциального террориста.

— Вон за угол повернете и метров триста.

— Спасибо, — снова поправив кофр, Ян отправился за угол.

Чтоб сляпать материал по «стандартной схеме», действительно, не требовалось покидать редакции, а достаточно было вдумчиво покопаться на сайте администрации, потом найти «тревожные сигналы» и «сердечные благодарности», творчески все это перемолот в словесный винегрет, который приправить выводами, зависящими исключительно от отношений центральных властей к властям данного региона. Но Ян был принципиальным противником подобной работы, считая, что она допустима в ежедневной газете, призванной лишь доносить информацию, а никак не в еженедельнике, где люди ищут анализ событий, какие-то неизвестные, как правило, пикантные подробности. Потому он и хотел прокатить-

ся с Костей Ореховым по местам их прошлогодней «боевой славы». ...Блин, как же называлась деревня-то? Бредихино?.. Бредякино?.. Синдякино?.. Ладно, гляну потом в ноутбук...

Впереди возникла площадь с Лениным, по случаю подготовки к майским праздникам отмытым от голубинового дерьма. Здесь на фоне прочих здание администрации смотрелось очень солидно, но для того, кто как свои пять пальцев знал Дом Правительства РФ, выглядело оно сараем, облицованным старой пожелтевшей плиткой. Ян поднялся на высокое крыльцо и, миновав неработающий металлоискатель, сразу направился к телефону; нашел по списку нужный номер.

— Добрый день, — голос в трубке оказался гораздо приятнее и приветливей, чем в МЧС.

— Девушка, а кто у вас мог бы встретиться с прессой? — Ян назвал свое издание и фамилию. Фамилия, конечно, вряд ли, а вот название еженедельника определенно произвело впечатление.

— Что вас интересует?

— В прошлом году я был здесь во время паводка, когда целые деревни смывало...

— Ой, да мы уж и забыли этот кошмар, — перебила трубка. — Все давно восстановили, людям компенсации выплатили...

— Кто б сомневался, — усмехнулся Ян, вспомнив родственницу таксиста, но девушка не почувствовала издевки.

— Хотите, сделаю подборку документов? — предложила она.

— Хочу, — Ян уселся рядом с женщиной, судя по выражению лица, пришедшей на кого-то жаловаться. Можно было б, конечно, разговорить ее и выудить какую-никакую темку, но мысль возникла совсем другая: ...Как же так получилось? Маринка вчера днем звонила, и ей сказали, что Орехов на месте. То есть он уехал сегодня утром? Не, я понимаю — ликвидация, но неужели не могли отправить кого-нибудь из «высоких красивых лейтенантов»? Что такое не везет, и как с ним бороться...

— Кто здесь Борецкий?

Ян вскинул голову и увидел длинноногую девицу в мини, с распущенными русыми волосами. Вопрос звучал, по меньшей мере, глупо, если учесть, что, кроме полицейского на вахте, «жалобщицы» и Яна, в холле не было никого. Но Ян являлся гостем, и приходилось играть по принятым здесь правилам.

— Я, — поднявшись, он протянул «корочку». Девушка мельком взглянула в нее и улыбнулась. Вообще, выглядела она не в меру сексуально для сотрудницы администрации.

...Похоже, понятие дресс-кода сюда еще не дошло, — решил Ян. — Если б у нас так одевались, я б реально жил во всех префектурах по очереди!..

— Пожалуйста, — девица подала диск. — Здесь решения областной Думы, постановления...

— Спасибо, — Ян сунул диск в кофр. — А как вас зовут?

— Алена.

— Звучит красиво. Так вот, Алена, вы ж понимаете, любой официоз я мог бы получить и в Москве. Мне интересно, чтоб вы что-нибудь дополнили лично — то, чего нет в этих победных релициях; мы ж оба знаем им цену. Поэтому предлагаю любое кафе, на ваш выбор.

— А если у меня, например, есть жених? Ну, так, между прочим, —

она хитро прищурилась. Но Яна никогда не пугали даже мужа, а уж, тем более, женихи.

— Очень верно подмечено.

— Что именно? — удивилась Алена.

— То, что жених — это «между прочим», — Ян взял ее руку. — Я, честное слово, не собираюсь претендовать на сие почетное место. Так что, Ален? Куда идем?

В этот момент совсем некстати появился солидный мужчина в очках, перед которым полисмен принял подобие стойки «смирно». Алена резко высвободила руку, но Большой Начальник проследовал мимо, даже не взглянув ни на кого, и скрылся внутри здания.

— Если, конечно, вы не удовлетворены информацией... — продолжала девушка, видимо, успев обдумать предложение.

Ян обворожительно улыбнулся.

— Да, я не удовлетворен. И могу с чистой совестью написать в репортаже, что местные бюрократы вместо откровенной беседы формально сунули мне дутый отчет о якобы проделанной работе. Так что, Аленушка, в ваших руках доброе имя целой области.

— Давайте вечером, в семь; здесь, у входа... — Словно боясь передумать, девушка поспешила уйти, но все-таки оглянулась, прежде чем исчезнуть в длинном коридоре. Ян некоторое время наблюдал за удаляющейся стройной фигуркой. *...Теперь можно сидеть тут и до конца недели*, — решил он, — *по крайней мере, пополню коллекцию...*

— *...Она хорошенькая*, — заметил Кирилл, молчавший все время, пока речь шла о работе.

— *А ты знаешь у меня хоть одного «крокодила»?* — Ян усмехнулся. — *Это только ты мог с очкастой Ирккой из девятого «Б» лобзаться по подъездам...*

Кирилл униженно замолчал, и Ян, довольный собой, вышел на крыльцо. Протянутой рукой Ленин указывал на сквер по другую сторону площади, и Ян направился туда, чтоб взглянуть на содержимое диска — вдруг там не хватит материала даже на «стандартную схему».

Пройдя мимо укрытого с прошлой осени фонтана, он устроился на скамейке и достал ноутбук. На диске, действительно, оказалась масса обещанных документов, но их сухие строчки не впечатляли. По ним все, естественно, выглядело красиво, но Ян-то уже привык, что чем красивее отчеты, тем меньше в них правды. Он уставился на мертвый фонтан.

...Все-таки не мешало б смотаться к бабке с козой, чтоб оживить всю эту ахинею... — Посмотрел на диск, вылезший из ноутбука, — *Точно, деревня Бредихино!* — Ян реально увидел синюю табличку на торчащем из воды бетонном столбике. — *Как у нас на факультете говорили, «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете...» Или, выражаясь современным языком — бешеной собаке семь верст не крюк...*

— *А как же планы на вечер? Ты что, хочешь пробросить такую девушку?* — испугался Кирилл. — *Что тебе далась та бабка с козой? Напиши, что она жива... или не жива — проверять-то никто не будет!*

— *Да не могу я это написать, потому что — профессионал! А девиц таких полстраны!.. Конечно, если сравнивать ее с твоей Ирккой, то, понятное дело...*

— Что ты примотался к Ирке? — Кирилл обиделся. — Сам все знаю, но она была единственной, кто на меня клюнул!

— Вот в том и беда твоя, — Ян вздохнул. — Ты всегда ждешь, когда тебя выберут, а должен выбирать сам... Ладно, может, еще и успею вернуться к семи...

Ян уверенно направился в знакомую гостиницу, где, как и в прошлом году, редакция забронировала ему номер, а, заселившись, сразу поехал на автовокзал. Всю дорогу Кирилл молча вздыхал, и Ян перестал обращать на него внимание.

На автовокзале выяснилась потрясающая вещь — оказывается, автобусы в Бредихино не ходили; то есть не по какому-то стечению обстоятельств, а уже год не ходили вообще! Надо было ехать до какого-то Глушенково, а дальше восемь километров, хоть идти пешком, хоть лететь на крыльях.

...Я ж не имел в виду так буквально — трое суток шагать!.. — Ян растерянно остановился посреди зала, и Кирилл понял, что у него появился шанс.

— Слушай, какую сенсацию ты там хочешь нарыть? — начал он вкрадчиво. — Если туда даже автобус отменили, ежу понятно, что никто там ничего не восстанавливал. Ну, пообщаешься ты с бабкой и ее козой, и что? Нечего там делать; тебе даже сверху подсказывают — все ж одно к одному, и Костю Орехова угнали в командировку, и диск с документами уже есть... для полных дебилов, которые ни хрена не понимают, даже автобус отменили!.. И само название-то — Бредихино; от слова «бред»!..

Во всем этом присутствовала определенная логика, но Ян не мог допустить, чтоб непутевый «сосед» вмешивался и в его профессиональную деятельность — хватит того, что в свободное от работы время он приставал со всякими глупостями.

В стороне от автобусов стояли пять грязных легковушек, водители которых азартно резались в карты на капоте старой «шестерки», и Ян подошел.

— Мужики, Бредихино — знаете такой населенный пункт?

— И чо? — спросил один, даже не обернувшись.

— Ни чо! — Яна бесил этот беспросветный похоренизм. — Сгонять надо! Подождать пару часов и привезти меня обратно.

— Ну, туда — штука! — Водитель эффектно убил козырной дамой пикового туза. — Обратно — штука! — В ход пошел козырной король. — И каждый час ожидания — по пятьсот... а это вам, хлопцы, на погоны... — Он бросил на капот две фоски и наконец обернулся: — Что, командир, за три штуки едем?

— Едем.

Водитель оказался неразговорчивым, и Яна это устраивало — он не мог назвать причину, но не испытывал симпатии к этому человеку. Профессия, конечно, научила его приспосабливаться к любым собеседникам, но сейчас необходимости беседовать не было, ведь вся нужная информация ждала его в конце маршрута.

Ян уставился в окно, пытаясь отыскать колоритные штрихи, всегда придававшие репортажам яркость, но скоро понял, что ничего интересного вокруг нет и быть не может — лишь грязная обочина, редкая лесополоса с корявыми деревьями, корка прошлогодней листвы, еще держав-

шая в плену хилую зелень, а за лесополосой бескрайние, вспаханные с осени, черные поля.

Монотонная бескрайность, среди которой он двигался к весьма расплывчатой цели, настраивала на философский лад, и тут, как всегда, появился Кирилл, ловивший подобные моменты.

— ...И чего ты добился? — спросил он, отвлекая Яна от созерцания разбуженной, но еще не совсем проснувшейся природы.

Про данный конкретный случай тот ответить не мог, поэтому перешел на глобальные категории.

— Вообще-то молчал бы ты в тряпочку уже потому, что я позволяю тебе паразитировать за мой счет! А ты, свинья, еще пытаешься мне что-то указывать!

— Ничего я тебе не указываю, — снова обиделся Кирилл, — пишешь ты, что хочешь...

— Ну, не хватало, чтобы ты еще совал нос в то, что я пишу! — Ян возмущился до глубины души, — хватит, что ты пытаешься командовать, с какой девкой мне спать! Вот, скажи, чем эта Алена лучше той же Настьки?

— А всем лучше...

Настя была хохлушкой, закончившей у себя дома какой-то университет и приехавшей покорять Москву — Киев ей показался мелковат. Она бредила телевидением, и Ян, познакомившись с ней совершенно случайно, взялся помочь. Расчет за услуги, естественно, принимался в натуральной форме, но после пары «взносов» Насте вдруг расхотелось уходить на съемную квартиру в Строгино, которую она снимала на троих с еще двумя такими же «завоевательницами».

Карьера теледивы, правда, не состоялась, потому что друзья Яна позвонили через неделю и сказали:

— Девочка твоя хочет не меньше, чем собственное шоу на федеральном канале, а тут постели маловато — тут еще бабки нужны. Ты за нее впрягаешься?

Ян, конечно, ответил — нет, но Настя к тому времени уже как-то прижилась на новом месте.

Кстати, очень быстро выяснилось, что карьера — совсем не главная ее цель, а вполне достаточно светских тусовок, свободного пропуска в телецентр и прочих, как считал Кирилл, «дешевых понтов», но Яна девушка устраивала. А что — смазливая, послушная и всегда под рукой...

— Слышь, брат, — неожиданно подал голос водитель, — ты знаешь, как ехать в это твое Бредихино?

— Я?.. — Ян от удивления вытаращил глаза, — да без понятия! Рулило у нас кто?

— Рулило-то я, — водитель усмехнулся, — но я чего, каждую деревню должен знать? Слышал, есть такая в Глушенковском районе — так до Глушенково осталось километров двадцать, а дальше куда?

— Дальше еще восемь километров, — Ян вспомнил девушку из справочного бюро на автовокзале. — Но вот куда?..

— Ладно, спросим в Глушенково.

Ян подался вперед, пытаясь обнаружить хоть какой-нибудь указатель, но не было ничего, кроме тех же бескрайних полей и раздолбанной дороги, на которой машину трясло мелкой болезненной дрожью.

— ...А я предупреждал — не фиг сюда переться, — воодушевился Кирилл. — Слава богу, время есть, чтоб вернуться к семи...

— Да достал ты! Возлюблю я твою Алену! Только угомонись!

— Почему только возлюблю? У нее взгляд...

— Хорош, а! Как со всеми!..

Сразу за поворотом возник покосившийся сарай с вывеской «Авто-станция Глушенково», из которой, похоже, совсем не вчера вывалилась буква «с». Возле «сарая» стоял ПАЗик, а чуть в стороне, жутко грязные «Жигули». Рядом с ними таксист и остановился. Ян тоже вышел, скорее, чтоб всласть потянуться и размять ноги, затекшие в непривычно тесном салоне.

Таксист постучал в стекло, и оно с готовностью опустилось.

— Слушай, Бредихино где-то тут есть. Как туда проехать?

— Проехать просто, только Бредихино больше нету... — «Абориген» засмеялся, видя удивленные лица гостей. — Там жителей-то было человек двадцать; после прошлогоднего наводнения его решили не восстанавливать, а народ расселили. В смысле, как расселили — кто уехал к родственникам, кому в райцентре брошенный дом выделили; фермер один — ну, типа, при деньгах, тот в город подался. А вам кого там надо?

— А кого нам надо? — таксист повернулся к Яну.

— Как бы сказать?.. — тот почесал затылок, — бабка там жила. С козой. Дом у нее с краю. Не знаю, как зовут...

— Дунька, что ли? — подсказал «абориген». — Она на рынке постоянно молоком торговала. Так Дунька померла.

— Когда? Во время паводка?

— Не, после. К осени ближе. А чего вы хотели?

— Да ничего. Спасибо.

Ян отошел — задача решилась сама собой, просто и до обидного примитивно.

— Дальше чего? — таксист был явно доволен, что не придется забираться в глухомань, где вместо дороги наверняка лишь «направление».

— Поехали обратно, — Ян вздохнул. — Две штуки отдам, как договаривались, — он забрался обратно в машину.

— ...Слышь, повезло тебе — успеем к твоей Алене, если не сломается, так что будет и на твоей улице праздник.

Кирилл промолчал, и едва машина развернулась, Ян закрыл глаза — наблюдать тусклый однообразный пейзаж не было ни интереса, ни смысла. ...Исходя из ситуации, план такой — сегодня сплю с «административной дивой»; завтра посмотрю диск, прикину материал, а вечером...

— Вечером Аленку пригласи, — подсказал Кирилл.

— Какая Аленка? О чем ты говоришь? Вечером, по любому, на Москову! И никаких соплей! Я даже билет сейчас возьму...

— Слушай, — Ян открыл глаза и сказал водителю: — В городе кинь меня на ж.д. вокзал — билет надо взять.

— Получается, зря прокатился? — в голосе таксиста звучала неподдельная радость от чужой неудачи.

— Почему зря? — Ян не любил признавать даже крохотных поражений, — план я выполнил, а бабка с козой — это сверхзадача.

— Ну, и слава богу, — таксист разочарованно вздохнул, и оба замолчали, теперь уже до самого города.

С билетами проблем не возникло; вернее, возможно, у тех, кто ездил в плацкарте, они были, но Ян предпочитал если не СВ, то хотя бы купе.

Таксист давно уехал, до семи оставался целый час, поэтому от вокза-

ла Ян не спеша побрел по главному проспекту, решив за неимением достойного «оживляжа» вставить в репортаж впечатления от города.

Со смотровой площадки, где тонкую стелу венчал орден Отечественной войны, открывался вид на водохранилище, и Ян достал камеру. *...Пусть хоть такой водоем будет...* — Он сделал несколько снимков. — *Вообще, вода — интересная штука; кто-то вот запускает «механизм» ее безумия или просто в прошлом году снега выпало больше нормы, а глобальное потепление пошло ускоренными темпами?..*

— *А ты сам как думаешь?* — подал голос Кирилл, но Ян не ответил, чтоб не провоцировать бессмысленный поиск никому не известных истин.

Миновав сквер, он подошел к вождю мирового пролетариата, уверенно смотревшему в одному ему видимое светлое будущее. Часы на башенке, венчавшей потрепанное желтое здание, показывали без четверти семь, и Ян направился к администрации.

...Лестница к небожителям, — подумал он, но, сосчитав ступени; усмехнулся, — *невысокого полета птички-то...*

Из здания администрации выходили мужчины и женщины, причем в основном парами и оживленно беседуя. *...Небось, думают, что решают великие проблемы,* — Ян вздохнул. — *Страна сплошных понтов.*

Алена вышла одна. Ян помахал рукой. Резко свернув, девушка направилась к нему, и через минуту они встретились.

— Ну, привет, — Ян взял ее за руку, но не почувствовал ответного движения. — Куда идем?

— Не знаю, — Алена пожала плечами. — Только учтите, я даже не представляю, о чем вам рассказывать.

— Искусство журналиста в том и состоит, чтоб правильно ставить вопросы и получать нужные ответы. Так куда? Чтоб и поесть можно было — я целый день голодный.

— А что так? — не называя конечной цели, Алена пошла через площадь, и Ян последовал рядом.

— Не успел. Я ж в прошлом году был здесь после паводка; репортаж сделал, после которого ваш вице-губернатор загредел под фанфары.

— Так это вы написали? — Алена повернула голову, и Ян впервые заметил в ее глазах подлинный интерес. — Помню, шуму много было. Над судьбой бабки с козой женщины у нас рыдали.

— Писать я умею — работа у меня такая. А вот объясни, — Ян нащупал тему, — хоть убей, не понимаю людей, готовых утонуть вместе со своим барахлом.

— Немудрено, — Алена пожала плечами. — Вы ж не представляете их жизни. То, что вы называли барахлом — это все, что у них есть, и они прекрасно отдают себе отчет — ничего другого у них никогда не будет, так как нет денег. Дом новый они не построят, еда — только та, что лежит в погребе, одежда — та, что висит в шкафу; все, больше ничего за душой нет! Вот пропадет оно, и как жить потом? Бомжевать? Они спасают имущество не от жадности, а чтоб выжить в дальнейшем, понимаете? Кроме как на себя, надеяться им не на кого.

— А на наше любимое государство? — съязвил Ян.

— Вы что, реально верите в него? — Алена остановилась; хотя тут же выяснилось, что сделала она это вовсе не от удивления. — Нам сюда. Вполне приличное кафе.

Они вошли, сели за столик, но воззрения новой знакомой интересовали Яна гораздо больше, чем меню.

— То есть диск, что ты мне дала, высосан из пальца, так?

— Если вы это напишите, меня уволят.

— Да не напишу, не бойся, — Ян ласково взял руку девушки, — слово даю! А еще лучше, я сначала пришлю тебе материал, чтоб ты подправила, если что. Поверь, ради сенсаций я «своих» никогда не сдаю.

— А я уже ваша? — Алена удивленно вскинула брови.

— В некотором роде, да; пока не во всем, конечно, но над этим будем работать позже, — Ян улыбнулся.

Алена, видимо, оценила двусмысленность фразы, и они сидели, молча улыбаясь друг другу, пока не появился официант.

— Что будешь пить? — Ян открыл меню.

— Наверное, ничего.

— Ведешь здоровый образ жизни?

— Да нет, — Алена засмеялась. — Не курю — это да, но вино пью; только завтра мне за руль, поэтому как-то страшновато.

— Ментов, что ли, боишься? — Ян искренне удивился.

— И ментов тоже. А больше, что сама куда-нибудь въеду — я только месяц как права получила, а алкоголь, говорят, держится в крови сутки...

— Да чудо ты мое! — Ян сжал Аленину руку, — Хочешь, отвезу тебя, куда скажешь? Десять лет стажа по Москве — это великая школа. Тачка у тебя какая?

— «Меган». Новенькая. Три месяца назад купила.

— Ну, нормально. Главное, не «Лада-Калина». Не люблю! И так, куда мы завтра едем?

— Вы закажите что-нибудь, — Алена выразительно посмотрела на терпеливо застывшего официанта.

— Давай лучше ты, — Ян развернул меню, — а то попаду на что-нибудь несъедобное.

Алена выбрала блюда; Ян добавил бутылку вина, и официант удался.

— Так куда ж мы поедem? — Ян вернулся к начатой теме.

— Надо отцу передачку отвезти.

— Он что, сидит? — Ян даже опешил.

— Да бог с вами! — засмеялась Алена. — Просто я так называю. Отец у меня... — Она задумалась, пытаясь поточнее обрисовать ситуацию, но не нашла нужного слова. — Короче, они с матерью разошлись. Он оставил нам квартиру, а себе забрал дачу; только это не совсем дача, а домик на сваях у самой реки. Там таких — целый поселок еще с советских времен. Красота потрясающая! С одной стороны река, с другой — затон... Получается, типа полуостров. Вокруг лес... в общем, это видеть надо.

— Завтра и посмотрим, — Ян мгновенно решил, что такое времяпрепровождение гораздо приятнее копания в решениях и постановлениях, которыми он может заняться в поезде.

— Только там сейчас все затоплено — туда не проедешь.

— Как это? — Ян удивленно откинулся на стуле. — Объявили же, что паводка в этом году нет.

— Его и нет, но у них свои заморочки... — Алена замолчала, ожидая, пока официант выставит на стол блюда.

...Она, правда, интересная девчонка!..

— Я ж тебе говорил! А ты не верил! — возликовал Кирилл.

Официант удался, и Ян наполнил бокалы.

— Давай. Не бойся, завтра я поведу. Так что за заморочки?

— Там есть специальные шлюзы, чтоб во время паводка лишнюю воду сбрасывать, а их заклинило, поэтому вода и поднялась, и все прибывает. Ничего особо страшного нет — во-первых, все дома на сваях, а, во-вторых, в такое время там, кроме отца, никто не живет. Но ему-то есть, пить, курить надо. В сезон народа тьма; одни приезжают, другие уезжают, так он с ними договаривается; зимой рыбаки на выходные наезжают — тоже все привозят, а сейчас никого. Вот он мне звонит — типа заказ делает.

— А как же ты к нему добираться, если кругом вода?

— Я до нужного места доезжаю, а он на лодке приплывает.

— Экзотика, блин! Давай, за поездку! — Ян поднял бокал.

— Я не навязывалась — вы сами захотели.

— Слушай, хватит выкать! А то как-то даже...

— Ладно, — Алена сделала глоток и засмеялась. — Все, начала бухать — завтра я уже не рулю.

— Ты по любому не рулишь, забудь! — поставив наполовину опустевший бокал, Ян придвинулся ближе. — Ален, слушай, а на работу ты завтра не идешь?

— Нет, — она покачала головой, — боссы в Москве и вернутся послезавтра. Они уже почти неделю там торчат, а я с девчонками договорилась — мы это часто практикуем.

— Неделя — что-то долго. Обычно местечковые «пупки» стараются парой дней отстреляться, чтоб не попасть кому-нибудь под горячую руку. Отрапортовал, и домой.

— Тут особая миссия, — Алена многозначительно подняла палец. — Дополнительные деньги поехали кланчить — регион-то у нас дотационный, а на носу посевная.

— Поздненько спохватились. В Минрегионе уже все лимиты расписаны — я-то знаю.

— Ну, наверное, потому и регион дотационный, что спохватываются поздно, только ты об этом тоже не пиши, ладно? — она допила вино и принялась за остывавшую еду.

— Я ж сказал — сначала я тебе материал скину; не волнуйся.

— Я особо не волнуюсь...

— Что, жених заступится? — непонятно к чему вспомнил Ян.

— Да нету никакого жениха, — вместо обычного в таких случаях тяжкого вздоха Алена рассмеялась, — наврала я. Мне ж только двадцать четыре — пожить еще хочется.

— Это правильно, — Ян решил, что девушка начинает ему реально нравиться.

Пока он вновь наполнял бокалы, Алена наконец-то вздохнула, только совсем по другому поводу.

— У отца классно. Там у него всякие лешие, водяные...

— Это не от... — Ян выразительно приставил два пальца к кадыку. — Типа зеленые человечки, нет?

— Ты что? — Алена обиделась. — Он не алкаш. Да я и сама один раз лешего видела — огоньки в лесу висели-висели, а потом то ли в дерево, то ли в землю ушли.

— Может, инопланетяне?

— А может. Я у них не спрашивала, только они и рыбу отцу загоняют, и на грибные места наводят. Вот вода спадет...

— А если я приеду, когда вода спадет, познакомишь?

— ...Браво! — воскликнул Кирилл.

— Дурак, — Ян постучал ему по лбу, — доморощенная мистика сейчас самая проходная тема — «на ура» идет!..

— Сие не от меня зависит, — Алена пожала плечами. — Я так поняла — если они решают, что человек с добром пришел, то показываются, а иначе нет.

...Эх, Аленушка, — вздохнул Кирилл. — От этого козла ты добра не дождешься...

— Хорошо, что напомнил, а то уже почти десять — пора определяться с продолжением вечера...

— Как говорится, прикольно тут у вас, — сдвинув опустевшую тарелку, Ян разлил остатки вина.

Алена, похоже, угадала его мысль, потому что спросила:

— Ты где остановился? — и когда Ян назвал гостиницу, махнула рукой, — там все свои. Мы туда рабочие группы из всяких министерств селим, так что, если хочешь, могу сопроводить.

— Конечно, хочу! А то я и днем у вас тут не ориентируюсь, а ночью подавно. Пойдем? — Он достал бумажник.

— Сейчас, — Алена достала помаду и зеркальце.

— ...На фиг нам та Настя? — оживился Кирилл, — давай...

— ...Слушай, хватит, а! — перебил Ян, — это пока в новинку, с ней интересно, а через месяц обрыднет, как и другие! Ты ж, дурак, ничего в девушках не смыслишь...

— Я готова, — прервав спорщиков, Алена встала и, первой выйдя из кафе, повернулась к ярко освещенной стоянке перед администрацией. — Вон моя красавица... — Она показала на единственную, стоявшую там машину.

— Так поехали! Или ты здесь ее бросишь?

— Конечно, здесь — оно надежнее, чем у гостиницы, а идти пешком ровно пятнадцать минут, — Алена развернула Яна в нужную сторону; тот обнял ее и уже потом спросил:

— Можно?

— Можно. Ты вроде нормальный... или прикидываешься?

— ...Я! Я не прикидываюсь! — крикнул Кирилл, но его никто не услышал, а Ян промолчал, не зная, как ответить, чтоб это соответствовало истине.

До гостиницы они шли молча, с удовольствием дыша весенним воздухом, который еще не был пропитан пьянящим ароматом распускающихся листьев, но после колючих зимних ветров уже пьянил теплотой и свежестью.

— А у тебя жена или девушка есть? — Алена неожиданно освободилась от руки кавалера.

— ...Нет!.. — воскликнул было Кирилл, но Ян легко подавил этот глупый всплеск эмоций, так как считал: он достоин того, чтоб девушки спали с ним вне зависимости от его прошлого, настоящего и уж тем более будущего.

— Жены нет, а девушка имеет место быть, — признался он. — Правда, могу сказать — это не та девушка, которая раз и навсегда.

— Понятно, — Алена вздохнула. — Типа, а жить-то хочется, а жить-то не с кем — вот и живешь с кем попало.

— Слушай! — Ян развернул спутницу так, чтоб видеть ее глаза. — Блин, а ведь точнее и не скажешь!

— Ладно, это уже не интересная история...

— А какая интересная?

— Интересная, например, когда два месяца человек колотит себя в грудь, что свободен как весь китайский народ, а потом приходит СМС, типа я — его жена, а ты, стерва, кто?

— Что, с тобой было такое? — догадался Ян.

— Было. Но не со мной... я решила, что не со мной.

Они вошли в холл гостиницы и, когда Ян протянул руку за ключом, администратор вдруг улыбнулась.

— Здравствуйте, Алена Викторовна.

— Привет, Танюш. Я пройду с товарищем?

— Конечно, Алена Викторовна!

— Прям, Алена Викторовна! — уже на лестнице Ян обернулся. — Ты тут, похоже, в авторитете.

— А как же? Я ж гостей поселяю — могу места у них забронировать, а могу в другой гостинице, усек?

Они поднялись в номер, и Ян запер дверь.

— О, знакомые места, — Алена огляделась. — Здесь жил начальник департамента животноводства; прикольный такой — сам свинину не ест, а приезжал на открытие свиноводческого комплекса, — она задернула тяжелую штору. — Мне сразу раздеваться?

Кирилл решил, что, поскольку рабочий день закончен, он имеет полное право отодвинуть «соседа», и сказал:

— Ален, ну, ты что?.. Разве я похож на маньяка?

Конечно, Ян мог пресечь подобное самовольство, но решил не делать этого, причем, сам не зная, почему; скорее всего, хотел посмотреть, как поведет себя гостья в изменившейся обстановке.

— На маньяка не похож, — Алена присела на постель. — А на мужчину, жаждущего секса, очень даже. Или мы реально будем обсуждать последствия паводка?

— Паводок поедem смотреть завтра, — Кирилл присел рядом и ласково взял ее за руку.

— Значит, все-таки раздеваться, — Алена вздохнула.

— Слушай, — Кирилл развернул ее так, что их лица оказались совсем близко, — не старайся казаться хуже, чем есть, ладно? Тебе это не идет.

— Правда? — она засмеялась. — А я думала, тебе нравится, если вещи называют своими именами.

— Мне нравится это, когда я работаю; тогда да — мне нужна ясность позиции, — Кирилл оглянулся на ухмылявшегося Яна. — А сейчас я хочу искренности, тепла, ласки...

— То есть ты хочешь, чтоб я в тебя влюбилась? Ну, раз требуешь искренности и тепла; ласка, бог с ней — это не вопрос.

— ...Эй, знай край и не падай! — предупредил Ян, но Кирилл не отступил, что было неожиданно — обычно он безропотно освобождал «соседа» жизненное пространство.

— Я тоже имею право на жизнь, понял! — возмущился он.

— Ну, попробуй — посмотрю, как ты потом приползешь зализывать раны...

— Что ты молчишь? Ты действительно хочешь, чтоб я влюбилась? — повторила Алена, не дождавшись ответа. — Зачем? Чтоб ты уехал, а я тут осталась страдать, да?

— ...Умница! — похвалил Ян. — А ты, «сосед», дурак. Как застрял

в своем детстве, так и меришь все детскими категориями!.. А вот девушка с головой дружит...

— Ну, ответь хоть что-нибудь.

— Ты мне нравишься, — признался Кирилл тихо, и Ян промолчал; в принципе девушка ему тоже понравилась.

— Сказать, что я люблю тебя, не могу, — продолжал воодушевившейся Кирилл, — ты ж все равно не поверишь, так?

— Так, — Алена кивнула, — правильно делаешь, что не говоришь этого...

— ...Только авансы особо не раздавай, — предупредил Ян, без труда проникавший в желания «соседа», — а то будешь сейчас в Москву звать; типа я там тебя устрою. Учти, все связи мои, а я не собираюсь их задействовать для первой попавшейся девки. Хватит с меня Нasti — до сих пор телевизионщики припоминают, какую стерву я им пытался впарить.

— А если она не первая попавшаяся?

— Не, ты что, совсем обалдел? Мы знакомы полдня, и она уже пришла трахаться, а прикинь, если ее запустить в Москву да познакомиться с бомондом? Это ж будет Настя, модель вторая! Замучаешься вытаскивать из чужих постелей!..

Довод выглядел весомо, и Кирилл растерянно уставился на свою избранницу. Глаза Алены были закрыты и ничто не мешало ему изучать лицо с чуть вздернутым носиком; большим, чему-то улыбавшимся ртом, родинкой возле левого уха. Несмотря на предупреждение «соседа», оно нравилось ему все больше, и он нашел-таки контраргумент:

— А если я ей тоже реально нравлюсь? Если это искра...

— Не, брат, поиграл и хватит! — Ян грубо отодвинул «соседа». — Сейчас наломаешь дров, а расхлебывать мне! Сам ты способен только слюни пускать...

Ян аккуратно расстегнул верхнюю пуговку на блузке гостыи; за ней вторую, выставляя напоказ ажурный бюстгальтер. Алена открыла глаза — в них не было ни удивления, ни разочарования; наверное, все просто встало на свои места.

Вздохнув, она поднялась с кровати.

— Пойду в душ. Я быстро.

— ...Но нельзя же так!.. — простонал оскорбленный в лучших чувствах Кирилл, — все у тебя как-то...

— Ну, скажи еще, по-животному, — Ян усмехнулся. — А мы и есть животные, только наиболее разумные. А твои ути-пути — они от бессилия. Вспомни, многого ты добился, пока не появился я? Школу окончил с медалью? Ну, за это, конечно, спасибо. А потом только отсиживаешься за моей спиной и пожинаешь плоды моего труда. Вот, представь, что не было б всего, чего я достиг — да эта Алена не подошла б к тебе на пушечный выстрел! И плевать ей было бы, нравится она тебе или нет! Это я ей нравлюсь, понял? И я имею право получить за это плату!..

Ответить Кирилл не успел; да если честно, и не знал, что ответить, хотя очень хотелось.

— Я готова, — Алена появилась, закутанная в полотенце; длинные волосы прикрывали обнаженные плечи.

...Господи, она готова! — расстроился Кирилл. — Похоже, они, действительно, стоят друг друга, а я — глупый идеалист...

Ян молча поцеловал Алену в губы; рот ее приоткрылся, выпустив на свободу шустрый язычок. Кирилл чувствовал его уверенные движения и ему стало грустно.

— Я тоже быстро, — прервав поцелуй, Ян ушел в ванную.

Когда дверь закрылась, Алена сбросила полотенце, оставшись нагишом; юркнула под одеяло и легла на спину, разглядывая белый плафон люстры. Она ни о чем не жалела, ни в чем не сомневалась, но это «ты мне нравишься» смущало воображение. Было в нем, вкупе со странным взглядом, нечто, выпадающее из привычной системы отношений, и это пробуждало щемящее чувство чего-то нереализованного, спрятанного глубоко и, как ей самой казалось, очень надолго.

...Почему он так сказал? Разве ему недостаточно, что я пришла сюда? Ему хочется, чтоб я потом еще мучилась, вспоминая его... Моральный садист, в натуре... — Алена не первый раз прокручивала такой сценарий завершения отношений, причем, с различными для своей психики последствиями, но тут в сценарии появилась новая грань, резко сокращавшая количество «серий». — Зачем я согласилась завтра взять его с собой? Я и сейчас не пьяная, а завтра буду как стекло. Нечего ему там делать! Скажу, что передумала — он, небось, только обрадуется. И вообще, так будет лучше для всех...

Дверь ванной открылась, и мысли разом исчезли, позволяя организму настроиться на предстоящий процесс. Ян выключил свет, а еще через секунду Алена почувствовала руки, уверенно прижавшие ее к накаченному, явно спортивному телу. Она закрыла глаза, хотя в комнате и так было темно...

Сколько прошло времени, Алена не знала, да и не хотела знать. Тело наполняла замечательная усталость, и даже то, что мужчина, сотворивший с ней все это, сразу откатился на край постели, не имело значения. Мысли неспешно ползали среди ярких взрывающихся огней, олицетворявших праздник: *...Интересно, я ему все еще нравлюсь или уже нет необходимости говорить такие слова?..*

— Все хорошо? — спросил Ян.

...Вот он, простой и понятный вопрос! Без всяких глупых заморочек... На него знаешь, что ответить...

— Да... — прошептала Алена. Счастливая истома стала уходить; желая продлить ее, она обняла Яна и добавила такую же простую, понятную фразу: ты — классный...

— *...Понял, дурак, что ей нужно? — Ян оглянулся на Кирилла. — И все довольны, а ты б все испортил!..*

— Похоже, ты прав, — Кирилл тяжело вздохнул. — Но пойми, я ведь имею право на свои эмоции...

— *Имеешь. Скажу больше — без них было б скучно. Все-таки ты вносишь необходимый элемент глупости, препятствующий превращению моего существования в компьютерную программу — потому я еще и терплю тебя, а иначе б давно загнал в самый дальний, пыльный угол памяти...*

Пока «соседи» беседовали между собой, Алена успела вползти на Яна, прижалась всем телом; губы ласково касались его шеи, язычок залезал в ушную раковину...

— Во сколько завтра встаем? — Ян лениво обхватил девушку обеими руками.

Алена уже забыла, что собиралась все переиграть и ехать одна, поэтому ответила механически:

— В восемь. Заскочим ко мне — я переоденусь, потом в супермаркет — затаримся... — только тут она спохватилась, но за секунду менять решение выглядело бы некрасиво. *...Почему он больше не говорит, что я ему нравлюсь?.. Хоть бы во время секса сказал! Хоть так!..*

Настроение мгновенно испортилось. Алена сползла на свою территорию и отвернулась.

— Давай спать?

— Давай, — Ян тоже повернулся на бок и дежурно положил руку ей на плечо.

Темно-синее «Рено-Меган» покинуло город и покатилося по узкому, испещренному трещинами асфальту среди домиков за деревянными заборами, свежевскопанных огородов и садов с белыми от извести стволами яблонь.

...И все-таки не понимаю, зачем тащу его с собой?.. Вразумительного ответа не находилось, а невразумительный звучал вообще абсурдно: Мне не хочется с ним расставаться... Почему? Секс был самый обычный, а кроме него ничего больше и не было...

Время не ограничивало, и Алена пропустила через фильтр своих ощущений все сегодняшнее утро. *...Ну, встали. Мог бы, кстати, разбудить поцелуем, если я ему нравлюсь... а я ему нравлюсь! Иначе б он вчера так не смотрел и говорил не так!..*

Странный взгляд и слова, произнесенные как-то необъяснимо по-особенному, по радостности восприятия превосходили все ранее слышанные ею признания в любви, но от этого не становилось легче — скорее, наоборот.

...Ладно, бог с ним — поцеловать не догадался... Потом поехали ко мне. Подняться он не захотел, то есть ему не интересно, как я живу. Я ж не предлагала снова заняться сексом, но хоть глянуть одним глазком!.. В супермаркете он, правда, таскал пакеты, но еще не хватало, чтоб я корячилась с ними, когда рядом здоровый мужик... Короче, ничего не понятно. Первый раз в жизни со мной такая фигня...

Алена незаметно скосила взгляд на Яна, вперившегося в пустую дорогу, уже бежавшую мимо бескрайних понурых полей.

...И что, я б сама не доехала? Трусиха несчастная... Хотя теперь это уже не актуально...

— Ян, — она перестала скрывать свой интерес и повернула голову, — почему ты все время молчишь? Или получил свое и больше и говорить не хочешь?

Кирилл рванулся, собираясь объяснить, что это не так; что он просто боится выглядеть глупо, если его смутные чувства окажутся ей не нужны, но Ян среагировал быстрее — ему не требовалось искать нужные слова, а хватало лишь озвучить голую правду.

— Понимаешь, — он мельком глянул на Алену и вновь вернулся к дороге, — сознание творческого человека (а журналист, как ни парадоксально, тоже относится к этой категории) работает 24 часа в сутки с редкими перерывами, когда его отвлекает что-то, либо очень важное, либо очень интересное. Так вот, я уже обдумываю то, что собираюсь написать...

— Слушай, — Алена устроилась поудобнее, — а когда ты говорил, что

я тебе нравлюсь, ясно дело, ты отвлекался от своих статей. Скажи, это было важным или интересным?

Тут Ян растерялся — для него это не являлось ни тем, ни другим, и Кирилл воспользовался заминкой.

— Важным! — воскликнул он, — честное слово, очень важным!

— ...*Что ты несешь?!* — Ян попытался остановить зарвавшегося «соседа», но Кирилл его не слушал, стараясь максимально использовать случайно появившуюся свободу.

— Ален, ты удивительная девушка!

— Чем же? — она не растаяла от неожиданного комплимента, но кокетливо повела плечиком.

Расставлять приоритеты было некогда, иначе б Ян снова успел завладеть инициативой, поэтому Кирилл разом выплеснул все, что осталось в душе еще со вчерашнего дня:

— Ты красивая, открытая, откровенная, что в наше время редкость... ты умная...

...*Заткнись, идиот!* — рявкнул Ян, и Кирилл замолчал. — *Зачем эти дурацкие признания? Они, между прочим, несут определенные обязательства! Еще б ляпнул, что влюбился! А ты спросил — мне это надо? Я тебя кормлю, пою, удовлетворяю твои прихоти, а ты, минуя меня, строишь отношения!..*

— И что мне толку от всех этих замечательных качеств? — напомнила о себе Алена.

Но «соседи» молчали оба, действительно, не зная, какую пользу можно извлечь из всего этого набора.

— Станный ты, — Алена вздохнула. — Иногда мне кажется, что в тебе каким-то образом живут два разных человека...

«Соседи» испуганно переглянулись — никому никогда не удавалось разделить их, а такое понимание давало возможность выбрать для общения лишь одного, возвращать его, лелеять, а как тогда существовать второму?..

— ...*Она, правда, слишком умная,* — резюмировал наконец Ян, — *пора с ней завязывать.*

— *Никогда! Чем больше я узнаю ее, тем лучше понимаю, что я ее...*

— *Вот только не произноси эту хрень вслух! Мне это не нужно, понимаешь? А если я разозлюсь, тебе будет хуже — я сотру тебя и стану жить один, только так, как хочу!*

— *Не получится,* — Кирилл ехидно ухмыльнулся. — *Ты сам прекрасно знаешь — мы существуем либо вместе, либо не существуем вообще. Ты хочешь умереть? А как же твои далеко идущие планы?..*

Они могли бы выяснять отношения еще долго, но Алена, не дождавшись хоть какого-нибудь ответа, отвернулась и вздохнула так, что даже Яну стало жаль ее. Правда, слова жалости складывались у него плохо, поэтому Кирилл без борьбы снова захватил власть.

— Алена, милая, — он ласково взял руку девушки, — прости. Я иногда бываю ужасно гадким, но это отпечаток той жизни, которой я вынужден жить. Не обижайся, пожалуйста.

— Не надо. Я уже все поняла, — Алена забрала руку.

— ...*Так его, девочка!* — восторжествовал Ян, — *имей дело только со мной и все будет классно!..*

— Вон колею справа видишь? Нам туда, — Алена, как ни в чем ни

бывало, достала мобильник и, подождав минуту, сообщила? — Пап, я подъезжаю, так что выплывай.

Постепенно луг, по которому они ехали, заполнился водой. Сначала она чуть поблескивала среди ярко-зеленой травы, потом сравнялась с ней, а еще через километр колеса уже рассекали ее, поднимая крохотную волну.

Молчание затягивалось. Кириллу казалось, что скоро они въедут в реку, скроются в ней и задохнутся, ничего не сделав, не сказав друг другу самое главное. Взглянув на ухмылявшегося «соседа», он понял, что тот ничего не боится и уже готов праздновать победу.

— Ален, согласен, мы разные... — Кирилл сделал еще одну попытку использовать свою временную власть. — Но ведь все люди разные, правда? И это не мешает... Мы ж знакомы всего сутки. Не сердись, пожалуйста.

— Да не сержусь я, — отмахнулась Алена. — Просто, знаешь, не надо было тогда говорить, что я тебе нравлюсь, и смотреть так не надо было — тогда все было б нормально.

— Ален, но ты мне, правда, нравишься!

— Допустим, я поверю, — она усмехнулась, — и что дальше?

— *...Только попробуй, заговори про любовь, сволочь*, — прошипел Ян, — *убить не смогу, но больше ты никогда не выйдешь на свободу... никогда, понял!..*

— Нам вон к тем кустам, — Алена вытянула руку, и Кирилл механически вывернул руль, обдумывая угрозу «соседа».

— Что дальше? — Почти въехав радиатором в кусты, он заглушил двигатель. — Пока сам не знаю... — Неожиданно обнял Алену и крепко прижал к себе. — Но ты мне нравишься, как не нравился еще никто!

...Уже легче, — решил Ян, — *хоть в любви не признался...*

— Сейчас ты правду говоришь? — спросила Алена тихо. — Только не обманывай — переспать со мной ты уже переспал и красиво врать больше не обязательно. Не издевайся надо мной, ладно? — при этом ее руки гладили голову Кирилла, и Ян чувствовал, что эти прикосновения ему тоже приятны. Именно поэтому он не прекратил весь этот фарс.

Но «фарс» прекратился сам собой — едва вдали послышался треск мотора, Алена отстранилась.

— Отец едет. Доставай пакеты.

— Сейчас, — Кирилл неохотно вернулся в реальность; открыл дверцу, но растерянno обернулся, — блин! А как же?..

— А так, — Алена весело засмеялась, тоже вернувшись из грез, — снимай джинсы, — сама она была в широких брюках, поэтому сбросив кроссовки, запросто закатала их выше колен.

— Понял, — Кирилл разулся, аккуратно сунул носки в туфли, но раздеваться не стал, а лишь максимально поддернул джинсы, обнажив волосатые щиколотки. Попробовал воду босой ногой, — холодная!

— А ты как хотел? — Алена плюхнулась сразу обеими ногами, подняв брызги, — чай, не лето. Слушай, — опершись о крышу машины, она склонилась в салон, — хочешь, сиди — я сама отнесу.

— Вот еще! Будешь тут надрываться! — Кирилл бесстрашно шагнул в ледяную воду. Сначала ступни обожгло, но потом стало даже приятно ощущать уставшими от обуви пальцами щекотание мокрой травы. У самой ноги он увидел плавник и воскликнул совсем по-детски: — Ой, рыба!

— А ты не знал? — Алена расхохоталась. — Она ж тут по всему лугу

плавает! Потом уйдет обратно в реку, а которая застрянет в старицах, ее можно будет руками ловить.

— Класс! — Кирилл пошлепал к багажнику.

... — *Попробуй простудись*, — предупредил Ян, — *через неделю выборы в двух регионах — работать надо, а ты свалишь меня с температурой...* — Но смех Алены был куда приятнее этого занудного голоса, да и звук мотора слышался уже совсем рядом.

Поднимая широкую волну, справа появилась лодка. Описав дугу, она шла прямо к ним, и Кирилл разглядел не только ее бортовой номер, но и небритого седого мужчину с непокрытой головой, одетого в свитер и штормовку.

...*Классический типаж браконьера*, — на всякий случай отметил Ян и вновь утратил интерес к происходящему.

— А как он подплывет? Здесь же мелко, — удивился Кирилл.

— Легко! Мы ж стоим на берегу, а за кустами настоящая река. Так что, смотри, не шагни в глубину, — предупредила Алена.

— Как интересно... — Кирилл достал два больших ярких пакета, которые на фоне дикой природы выглядели противоестественно; впрочем, и маленький аккуратный автомобильчик тоже.

Лодка ткнулась в кусты, последний раз плюнула сизым дымом и стало оглушительно тихо; лишь потом в тишину вплелись голоса лягушек, стук дятла в далеком лесу и трели неизвестных ни Кириллу, ни Яну птиц.

— Аленка, а кто там с тобой? — на мужчине были высокие резиновые сапоги, и он смело шагнул в воду с резко качнувшейся лодки. — Ты что, выпивала вчера и наняла шофера?

— Папка! — Алена возмутилась, но очень игриво. — Ты же знаешь, я не бухаю!.. Это мой друг, журналист из Москвы.

— Из Москвы? — мужчина явно встревожился. — И чего он тут разнюхивает? Привезла ко мне вражеского агента?

— Успокойся, — Алена засмеялась, — к твоим москвичам он отношения не имеет. Он совсем по другому делу приехал. Зовут его Ян Борецкий — очень известный журналист.

— Поляк, что ли? — мужчина нахмурился. — Вот уж кого не люблю — никогда у России отношения с ними не складывались.

Ян, опрометчиво пустивший процесс на самотек, встрепенулся, но было поздно.

— Это творческий псевдоним, — пояснил Кирилл. — А вообще-то, меня зовут Кирилл Колодин.

— О, Кирилл — это другое дело! И Колодин — мощная такая фамилия, — «браконьер» протянул руку, — Василий Петрович. Давай, просто — Василий.

...*Ах ты, черт!* — запоздало взвился Ян. Он давно привык в отношениях с «соседом» чувствовать себя главным, и по всем вопросам обращались именно к нему, а дурака Колодина лишь штрафовали гаишники; да сонные кассиры, которым все до лампочки, совали ему через окошко билеты. Но момент, чтоб вернуть ситуацию в привычное русло, был упущен.

...*Ну и хрен с тобой*, — успокоился вдруг Ян. — *Завтра свалим отсюда, и все встанет на свои места, а для этой шлюшки (трахал-то ее я, а не ты!) и ее папаши-браконьера пусть фигурирует Колодин... вообще, пока в поезд не сядем, слова не скажу!..*

— Так ты — Кирилл?.. — Алена обалдело хлопала глазами, словно имя могло в корне изменить представление о человеке.

— Да, а что? — он улынулся.

Что было в его взгляде, Кирилл и сам не успел понять, но Василий, хоть и походил на «замшелого» браконьера, что-то уловил, потому что спросил:

— Кирилл, хочешь посмотреть наше Радчино?

— А машина?

Вопрос подразумевал согласие, и Василий повернулся к дочери.

— Ален, ты ж Вовку с турбазы знаешь? Две сотни ему даешь, и на сутки машина под охраной. Он вас сюда подвезет, а я пока подожду. Только передачку-то давай, а то увезете Вовке.

— Не увезем, — Кирилл вытащил пакеты.

— Езжайте, — Василий пристроил груз в лодке и забрался туда сам; достав сигарету, уселся на узкую деревянную лавку, наблюдая, как дочь садится в машину с известным московским журналистом, пять минут назад смотревшим на нее с ласковым трепетом.

Кирилл сел за руль и, только коснувшись ступнями резинового коврика, почувствовал, что ноги окоченели и плохо слушаются; пошевелил посиневшими пальцами и вдруг чихнул.

— Не заболел с непривычки, — сказала Алена.

— А ты сама привычная?

— Я еще купаться буду, — Алена села так, чтоб лучше видеть водителя. — Ты, правда, не возражаешь, что мы к отцу заедем?

— О чем ты! — Кирилл притянул девушку; она не сопротивлялась, но оглянулась.

— Отец увидит.

— И что?

— Да ничего, — Алена засмеялась, — просто каждый раз доставать потом будет, куда ты делся, и придется объяснять, что это была моя очередная ошибка. Он расстроится...

— А почему я должен куда-то деться? — Кирилл испытующе взглянул на Яна, но тот молчал, демонстративно сжав губы — а зачем ему было вступать в спор, если править «соседу», по-любому, осталось два дня, и в Москве он ему все припомнит.

— Не надо об этом, — Алена вздохнула. — Кирилл... знаешь, мне так больше нравится, чем Ян, — и сама прильнула к его губам.

Когда поцелуй иссяк, она вернулась в свое кресло.

— Поехали, а то отец ждет.

То ли поцелуй был таким горячим, то ли время подошло, но ноги вновь обрели чувствительность.

— Интересный он у тебя мужик, — Кирилл завел двигатель. — Поляков не жалует — ладно, а москвичей-то за что не любит?

— Долгая история, — ответила Алена. — Пусть он сам тебе потом расскажет.

Впереди возникло скопление явно нежилых домиков, возле одного из них стоял черный джип.

— Посигналь, — попросила Алена.

Кирилл посигналил, из домика вышел парень и остановился, поджидая гостей.

— Это Вовка, хозяин турбазы, — пояснила Алена, когда они подъехали совсем близко.

За домом оказалась стоянка, где уже устроились два одинаковых «Пассата»; Кирилл встал рядом, отдал деньги, и потом все трое перебрались в джип.

— Тачки-то чьи? — поинтересовалась Алена, когда они отъехали от базы, — неужто кто из радчинских открыл сезон?

— Не, приплытые. Леща гребут, — Вовка махнул рукой. — А у тебя, значит, жених появился?

— Не то, чтоб жених...

— Я понимаю, что не то, но я ж культурно выражаюсь. А я, значит, как к тебе ни подкатывал...

— Ты неправильно подкатывал, — Алена прильнула к Кириллу, сидевшему рядом, на заднем сиденье, и тот обнял ее.

— ...Конечно, неправильно, — пояснил Ян, руша в «соседе» наметившуюся идиллию. — *Что та турбаза, если тут типа столица светит! Только ты, девочка, не угадала!..*

— Заткнись! — огрызнулся Кирилл, — *собирался молчать, вот и молчи! Сами как-нибудь разберемся!..*

— *Посмотрим-посмотрим...*

Высадил их Вовка у знакомых кустов. Василий помог забраться в лодку сначала дочери, потом Кириллу, оттолкнулся веслом от видимого ему одному берега и, ловко перебравшись на корму, дернул заводной тросик. Двигатель затрещал, лодка, задрав нос, понеслась, хлопая по воде днищем, оставляя за собой разбегавшуюся в стороны волну. Щурясь от встречного ветра, Кирилл огляделся. Пейзаж казался фантастическим и не шел ни в какое сравнение с наполненными ужасом и горем прошлогодними картинками. Там люди бежали от стихии — бежали с криками и плачем, под рев вертолетов и катеров, под четкие команды спасателей, мычание обезумевших коров, вой собак, а здесь они сами шли навстречу стихии, и она с радостью принимала их.

Поездив по России вместе с Яном, Кирилл видел и гораздо более внушительные водоемы, но здесь все было по-другому. Только через несколько минут он понял, в чем дело: какими бы широкими и могучими ни были реки, они всегда имели берега, а здесь берегов не существовало! И не только берегов, а вообще суши — деревья росли прямо из воды, как и столбик с табличкой «Берегите лес», и столбы электропередач. При этом сравнения со Всемирным потопом не возникало, потому что бескрайняя водная гладь несла не кару за грехи человеческие, а покой и умиротворение. Кириллу вспомнился старый фильм с Кевином Коснером — «Водный мир».

...Точно! Вот он, реальный Водный мир! Смотри и запоминай! — он обратился к Яну, но тот усмехнулся.

— *На фиг оно мне надо? Я романы не собираюсь писать.*

— Дурак ты, — Кирилл вздохнул.

— *И это я тебе припомню,* — зловеще прошипел Ян, — *Москва-то с каждой минутой все ближе — скоро репортаж надо делать, так что кончается твое время...*

Кирилл знал, что, скорее всего, так и будет, но думать об этом не хотелось — он наслаждался властью над собственными мыслями и поступками. Последний раз такое состояние возникало у него в детстве, когда еще не требовалось заниматься добыванием денег (эту проблему решали родители) и Яна не существовало вовсе — ни имени такого, ни фамилии Борецкий.

Кирилл снова попытался погрузиться в таинство пробудившейся природы, однако прежний восторг не возвращался. Все было очень красиво, очень ново, но через пару месяцев ведь это, вместе с Аленой, ее отцом,

потрясающими трелями птиц и неповторимым свежим запахом воды, потеряется в серой массе отработанного жизненного материала.

...Так может, Ян прав — не стоит мне высовываться из своего закутка? Надо отдать ему бразды правления и сидеть тихонько, радуясь, что пока еще жив?..

— *...Во-во, — подхватил Ян, — наконец-то ты умнеешь. А то начал права качать! Я пашу круглые сутки, а вместо благодарности...*

— Вот и Радчино! — вклинился в диалог «соседей» голос Алены, и, повернув голову, Кирилл увидел слева одинокий домик. Его сваи полностью скрывала вода, поэтому казалось, что он медленно дрейфует среди черных кряжистых дубов и радостных березок с едва проклюнувшейся зеленюю молоденькой листвы; вокруг мирно плавала стайка садовой мебели, пара пластиковых канистр и еще что-то, чего Кирилл не успел разглядеть, потому что домик быстро остался позади. Зато справа, прямо посреди воды, возникли настилы мостков, ведущих из ниоткуда в никуда.

...Похоже, это другой берег, — догадался Кирилл, — летом-то, выходит, речка совсем неширокая, а тут у них что-то типа пляжа или лодочной пристани...

Дальше начиналась «улица», состоявшая из причудливых строений, явно возведенных людьми, имевшими весьма отдаленное представление о строительстве. Зато в высоте свай они не ошиблись, и потому вода тихонько плескалась под полом, а сами дома будто парили в воздухе.

...Здесь паводок — не трагедия, — подумал Кирилл. — Это образ жизни — доброй размеренной жизни под покровительством природы. Ведь что ей стоило поднять воду еще на полметра? Да ничего! С ее то возможностями! Но почему-то она этого не сделала, и домики спокойно смотрятся в зеркало тихой воды. Как же здорово тут!..

— Ага, — мгновенно среагировал Ян, — *только у тебя нет дочки, которая б возила жратву...*

— Вон папино жилище!

Проследив за жестом Алены, Кирилл уткнулся удивленным взглядом в симпатичный домик, покрытый пластиковым шифером и отделанный сайдингом.

— Ничего себе! — Кирилл тоже пытался перекричать звук мотора.

— Мы в прошлом году его перестроили, а был как все!

Общаться на повышенных тонах было неудобно, поэтому все снова замолчали до тех пор, пока Василий не заглушил мотор. Дома к этому времени приблизились настолько, что Кирилл с интересом разглядывал вылинявшие шторы на окнах, а где шторок не было, пустые банки и бутылки на подоконниках, бревенчатые стены внутри покосившихся веранд. Разделяли дома узкие каналы, в которые лодка могла протиснуться с трудом, но Василий туда и не поплыл, а свернул к металлической лестнице, возникавшей прямо из воды и упиравшейся в железную дверь.

— Как тебе? — качнув лодку, Алена перебралась на нос и села лицом к Кириллу.

— Настоящий рай!

— Я рада, — девушка улыбнулась. — А то, думаю, скажешь — привезла черт-те куда...

— Нет, что ты! Мне здесь очень нравится!.. И ты нравишься.

Василий, слышавший разговор, усмехнулся.

— Слушайте, голубки, вы сначала лодку привяжите.

— Сейчас, пап, — Алена ловко повернулась и, опутав веревкой стой-

ку лестницы, перепрыгнула на нижнюю из двух оставшихся над водой ступенек; протянула руку Кириллу, — давай, не бойся.

— Я и не боюсь, — оказавшись на неподвижном металле, Кирилл потянулся. — Нет, ей-богу, тут классно!

Василий подал ему пакеты, а Алена открыла дверь.

— Иди сюда, — позвала она.

Кирилл шагнул внутрь, из сказочной весны погрузившись в атмосферу кухни, пропитанную запахом жареной рыбы. В углу дребезжал холодильник, а на плите, подключенной к красному газовому баллону, стояла сковородка с той самой рыбой; еще одна сырая рыба — большая, сантиметров шестьдесят щука с приоткрытой зубастой пастью и чуть затуманившимся глазом, лежала на столе, в прозрачном пакете.

— Аленка, это тебе — часа три назад поймал, — пояснил Василий, увидев, с каким интересом гости изучают грозную хищницу. — Вспомнил, как ты делала ее фаршированную!..

— Ты умеешь фаршировать щуку? — удивился Кирилл, слышавший, что это сложное блюдо, а потому его лучше заказывать в ресторане.

— Я вообще хорошо готовлю. Что, не ожидал?

Не ожидал этого не только Кирилл. Ян, наблюдавший за происходящим со стороны, вспомнил девушку в мини-юбке, которая выносила ему диск; потом другую, с маленькой грудью и упругими ягодицами, стонавшую в постели — они прекрасно сливались в единое целое, а вот собственноручно приготовленная щука — это было из какой-то другой истории.

— Она у меня на все руки от скуки, — Василий принялся извлекать из пакета «плоды цивилизации»; добравшись до водки, выпрямился, — Кирилл, ты как по этому делу?

— Не очень, — тот покачал головой, — но за компанию могу. Только я ж вроде за рулем.

— Ни за каким ты не за рулем, — безапелляционно сообщила Алена. — Я-то с вами не буду выпивать.

— Ох, Ален, — Василий поставил бутылку на стол, — прям, не знаю — не пьешь, не куришь; что за радости у тебя в жизни?

— Ну, есть кое-какие, — Алена засмеялась, и никто не стал уточнять, какие другие радости могут прельстить молодую девушку, — давайте, закусить вам сделаю.

— А чего делать? — удивился Василий, — картошка сварена, рыба поджарена, водку сейчас откроем.

— Ну, хоть салатик сооружу, — Алена достала купленные в супермаркете овощи.

— Да? — Василий почесал затылок, — ладно. Пойдем, Кирилл, пока покажу тебе кое-что. Только обуйся, а то железо холодное. — Он выдвинул огромные галоши. — Тапочек, извини, нету.

— Нормально, — Кирилл сунул босые ноги в мягкое розовое нутро, и мужчины вышли на крыльцо.

— Вот, скажи, ты такую рыбалку видел? — Василий взял прислоненную к стене удочку, что-то насадил на крючок и забросил прямо с крыльца.

Поплавок продержался на поверхности всего пару минут, а потом лег на бок и медленно пополз в сторону.

— Подлещик, — констатировал Василий еще до того, как подсек, и над водой, сверкая серебром, взлетела широкая плоская рыбка. — Вот напиши в своей газете: выходишь утречком и забрасываешь, не спускаясь с порога... — Василий опустил рыбу в приготовленную кастрюлю без руч-

ки и протянул удочку гостю: — Хочешь? Тут клев!.. Она ж голодная после зимы.

— Да я как-то не умею, — Кирилл улыбнулся. — Не рыбак. Но места здесь фантастические!

— И эту красоту хотят уничтожить, — Василий вздохнул. — Понастроят коттеджей, как на месте «Росинки»...

— Погоди, — перебил Кирилл, — кто хочет уничтожить? Расскажи — сейчас пресса круче любой прокуратуры; одна статья — и вся страна на ушах.

...А ты-то здесь при чем? — возмутился Ян. — Хочешь на чужих заслугах въехать в рай? Хрен тебе!..

— Я ж никому ничего не обещаю — я просто спросил...

— Ну, давай-давай... спрашивай...

— История обычная, — закулив, Василий уставился на солнечные блики, игравшие в мутной воде. — При социализме тут, кроме нашего Товарищества рыбаков-любителей, заводские турбазы были. В перестройку заводы закрылись, как говорится, перековали мечи на орала; естественно, от турбаз тоже ничего не осталось, кроме числившихся за ними территорий по несколько гектаров каждая. Пришли распальцованные мальчишки и тихонько все приватизировали — мы даже не знали. Лет десять тут конь не валялся, а год назад вдруг начали валить лес, рыть котлованы, стройматериалы завезли. Мы — к главе района, а он — будут тут, ребята, коттеджи для московской элиты, а то она, бедная, задыхается в смоге — и руками разводит — сделать, мол, ничего не могу, так как изначальные мальчишки, оказывается, землю уже три раза перепродали, и нынешние хозяева владеют ее законно...

— Для москвичей — это стандартная практика.

— Так ладно б только так — что сделано, то сделано, но они ж собираются и Радчино забрать! Уже непрозрачно намекали.

— Что значит забрать? — удивился Кирилл. — Есть же право на собственность или как там это называется...

— Кирилл, ты, вообще, в этой стране живешь или где? Какие права, если денег сунул и в момент все решил.

— Беспредел полный... — пробормотал Кирилл.

— ...А ты как думал? Вася абсолютно прав; только ты один все витаешь в облаках, — подал голос Ян, сразу сбросивший маску безразличия, едва уловил суть вопроса. — Тема, кстати, интересная, но заниматься ею не буду принципиально!..

В дверях появилась Алена, и разговор прервался.

— Вы идете? А то рыбу греть придется.

— Вот еще, удумала, — Василий пожал плечами. — Рыба, Ален, в любом виде съедобная, даже в сыром. Идем, Кирилл, — он поставил удочку на прежнее место.

Стол был накрыт, и водка налита в рюмки.

— Умница, дочка, — Василий уселся за стол. — Давай, Кирилл, за знакомство.

Алена чокнулась чашкой сока, и все выпили. Водку Кирилл не любил, но то ли играл роль свежий воздух, то ли сама обстановка — обычного противного вкуса он не ощутил; наоборот, в голове появилась легкость, требующая общения, как бывает после виски. Конечно, общаться хотелось с Аленой, но девушка, поймав его взгляд, смущенно отвернулась, и чтоб не молчать, Кирилл вернулся к прерванной теме.

— А товарищество ваше землю-то чего ж не приватизирует? Сейчас ведь всякие там дачные амнистии и прочее.

— Так не дают, — Василий невесело усмехнулся. — Мы ж люди еще социалистические, поэтому в 90-е, когда все все рвали на куски, об этом не подумали, а теперь вдруг оказалось, что у нас здесь то ли заповедник, то ли заказник — короче, возможна только аренда, которую, сам понимаешь, можно запросто расторгнуть; было б желание...

— Стоп! — Кирилл мотнул головой. — А тем москвичам кто разрешил в заповеднике строить?

— В том-то и фокус — для нас это заповедник, а для них — земли городского поселения. Ты видишь тут где-нибудь поселение? И я не вижу, но наши законы что дышло — как повернул, так и вышло. Тут, знаешь, кто строит? Жена вашего бывшего мэра; понятное дело, не лично и не себе, но застройщик — ее контора. И что, судиться с ней? Угадай с трех раз, кто победит?

Правильный ответ напрашивался с первого раза, поэтому Кирилл промолчал, а Василий, не дождавшись реакции, наполнил рюмки так резко, что Алена накрыла ладонью его руку.

— Пап, ты, главное, не волнуйся. Сам ведь говорил, что договор аренды еще действует — может, что-нибудь изменится...

— Да не может ничего измениться в этой стране! — Василий поднял рюмку. — Давай, Кирилл, — и выпив, повернулся к дочери, — я вуз окончил хоть и технический, но философию учил получше всяких юристов, которые сейчас у власти!

...Да ты, Вась, адекватный человек! — удивился Ян. — А с виду и не скажешь! Если ты еще, сидя в своем медвежьем углу, понимаешь, куда эти «юристы» ведут страну...

— Слушай, — вмешался Кирилл, обрадованный реакцией «соседа», — так помоги ему! С захватом земли — это ж реально твоя тема! Ну, что ты встал в позу?

— В нашем бардаке, куда ни плюнь, все темы мои...

— Нет, ведь смотри, как все складно — тут тебе и борьба за экологию, и продажность местных властей, и про семью мэра, прям, в ключе высказываний Президента...

— Блин, ты, оказываешься, разбираешься в политической конъюнктуре? — делано изумился Ян.

— Не надо из меня совсем дурака делать. Я серьезно говорю — материал «на ура» пойдет.

— Да кто ж против? Материал можно сделать убойный — тут сейчас и прокуратура нагрянет, и депутатские запросы косяками полетят; коттеджи конфискуют, передадут под какие-нибудь детские санатории...

— И в чем же дело?! — воодушевился Кирилл.

— Дело в том — я не хочу, чтоб тебе досталась вся слава.

— О как! — Кирилл был сражен, — то есть ты не воспринимаешь нас, как части одного целого?..

— Все я воспринимаю! Но в данном случае есть нюанс — Алена травой расстелется, являя тебе свою благодарность. Тут такая любовь-морковь начнется!..

— Ну, допустим... — смутился Кирилл, потому что и надеялся именно на такой исход, — а что в этом плохого?

— Да все плохое, — Ян пожал плечами, — не хочу, чтоб ты от-

влекал меня от работы переживаниями и воспоминаниями о страстных поцелуях; чтоб тратил мое время на поиски подарков к 8-му марта, тащил меня в этот гнусный городишко... или еще лучше, решишь забрать ее в Москву! Тогда, вообще, будет полный абзац! Она будет названивать тебе каждые полчаса, а мне придется выслушивать ее рыдания и объяснять, что интервью берут тогда, когда их назначают, даже ночью, а не когда ей хочется; начнутся сцены ревности — ты будешь краснеть и бледнеть, а я жертвовать работой, чтоб не волновать ее, да? Или я должен таскать ее с собой по всем мероприятиям и следить, чтоб она не нырнула в чью-нибудь койку?.. Знаешь, у меня голова занята тем, что дает нам обоим нормально жить, а ты собираешься загрузить ее чепухой!..

Быстро сориентироваться в потоке аргументов Кирилл не успел, и Ян неожиданно предложил свой вариант.

— Хотя тема, действительно, «живая», — он вздохнул. — Давай так — я влезу в это дело, причем, на сто процентов раскручу его, но обещаю, что ваши с Аленой отношения закончатся навсегда, как только мы сядем в поезд.

— А... — Кирилл открыл было рот.

— Что «а»? — Ян хитро прищурился. — Ты ж любишь ее? А любовь жертвенна, так что давай, как в кино: любимая, я спасу твой райский уголок, но мы должны будем расстаться, и я готов на это, лишь бы вы с папочкой были счастливы!.. Что, слабо? Не будь таким эгоистом, как я; влюбленные так не поступают — почитай классику...

Кирилл чувствовал себя загнанным в угол. Причем так искусно, что любой из возможных исходов оказывался плох, но он всегда верил в чудо — в то, что кто-то свыше найдет неожиданный ход, способный все расставить по местам наилучшим образом. Поэтому, тяжело вздохнув, сказал:

— Я согласен...

— Точно? — обрадовался Ян. — И без нытья, что не можешь без нее жить? Не будешь мешать мне спокойно спать по ночам? Не будешь портить аппетит? Не будешь на улице вырубать мои мысли — типа, а вдруг это она села в такси и надо ее срочно догнать? Не будешь...

— Ничего я не буду, — Кирилл не стал дослушивать полный комплект классических симптомов любовного сумасшествия.

— Хорошо. Но только попробуй не сдержи слово!..

— Слушай, Вась, — Ян бестактно прервал его беседу с дочерью, — если хочешь, я готов подключиться к твоей проблеме. Для этого мне, во-первых, нужны копии всех документов вашего товарищества со дня основания и до ответов из администрации, прокуратуры — куда вы там еще писали.

Отец с дочерью удивленно уставились на будто проснувшегося вдруг журналиста.

— Кирилл, — Василий покачал головой, — есть силы, с которыми бесполезно тягаться... Понятно, Аленка тебе нравится...

— Причем тут Аленка? Просто тема актуальная! А насчет «бесполезно», я, Вась, губернаторам хребты ломал, а тут... тем более, сам знаешь, бывший мэр уже не в фаворе.

Алена смотрела во все глаза, пытаясь понять, как это так внезапно на месте славного Кирилла, за какую-то минуту оказался вчерашний

мужчина, по одному слову которого, она безропотно пошла в гостиницу и... ну, и все остальное. Нет, она не боялась его — он умный, целеустремленный, а потому очень притягательный, но Кирилл казался... как-то роднее, что ли.

...Его зовут Ян, — вспомнила она. — Я уж и выбросила его из головы... да похоже, и он меня...

— Так что с бумагами? — Ян смотрел только на Василия.

— Бумаги в порядке, но они у председателя товарищества, а Сан Саныч пока еще в городе. Ты когда уезжаешь?

— Завтра вечером.

— Тогда я позвоню ему, чтоб сделал копии. Алена знает, где Сан Саныч живет. Съездите вместе, заберете.

— Отлично, — Ян хлопнул ладонью по столу. — А во-вторых, надо сделать снимки шикарной нетронутой природы, процесс варварского строительства и сами коттеджи, в которых будут жить воры и взяточники. Можно организовать фотосессию?

— Можно, — Василий кивнул, — но только с реки — по берегу там все загорожено наглухо.

— Так поплыли, пока не стемнело, — Ян встал, и Василий, удивленный внезапным напором, поднялся следом. Алена подумала, что даже отец попал под влияние... нет, назвать этого человека Кириллом язык не поворачивался — под влияние Яна.

— Ален, прокатись с нами? — отец уже стоял в дверях, но кататься с Яном ей не хотелось.

— Зачем? — она пожала плечами. — Я лучше в комнате уберу.

Василий вышел на крыльцо, где его ждал Ян, наблюдая, как у самых ног тихо плескала вода, покачивая лодку.

— Пойдем на веслах, — предупредил Василий, — пока особо никто не плавает, так что на шум движка охрана может выскочить; увидит, что фотографируют...

— Мне все равно — главное, до темноты пощелкать, — не снимая галош, Ян спустился в лодку.

— Пощелкаешь, — Василий настроил весла и погреб неслышно, как индеец в ГДРовских фильмах, которые он, в отличие от Яна, еще прекрасно помнил.

Лодка медленно двигалась мимо стоявших в воде деревьев. Ян с интересом смотрел по сторонам — теперь ведь ему предстояло писать об этом, да так, чтоб читатели прониклись духом мира, который может быть стерт с лица земли. И вдруг он поймал себя на том, что ему не хватает слов для описания грандиозного зрелища. На ум приходило «буйство стихии», «пробудившаяся природа» и прочие безликие штампы, не способные никого тронуть. *...С другой стороны, читал я в детстве Паустовского — тягомотина!* — вспомнил он. — *Любому современному человеку это на фиг не нужно — ему важно, сколько миллионов украли из бюджета на эти коттеджи...*

Радчинские домики скрылись из вида и начались бледно-зеленые заросли, будто покрытые серебристым налетом.

— Верб зацвела, — сообщил Василий в паузе между гребками, — природа Бога чувствует — Вербное ж скоро.

— Неужто чувствует? — Ян усмехнулся. — Хотя вам, диким племенам, виднее.

Обиделся Василий на «черный» юмор или нет, неизвестно, но даль-

ше они плыли молча, пока водное пространство не сузилось, а пушистые вербные заросли не сменились уродливым бетонным забором, за которым виднелись башенки недостроенного коттеджа; чуть в стороне поднимался еще один.

— Здесь берег высокий — паводок никогда сюда не доходит, — пояснил Василий, предвидя логичный вопрос.

— Неплохие домики, — Ян пару раз щелкнул камерой. — А чтоб стройплощадку было видно, можно? Вырубки, заборы, перекрывающие доступ к реке... ну, сам понимаешь.

— Сейчас все будет. Только, если честно, не верю я в силу прессы. Скандал, конечно, можно затеять, но его тихо погасят, и ничего не изменится... — сделав еще несколько гребков, Василий опустил весла. — Вон, смотри, — и Ян увидел варварски выкорчеванные деревья, лежащие могучими корнями вверх; бульдозер, наполовину сползший в котлован, аккуратные пакеты кирпичей, горы земли и мусора.

— О! То, что доктор прописал! — он снова навел камеру на берег. — А поближе можно подплыть?

До берега оставалось метров двадцать, когда Ян принялся щелкать камерой; при этом автоматически срабатывала вспышка, и с берега раздался грозный голос:

— Кто позволил снимать? Это частное владение! Валите отсюда! Пристрелю! — Из-за кирпичей появился мужчина в камуфляже, с карабином в руке.

— Он чего, псих? — удивился Ян. — Да если он только поднимет свою «дуру», я сгною его! — поймал в видоискатель красномордого охранника, который все-таки вскинул оружие. Звук выстрела испугнул стайку мелких птиц, заматававшихся над водой, и эхом покотился дальше, подняв с дуба десяток отдохавших там ворон.

— Ты, дебил! — заорал Ян. — Я тебя засажу лет на восемь!

— Покойники не кусаются! — расхохотался стрелок. — Валите или убью! — и для убедительности выстрелил еще раз.

Станным образом пули не просвистели рядом и не плюхнулись в воду, оставив круги на зеркальной поверхности, хотя целился безумный стрелок однозначно в лодку.

Бесстрашно щелкнув еще несколько раз, Ян убрал камеру.

— Все, Вась, валим отсюда.

— Как скажешь, — затушив «бычок», Василий взялся за весла, и стрелок сразу опустил карабин.

— И больше чтоб тут не шастали! — крикнул он на прощанье.

— Нет, блин, я это так не оставляю, — было видно, что Ян поражен наглостью и чувством безнаказанности охранника. — Не знаете, идиоты, с кем связались!..

Поскольку Василий молчал, а требовалось выплеснуть эмоции, он обратился к еще не пришедшему в себя «соседу»:

— ...О, *втянул ты в историю!.. Тут пока до больницы довезут, кровью истечешь...*

— *Да уж... хорошо, что стрелок попался косою — ни разу не попасть в здоровенную лодку с двадцати метров!..*

Фраза вернула Яна к явной нестыковке в произошедшем.

— Вась, — он устроился поудобнее, — мне кажется, тот козел стрелял холостыми. Я ж бывал в «горячих точках», знаю...

— Если бы холостыми палил, — перебил Василий, — наши мужики

давно б разнесли всю стройку по кирпичикам. Нет, Кирилл, у них все повзрослому.

— Тогда ничего не понимаю. Я ж видел — он целил в нас!

— А оно тебе надо, понимать? — Василий перевел взгляд с потемневшей воды на журналиста. — Пронесло, и слава богу.

Скорее всего, Яна б удовлетворил такой ответ, ведь даже самый блестящий репортаж — это все равно не роман, требующий экскурсов с глубоким анализом причинно-следственных связей, но Кирилл не дал ему просто кивнуть и отвернуться.

— *...Слушай!* — он встрепенулся, — *неужто тебе самому не интересно? Что ж ты такой примитивный! Уперся в одну тему и больше ничего не хочешь знать! А вдруг Вася обладает сверхъестественной силой и умеет, к примеру, отклонять пули?..*

— *Я не примитивный,* — Ян погрозил «соседу» и в подтверждение сказал: — Не, Вась, колись. Если знаешь хоть какое-то объяснение...

— Ты все равно не поверишь.

— Это мое дело, верить или нет! Ты расскажи.

— Ладно, — Василий перестал грести. — Меня хранит Водяной, а раз ты со мной, значит, и тебя тоже. Не знаю, что он сделал конкретно — то ли туманом глаза Егорке застлал (этого охранника Егором зовут), то ли ствол в небо завернул, то ли проглотил пули, но одно знаю точно — на этой реке я в безопасности.

— Водяной?!.. — воскликнули Ян и Кирилл хором, правда, услышал Василий лишь насмешливый голос Яна: — Ты, значит, веришь в сказки про водяных? Ты что, язычник?

— Не люблю ярлыки — без них проще жить. А касаясь «сказок», верю я в них или нет, так скажу: каждый Бог открыт лишь для тех, кто в него верит — им он помогает, а для всех остальных он закрыт, то есть фактически не существует.

— Эти байки мы тоже знаем, — Ян махнул рукой, — а более реалистического объяснения у тебя нет?

— Я ж говорил, не поверишь, — Василий совсем не обиделся, и это смутило Яна, привыкшего биться за свои убеждения.

— Ладно, — вздохнул он, — допустим, некая таинственная сила, привязанная к реке, существует. Природы ее мы не знаем, поэтому можем называть, хоть Водяным, хоть каким-нибудь энергетическим полем — не важно. Но тогда объясни, почему твой Водяной сам не разберется с коттеджами? Поднял бы уровень воды еще на метр. Что ему стоит, если он — местный царь и бог?

— *...Хороший вопрос!* — похвалил Кирилл, и Ян, в кои-то веки, подмигнул ему, как сообщнику.

— У него ж не спросишь, а версий несколько. — Василий закурил. Коттеджи давно скрылись из вида, и лодка, вернувшись на простор, ограниченный далеким темным лесом, спокойно дрейфовала в предвечерней тишине. — Например, он хочет проверить, на что способны люди в борьбе за свою среду обитания — не все ж высшим силам оберегать их. Или, возможно, он не хочет приносить зло нам, уважающим его; ведь если еще поднять уровень, наши дома тоже затопит, а народ там в основном небогатый — восстанавливать будет не на что, и Радчино погибнет само собой...

— То есть все-таки получается, Водяной — это реальный божок, которому вы поклоняетесь, — резюмировал Ян. — А как и где вы это делаете? У него есть алтарь или... как это по-язычески, капище, да?..

— Его алтарь — река, зачем ему еще что-то? — Василий затушил сигарету и снова взялся за весла. — Темнеет уже. Может, завтра утром поедете? А то сейчас и Вовку можете не найти, чтоб машину забрать — небось с рыбаками где-то пропадает, да и ты ж хотел еще природу поснимать.

— Поезд у меня вечером, так что... — Ян пожал плечами.

Лодка пошла быстрее, еле слышно всплескивая веслами. Сумерки сгущались, постепенно стирая далекий лес и превращая простор в серую бесконечность. Ян почувствовал себя неуютно — наверное, веру в сверхъестественное отменяет исключительно сознание, а то, что находится глубже, потаеннее, то, что досталось нам от предков, всегда готово принять ее.

— ...Ты чего там затаился? — обратился он к «соседу».

— Наслаждаюсь природой. Где еще такое увидишь?

— Согласен. Красиво, — Ян вздохнул полной грудью. — Скажи, а ты что думаешь о Водяном?

— Вопрос поставлен некорректно. Водяного нельзя воспринимать отдельно — он часть пантеона, и тогда надо ставить вопрос о Боге...

— Давай поставим, — перебил Ян, — я считаю, Бог нужен тем, кто сам ничего не может. Например, я живу без него и прекрасно себя чувствую. И дальше проживу. А вот местные аборигены не могут ничего сделать с московскими рейдерами и потому придумали себе заступника. Разве нет?

— Да кто ж знает, как оно на самом деле? — философски ответил Кирилл, и Яна это вполне устроило.

— Знаешь, — он зло прищурился, — я теперь такой репортаж про это Радчино сделаю!.. Еще всякие уроды будут стрелять в меня!.. Когда в Дагестане со спецназом работал, то было понятно, но чтобы тут, в российской глубинке?!

Вдали появились темные домики Радчино, словно поднявшийся из воды призрачный город. Выглядел он сказочно и в то же время пугающе реально. Даже Ян заметил это, хоть ничего и не сказал, но Кирилл тоже без труда читал его мысли.

— А если Водяной — не сказка?.. — прошептал он зловеще.

— Слушай, — Ян взглянул недовольно, — давай не будем усложнять нашу жизнь глупостями! Зачем ты хочешь перевернуть все с ног на голову? Это тебе кажется, что с Богом, как, кстати, и с любовью, живется легко и просто, а на самом деле...

— Ты просто боишься и того, и другого! Вот в чем дело!..

— Ничего я не боюсь, но я привык решать конкретные задачи, получать за это конкретное вознаграждение и заранее планировать на исполнение каких конкретных желаний его потратить. Разве это плохо или неправильно?

— Неплохо, — согласился Кирилл. — Но если все будет происходить только по законам логики, то Егорка-стрелок не мог промахнуться с такого расстояния; а он ведь промахнулся.

— Наконец-то я тебя понял, — Ян улыбнулся. — Мы ж говорим об одном и том же, только терминология разная — я предпочитаю слово «случайность», а ты — «чудо».

— Ну да, случайность проще...

— Так и я о том же! — обрадовался Ян, — зачем самому усложнять и без того сложную жизнь?..

— Смотри, — раздался взволнованный голос Василия, и Ян вздрогнул, прервав дискуссию с «соседом».

Он не понял, что надо увидеть, потому что воду заволокло дымкой. Зрелище, без сомнения, выглядело завораживающе, но Ян видывал и не такие туманы — однажды, во время учений Тихоокеанского флота, он чуть не «потерял» большой противолодочный корабль, стоявший на рейде.

— *...Да куда ты смотришь?* — воскликнул Кирилл, — *вон же!*

Ян повернулся в другую сторону — дымка там двигалась как-то странно, словно в ней возник крохотный локальный смерч. Она принимала фантазмагорические фигуры, уверенно приближаясь к лодке.

— Водяной, — тихо объявил Василий, — он часто так бродит. Если на пути встретит сетку или перемет — утром будут полные рыбы; тысячу раз проверял. И еще, даже если потом пройдет ливень, вода будет чистая-чистая, но очень холодная.

Водяной прошел рядом, качнув лодку, и проследовал дальше, унося дымку с собой. Через несколько минут пространство очистилось полностью, и Ян увидел, что находятся они всего в десятке метров от дома, а на кухне горит свет.

— Другие объяснения есть? — спросил Василий.

— Если честно, не знаю, — Ян пожал плечами. — Но, на мой взгляд, это какое-то физическое явление. Просто я ж не физик.

— Ну, считай как хочешь, — Василий сделал последний гребок, и лодка ткнулась в лестницу. Быстро перебравшись на верхнюю сухую ступеньку, он привязал конец веревки, чтоб гость мог сойти с полным комфортом, и поднял голову: — Весла уложи, пожалуйста, вдоль бортов.

Ян еще пытался придумать объяснение увиденному явлению, поэтому Кирилл, вынув весла из уключин, наклонился, и вдруг увидел на расчерченном заклепками днище маленький цилиндрок, который перекатылся в такт покачиванию лодки.

... — *Блин! Это ж пуля!*

Бросив «научные изыскания», Ян приподнял деревянную решетку под сиденьем.

— *А вот и вторая,* — он поднял точно такой же цилиндрок. — *Похоже, от «Сайгака», какой был у Егорки. Но как они попали сюда, не пробив борт?*

— *Если только их не подбросил Водяной, проходя мимо...*

— *Да знаю я, какой «водяной» их подбросил! Я, когда писал о сверхспособностях, и не таких фокусов насмотрелся — это так, фуфло, рассчитанное на дураков, вроде тебя,* — Ян выпрямился.

— Вась! Твои штучки? — он протянул пули. Но тут, услышав голоса, появилась Алена:

— Где вы есть, ночь на дворе! Я уж волнуюсь! Тем более, пап, телефон ты оставил, номер Кирилла я не знаю. Нам же еще ехать, между прочим!..

— Утром поедете. Вовку сейчас вряд ли найдете. — Василий при этом разглядывал пули. — Знаешь, Кирилл, я не собираюсь ничего доказывать, но объясни, зачем мне это нужно?

— А что случилось? — встревожилась Алена.

— Ой, дочь, — Василий махнул рукой, — ну, не может человек поверить, что Радчино — это место особенное.

И тут Яна осенило. Самостоятельно выбравшись из лодки, он покровительственно положил руку Василию на плечо.

— Сейчас объясню, для чего это нужно.

— Идемте ужинать — вы ж целый день голодные. Потом объяснишь, — Алена вернулась в дом, и мужчины вошли следом.

На столе появились остатки обеда, и в кои-то веки Ян выпил рюмку водки с удовольствием.

— Значит, объясняю, Вась, твой план.

— Давай, — Василий улыбнулся.

— А план простой — доказать, как ты сам сказал, что Радчино особенное место, и соответственно объявить тут аномальную зону. Сейчас это модно — где-то являются призраки времен войны, где-то находят следы йети, у кого-то вампиры режут коров, но Водяного еще нигде не было. Понаедут уфологи, а еще лучше — молодцы из группы «Днестр»; эти всегда что-нибудь находят...

— Я понял мысль, — Василий вновь наполнил рюмки. — Только этого-то я и боюсь больше всего, поэтому давай решим сразу: если все-таки соберешься писать статью, пиши только о незаконном строительстве и никаких Водяных. Иначе вообще ничего не надо. Договорились?

— Во как! — Ян замер с поднятой рюмкой.

— Именно так. Я как раз не хочу, чтоб сюда наехали разные экспедиции, а пуще того — толпы любопытных, которые загадят все окрестности. Веришь ты в Водяного или нет, но мы-то с ним дружим — это мой сосед по коммуналке. Тебе приятно, если б в твоей квартире шлелись толпы экскурсантов?

— Нет, — Ян выпил.

— Поэтому повторю — не надо никаких сенсаций. Мы здесь живем, нас это устраивает и больше никого не касается.

— Тогда, точно, не понимаю, зачем ты подкинул пули, — признался Ян — придумывать новую версию мешала вторая выпитая рюмка и слишком быстро наполнившийся желудок.

— Пап, какие пули? — Алена уставилась на отца. — Немедленно говори, что стряслось!

— Да ничего не стряслось — Егорка чудит, как всегда... — Василий принялся вкратце пересказывать «партизанский рейд» к коттеджам.

...Что-то меня все это утомило... да и водку уже сто лет не пил... хорошо хоть не самогон... — Ян зевнул. Кирилл же, бездействовавшего весь день, водка, наоборот, взбодрила — он смотрел на Алену, и мечты рождались самые замечательные. Правда, Ян без труда проник в них.

— ...Давай-давай — времени у тебя немного, а я отдохну; не буду мешать трогательному прощанию. Так что до отъезда твори все, что хочешь, но потом...

Что должно быть потом, Кирилл прекрасно помнил, но водка великая вещь — она способна изменить самое категоричное «нет!» на вполне приемлемое «а вдруг все-таки?..»

Незаметно, под столом, он нащупал Аленину руку. Наверное, взгляды Кирилла сильно отличались от Яна, потому что девушка, стрельнув глазами в его сторону, неожиданно улыбнулась. Василий сразу замолчал — недосказанная история никуда ведь не денется, ни завтра, ни даже через месяц.

— Ладно, — он поднялся из-за стола, — пойду «Новости» посмотрю.

— Мудрый у меня папка, да? — прошептала Алена, когда дверь в жилую часть дома закрылась. — Пойдем на улицу, а то он вечно накурит — это единственный его недостаток.

Они вышли на лестницу. В небе висела дынная долька луны, перели-

вались бесчисленные россыпи звезд, завораживающе пахло рекой, которая тихонько плескала под полом, а вокруг стояла волшебная тишина, готовая произвести на свет любые чудеса. Обнять Алену было очень просто, потому что вся принадлежавшая людям суша занимала лишь пару квадратных метров рифленого железа, но девушка и сама прижалась к Кириллу.

— Ты не обижайся, но сегодня интима не будет. При отце как-то, знаешь... Короче, я стесняюсь.

— А там одна комната?

— Комнат две, но между ними фанерка. Не, он ничего не скажет, но я сама не так себя буду чувствовать, понимаешь?

— Понимаю, — Кирилл поцеловал ее сначала в нос, потом в лоб, в обе щеки. — Это не главное...

— Правда? — обрадовалась Алена, — а что главное?

— Главное, что ты мне нравишься.

— Только и всего? — Алена вздохнула. — Ты ж взрослый, умный мужчина и понимаешь, что завтра каждый из нас вернется к своей обычной жизни, а потому нравимся мы друг другу или нет, как раз совсем не главное... а что главное, я не знаю, — улыбаясь, она очертила рукой выползшую на свободу, огромную ночь. — Может, все это?..

— Слушай, почему ты торчишь в администрации? Ты совсем не подходишь для такой конторы.

— Там платят, — Алена пожала плечами. — Да и потом я еще не в том возрасте, чтоб, как отец, уйти от людей и общаться только с Водяными; я и клубы люблю, и мужчин; машину вот купила... но без этого, — она снова показала в ночь, — я тоже не могу. Оно должно быть, чтоб в него можно было спрятаться, когда грустно. Ты меня понимаешь?

Кирилл понял и принял ее слова так близко к сердцу, что, наплевав на уговор, нежно погладил лицо девушки и, глядя в глаза, тихо сказал:

— Я люблю тебя. Хочешь, поедem со мной в Москву?

— *...Э-эй!* — взвился мгновенно очнувшийся Ян, — *ты чего, придурок? Ты ж дал слово!..*

— *Как дал, так и возьму обратно!..*

— В Москву?! Да боже упаси! — Алена расхохоталась. — Зачем она мне сдалась? Хотя за предложение спасибо. И не смотри на меня как на идиотку. Была я в Москве не раз — мне там некомфортно... там все какое-то не мое, понимаешь?

— В смысле, там нет Радчино?

— Не только. Радчино — это материальное воплощение того, что мне хочется видеть рядом.

...Блин, как четко она формулирует мысли! — восхитился Ян, уже боявшийся оставить «соседа» без присмотра, и пока Кирилл растерянно молчал, спросил:

— Если Москва тебе не нужна; если ты знаешь, что будущего у нас нет, то почему осталась вчера? Ты ж вроде не проститутка.

— Я — точно, не проститутка! А почему осталась?.. Честно?.. Не знаю. Наверное, так было надо...

— Кому?

— *...Да заткнись ты со своей логикой!* — спохватился Кирилл, чувствуя, что упускает инициативу.

— Откуда ты знаешь, что будущего у нас нет? — спросил он.

— Хочешь сказать, пути Господни неисповедимы? — она засмеялась. — Может, оно и так, но, понимаешь, я не люблю чем-то жертвовать

сама и не признаю глупых жертв от других. Не въехал? Я к тому — если ты сейчас скажешь, что ради меня готов уехать из Москвы и писать в наши газетенки статьи про битву за урожай, я тебе отвечу — не сходи с ума. Я не стою того, чтоб ломать карьеру, но когда ты поймешь это сам, будет поздно — в Москве тебя уже забудут. В итоге ты возненавидишь меня, себя и весь мир. Так что этот дурацкий разговор можешь даже не начинать. Я в Москву тоже не поеду. И что у нас получается?..

— *...Ну, девка дает!* — в очередной раз восхитился Ян. — *Таких я еще не встречал! Слышь, «сосед», я буду гордиться, что спал с ней! Ей-богу!..*

Но Кирилл молчал, ощущая, как одна за другой отошли страховочные мачты, и «ракета», устройство которой поначалу казалось хорошо известным, уносится ввысь, превращаясь в прекрасную недостижимую звезду. Это было странное ощущение, но как остановить уже запустившиеся двигатели, он не знал.

...Что-то меня на космос потянуло, — подумал он, анализируя возникший образ. — *Ну да, наверное, потому что оттуда нельзя вернуть того, кто сам не захочет вернуться...*

— Чего ты замолчал? Расстроился? — Алена взяла Кирилла за руку, — не надо. Я ж сказала правду. Зачем играть в глупые игры?

...Она, действительно, необыкновенная! — от пассивности Яна не осталось и следа. — *Она такая же, как я!..*

Кирилл еще громоздил конструкцию из бессмысленных космических образов, когда Ян прижал Алену к себе.

— В Москву я тебя и не зову.

— Правда? — заинтересовалась Алена, уловив какие-то новые, отличные от прежних интонации. — Передумал?

— Просто это особый город. Туда стоит приезжать, если настроен биться и покорить его. Там нет смысла просто жить — он не приспособлен для этого; там все дорого, все расположено далеко... И вообще — там сложно.

— Ты на сто процентов прав, — Алена кивнула. — Москвичи — это состояние души, а я не ощущаю настроя на борьбу.

— *...Спасибо, выручил,* — обрадовался Кирилл, полностью потерявший нить общения, но Ян отмахнулся.

Он крепче сжал Аленины плечи.

— К вам я, конечно, не перееду даже ради тебя — тут ты сама все правильно сформулировала, но ты ж не можешь не согласиться, что нас тянет друг к другу?

— Не согласиться не могу, — Алена вздохнула.

Кирилл от удивления потерял дар речи. То, что происходящее не соответствовало привычной логике «соседа», было полбеды; беда заключалась в том, что после ответа Алены он окончательно почувствовал себя лишним, словно растворявшимся в «соседе». Действительно, зачем он нужен, если тот исполняет его функции и его желания?

— Значит, — продолжал Ян, — надо искать компромиссный вариант. Это ж неумно — осмысленно мучить друг друга.

— Кое-то слово подобрал — «неумно», — Алена покачала головой, а потом кивнула, — я б хотела найти такой вариант. Давай встречаться где-нибудь в Рязани или в Липецке... О! Лучше вычислим деревню, чтоб точно посередине между мною и Москвой, купим там хату...

— Плохой вариант. Это ж рутина — созвонились, съехались, бросив дела, которые все равно не выходят из головы; переспали и с радостью помчались обратно — дела-то ждут, время потеряно.

— Слушай, что ж ты такой умный? Насчет поездок, я, конечно, загнула; тогда уж проще пожениться, чем тратить деньги на дорогу — эффект-то получается тот же, да?

...Какая ж она умница!.. А ты — debil, — Ян повернулся к Кириллу, заморожено слушавшему этот увлекательный диалог влюбленных.

— Ну, а твои предложения? — Алена вывернулась из объятий, чтоб лучше видеть лицо собеседника.

Момент был кульминационным, но Бог (или Случай) — великий драматург, потому что всегда умеет растянуть его, держа в напряжении нервы и чувства «актеров».

— Слушайте, голубки, — из дома появился Василий, — вы завтра когда едете?

— Ой, пап... — Алена задумчиво почесала нос, — лучше пораньше. Мне ж на работе хотя б с обеда надо появиться — с утра-то, если что, девочки прикроют... а до этого съездить с Кириллом к Сан Санычу...

...На фиг Сан Саныч этому придурку? — Ян раздраженно обернулся, но Кирилл лишь беспомощно развел руками. — *Блин, послал бог «соседа»!..*

— Короче, — Василий прервал Алены рассуждения, — я у Вовки узнал, где ключ от стоянки, так что решайте — когда скажете, тогда и отвезу.

— Пап, давай часов в шесть.

— В шесть, так в шесть, — Василий посмотрел на часы. — Сейчас полпервого. Вы спать совсем не собираетесь?

— Ты что, пап! — глаза Алены округлились. — Мне ж на работе надо быть цветущей. Идем? — она повернулась к Яну.

— Вопрос, конечно, бестактный, — Василий смешно потер небритую щеку, — белья сколько доставать? На одну постель?

— Пап, — укоризненно перебила Алена, — сегодня вот на две.

Пожав плечами, Василий ушел обратно в дом.

— Я ж тебе говорила, — Алена засмеялась. — И все равно стесняюсь. Ну, такая вот я странная девочка.

— Ты — классная девочка, а остальное мелочи, — Ян притянул ее к себе.

Так они не целовались даже вчера ночью, и когда их губы разомкнулись, Алена глубоко вздохнула:

— Уф!.. Если ты и дальше будешь таким, я и вправду влюблюсь. Тебе оно надо?

Кирилл уставился на «соседа», ожидая яростного протеста против «всяких глупостей», но тот предательски промолчал.

Василий остался в маленькой комнате, где стоял телевизор, а гостям постелил в большой, со старым платяным шкафом, запасными веслами и рыболовными снастями, разложенными на столе и подоконнике. Больше они не обнимались и не целовались; правда, когда Алена, потушив свет, стала раздеваться, Ян на всякий случай спросил:

— Ну, что?

Вопрос мог относиться к чему угодно, вплоть до мирового экономического кризиса, и Алена ответила соответственно:

— А все нормально.

Старенькие диваны заскрипели. Ян закрыл глаза, и тут же к нему подскочил Кирилл.

— *Что ты делаешь? Это моя девушка!*

— *Послушай, — голос Яна казался усталым, — это наша девушка. Не забывай, мы ведь единое целое...*

— *Эк ты запел!*

— *А я сегодня добрый, и не зли меня, пожалуйста.*

Как вести себя с «добрым Яном» Кирилл не знал, потому что никогда его не видел. Пауза возникла длинная; ее хватило как раз, чтоб Ян отключил сознание, уплывая в фантаσμαгорию снов, и потянул Кирилла за собой.

— Третья рота, подъем!

И Алена, и Ян одновременно вскинули головы, в которых еще витал туман не отложившихся в памяти сновидений.

— Пап, да ну тебя, — Алена сонно зевнула.

— Время полшестого, — объявил Василий. — Вам еще надо умыться, поесть, а я пойду движок на лодку поставлю.

— Есть я не буду, — Алена потянулась, — я лучше искупаюсь.

— *...Она с ума сошла!* — воскликнул Кирилл, но Ян, за ночь, видимо, переставший быть добрым, усмехнулся.

— *Заткнись, размазня! Эта девочка не для тебя, понял?..*

— Пап, выйди; а ты, Кирилл, отвернись, пожалуйста, — попросила Алена. Василий вышел, и Ян толкнул «соседа».

— *...Отвернись, слышишь! Тебе ж сказали!* — но сам лишь прищурил глаза, наблюдая, как Алена сменила трусики на ярко-желтые плавки и ловко надела верхнюю часть купальника.

— Можешь смотреть, — объявила она. — Ты пойдешь?

Кирилл чуть не крикнул «Да!», стараясь хоть в чем-то опередить конкурента, но Ян одним движением закрыл ему рот.

— *Молчи, идиот! Ты-то куда собрался? Лед неделю назад сошел! Она всю жизнь плавает, а ты утонешь, как утюг.*

— *Это да...* — мигом остыл Кирилл.

— Так что? — Алена стояла посреди комнаты и улыбалась.

— И буду ходить по городу с мокрой попой, да? Неудобняк, — Ян откинул одеяло, — я уж так — рожу протру и хватит.

— Как хочешь. Наше дело предложить, — Алена вышла и через минуту за тонкой стеной послышался громкий всплеск.

Ян похлопал «соседа» по плечу.

— *...И что ты собирался делать с такой девкой? Ты ж по жизни будешь у нее подкаблучником!.. Но в чем-то я тебе очень обязан: как говорят поэты — ты растопил ее сердце. Так что не расстраивайся.*

— А как мы будем... — Кирилл пытался подобрать достойную формулировку, но Ян рубанул с плеча:

— *Как мы будем ее делить? А зачем? Все у нас с тобою общее, так что нечего делить. Еще вопросы есть?*

— Нет. Хотя есть! Вчера ж ты так и не сказал, что можешь ей предложить — ну, чтоб как-то быть вместе.

— Не волнуйся, предложу — есть у меня в рукаве шикарный козырь... — Увидев неподдельный испуг «соседа», Ян рассмеялся. — Да не бойся — куда ж без тебя? Как ни крути, она все-таки не железная — когда-нибудь и ей нужно поплакаться в жилетку, а я на эту роль не гожусь.

— Правда? Ты так думаешь? — от радости Кирилл чуть сам не заплакал. — Это получается, теперь мы не просто «соседи», а, можно сказать, братья?

— Ага, молочные. Пошли, братец...

Натянув джинсы и рубашку, Ян прошел через кухню, где на столе снова стояла тарелка с рыбой, и вышел на крыльцо. Василий был уже там, наблюдая за дочерью, уплывшей от дома метров на двадцать. На звук шагов он обернулся и, когда Ян встал рядом, тихо спросил:

— Это, конечно, не мои проблемы, но у вас все серьезно или так?

— Василий, а ты, значит, считаешь, что она могла привезти с собой первого встречного? Или что, она много мужиков уже сюда перетаскала?

— Да ни одного! — Василий усмехнулся. — Что и пугает.

— Вот пусть ничего тебя не пугает. Мы сами во всем разберемся, договорились? А ты тут с Водяным пока разберись — чего это он решил нам пульки-то подкинуть?

— Разберусь, — вздохнул Василий. — Лучше скажи, от твоей статьи будет эффект?

— Да что статья! Я ж снимки сделал, как этот урод стреляет в нас — сейчас прокуратуру подключу... ох, Вася, тут такие разборки начнутся! Главное, чтоб у вас бумаги были в порядке, а то загремите со своим товариществом в общей куче, — мысли Яна мгновенно вернулись к работе, поэтому, когда Алена поднималась по лестнице, Кирилл успел подскочить первым и подал ей руку.

— Вот зачем ты оделся? — она засмеялась. — Сейчас бы как прижалась к тебе!

Кириллу хотелось этого, но, помня о «брате», он сказал:

— Не, не надо... — И коснувшись губами мокрого, холодного плеча девушки, опасливо оглянулся — Ян смотрел на него как-то подозрительно задумчиво, и Кирилл испуганно спросил:

— ...Ты чего?

Но Ян лишь покачал головой и ничего не ответил. Кирилл ни о чем не стал дознаваться, поверив, что действительно не произошло ничего особенного.

Приключение под названием «Радчино» окончательно закончилось, когда Алена села за руль.

— Сейчас посмотрим, какой ты водитель, — Ян устроился на пассажирском месте. — Годишься ли для езды по сумасшедшей Москве?

— Не гожусь, по определению, — поднимая рябь на воде, Алена развернулась. — Я вчера тебе уже говорила.

— Ну, ситуации меняются, отсюда меняются и желания...

— Да не поеду я в Москву!

— Успокойся, никто тебя туда не тащит. Это я шутил, а если хочешь, поговорим серьезно.

В принципе, Алена была готова к подобной развязке, но все равно стало очень обидно. В сердцах она втопила газ, подняв на лугу волну.

— Ты не поняла...

— Все я поняла! — девушка дернула локтем, хотя Ян и не пытался коснуться его.

— ...Мы теряем ее! — Кирилл в отчаянии схватился за голову.

— Что, фильмов про врачей посмотрелся? — усмехнулся Ян. — Смотри и учись...

— Перестань, глупенькая, — произнес он ласково. — Лучше послушай меня. То, что народу сливают через СМИ о положении в нашей экономике и политике, сплошная ложь.

— Очень актуальная информация, — Алена усмехнулась.

— Да ты дослушай!

— Ладно, слушаю, — равнодушно согласилась Алена — это была возможность углубиться в собственные мысли.

— Я вхож в так называемый «ближний круг», поэтому имею возможность анализировать реальные факты. Понимаешь?

— Нет, — Алена пожала плечами, — не понимаю, при чем тут я.

— При том, что ты сама хотела серьезного разговора!

— Но не до такой же степени...

— Ты можешь без комментариев? — Ян начал злиться.

Кирилл, естественно, ощущал это; точно так же, как мгновенно узнал, что именно «брат» собрался предложить Алене, и не мог поверить в это. Конечно, это был сильнейший ход, но раскрывать главную тайну, о которой не знал вообще(!) никто, после двухдневного знакомства?.. Сам бы он, точно, не отважился, а вот Ян собирался это сделать!

— ...*Слушай*, — он схватил Яна за руку, — *ты — гений! Я даже не ожидал! Знаешь, как ты поднялся в моих глазах!..*

— *Неужто? А она вот даже не хочет меня выслушать!*

— *Но Алена ведь рассказывала, как ее обманывали! Потому и относится к тебе как к другим!*

— *А ко мне не надо относиться как к другим! Иначе и я буду относиться к ней как к другим!*

— *Господи, какие ж вы оба...*

Фраза являлась законченной и ее не требовалось опоплять конкретным определением. Возникла пауза, которую нарушила Алена.

— Так что там интересного в твоём «ближнем круге»? — Она успокоилась, поставив предсказуемый крест на их отношениях, и теперь ей хотелось хотя бы послушать из «первых рук» свежие московские сплетни.

Под жалобным взглядом Кирилла Ян вздохнул.

— Если коротко и не вдаваясь в детали, страна катится к закату — и идеологическому, и экономическому. Дело лишь в сроках. Здравомыслящие аналитики отводят ей жизни года три...

— Я не верю, — Алена выбралась на асфальт. Впереди больше не было скрытых водой ловушек, и она повернулась к собеседнику: — С чего ты взял? По-моему, наоборот, наконец-то наступила стабильность.

— У нас, знаешь, что является мерилom стабильности? Наличие в магазинах хлеба, водки и колбасы. Все — жизнь прекрасна, а остальное как-нибудь переживем, так ведь?

И тут Алена испугалась; испугалась уверенности, звучавшей в ее голосе, а сам Ян вдруг предстал мрачным пророком, спустившимся с заоблачных столичных небес. Правда, состояние растерянности длилось не больше минуты. Потом Алена мысленно оглянулась на окружавший ее мир, обустроенный супермаркетами, веселыми ночными клубами, автомобилями, число которых зримо росло с каждым днем, а главным были люди, спокойно и уверенно строившие планы на ближайшее десятилетие. И Алена улыбнулась.

— Не надо ничего рассказывать. Просто скажи, что, по твоему мнению, будет дальше?

— А дальше будет русский бунт, бессмысленный и беспощадный; такой, что семнадцатый год покажется сказкой про Белоснежку.

— Прекрати! — опять не согласилась Алена. — Да, не все у нас гладко, но сейчас вроде и с коррупцией стали бороться...

— Да не может эта власть бороться с коррупцией! Коррупция — наш общественный строй! А смена общественного строя происходит только революционным путем. Ну да, кого-то сажают, но это не борьба; это Система отторгает нарушивших главное правило игры. Знаешь, какое? Нельзя резать дойную корову — ее надо только доить, пока сама не сдохнет.

— Страшно тогда... — Алена задумалась.

— Страшно, — кивнул Ян. — Вот я и не хочу, чтоб ты бегала тут под пулями, а бегать придется — как ни крути, ты к этой власти тоже имеешь отношение, и в эйфории новой свободы никто не станет разбираться, что ты только девочка на побегушках и лишь тупо селила в гостиницы московских «пупков»... За дорогой следи!

Испуганно вывернув руль, Алена метнулась к обочине, заканчивавшейся глубоким кюветом и, чудом не угодив в него, вернулась к белой прерывистой линии. Фура, возникшая словно ниоткуда, пронеслась мимо, и дорога вновь опустела.

Пока Алена приходила в себя после маневра, изучавшегося в автошколе лишь теоретически, Кирилл подскочил к Яну.

— *...Ну, зачем ей все эти ужасы? Может, и вообще все еще обойдется! Ты просто скажи, что любишь ее! Скажи, ну!..*

Кирилл вмиг съежился, и эта очередная победа над глупым сентиментальным «братом» подняла Яну настроение.

— Короче, — он хитро прищурился, ожидая реакции, — когда начнется кровопускание, я могу увезти тебя из этого дурдома. В замечательной стране Австрии, где на ближайшие двести лет не намечается никаких революций, есть городок Зальцбург, родина Моцарта, между прочим; а под тем Зальцбургом есть у меня славный домик и клочок земли.

— Правда?... — глаза Алены округлились, — ничего себе!

Не раз виденные по телевизору остроконечные крыши, узкие мощеные улочки и танцующие люди в тирольских шляпах поглотили рисовавшийся минуту назад кошмар; да и на лице Яна появилась улыбка, сразу превратив мрачного пророка в ловкого фокусника.

— Уф!.. А я, дура, уж вся испереживалась за судьбы Родины, — Алена засмеялась. — То есть ты так нестандартно приглашаешь меня в гости?

— Просто я хочу спасти тебя.

— Знаешь, а мне нравится, — Алена окончательно развеселилась. — Роль любовницы... это все-таки как-то унизительно; стать женой я пока не готова, да мы почти и незнакомы, так что спасай!.. — великодушно разрешила она, — Слушай, а без грядущего катаклизма мы не можем съездить туда? Не насовсем, а так, на пару неделек.

— Запросто. Репортаж только сдать...

— Не, Кирилл, я серьезно.

— Да не Кирилл я! Кирилл — это мое, так сказать, прошлое. Ну, вспомнил о нем, раз уж твой отец так не любит поляков, а реально никакого Кирилла давно нет. — Ян победно взглянул на окончательно потерявшегося в ситуации «брата».

— Так не бывает, — покачала головой Алена. — Прошлое никогда не исчезает без следа. Вы с Кириллом должны как-то ужиться; причем, вы оба мне симпатичны, каждый по-своему...

— *...Нет, ты слышал!* — от счастья Кирилл даже захлопал в ладоши. — *Мы оба!*

— *Да погоди ты!* — отмахнулся Ян, — *думаешь, я не догадывался?* — но вслух сказал:

— Это называется раздвоение личности, а человек должен быть цельным, чтоб чего-то добиться.

— Мне кажется ужасно скучным только и делать, что чего-то добиваться...

— Тебе вот кажется. В этом, кстати, одна из главных проблем — мы оцениваем чужое счастье теми мерками, которые заготовили для себя, а оно у каждого свое. Не согласна?

Несколько минут Алена молчала, потом вздохнула:

— Здесь, возможно, ты прав.

— А в чем я не прав?

— В отношении будущего России. В плане власти я, наверное, согласна с тобой, но тут еще остались Лешие, Водяные и еще много кого, кто не позволит испоганить свою территорию.

— Короче, да поможет нам Бог?

— Типа того. Но ты, конечно, в Бога не веришь?

— Ну... — это был редкий случай, когда Ян не смог быстро сформулировать ответ — с одной стороны, ему не хотелось огорчать Алену, но, с другой — на подобные вопросы лучше сразу говорить правду, чтоб не юлить потом всю оставшуюся жизнь. — Конечно, не верю.

— А Кирилл?

— *...Я верю!* — воскликнул тот, — *это ведь он спровадил в командировку Костю Орехова, отменил автобус, чтоб на такси мы успели вернуться; он забрал к себе бабу с козой!..*

Ян скептически взглянул на восторженного «брата».

— Черт его знает, того Кирилла. Мутный он какой-то.

Нагромождение разнокалиберных высоток становилось все ближе, и Алена сменила тему:

— Давай заедем к Сан Санычу — тут по дороге, а потом кину тебя, куда скажешь. Извини уж, но мне надо хоть марафет навести, а то сегодня шефы возвращаются; наверняка будут собирать всех.

— Чуть не забыл! — Ян с радостью вернулся к знакомой реальности, — координаты-то оставь, а то куда я статью сброшу?

— Легко, — Алена протянула визитку. — А ты свой?

— А надо? Все равно ж звонить не будешь.

— Кто знает?.. Хотя не хочешь — как хочешь, — Алена свернула во двор и остановилась. — Тут у нас живет Сан Саныч.

— Пошли вместе, а то сейчас объяснять ему, кто я да откуда... — Выйдя из машины, Ян оглядел уродливо опиленные деревья, ржавые качели и мусорные контейнеры, от которых тянуло гнилью. *...Явно не Радчино. Лучше, и правда, жил бы там какой-нибудь Водяной и охранял такое прелестное место... А может, он там и живет, иначе откуда б Вася взял пули?.. Значит, тогда и Бог есть? Кто-то ж веками вытаскивает эту страну из крови и безумия. Одни люди вряд ли способны на такое... Блин, что-то совсем эта Алена задурила мне голову — так недолго скатиться на один уровень с моим отмороженным «братцем». Колодин, твою мать!.. Хотя, похоже, все они тут Колодины — всем нужен какой-то Бог... Блин, а ведь в этом «колодизме» и есть загадка русской души! В то время, как надо просто работать — тогда все неразрешимые загадки как рукой снимет!..*

Они поднялись на третий этаж, и Алена позвонила.

Открыл Сан Саныч быстро, но в квартиру не пригласил. Ян, правда, успел увидеть трех пацанов, с визгами бесившихся на диване; растрепан-

ную женщину, безуспешно звавшую их к столу с дымящимися тарелками; из другой комнаты слышался мужской голос, возмущавшийся невыглаженной рубашкой. Это походило на сцену из плохой комедии, и сам маленький лысый хозяин в линялой футболке прекрасно вписывался в нее.

Яну он молча пожал руку, а у Алены поинтересовался, как поживает отец, и протянул раритетную папку с завязками. На том аудиенция закончилась, так как из комнаты заорали, что «его бешеные внуки ничего не жрут». Дед поспешил на помощь, по ходу цепляя на круглое добродушное лицо маску строгости.

— Хочешь такую жизнь? — спросил Ян, спускаясь вниз.

— Пока нет, — Алена уверенно покачала головой. — Но когда-нибудь придется. Не троих, конечно... или ты другого мнения?

Ян обернулся к «брату», но тот растерянно молчал.

— ...*Страшно, что ли?* — Ян усмехнулся и ответил сам:

— А чего такого? Тебе ж не придется кувыркаться с кашами — на то имеются специально обученные люди, и рубашки гладить не придется...

— Лучше б ты так не говорил, — Алена уселась за руль.

— Почему?

— А я теперь буду долго думать и неизвестно, к чему приду.

— Ну, думай, — Ян захлопнул дверцу, и машина аккуратно выехала из двора.

Наверное, Алена восприняла совет буквально, потому что до самой гостиницы они ехали молча; да и там она не стала выходить, а дождавшись, пока Ян сам подойдет к водительской двери, опустила стекло.

— Поезд у тебя во сколько?

— Не заморачивайся, — Ян махнул рукой. — Как в народе говорят: долгие проводы — лишние слезы, да?

— Типа того. Ну, тогда пока.

Стекло поднялось, а еще через минуту машина аккуратно втиснулась в поток и затерялась среди таких же железных коробочек. Ян оглянулся на «брата» и усмехнулся.

— ...*Чего уставился? Говори!*

— Ты — идиот! Что ты собираешься делать дальше?

— Я собираюсь заняться Радчино — надо глянуть бумаги, пока не уехал, а то потом этого Сан Саныча с собаками не найдешь; дальше начну лепить репортаж — основную работу никто ведь не отмечал...

— Ты о чем?! — вспыхнул Кирилл, — какое Радчино? Какой репортаж? Ты понимаешь, что так не расстаются с самой прекрасной девушкой на свете! Звони ей сейчас же!

— Да пошел ты! — огрызнулся Ян, — у меня работы выше крыши! Хочешь, сам звони.

— Я? Ты мне доверишь?..

— Доверяю — не доверяю... Тебе все равно делать нечего! Чем вот ты занимаешься, пока я деньги зарабатываю?

— Ну...

— Хрен гну! Только ешь, спишь и портишь мне нервы! Хоть раз сделай сам что-то реальное, а меня не доставай!

— Ладно, — Кирилл неуверенно достал мобильник, — а можно я скажу, что люблю ее?

— Да говори что хочешь! Больно ты мне нужен...

Екатерина Викторовна Яковлева родилась в городе Заполярный Мурманской области. Окончила Мурманский гуманитарный институт. Работает психологом в городской больнице скорой медицинской помощи. Публиковалась в журналах «Наши современники», «Север», «Лад» и др., в «Литературной России», «Литературной газете», других изданиях, автор ряда книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе им. Н. Гумилева, всероссийской премии А. Дельвига и др. Член Союза писателей России. Живет в Мурманске.

Екатерина Яковлева

КРАСНЫЙ КЛЕВЕР

* * *

Вечер тянет бабу Надю
Сесть за пальцы в уголке,
Вышивает баба гладью
Клевер на льняном платке.

Вспоминает: в сорок пятом,
За извилистой рекой
Собирали с младшим братом
Клевер красный луговой.

Слаще он всего на свете!
Огоньком горит в руках!
И свистит-гуляет ветер
В детских, впалых животах...

Развалился — эх, предатель! —
Туесок с прогнившим дном.
И догнал их председатель,
По лопаткам бил кнутом...

Тот трилистник незабвенный —
Цветом крови на платке.
Снится бабе: немец пленный
Клевер варит в котелке.

* * *

Мир кажется бессмысленной работой,
А не работой радостной творца:
Вот с елочных игрушек позолота,
Летит как с крыльев бабочек пыльца.

Как мне с зимою этой примириться?
Я вижу, только сон коснется век,
Как ворон над заснеженной страницей
Кружит и на лету глотает снег.
И клюв его распахнутый так жаден,
Он как воронка тянет белый свет.
Ты просишь: «Возвращайся, бога ради...»,
А сам ведь говорил, что бога — нет.

* * *

Вытряхиваю все из кошелька,
Смотри, старик, и я могу быть доброй,
Хотя тащусь по свету, словно с торбой,
С душой пустою, как твоя рука.

Аккордеон закашлялся и смолк,
Ему минута только — отдышаться,
Скукожились рубли в дрожащих пальцах,
Монетка закатилась под сапог...

Поверишь ли, в тебе я узнаю
Далекого родного человека,
Которого не видела полвека —
Лица почти не помню, но люблю!

Да, музыка — внутри, а не вовне,
И глухота к ней — тяжкое увечье,
Но мне ее услышать было легче
Когда ты руку протянул ко мне.

* * *

Мое сердце водил обезьянкой по парку,
Оно прыгало и развлекало народ.
Все скрипела твоя расписная шарманка,
И никак у нее не кончался завод.

У фонтана, в цветы, опыленные светом,
Вдруг упал заморенный тобою зверек,
И напрасно нам в шляпу бросали монеты,
И напрасно ты дергал тугой поводок.

А на озере тихо гудела моторка,
Как прощальная песня для сердец и зверей,
И какая-то девочка плакала горько,
Потому что ей жалко монетки своей.

* * *

Среди оживших к лету нарядных дач
Магнитофон взрывался вчерашней песней,
Потертый и отсыревший за зиму мяч
Из детских рук взлетал прямо в поднебесье.
Считали дружно, шепотом: раз, два, три,
А дальше — взмах рукою и заклинанье —
Один из нас приказывал всем: замри,
И мы, застыв, стояли, как изваянья.
То сон далекий, трепетный... Наяву
Забята дача, мяч укатился в бездну,
Но это ликование — я живу!
Острее от знания, что наконец исчезну.
Зачем в чужом мне городе до поры
Я просыпаюсь, как от внезапной боли,
Когда мне снова снится конец игры,
И я — все в той же странной, нелепой роли?
Квадрат окна бликует — там фонари
Нарочно вяжут в узел обрывки света...
И слышу я отчетливо: отомри,
И мне осталось вспомнить, как сделать это.

* * *

Белобрысый парень Кольча
В знак того, что мы друзья,
Смастерил мне колокольчик —
Славный, да звонить нельзя!

Звук бежит — да спотыкнется,
Захлебнется на бегу,
Ловит зыбкий лучик солнца
Дыркой в глиняном боку.

Несуразный как хозяин,
Только память дорога!
Словно бы из света сваян,
А возьмешь — дрожит рука.

Вдруг увидишь берег отчий,
Травы трогают плечо.
Кто услышит звон тот, Кольча,
Тот вернуться обречен.

* * *

Друг мой, потеря вчерашняя,
Был или не был, ответь!
Эта ли жизнь — настоящая?
Это ли, милый, не смерть?

Спросишь: о чем же я сетую?
Скажешь: назад не гляди...
Детскую песенку светлую
Мы утопили в груди.
В сердце холодном, как в проруби...
Но позабыть не смогу,
Как хоронили мы голубя
В чистом январском снегу.

* * *

Уродился Гриня дураком.
Кирзачи надев на босы ноги,
Ходит по деревне с батогом,
Словно странник по большой дороге.

То поет, кривляется, как шут,
То заплачет, в рукава сморкаясь,
Пожалеют мужики, нальют,
Из бутылки, если что осталось...

Порвана рубаха на плече,
И соседи выгнали за двери.
Кто ему, бедняге, и зачем
Этот путь бессмысленный отмерил?

Муча сухарем беззубый рот,
Он пойдет походкой воробышкой...
Вновь детей безжалостный народ
Забросает окна его глиной.

Жалобно наморщено лицо,
Волосы нечесанные в сене...
Он вздохнет и сядет на крыльцо,
И гармонь поставит на колени...

Его пальцы, словно мотыльки,
Запорхают. Музыка живая
Разольется с силою реки,
Ни конца не ведая, ни края.

Потечет по полю, через лес
Горькое и светлое посланье...
На худой груди нательный крест
Задрожит от частого дыханья.

Он в минуту эту не один,
Будто кто с небес его приметил...
Эх ты Гриня, Гриня, Божий сын,
И тебе есть музыка на свете.

* * *

Известно испокон веков:
Не отмечают сорок.
Законов нет для дураков,
И ты, как гость, мне дорог.
Но ты не траться на букет
И всякие помады,
И этих приторных конфет
Мне, видит бог, не надо!
А подари мне, твою мать,
Припудрен и надушен,
Свой дивный дар спокойно спать,
Когда весь мир разрушен.

* * *

За тщету прошлой жизни отныне дано
За сплетеньем чернеющих веток — окно...
В нем живой, ровный свет, различимый едва,
Так пронзительно прост, как молитвы слова.

Мнится мне: все, что будет и было давно —
Сон и морок, а подлинно — только окно,
Где проросший сквозь тьму, свет явил благодать...
Не оспорить его никому, не отнять.

Виктор Сергеевич Остриков родился в 1949 году в городе Уральске. Окончил скульптурное отделение Ленинградского художественного училища им. В. Серова. Скульптор, писатель. Автор десятков мемориальных досок и многих знаковых для Тамбовщины памятников: «Тамбовскому Мужику», «Тамбовский студент» и др. Лауреат Госпремии РФ по ЦФО. Член Союза художников России. С 1980 года проживает в Тамбове.

Виктор Остриков

БОЖЬЯ КОРОВКА

Рассказы

СИНТЕЗ КАМНЯ И СЛОВА

Случайно ли признанный скульптор Виктор Остриков, чьи работы стали символами не только Тамбовщины, но и Российской истории, взялся за перо? Нет, конечно. Зачастую художнику, который перерос себя в определенных жанрах, направлениях, формах, материалах и так далее, хочется расширить горизонты своей творческой мастерской. Искусствоведы называют подобное явление синтезом искусств, когда художник соединяет совершенно разные виды творчества в некое художественное целое, которое наиболее полно выражает дух, мировоззрение, масштаб личности мастера, в конце концов, это попытка сотворения оригинального художественного явления.

Наиболее известная на сегодня работа скульптура Виктора Острикова — памятник «Тамбовскому мужику». Этот импрессионистический образ выражает не только трагедию русского крестьянства, но и формирует коды национального самосознания, корни которого лежат в фольклоре, в былинах и преданиях.

В этой связи примечательна еще одна его работа. Он создал на основе литературного произведения писателя-фольклориста Елены Чистяковой скульптурный образ девушки-сосны Пич-Авы. В основу этого литературно-скульптурного проекта легло местное предание о любви мордовского князя и прекрасной девушки Пич-Авы, чье имя дало название древнему селу Тамбовщины — Пичаево.

Не один год художник работал над созданием «Колокола Азии». Название скульптуры говорит само за себя, но на ее создание Острикова подтолкнули идеи Льва Гумилева. Ученый говорил: «Россия если выживет, то выживет Азией». «Колокол Азии» Острикова должен пробудить современную Россию.

Но как художнику ему интересна, прежде всего, интеграция культуры России с кочевыми империями, различными этносами. Поэтому во многих скульптурных работах прослеживается эта тема. Евразийство можно обнаружить и в образе основателя Тамбова Бобарыкина, и в скульптурном портрете мордовской девушки...

Важно отметить, что Виктор Остриков родился в 1949 году в Уральске. На его памяти быт, предания, традиции местных казаков, которые в понимании художника и есть настоящая евразийская Россия. В сущности, уральский казак — это скиф, о котором так красноречиво говорил Александр Блок. Виктор Сергеевич сделал немало карандашных набросков домов, хозяйственных построек, бытовых сцен степных русских рыцарей. Но в последнее время он издал несколько рассказов, повестей о культуре казачества, синтезируя камень и слово на почве Евразийства. В этой

связи интересен «Остров атамана Харко». Сейчас Остриков работает над «Адыгейской повестью».

Но что общего между скульптурами и литературными произведениями Виктора Острикова? В них есть импрессионистическая стихия, они эмоциональны, динамичны. Художник предпочитает работать с большими формами, но при этом для него важны бытовые детали, убранство, оружие, цвет, запахи, тактильные ощущения, без которых невозможно создать атмосферу, воздух, словом, жизнь произведения.

Виктор Остриков в 1975 году окончил Ленинградское художественное училище имени Валентина Серова (ныне художественный институт имени Рериха), скульптурное отделение. С 1970 года он активный участник Всесоюзных, зональных, городских, областных, групповых художественных выставок. По окончании училища был направлен в город Уральск, где проработал до 1980 года в художественно-производственных мастерских при отделе культуры города.

С 1980 года Остриков проживает в городе Тамбове. Работает в разных жанрах: монументальная скульптура, станковая скульптура, портрет, мелкая пластика.

Олег АЛЕШИН

*Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто придет за мной.*

Владимир Высоцкий

Пробегая легкими шажками по брустверу траншеи, утренний ветерок поднял известковую пыль и рассыпал по лицам уснувших солдат. Высоко в небе зависла пицаль — птаха; первые лучи восходящего солнца уже скользнули по свежевырытым окопам. Холодная ночь постепенно сменялась утренней прохладой, но день, судя по приметам, обещал быть невыносимо жарким...

Сержант Потапов — бронбойщик, получивший боевое крещение еще на финской, умел не только наступать, но и обороняться. После изнурительного марш-броска он вместе с напарником оказался на небольшом бугорке. Здесь они получили приказ командира роты: вгрызаться, вгрызаться и замаскироваться жесткой степной травой.

— И чтоб я вас к утру не учуял, понятно? — рубанув рукой по воздуху, выпалил командир. Через секунду он скрылся в темноте, продолжая на ходу отдавать указания бойцам.

Когда сержант Потапов, не успев отдышаться, опустил на землю тяжелое противотанковое ружье, почему-то подумал, что это его последний окоп. При этом он не испытал никакого волнения, казалось, что был равнодушен к своей судьбе.

Следом упал напарник с коробками патронов. Они звякнули и приумолкли, словно была поставлена какая-то последняя точка здесь — на земле.

Жесты сержанта Павла Ивановича Потапова были уверенными, что говорило о его напористом характере. Квадратное лицо, обтянутое загоревшей, дубленой кожей, было как бы вырублено топором из крепкого дуба. Лысая голова, прикрытая пилоткой, устойчиво стояла на морщинистой коричневой шее. Глаза чуть раскосые, с прищуром, тонкие губы. Широкий лоб плавно переходил через переносицу вниз и заканчивался прямым толстым носом. Уши круглые, с длинными мочками. Глаза, казалось, выцвели от палящего солнечного зноя, как его гимнастерка. Она слипшимися складками округляла бочкообразный торс, опоясанный брезентовым ремнем. Справа на гимнастерке две нашивки — два ранения. Галифе чуть посвежее, но в заплатах на коленях. Кирзовые сапоги со скошенными каблуками. Все это ему досталось в наследство после последнего ранения: что было на складах в госпитале, в то и нарядили.

Грубые, разноплановые формы его облика излучали спокойствие и уверенность.

Потапов с напарником, сложив вещи и оружие в одно место, определили размер ячейки и по очереди стали долбить неподатливый суглинок вперемешку с известковыми голышами.

Первым за дело взялся Потапов. Обхватив рукоять, он со всего размаху стал вгонять стальную пластину лопаты в каменистый грунт. Но ладони с натертыми кровавыми мозолями, пропотевшие, по-предательски не хотели держать черенок. Обессилев, он облокотился на край окопа и выдохнул: «Ну, молодой, давай, сгребай и наперед кидай горкой, горкой».

Напарник, видя, как первый номер упорно врывается в белый суглинок, прыгнул в окоп и ладонями стал выбрасывать землю на бруствер. Хотелось передохнуть, но он терпел. Ведь он напарник у самого Потапова! Сержанта, который, как говорят, коробки — немецкие танки — щелкал как семечки.

— Ну что, подскреб? Вылазь, — слышался его голос.

Сержант Потапов понимал, что там, на западе, сейчас под немецкие гусеницы ложится войсковой заслон, который давал им всего несколько часов, чтобы фашистам при наступлении было во что упереться.

— Я хочу, чтобы вы знали, что за нами земли нет, — сказал тихо комбат на перекличке.

А пулеметчики все долбили и долбили грунт... Но начинал раздражать старшина, который время от времени орал на Потапова.

— Плохо работаешь, плохо!

Потапов от злости понукал напарника, которому оставалось только

проклинать каменистый спасительный бугорок. К утру они, наконец, вошли в землю по грудь.

— Все. Перекур, — сказал Потапов и полез в карман за табачком.

Он уже начал обдумывать, как замаскировать позицию, но вдруг опять ниоткуда возник голос старшины: «Ну что, в полный рост?»

— Почти, еще два ряда и зачистим, — ответил Потапов,

— Ты, как всегда, первым окапываешься, но последним вылезает. Ладно, пойду соседей ваших погоняю.

По ячейкам пробежала команда нести котелки в ложину. Наконец-то подошла затерявшаяся со вчерашнего дня кухня.

Напарник, не дожидаясь вторичного приглашения, перевалил через насыпь, звеня посудой и волоча ленту отмотавшейся обмотки с правой ноги, скрылся в темноте.

— Вот бестолочь криворукая, сколько ни показывал, а она у него все равно болтается. И почему только на правой ноге? Вот вернется, я ему левую обмотку на правую поменяю. Может, тогда перестанет сползать? — промычал Потапов и сплюнул в сухую известковую пыль.

Всю дорогу из-за этой обмотки напарник отставал. Кто-то сзади наступал на нее, он спотыкался вместе с коробками и все время дергал за противотанковое ружье, мешая сержанту идти вперед.

Потапов обернулся, желая в очередной раз обматерить незадачливого солдата, но, увидев его очумелые от усталости глаза, остыл. Он помог ему закрепить на ноге обмотку, взвалил на себя почти весь ствол и, кривясь от боли, рванул вперед, словно вытягивая груженую телегу из болота.

Потапов почему-то вспомнил своего бывшего напарника, которого в недавнем бою резануло осколком так, что снесло половину черепа. Боец лежал на животе, зажав в онемевшей руке желтый патрон. Павел пытался разжать пальцы у своего товарища, но ничего не получалось.

В это время танки били прямой наводкой. Следующим разрывом его окутала темнота, а когда осела пыль, увидел рядом коробку с патронами, что опрокинулась, вывалив нутро с желтыми гильзами. Схватив один и машинально отерев его о гимнастерку, вогнал в окно затворника и привычным движением дослал патрон в патронник.

Втащил ПТР на бруствер — и вовремя. Прямо на него, чуть наискось ползла в дыму квадратная башня немецкого танка. Покачивая набалдашником ствола, лязгая и наматывая на катки ветки и корни, машина вламывалась в густую растительность сада. Потапов следил за дрожащими верхушками деревьев и ждал его появления. Земля вибрировала мелкой дрожью. Шел он рывками, осторожно, заползая за пригорки и беспрестанно поливая свинцом впереди себя.

И вот, когда эта «тварь» вползла на пригорок, на секунду оголив днище, Потапов, прижав приклад, обтянутый кожей, покрепче к плечу, нажал на спусковой крючок.

Но следующий взрыв поднял Павла вместе с бронебойкой. Он очнулся уже в окопе, куда его перебросило взрывной волной.

В голове звенело. Он постучал ладонями по ушам и понял — не оглох. Пошарив в белой известковой пыли, нашел коробку с патронами. Левой рукой, поднимая приклад, а правой вгоняя патрон в патронник, выглянул из окопа. Танк кружился на месте, ужаленный патроном Павла.

Выталкивая тяжелый ствол на край окопа, он в ту же секунду увидел, как его недобитая «тварь» дернулась: резкий всплеск красного пламени отделил башню от гусениц. Потапов видел, как тяжело воспарила башня. Ствол, словно указательный палец, бесполезно грозил кому-то.

— Вот те на! Кто это добил «моего»?

— Иваныч! Гляди, слева еще заходит, — вдруг Павел услышал хриплый голос старшины.

— Жажигай его, а мы пехоту отрежем.

— Бей, Паша, а то нам хана.

Потапов закрутил головой. Из низко стелющегося дыма сначала показался ствол, а затем и танк. Гусеницы прятались за обочиной, поросшей кустарником. Раскинув ноги и прижав приклад, Потапов слился со своим бронебойным ружьем.

Вокруг него что-то горело, земля вибрировала, грунт поднимался от разрывов к небу. Но Потапов был сосредоточен. Сузив глаза и ища место, куда всадить бронебойно-зажигательный, ждал подходящего момента для точного выстрела. Тяжелая масса танка вминала в землю все, что попадалось на пути. Двигатель ревел от напряжения. И вот танк влез на бруствер, пытаюсь сравнять с землей солдат в окопах, но при этом показал Потапову свою ахиллесову пята.

Потапов понял — попал!

Но танк продолжал елозить по окопам, издавая надрывный рев, смрад выхлопных газов и еще что-то неживое, противоестественное. Видно, механик совсем озверел и плохо понимал, что он на прицеле и по нему бьют.

Сержант уже более хладнокровно вбивал бронебойные заряды в моторную часть, под башню, по гусеницам...

И вот машина в последний раз дернулась и застыла. Через какие-то секунды из моторной части выползла струйка белого дыма, следом черно-сизое облачко, из которого вырывались сначала мелкие языки пламени, а потом появились огромные красные всполохи.

Бой нарастал...

На днях старшина приставил этого парня к Потапову. Он еще не успел к нему привыкнуть.

Напарник приволок какую-то смесь, состоящую из макарон, пшена и листьев. Еда не шла, Потапову хотелось только пить и спать...

Он проснулся от окрика старшины, который прошел мимо укрепления. Павел головой прислонился к холодной стали противотанкового ружья. Из земляного колодца он посмотрел на небо. На высоте ствола подвисла цветная тряпица. Ночью, когда долбили окоп, он обмотал конец ствола ПТР, защитив его от пыли и мелких камешков.

«Когда это я успел?» — улыбаясь, подумал сержант.

Отец на охоте всегда наказывал ему прикрывать тряпичей стволы, чтобы по ходу в него не попали сломанные ветки деревьев. При стрельбе от них может и дуло разорвать. Вот и он механически, по-хозяйски сделал это важное дело.

Вдруг он заметил, как по этой тряпице ползет букашка — кругленькая, красненькая, с черными точками.

— Божья коровка! И откуда ты взялась? И не страшно тебе на войне? — разговаривал сам с собой Потапов.

Павел слегка потряс ствол, чтобы букашка улетела прочь. Но жучок только ползал по тряпице.

— Товарищ сержант, вы ее ноготком щелкните, и она полетит. Я так дома делал. Враз взлетит. Я на огороде их пулял. Наберу и щелкаю. Здорово получается! — неожиданно проснулся напарник.

Только теперь Потапов смог более внимательно рассмотреть этого парнишку. На него смотрели почти детские, цвета жидкой синьки, глаза. Припорошенные известковой пылью белесые ресницы моргали, как кедровые лапники, а губы, опухшие и потрескавшиеся, растянулись в улыбке, показав зубы, что находили друг на друга, и из всего ряда удивительно белые выделялись два первых, крупных, как саперные лопатки. По округлому лицу мелко рассыпались веснушки, собравшись плотно на кончике носа. Выросший в большой семье, состоящей из одних женщин — бабушки, мамы и сестер, — он только и слышал: «Наш младшенький, наш сахарный...» А мальчик мечтал об отце, который умер, когда Толику было три года. И вот на войне ему повстречался сильный, высокий, с твердым голосом и уверенными жестами человек, которому хотелось довериться.

— Показывай, коли знаешь, как это — щелчком, — сказал Потапов, уступая место напарнику.

Толик осторожно снял с тряпицы божью коровку. Стал ее рассматривать, переложив на ладонь.

— Не-е! Не полетит она! У нее крыло, кажись, сломано. Видно, оно не складывается совсем, — заключил рядовой Семушкин и посмотрел на сержанта.

— И что теперь? — с хрипотцой выдавил Павел.

Наступила пауза.

И вдруг их накрыла тень старшины: «О чем вы тут?»

Потапов быстро первым вылез из укрытия и доложил:

— Окоп вырыт по полному профилю и к бою готов. Патронов, правда, маловато, — отчеканил Павел.

— Божья коровка, улети на небо, там твои детки... — увлеченно запричитал Семушкин.

— Чего вы тут хреновней маетесь!

Семушкин из окопа выставил ладонь: «Это божья коровка, товарищ старшина, только она летать не может, но, видать, что хорошо ходит.»

— Я тебе рядового дал в напарники, чтобы ты его делу учил, а вы тут устроили ветеринарный пункт по лечению насекомых. Давай, Семушкин, дуй в обоз за патронами! Скажешь, я распорядился — десяток отмерят, — и, помедлив, добавил, — заодно загляни в медсанбат. Отнесешь раненую букашку, — заключил старшина.

Зажав в кулаке божью коровку, Толик выпрыгнул из окопа и побежал к обозу...

Он не помнил, как взрывной волной его отбросило куда-то в сторону. Толик очнулся и почувствовал, что по его лицу ползает божья коровка.

Он понял, что немцы начали артподготовку и пополз в укрытие — в ближайшую воронку, которая внезапно образовалась там, где он оставил старшину и сержанта.

СЛУЧАЙ НА РЫБАЛКЕ

Отрывок из повести

Подойдя к берегу, не стал заходить в реку, чтобы даже легким всплеском не обнаружить себя. Осмотрелся. Следов не заметил, значит, никто из рыбаков здесь не проходил, наверное, они сразу после разгрузки палаток, провианта и прочей поклажи ушли дальше по течению, полагая, что шум грузовика распугал в этой округе всю рыбу. Может, и хорошо, что ушли. Я почему-то был уверен, что мне обязательно повезет с уловом в этом месте, а нет — пойду попытать счастья поближе к своим мужикам.

Размахнулся и забросил блесну подальше от берега.

Вода прозрачная. Вижу, как металлическая приманка подошла к плавающему бревну; я тут же выдернул ее из толщи воды, боясь зацепа.

Я забрасывал и забрасывал блесну, чутьем выискивая места, где может обитать крупная рыба, но все безуспешно. В конце концов, решил: попробую еще разик, и шабаш.

Последняя проводка «сковороды», так называл блесну дядя Коля, показалась мне также пустой. И в момент, когда металлическая пустышка уже зависла над ленивой речной волной, из-за бревна выпрыгнула огромная рыбина и на лету заглотила приманку.

Я, признаться, оторопел от неожиданности. В каком-то оцепенении держал спиннинг в руках, а катушка визжала и разматывалась.

Очнулся, когда натянутая леска дернулась так, что я чуть не выронил спиннинг. Попытался намотать леску на катушку, но тщетно: такое ощущение, что по дну реки трактор ходит.

Руки тряслись, я не знал, что делать. Может, закричать? Позвать на помощь ребят? Но было стыдно признаться в своем бессилии.

Развернулся и побежал от берега, таща за собой спиннинг. Вода у берега вспучилась, брызги разлетались в разные стороны, а вместе с ними водоросли, листья и еще какой-то мусор.

И когда это чудовище оказалось на берегу, раззявив пасть, я выронил бамбуковую палку.

Я кричал или визжал, уже не помню, но как дикарь ринулся к своей добыче. Здоровенная, толстая рыбина, зажав блесну, неистово била хвостом, пытаясь сползти обратно в воду.

Не раздумывая, я сел на нее верхом. Мои руки скользили у грудных плавников, но сил не хватало, чтобы ее удержать. В пылу борьбы не заметил, как ладони проскользнули в жабры, и мои пальцы вышли из пасти с обратной стороны. Так я оказался в зубастом капкане.

Я заорал, что было сил. И тут прибежали мужики. Костя, как всегда, первый. Он схватил сучок, валявшийся под деревом, и давай бить рыбину по голове, пытаясь ее оглушить, но при этом он вбивал острые зубы рыбы, как сапожные гвозди, в мои ладони.

Дядя Коля и отшвырнул Костю. Мой спаситель вогнал сбоку пасти сук и таким рычагом, наконец-то, раскрыл пасть речному чудовищу.

Я оказался на свободе, но прыгал не от радости, а от неистовой боли: вдобавок к прокусанным кистям рук, колючие жабры ободрали кожу запястий.

Бекен оглядел раны и жестко изрек: «Расстегивай ширинку и мочись на руки».

Возражать не было сил, я тут же исполнил его приказ, но боль только усилилась. Это как огонь тушить огнем.

«Ну-ну! Ничего. Сейчас все пройдет. Потерпи», — добавил дядя Коля, смеясь.

Вокруг суетился Константин и приговаривал: «Терпи, казак! Вон какого «крокодила» вытащил — крестовую. Всех обловил».

Только теперь я посмотрел на свой трофей. Огромная рыба! Мох на ее голове лег крестообразной складкой. Теперь она уже вяло и беззлобно раскрывала пасть, словно зевая перед сном.

Водитель принес мешок, и ребята помогли ему засунуть в него рыбу. Толстая, как поросенок, она и на треть в него не вмещалась. Мощный хвост торчал как совковая лопата.

«Ну, ты и даешь, Острик! Такую, честно говоря, я никогда не ловил», — выпалил Мухин.

Он поднял мою бамбуковую палку с блесной, которая была размером в ладонь.

— Ничего себе. И где ты ее взял?

Я кивнул в сторону Бекена.

— А ты, старый водохлеб, из какого сундука вытащил эту железяку?

— Да он, — встрял, как всегда Константин, — от «заказа» стабилизатор отпилил. Теперь она, — и приседая, заходясь в хохоте, выкрикнул, — боком летать будет!

Здесь уже все загладели. Кто-то потащил мешок к машине.

На треножнике в ведре закипала вода, бросили в него чай, добавили корень шиповника.

Мужики усадили меня на брезент и как «героя» налили в самую большую кружку терпкого, душистого чая. Бросили в нее четыре куска сахара. Константин, нарезав копченую колбасу, которую я только по праздникам и ел, сделал большой бутерброд и подал мне.

— Ну как? Болит еще? — тихо спросил Бекен.

— Немного. Пощипывает, — ответил я.

— Болеть будет дома, матери расскажешь, а она сходит к медику, что живет в соседнем доме. Она знает. А мы пойдем покидаем. Вечерка скоро.

Я остался с водителем. Руки ныли, я не знал, куда их девать, то прятал в карманы, то под мышки. Но при этом то и дело заглядывал под машину, где лежал мой «крокодил». Представлял, как мама обрадуется и скажет: «Мой кормилец!»

Вдруг по озерам прокатились раскаты выстрелов. Это охотники вышли на вечерку. А я вот кружу возле машины. Нет, пойду погуляю и посмотрю, как ловит Бекен.

Не стал спускаться вниз, где росли кусты, а пошел верхом овражка. Здесь была тропа, выбитая копытами коров. Запах сладкой солодки исходил от земли, что разогрелась за день. Внизу за полосой камыша кто-то рыбачил. Я крикнул: «Бекен!»

— Он дальше, — слышалось из камыша.

Продолжая оглядывать берег озера, я спустился в небольшую низину, заросшую осокой. В центре — узкой полоской пожелтевший камыш. Вправо овраг сужался и уходил в степь, а к озеру, наоборот, расширялся, обрастая ивами и американским кленом. Повыше, на бугорке, расположились серебристые тополя. Дальше к воде — широкая полоса осоки. Местами видна вода темно-коричневого цвета. Над осокой кружит малый орлан, подранков собирает. С той стороны в прогалине камыша, шлепая

крыльями по воде, промелькнули черные водоплавающие курицы-лысухи. По ним никто не стрелял, уток достаточно.

Шустрые. До самых морозов будут прятаться. А когда лед тонким слоем покроет озеро, все водные пернатые — на крыло. Лысухи — низом над камышом, степью, вдоль высохших озер в низовья Урала к Каспию, на южные разливы. Я школьную карту смотрел. Столько там ручейков, протоков, мне кажется, заблудиться можно. И так обдумывая, куда наши пернатые подадутся и кто останется на зимовку, перешел овраг с камышом в низине и поднялся на бугор.

Где же рыбаки? По камышам, что ли, попрятались? Или удалились на дальние плесы? И здесь заметил чуть ниже, метрах в тридцати, кустарник шиповника. Бордовые, крупные плоды облепили ветки и согнули их. Подойдя к колючему кусту, я стал аккуратно снимать ягоды — и в рот. Мясистые, сладкие, с небольшой долей кислинки, они обволакивали мой язык.

Насытившись, стал подниматься по склону. И там недалеко, около красивых тополей, стояли рыбаки.

Подойдя, узнал Бекена в длинном плаще, рядом — дядя Коля и еще пятеро из наших рыбаков. А вот за ними кто?

Один незнакомец среднего роста, в шапке, сдвинутой на затылок. Седые усы торчали, как у бобра. На нем теплые, стеганные штаны, на ногах ботинки, за плечом ружье, куртка опоясана патронташем. Он все курил, улыбался и ничего не говорил.

Рядом с ним, ближе к рыбакам, стоял второй рыбак, он был ниже ростом. Шапка-ушанка, теплые штаны, резиновые сапоги. Телогрейка опоясана патронташем, с которого свисали пять подстреленных уток. Он упирался на ствол ружья и что-то живо рассказывал моим мужикам.

Что-то знакомое было в седом охотнике, особенно когда он щурил глаза и улыбался. На широких скулах появлялись морщины.

Присмотревшись внимательно, я вдруг понял, что второй охотник — женщина. Значит, мужчина в ботинках по берегу ходил, а его подруга — по краю камышей, в воде.

Через минуту меня осенило! Мужчина в ботинках — это тот человек, портрет которого я видел в газете, он автор «Донских рассказов»! Эту книгу я несколько раз перечитывал.

И здесь я совсем оробел. От волнения все позабыл и никак не мог вспомнить его имени.

Компания тем временем продолжала беседовать. Усатый, выпустив дымок, неторопливо говорил и, закончив, махнув рукой с трубкой, засмеялся, обостряя множество морщин на скулах. Женщина тоже что-то добавила, и уже вся компания загоготала.

Попрощались, и мои рыбаки повернулись ко мне, а парочка охотников пошла верхами в другую сторону. Там их поджидали двое. Видно, не хотели мешать разговорам и просто дожидались.

...Когда я начинаю работать над новой скульптурой, то у меня какое-то время поднывают кисти рук, воскрешая во мне боль и радость первого большого улова, а также память о встрече с человеком, чье имя известно всему миру.

Геннадий Викторович Иванов родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области. Служил в армии, работал в районной газете. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор десяти книг стихов. Написал три книги очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бежечане». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе им. Ф. Тютчева, В. Шишкова, М. Салтыкова-Щедрина и др. Первый секретарь Союза писателей России. Живет в Москве.

Геннадий Иванов

ОЗЕРНЫЕ ОЧИ

* * *

Жизнь прекрасна, удивительна,
Упоительна подчас.
Но летит она стремительно
И легко минует нас.

Умоляюще, зависимо
Ловим блеск ее волны.
...Поперек ложимся жизни мы.
Как на речке валуны.

ХОЗЯЙКА

Проснется до свету она,
Затопит печь, пол подотрет,
Потом садится у окна,
Глядит — как бы кого-то ждет.

И целый день вот так сидит.
На раме стаивает лед.
И непременно каждый раз
На подоконнике вздремнет.

По снегу свежему пройдет
К колодцу кто-то за водой...
Нет, никого она не ждет —
Дал Бог ей, наконец, покой.

А счастлива она? Да нет.
Ей снятся внучка, дочь и зять,
Она готовит им обед...
А так — не жить, а прозябать.

Вздремнет, проснется — все одна.
И за окошком ни души.
Сама собой утомлена —
И ходят ходики в тиши.

* * *

Снег белейший,
милейший,
первейший...
Небо сыплет его от души!
И спускается
ангел
добрейший
посреди необъятной глуши!

Он бинтует нам боли-печали,
он творит на земле чудеса.
Все чудесно, как в самом начале
были чудом и снег, и гроза...

Ну, а то, что деревни пропали,
что кругом небывалая глушь —
это все мы уже отстрадали
и оплакали, и устали...
Снег летит на печаль наших душ.

Снег ложится так нежно на душу!
Радость, светлая радость во мне!
Я слезами ее не нарушу.
Хорошо мне в родной стороне!

* * *

Как хорошо, что я не понимаю
Всех тонкостей и всяких механизмов
Великого троянского обмана,
Затеянного нынче на Руси.

Куда и как уходят миллиарды
И почему и кто тут виноватый...
Мы жить привыкли бедно, не вдаваясь
В раздумья о возможностях иных.

Но вижу я, что родина в ущербе
Таком великом, что и мне понятно.
А если б знать все тонкости, всю правду,
То, может, не хватило б силы жить.

Зовут на революцию... Не верю
Я больше в революции. Не верю.
Я верить стал в молитвы наших старцев
И в Божью милость.
Как и в Божий гнев...

БОЛЬ МОЯ

Зачем ты, милый человек,
Так оскотинился — напился,
Угрюмо сел на белый снег,
Как будто очень притомился...

Как бы свалившийся с луны,
Глядишь на землю бестолково:
Глаза отчаянно пьяны,
Язык забыл родное слово.

...Мы позабыли, что мы часть
Великой родины России;
Куда-то к будущему мчась,
Из виду это упустили.

Губя себя — ее мертвим.
Мы эгоисты, в самом деле, —
И от того, тоской томим,
Наш дух — в бесовской карусели.

О высшем долге и судьбе
Забыли думать, сиротея, —
И каждый стал сам по себе,
Безвольнее стал и слабее.

* * *

И в тридцать лет возможно сиротой
Вдруг ощутить себя и сиротливо
Заплакать дома над своей бедой
И над недавним временем счастливым.

«Вот мать была жива...» Была жива.
Всегда я знал, что есть на свете белом,
Кто не бросает по ветру слова, —
По мере сил всегда поможет делом.

Всегда я знал, что есть на свете *дом*...
Что если что, я у нее укроюсь.
И будем жить да поживать вдвоем.
Отрадная мне рисовалась повесть.

Ее любовь я ощущал всегда,
Ее поддержку, помощь, береженье...
«А для чего и жить, сынок, тогда», —
Все говорила мне на возраженья.

Теперь стоит ее фотопортрет.
Витает зыбкий образ молчаливо.
Теперь — и до скончанья моих лет —
Смотреть нам друг на друга сиротливо.

* * *

«Ее в ночи тоска, бывает, будит,
И ясно ей становится, как днем,
Что сын ее, конечно, не забудет,
Но не согреет старости ее...»

Я в этих давних строчках про другое
Хотел сказать, я видел смысл иной,
Что, мол, поэту нет нигде покоя,
Что нестроен путь его земной...

Что я не буду глух к ее печалям,
Но жизнь моя — ей много ль даст тепла?
О чем тоскуют матери ночами?
Чтоб жизнь детей устроенной была...

Об этом я писал, а вышло вот как —
Не дожила до старости она.
В мои слова другой как будто кто-то
Вложил свое...
Поэзия темна.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АРКТИКЕ

Мне вспомнилось арктическое море —
Ныряющие нерпы, зелень льда,
Полярная сова в сверкающем просторе
И за бортом дегтярная вода.

О, Арктика, меня манил твой холод —
В середине лета бьющая пурга.
В твоих морях я был силен и молод,
Угрюмые оставив берега.

...Мы шли во льдах. Порою шли без неба,
В седой туман опасно трубя.
И в мертвом окруженьи льда и снега
Я как-то странно ощутил себя:

Казалось мне, что и не надо тверди,
Земли не надо — сладко забыть...
Так, может, вспоминают после смерти,
Когда уж неозвратно бытие.

Мы долго шли, пургой бросался ветер,
Во льдах чернела мертвая вода...
Но думалось мне в этом мрачном свете,
Что лучшего не будет никогда.

...Я забывал про будничные страсти.
И прежнее все было далеко.
Свистел норд-ост, и звонко пели снасти,
Душа распахивалась широко!

* * *

Виснет дымка над майскими травами,
А над нею — полеты стрижей!
Трактор по полю ходит, как траулер
По простору морских рубежей.

Эх, весеннее утро чудесное!
Блеск лучей — золотых карасей!
И великая тайна небесная
В перекликах летящих гусей!

Я люблю по низинам разливицу,
Откровенье озерных очей...
Все живет и поет, и счастливится!
И тучнеет хозяйство грачей.

Я люблю рыбаков по-над водами,
В поднебесье заливистых птах...
Радость так и подвозят подводами —
На деревне она и в полях!

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Помяни, поставь свечу — и этот
Огонек перенесется вмиг
В те края, где мать твоя с рассвета
Ожидает знак твой, этот блик...

Я не объясню такое чудо.
Только знаю: матушка глядит —
Не летит ли огонек отсюда?

Что же он
Так долго не летит?..

* * *

В небе реют ангелы заката —
Огненные крылья широки.
На планете брат идет на брата,
Дети плачут, плачут старики...

На планете нашей изначально
Брат идет на брата, льется кровь...
И спасает горько и печально
Этот мир великая любовь.

Да, конечно, горько и печально,
Но любовь превыше всех идей.
Так пребудет вечно, до скончанья
Всех веков земных и всех людей.

Игорь Васильевич Семёнов родился в 1967 году в Воронеже. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работал корреспондентом областной газеты «Молодой коммунар». Публиковался в журналах «Подъём», «Петровский мост», в региональных изданиях. Живет в Воронеже.

Игорь Семёнов

ОСТАНОВКА «РАЙ»

Рассказы

Вадик Ползунов был компьютерщиком. Не сисадмином и тем более не мазуриком-айтишником, а именно компьютерщиком. Правилось ему это слово, чувствовалось ему в нем что-то старинное, добротное, похожее на деревенский сундук или крепко сколоченный армейский ящик для снарядов.

Был он, конечно, не Змеем-Горынычем седьмого рангштуфа с малиновым поясом-шарфом на каждой шее, но кой-какие молитвы святому Софтварию знал, удесятеренные машинные слова наизусть помнил, глюкорубом умело владел: не размахивал им налево-направо, как железный дровосек. А самое главное, был готов не одну погонную гигабайто-милю на пальцах прочесать, до каждого миллибиллогейтса дойти, чтобы всех блох переловить, мурлыча при этом под нос старинную песню «А молодого глюкогона несут с разбитою виндóй...»

Работал Вадик в Москве, в крупной компании, которая вагонами рассылала по всей нашей необъятной державе стиральные порошки, шампуни, освежители рта и средства для чистки раковин с одинаково приятным ароматом морского бриза. Сам заводик по производству муссонов и пассатов находился, естественно, где-то в глубинке. Почему «естественно»?.. Ах, Боже ты мой! Ну, разве мало нашей столице

«шанелей», «живаншей» и прочих «лятуалей»?! Оставьте провинции хотя бы аналогичный натуральному «морской бриз»!

Заводик был стержневым корнем, питавшим все растение, на котором, естественно, были стебель, кое-какие веточки и, разумеется — цветы с ароматом морского бриза, регулярно превращавшиеся в радужные хрустящие плоды, положенную долю которых Ползунов раз в месяц получал в кассе.

Иногда руководство вспоминало фамилию Вадика. Обычно это случалось, когда на ветках подсыхала листва, появлялись гусеницы, а плоды даже не завязывались. Тогда его направляли в командировку на этот самый заводик, рождающий бриз. И вовсе не для того, чтобы, перекричав ветер, покликать Золотую Рыбку. А затем, чтобы развесить компьютерную сеть на старых веслах, посмотреть, где она порвалась, где истрепалась, подштопать кое-где дыры, а заодно лишний раз проконтролировать, вовремя ли меняются противоблошинные ошейники на персонале.

Вадик был не то что нелюдимым, но общаться с малознакомыми личностями не любил, а делать их знакомыми ему было лень. Милые провинциалы и провинциалки, не знавшие этой особенности характера Ползунова, вначале предлагали ему вместе попить пива или кофе, в зависимости от вида напитка заговорщически прихлопывая при этом в ладоши или делая невинные глаза.

На кого-нибудь другого эти жесты и мимика, будто катализаторы в ретортах, многократно усиливающие заманчивость предложений, производили бы должное действие и привели бы к какому-нибудь взрыву, но Вадик к ним оставался равнодушен.

Поскольку столичного гостя, будто малого ребенка, принято чем-то занимать, чтобы он, утомленный, пораньше лег спать и случайно не увидел лишнего, его один раз сводили в музей химзавода, где под стеклами лежали пожелтевшие телеграммы с резолюциями... нет-нет, не расстрелять, напротив — наградить, а также стояли стеклянные колбы с жидкостями всех цветов радуги, по счастью — наглухо запааянные.

В другом музее — краеведческом — было не менее пыльно. Главным артефактом здесь являлся позвоночник какого-то доисторического зверя с труднопроизносимым именем, видимо, случайно забредшего в эту глухомань и сдохшего здесь от тоски и бескормицы. Неподалеку под стеклом хранилась ржавая поломанная половецкая сабля, не выдержавшая удара русского меча...

Здесь же, причем в открытом доступе, находился пулемет «Максим», который стоял на столе, придвинутом к окну — видимо, для удобства, чтобы в случае чего можно было выбить стекло и быстро открыть огонь по неприятелю. По словам бабушки-смотрительницы, «Максим» был трофейным, его когда-то красные отбили у белых. Провинция шла в ногу с передовыми тенденциями музейного бизнеса: Вадика за умеренную плату предложили надеть буденовку или фуражку с кокардой, подержаться за ручки пулемета и покричать на камеру «тра-та-та-та-та». Когда же он попросил в качестве головного убора корону, бабуса, усмехнувшись, предложила ему по возвращении в столицу обратиться с этой просьбой в Алмазный фонд.

...Чем похожи все музеи, так это строгими взглядами местных жителей, когда-то бывших героями, с похожих на кладбищенские фотографий...

Поскольку смотреть в городке было больше нечего, а пить пиво с аборигенами он по-прежнему не хотел, те, в конце концов, махнули на Ва-

дика рукой и предоставили его самому себе. Поэтому чаще всего он просто сидел в гостиничном номере с планшетом, мгновенно прыгая с его помощью по континентам, странам и городам.

В очередной раз приехав утром в уездный «Бризоморск», Вадик решил побыстрее здесь управиться и сбежать в столицу, на этот раз не на планшете, а обычным вечерним проходящим поездом.

И в этот раз, по счастью, никто не предлагал ему составить компанию, вдобавок все спешили смотреть футбол. Это зрелище Вадик не любил, считая его бредовой выдумкой хуже компьютерного стрелялова — игры «Чумостан», в которую сядешь однажды поиграть вечером, а строчить из «Максима» и спасти человечество закончишь только под утро — такая это зараза разразительная, прошу прощения за тавтологию.

Поскольку времени до поезда было много, а деваться ему было некуда, Вадик вынужденно решил устроить себе экскурсию бюджетника, покатавшись на маршрутках по задворкам городка. Увидеть что-либо интересное он, разумеется, не ожидал. Что там смотреть, это же ведь как подкладка у модного пиджака: снаружи — шик, а внутри — теснота, следы рабочего пота и сплошная тафта.

Вначале Вадик приехал на остановку «Собачьи дворики», и ими оказались дома в коттеджном поселке «Боярский». Водитель автобуса охотно рассказал, что здесь живут руководители завода, производящего морской бриз, а также тутошние олигархи — владельцы местных киосков и ларьков. Оттуда Вадик поехал на противоположный конец города, к «Голубому Дунаю». На самом деле это был зловонный поток с химзавода, та же самая тафта, то есть его изнаночная подкладка.

Зажав нос, Вадик вернулся к остановке и сел в автобус, конечная остановка которого называлась «Рай». Как выяснилось по прибытии, названием ее наградило расположенное неподалеку кафе, переделанное из столовой одноэтажное палаццо, по-видимому, одно из самых патетичных городских заведений.

Неожиданно почувствовавший голод Вадик решил отобедать. Дверь в кафе была открыта, но путь преграждала висящая табличка «Спецобслуживание».

— Ты что, бестолковый? Сказано ведь, что закрыто! — очень вежливо по провинциальным меркам встретил его охранник.

— Я из Москвы, — только и успел сказать Вадик в свое оправдание, но продолжить не успел, поскольку работник общепита неожиданно стал его мягко укорять:

— Ну как же! Так бы сразу и сказали, что с делегацией. Что же вы задерживаетесь, все ваши уже здесь.

Вадик не стал с ним спорить. «Какая разница — подумал он, — лишь бы накормили».

В зале за дюжиной круглых столов оказались странные, похожие на арабских шейхов, люди в белых ниспадающих одеждах, на головах которых были накинты, напоминающие то ли фату, то ли чадру, и круглые черные бублики-венцы. Делегация, не спеша, копалась в тарелках и разговаривала на чужом языке.

Зарубежные гости встретили Вадика без удивления, как будто ждали. Свободное место было одно, на него он и пристроился. Перед новым посетителем как по мановению волшебной палочки появилось блюдо с курицей и салат с майонезом. Утолив первый голод и освоившись, Вадик попросил официантку принести бутылку красного вина.

Белоснежный сосед с черной бородкой внимательно посмотрел на Вадика и отрицательно покачал пальцем. Вадик внутренне усмехнулся и одним махом влил в себя бокал вина, оказавшегося на редкость дурным, с каким-то еловым привкусом. «Тоже, небось, на химзаводе разливают», — поморщившись, подумал Вадик. Шейх тоже нахмурился, прижал кулак к бороде и осуждающе покачал головой.

Не обращая на него внимания, Вадик жадно доедал курицу, думая уже о Москве. Внезапно он боковым зрением заметил, что вокруг него происходит нечто странное. Вадик поднял голову и обнаружил, что черные венцы на головах иностранцев превратились в золотые. Затем эти люди приподнялись над столами и, колыхая одеждами, стали парить в воздухе. Золотые венцы на их головах прямо на глаза раскалились и стали огненными.

«Неужели этого никто не видит?» — подумал Вадик, безуспешно оглядывая зал в поисках официантов.

Громом откуда-то с потолка прозвучал голос:

— И что же ты, Вадик Ползунов, народ травить? Креста на тебе нет!

— А вы что, христиане? — пробормотал Вадик. — Вы же эти, как их... с Востока!

— А что, разве для тебя есть разница? — грозно продолжал вопрошать голос.

Вадик стыдливо замолк и неожиданно начал вспоминать всю свою не продолжительную жизнь: ведь он же когда-то был хорошим мальчиком, любил читать книги про путешествия и приключения, играл на улице в лапту и «двенадцать палочек», а первой любовью его была высокомерная соседка по школьной парте... Когда же и почему он стал таким, как сейчас?..

Вадик тяжело вздохнул и решился украдкой оглядеться по сторонам. Только сейчас он разглядел висящее на стене приветствие «Добро пожаловать в Рай!», написанное белыми буквами на кумаче.

«Вот оно что! — мелькнула в его голове догадка. — Вот как это происходит... А вдруг это вовсе не рай, а заведение, которое напротив?»

Он почувствовал дикую пустоту, как будто нечто сильное и беспощадное с восемью мохнатыми лапами ворвалось к нему в квартиру, вонзило жвалы в беззащитную шею, затем уцепило когтем узел со всеми его пожитками и убежало по потолку, а он — голый, с прокушенным горлом, остался умирать на холодном кафеле ванной комнаты.

Затем безысходность уступила место страху. Ведь рядом кто-то, скалящийся от злости, крутил кривую ручку лебедки, наматывая стальной трос, на другом конце которого раскачивалась старая разохшаяся детская люлька-корыто с ним — Вадиком. И по этой причине страх рос от простой тревоги через испуг и ужас до появления в жилах красных замерзших кристалликов и превращения крови в нечто, напоминающее шугу во время ледохода...

А люлька поднималась все выше и выше, до самых облаков, а внизу кто-то натужно крутил и крутил ручку, пока, наконец, не дошел до упора, но все продолжал давить, рассчитывая свернуть, сломать, раскурочить, точно зная, что за этим наступит безумие и пустота... Через мгновение колыбель перевернулась, и Вадик понял, что летит вниз, в бездну, как сброшенный с небоскреба пирожок. Еще секунда — и он разлетится по асфальту повидловыми внутренностями...

Вадик, корчась в судорогах, стиснув веки, из последних сил цепляясь за жизнь, стал вспоминать слова молитв, слышанных им когда-то от

бабушки, но на ум не приходило ничего. Тогда он, как в детстве, стал обещать, что никогда больше не будет делать плохого и постарался заплакать, но слезы наткнулись на сомкнутые створки век и потекли вспять, оставляя, как волны после отлива, пустые раковины, спутанные водоросли и обломки разбитых кораблей...

Вадика спасли врачи, с мигалкой и сиреной доставившие его в приемное отделение райбольницы, где ему поставили диагноз «острое пищевое отравление», промыли желудок и доступные для шланга внутренности, вкололи снотворно-успокоительное и через неделю отправили его, здорового и умиротворенного, из уютной восьмиместной палаты на все четыре стороны.

Первое, что сделал Вадик после выписки — поймал такси и поехал к «Раю». Подъезжая к знакомой остановке, он, сглотнув ком, попросил водителя не останавливаться, а медленно проехать мимо кафе.

— Какого кафе? — не понял водитель.

— Ну, кафе здесь неподалеку есть, «Рай» называется..., — чувствуя недоброе, начал объяснять Вадик.

— Да у меня теща здесь..., — водитель удивился, но как-то запнулся, не договаривая. — Отродясь тут никакого кафе не было!

Вадик прильнул к стеклу. И в самом деле: на месте райского заведения располагался пустырь, единственным украшением которого была чахлая поросль лебеды.

— А почему же тогда остановку «Раем» назвали? — привел Вадик последний аргумент.

Водитель посоветовал:

— А ты посмотри внимательней...

Послушавшись, Вадик напряг зрение и только тогда увидел за пустырем жидкую аллею тополей, едва скрывавших проржавевшие памятники со звездами, сгнившие кресты да покрытые мхом каменные плиты...

После этого следы Вадика потерялись. По крайней мере, на работу в столичную фирму он больше не вышел, в связи с чем был заочно уволен. Одни говорили, что он ушел в монастырь и даже уверенно называли его название то ли в Екатеринбургской, то ли в Свердловской области. Другие, напротив, уверяли, что его переманил на большую зарплату производитель продовольственных ядохимикатов.

...А спустя года полтора секретарша Верочка, в очередной раз удачно выскочившая замуж, летала в традиционное свадебное путешествие в райцентр Большой Дубак, что в Юнайтед Стейтс оф Эмирейтс. И там, где-то между пляжем и отелем, она ухватила журнал, где увидела фотографию Вадика, только почему-то сильно обросшего. Что там было написано, она так и не поняла, потому что статья была на арабском языке.

Тот журнал я показал знакомому обрусевшему сенегальцу, который лет тридцать назад приехал учиться в нашу страну, а затем неожиданно для нее и одной русской девушки решил вместе делить все ее радости и печали. Тот повертел журнал, пошевелил толстыми губами и сказал, что это какой-то особенный арабский язык, из которого он понимает только отдельные слова: мироздание, Атлантика и морской бриз.

— Только это статья вовсе не про Vadik Polzunov, — неожиданно добавил он, — а про какого-то Робинзона...

МИРОНЫЧ И ЛЕВ

Осень безжалостной захватчицей ворвалась в провинциальный городок, тряхнула рыжей огненной гривой, опалив жаром листья, а потом немилосердно сорвала, разметала и сожгла их дотла, до пепла, разлетевшегося в холодном воздухе редкими снежинками, оставив на деревьях лишь черные обгорелые сучья. Ничего хорошего ждать не приходилось, улицы и дома застыли в ожидании первого снега.

Мироныч, укутавшись одеялом, целыми днями сидел в нетопленной квартире, грел на газовой плите чайник и смотрел телевизор, на экране которого седовласый глава разваливающейся державы, насупив брови, грозил своим многочисленным недругам. Правда, сегодня речь его сопровождалась странными помехами, напоминающими постороннее бубнение. Мироныч отставил граненый маленьковский стакан с недопитым чаем, шаркающей походкой дошел до старого черно-белого телевизора со стершейся надписью «Рекорд», взял плоскогубцы, давно заменявшие ему сломанную пластмассовую ручку, и, громко щелкнув, включил вторую программу.

На сером пыльном экране возник восточный человек с прехитрящей внешностью менялы, что дает за полтумана по рублю, сразу начавший всех костерить на чем свет стоит. Однако и его обличения звучали на фоне непонятного речитатива.

«Опять, небось, Мишака свою шарманку завел», — с неодобрением подумал Мироныч о соседе, целыми днями гонявшем на магнитофоне одну и ту же иностранную песню. Как с ухмылкой сообщил Мишака в ответ на его замечания, песня была про какого-то Юру, которого американцы забрали в армию. Мироныч вздохнул: «Эх, похоже, скоро они нас всех куда-нибудь заберут, черт бы их всех побрал!..»

Но на этот раз за стеной было тихо. Странные звуки доносились с улицы. Они были пугающими и дразнящими одновременно, поскольку больше всего напоминали отдаленные автоматные очереди.

— Вот и дождались! — мелькнула мысль в голове у Мироныча.

Он стал напряженно вслушиваться и, несмотря на холод, открыл форточку. В комнату вполз горький запах горелой листвы, прелых слив и промокших ботинок.

Звуки стали яснее: похоже, это был громкоговоритель, который настойчиво требовал что-то непонятное. Мироныч надел серое потертое пальто, такого же цвета кепку и вышел на улицу. Спускаясь по лестнице, он размышлял, куда могло деться почетное знамя из вишневого плюша с вышитым золотым гербом, когда-то стоявшее в кабинете директора. Сейчас заводоуправление оккупировали жуликоватые коммерсанты, и флаг им был явно без надобности...

Мироныч, хлюпая по лужам, прошел целый квартал навстречу звукам, однако, вопреки ожиданиям, не увидел ни цепей автоматчиков, ни колонн бронетехники, ни даже отряда красной буденновской конницы.

Странный шум издавал старый автофургон неизвестной марки с правым рулем, на крыше которого стоял громкоговоритель. Водитель голосом военного коменданта приказывал всем жителям незамедлительно явиться на представление в передвижной международный цирк, который, направляясь на гастроли в Токио, решил осчастливить провинциалов редкостным лицезрением жонглеров, акробатов, клоунов, а также ученых птиц и зверей, знающих правила арифметики. Самой заманчивой частью

представления, по мнению говорящего, очевидно, был номер с десятью хищниками на арене во главе с царем зверей.

Как сообщил громкоговоритель, цирк остановился недалеко — на пустыре. Мироныч хорошо знал это место: летом там паслись козы, мальчишки гоняли мяч, а осенью жгли листву.

Мироныч задумался, потер пальцами виски, почувствовав приближение приступа дурноты. Но вместо нее неожиданно нахлынули воспоминания.

В последний раз он был в цирке с родителями в тысяча девятьсот семьдесят.., нет, шестьдесят... Точно — шестьдесят.., еще до освобождения Луиса Корвалана. Тогда выступал клоун Карандаш с Кляксой — маленькой собачонкой, действительно будто сбежавшей из школьной тетрадки. Маленький клоун в черном костюме и несуразной шляпе, напоминавшей коляску, смешил публику до изнеможения. У матери даже потекла тушь под глазами, и она потом умывалась... В антракте отец купил лимонад и бутерброды с докторской колбасой. Почему-то бутерброды с докторской колбасой в цирке были самыми вкусными в городе...

Мироныч скомкал в кармане деньги, которые с каждым днем становились все более бумажными, и переулками вышел к пустырю, где на самом деле оказался небольшой полотняный шатер шапито. Внутри было почти так же холодно, как на улице. Может быть, поэтому зрителей на представление собралось немного, они расселись кучками на первых рядах, будто ласточки на проводах.

Место музыкантов занимал духовой оркестр из дома культуры, который летом иногда выступал в городском парке, а в последнее время играл, в основном, на похоронах. К медным трубам зачем-то, скорее всего, для заработка, присоединилась незнакомая пожилая скрипачка.

Представление открылось нестройным исполнением «Марша энтузиастов», под который на арену выскочил жонглер. Он ловко бросал в воздух мячи, антоновские яблоки, уродившиеся этой осенью, и какие-то предметы, похожие на поленья.

Затем три акробата стали кувыркаться, крутиться колесом и сооружать из своих тел конструкции, напомнившие Миронычу этюды из его пионерской молодости. Вскоре к ним присоединилась девушка в блестящем трико, которая забралась на самый верх построенной четырехэтажной пирамиды. Нижнему акробату приходилось тяжело: он натужно пытался, ноги его дрожали, а улыбка больше напоминала гримасу при пересчете пенсионного пособия.

Между номерами на сцену выходил старый клоун, из всех сил старавшийся казаться молодым. Он подставлял длинные штиблеты для того, чтобы все на них наступали, неловко падал и даже, под общий смех, усаживался на колени к сидящей в первом ряду Зинаиде, торговавшей в пивном ларьке. Клоун вовсе не ожидал, что зрительница несколько не смутится, а напротив — обхватит, удерживая, в результате чего ему придется вырываться из ее крепких полных рук, оставляя на полу пуговицы от костюма. Зрители подумали, что Зинаида — из цирковых, подсадная утка, и вежливо похлопали.

Затем наступило время гастрوليрующей фауны.

На сцену вынесли клетку с вороной. Она, мерцая глазом, осмотрела присутствующих и каркнула на весь цирк.

— Герцогиня Изольда приветствует вас! — провозгласил дрессировщик и пояснил: — Эта ученая ворона прожила двести пятьдесят лет у кол-

дуний и прорицательниц рода Нибелунгов, последней из которых была ведьма Брумфильда, едва не сожженная на костре. Герцогиня, ежедневно общаясь с потусторонними силами, в совершенстве овладела навыками предвидения. Вы можете задавать вопросы, и Изольда на них ответит.

Поскольку зрители выжидательно молчали, дрессировщик, заполняя паузу, поинтересовался:

— Ваше пернатейшество, скажите, вам нравится этот город?

Ворона опять каркнула.

— Герцогине нравится! — объявил дрессировщик и начал подзуживать: — Ну же! Ни за что не поверю, будто у жителей такого прекрасного города нет вопросов к герцогине, и вас не интересует будущее.

— А диктант завтра будет? — вдруг прорезался детский голосок.

Ворона подумала и каркнула.

— Будет! — к общему смеху провозгласил дрессировщик.

— А говорили, что Клавдия заболела.., — разочарованию школьница не было предела.

Дрессировщик усмехнулся:

— Что еще интересует почтеннейшую публику?

— Когда этот бардак закончится?! — решительно спросил какой-то мужчина.

Дрессировщик, видимо готовый к такому повороту, быстро среагировал:

— На политические вопросы не отвечаем!

Мироныч тоже решил поучаствовать в беседе и поинтересовался у ученой вороны, когда в квартиру дадут тепло.

Дрессировщик сделал вид, что слушает птицу, а затем под общий смех объявил:

— Изольда видит в будущем, что батареи включат точно в соответствии с решением горисполкома!

После представления с вороной на арену выбежала грязноватого колера болонка. Она сделала два круга, после чего села в центре сусликом — на задние лапы, подняв передние вверх.

Все тот же дрессировщик объявил:

— Почтеннейшая публика, давайте сравним, сколько знает наша Муля и сколько знает простой советский.., кхм, российский школьник.

Он оглядел зрителей и выбрал жертву, которой оказался Санька — сын Зинаиды, двоечник и хулиган. Тот ни в какую не хотел участвовать в представлении, а когда дрессировщик взял его за руку, неожиданно стал сопротивляться. Только после громогласной угрозы матери отлупить его вечером, мальчишка, насупившись, перелез через невысокий бортик.

— Сколько будет дважды два? — спросил его дрессировщик.

— Ну, четыре, — хмуро ответил Санька.

— Муля, ты согласна?

Собака тявкнула четыре раза, за что получила кусочек рафинаду, а Санька не получил ничего.

— А сколько будет семью четыре разделить на два.

Санька стал судорожно подсчитывать, сбился, а потому соврал:

— Мы этого еще не проходили.

— А что скажет Муля? — издевательски поинтересовался дрессировщик и после долгого собачьего лая похвалил: — Правильно, умница, четырнадцать.

— И вовсе она не четырнадцать, а тринадцать раз гавкнула, я считал! — выпучив наглые глаза, начал качать права Санька, а после отпо-

веди насупился, махнул рукой, мол, нету правды на земле, повернулся и пошел на свое место.

Напутствием ему были слащаво произнесенные слова дрессировщика:

— Учись, мальчик, учись, и тогда тебя возьмут работать в цирк...

— Вместо Мули, — с ехидцей громко добавил кто-то из зрителей.

Под занавес представления на манеж вынесли и расставили по краям десяток небольших, размером с молочный ящик, клеток, накрытых подкрашенной мешковиной. На середину вышел, пошатываясь, и сразу улегся, положив косматую голову на лапы, старый лев.

Под бравурные звуки духового оркестра сдернули покрывала с клеток. Оказалось, что в них спали какие-то звери, издавек похожие на рыжих бродячих котов, отловленных по подвалам и подворотням. От света они проснулись, поморщились, некоторые зевнули, а затем перевернулись на другой бок и опять заснули.

Бессменный дрессировщик с непонятной гордостью объявил:

— Подданные приветствуют своего повелителя — настоящего абиссинского льва!

...Да, когда-то это действительно был лев, нет — Лев, которого боялись все, а теперь на арене, тяжело дыша, лежал престарелый больной пенсионер. Всем было ясно, что ни прыгать через огненное кольцо, ни скакать на обезумевшей от страха лошади он уже не сможет, и даже, скорее всего, вряд ли самостоятельно заберется на тумбу.

Почувствовав разочарование зрителей, дрессировщик пожал плечами и тут же стал зазывать их сделать на память незабываемые снимки с царем зверей. Тут же, на манеже, возник юркий фотограф, отличительными особенностями которого была чахлая борода и кожаный саквояж.

Люди сидели, опустив глаза, и явно жалели денег. Неизвестно что подтолкнуло Мироныча, ведь в кармане у него оставалась только пустяшная мелочь. Он неловко перелез через барьер, за руку поздоровался с дрессировщиком. Понукаемый, лев неохотно поднялся и сел на задние лапы.

Мироныч посмотрел ему в глаза. Когда-то это был вожак, главарь. Молодой и сильный, он гонял зверье по саванне. Его грозный рык раздавался на мили вокруг; слыша его, все прижимали уши, и никто не смел показаться ему на глаза, не рискуя быть съеденным.

А теперь он лежал здесь, больной и старый, на пыльном ковре в далеком холодном городе, понимая, что дни его истекают...

От сочувствия и взаимного понимания Мироныч неожиданно для всех и самого себя протянул руку и потрепал льва по жесткой, с проседью, рыжеватой гриве.

Лев удивился, в глазах его загорелся странный, неведомый огонек. Он вздрогнул, неожиданно щелкнул пастью и едва не откусил Миронычу палец.

Когда Мироныча не только не сфотографировали, а, отвесив пару туманов, выгнали из цирка, он возвратился домой в нетопленную квартиру. Вечером, чтобы согреться, положил в ноги горячую грелку, а поверх одеяла набросил свою старую серую шинель с капитанскими погонами.

Впервые за последние годы перед сном он не вспоминал прожитую жизнь. Сейчас он думал о сегодняшнем льве.

— А мы еще ничего, поживем! — удовлетворенно усмехнулся он, после чего прикрыл глаза и стал медленно погружаться в сон.

«НАВИЦЕССА СЮЗАННА»

Чем больше я узнаю людей, тем больше понимаю, что бывших детей, как и бывших чекистов, не бывает. Поэтому, когда кто-то называет наши мероприятия встречами бывших детсадовцев, я его поправляю, поскольку это совершенно неправильно как с лингвистической точки зрения, так и со смысловой.

Никто не удивляется, когда купанием в фонтанах заканчиваются встречи моряков или десантников. Скорее, даже наоборот, недоумевают, когда этого не происходит. Иногда случаются встречи одноклассников и однокурсников, участники которых любовью к фонтанам похожи на бравых владельцев бескозырок и беретов. А вот про другие встречи однодетсадовцев, кроме наших, я не знаю, хотя именно мы являемся главными претендентами на водные брызги: городская детвора, плещущаяся жарким днем в фонтане, у всех вызывает умиление и зависть.

Так случилось, что мы, дети родителей, в конце шестидесятых получивших квартиры в новом микрорайоне, вначале ходили в один детский сад, потом — в соседние школы, встречались на улицах, в кино, в парке. Однажды, я точно не помню кто, кажется, Федор, в шутку предложил после выпускного вечера организовать встречу детсадовцев. Странно, но это предложение всем понравилось...

Налетевшие буйны ветры вскоре раскидали всех по разным городам и заботам. Но группа из десяти-двенадцати человек встречалась ежегодно в первое воскресенье июня — время выпуска из нашего прекрасного детского сада № 95.

В этом году нас ждала соседняя Орловская область, где радушный прием, наконец-то, устраивала местная стая гордых орлов и величавых орлиц, когда-то послушно ходивших парами, держась за ручки, за воспитательницей-наседкой.

Дяди-тети собирались вспомнить, как кричали друг другу «тили-тили-тесто», как ловили кузнечиков, как делали в укромных уголках «секреты», в которых обычные фантики, накрытые зеленым бутылочным стеклом, превращались в волшебные изумрудные картины. В этом мире слово «фантазия» происходило от «фантика», а не наоборот...

Довезти прямо до праздничного стола меня пообещал Федор: он решил похвастаться новым джипом. До того он подкатывал на старой разбитой «пятерке», бывшей предметом постоянных шуток о том, что она сделана из того самого железного горшка, на котором хозяин когда-то восседал в яслях.

Машина была большой, черной и радостной. Федор долго рассказывал, чем она напигована. С такими подробностями хорошие хозяйки описывают процесс приготовления рождественского гуся, для того чтобы гости сглатывали слюнку и гордились ожидающим их кушаньем.

— Телевизор сказал, что дорогу новую сделали. Покатимся, как яичко по лысине! — жизнерадостно пообещал друг, погладив себя по голове, блестящей, как капот его новой машины.

Уже заведя двигатель, Федор начал нахваливать встроенный навигатор с искусственным интеллектом, к тому же русифицированный.

Как будто услышав, что говорят о нем, навигатор мягким задушевым голосом с тембром диктора Кириллова предложил:

— Назовите конечный пункт вашего путешествия.

Федор произнес название скалы, около которой орлы и орлицы уст-
раивали застолье.

Кириллов продолжал вопрошать:

— Какого собеседника желаете слушать в качестве штурмана?

— Да любого! — легкомысленно отмахнулся Федор.

— Хорошо, — подозрительно легко согласился навигатор. — Штур-
ман номер один — «навибутыльник Стас».

Тут же бархатные обертона диктора Кириллова сменились на пьяно-
вато-хрипловатый голосок:

— Ну что, мужики, разливай еще по одной! Что сидите, как будто не
родные?!

— Я за рулем! — автоматически буркнул Федор.

— Я тоже! — пришлось поддакнуть мне.

— А мы потихонечку поедем! — доверительно пообещал Стас. — И ме-
ста, где гаишники обычно стоят, подскажу! Я тут все объезды знаю!.. Что
стоим, брателло? Давай, шевели баллонами! Дави на педали! Представь,
что ты на лисапеде!.. Гы-гы... Ну что, пить не будете? Ох, зря... А я себе
налью...

Раздались булькающие звуки. Затем после паузы Стас выдохнул,
крякнул, пробормотал:

— Эх, хорошо пошла, родимая!

Показалось, что по салону разлился запах сала и малосольных огур-
цов.

Федор насупился и проговорил:

— Эй, как там тебя! Хочу другого штурмана!

— Штурман номер два! — объявил Кириллов. — «Навифессор Ласточ-
кин».

Тут же Стаса сменил голос из числа тех, под ученое журчание кото-
рых я любил засыпать на лекциях:

— Господа, нам предстоит непродолжительное, но увлекательное
путешествие в 225 километров 289 метров, что в пересчете на древнюю
единицу измерения — стадий — составляет одну тысячу двести семнад-
цать этих самых стадиив. При этом надо учесть разницу между стадием
аттическим и эллинистическим...

— Короче! — потребовал Федор.

— Можно короче, — не стал спорить Ласточкин. — В древности су-
ществовала единица измерения «день пути», по латыни — итер педестр...

— Сам ты это самое слово! — не выдержал Федор. — Давай про при-
роду лучше рассказывай!

Навифессор послушно перешел на природу:

— Наш путь будет пролегать по Среднерусской возвышенности. Ее
геологическая платформа состоит из кристаллического фундамента, сло-
женного гнейсами архейского и протерозойского возраста. Осадочный
чехол сложен отложениями палеозойского, мезозойского и кайнозойско-
го возраста...

— Хватит! — попробовал остановить его Федор.

Хитрый Ласточкин сделал вид, что не услышал и продолжал бубнить:

— Надо отметить, что в раннем палеозое наблюдалась денудация...

Федор не выдержал и заорал:

— Кончай свою нудацию!

— Что-что? — наконец расслышал навифессор.

— Хватит твоих нотаций-нудаций!

— Как это хватит?! Лекция только что началась, господа! Извините, академический час — сорок пять минут, так что извольте слушать! — и продолжил как ни в чем не бывало: — Со Среднерусской возвышенности стекают крупные реки — Дон, Ока, Десна...

— Вот-вот, давай про рыбалку! — оживился Федор, бывший завзятым рыболовом. — Что там у нас насчет красноперки?

Ласточкин с явным злорадством заметил:

— К сожалению, рыбалка в настоящее время запрещена! Согласно правилам Азово-Черноморского рыбохозяйственного бассейна за нарушение правил вылова рыбы предусматривается наказание в виде конфискации судна и устройств для ловли, а также...

— Нового штурмана! — потребовал Федор.

— Хорошо, — в салоне автомобиля снова как будто возник Кириллов. — Штурман номер три — «навицесса Сюзанна».

Резюме Федора было кратким:

— Только баб еще нам не хватало!

— Что-что? — раздался женский голос. — Вы что-то сказали или мне послышалось?

— Куда ехать? — перебил Федор.

— А у вас ремни пристегнуты? — вопросом на вопрос ответила Сюзанна, что крайне не понравилось водителю.

— Пристегнуты! — со злостью произнес он.

— А у меня? — кокетливо поинтересовалась навицесса и, не дождавшись ответа, начала руководить: — Ну, хорошо! Поезжайте прямо... Кстати, через два километра будет кафе «Странники в ночи». Почему бы нам не заехать туда?

— Это еще зачем?

— Выпьем кофе, поболтаем, отдохнем. «Странники в ночи» — это так романтично! Вам разве не нравится Фрэнк Синатра? — Сюзанна многозначительно пропела: «Стрэнджерс ин зе нایت, эксчэнджин глэнсез...»

— Еще чего! — на Федора давно не действовали такие уловки, тем более виртуальные.

Навицесса продолжала капризничать:

— Тогда нам следует заехать на заправку!

— Для чего? Бак полный! — пришел я на помощь Федору из чувства мужской солидарности.

— Хи-хи! Девушкам иногда надо прогуляться...

— Прогуляешься до кустиков, когда остановимся! — ухмыльнулся Федор.

Я прямо представил себе, как Сюзанна надула губки, насупилась и принялась командовать:

— На развязке повернуть направо, затем под мост...

— Давно бы так..., — пробормотал Федор.

Впрочем, уже через пять минут он был не столь категоричен:

— Кажется, мы уже здесь были... Вон и кафе напротив — «Странники в ночи», будь они неладны... Да мы же обратно едем! Это еще что такое!

— Следуйте прямо! — бесстрастным голосом вещала навицесса.

— Возвращаться надо! — предложил я. — Разворачивайся.

— Куда возвращаться? Где разворачиваться? Здесь отбойник везде! Еще километра три!

Сюзанна поправила:

— Поворот на обратный маршрут будет через пять километров.

Федор, уже не сдерживаясь, завопил:

— Какой поворот?! Какой обратный маршрут?! Ты куда нас завела, чертова баба?! Что все это вообще значит?!

Сюзанна фыркнула:

— Сначала вы должны извиниться за «чертову бабу», а потом, если я приму ваши извинения, я, может быть, покажу вам правильную дорогу... Кстати, если вы помните, впереди нас ждет кафе «Странники в ночи»... Стрэнджерс ин зе найт, эксчэнджин глэнсез...

Федор наконец, не сдерживаясь, высказал все, что он думал, после чего навигатор замолчал, а затем одновременно заговорил всеми голосами.

Навигатор Стас удивился тому, что мужики, то есть мы, еще не налили. Ласточкин требовал минуточку внимания и предлагал послушать интереснейшую лекцию о строении скелета мыши-полевки. Сюзанна, иногда попадая в ноты, продолжала петь «Strangers in the night» — так, как она помнила эту, безусловно, прекрасную песню.

Федор со зверским выражением лица выключил навигатор, нажимая все кнопки подряд, после чего предложил:

— Посмотри за спинкой сиденья — там, в кармашке, должен лежать атлас автомобильных дорог, я, кажется, его переложил из «пятерки».

...В результате доехали мы почти вовремя — стол был уже накрыт, а орлы с орлицами, местные и залетные, рассаживались по табуреткам и скамейкам. Нам, детсадовцам, было очень весело. Все хвалили новый автомобиль Федора и в очередной раз вспоминали старую шутку про его казенный железный горшок...

А джип Федор, кстати, вскоре заменил на автомобиль попроще, без встроенного навигатора. По его словам, в автосалоне возврат оформили без всяких возражений — по гарантии.

Алла Георгиевна Касецкая (Воробьева) родилась в деревне Гончарка Вологодской области. Окончила Вологодский губернаторский колледж народных промыслов, по специальности художник. Занимается изготовлением авторских кукол, иллюстрацией книг, увлекается литературным творчеством. Печаталась в журнале «Подъём», региональных изданиях. Живет в Вологде.

Алла Касецкая

ХОЛОДНО-ГОРЯЧО

МОЖНО ИНАЧЕ

А время было —
Стихи я свои топила,
Как в ведре котят.
А как иначе?
Топишь их, топишь и плачешь —
Тонуть не хотят.

Нельзя оставить
Дышать им да в ведре плавать...
Но разве раздашь?
У других — лучше.
У моих — хвосты да уши —
И весь антураж.

Иной жалеет —
Холит своих да лелеет —
Они жрут да спят.
Мои — убоги,
Сослепу лезут под ноги,
И в тепло хотят.

Не разберутся,
О руки чужие трутся —
Но страшны на вид.
Моим, кургузым,
Поддать сапогом под пузо
Любой норовит.

Топлю в ведре я,
Не пестуют колья, не греют —
Не родись на свет.
Топлю и плачу —
С котами можно иначе...
Со стихами — нет.

ТЫ ХОЧЕШЬ?

Выйду в холодный март, задохнусь тоской.
Ветер-слепец будет трогать мое лицо...
Хочешь Москву? Что ж — я буду тебе Москвой.
Хочешь кольцо? — добуду тебе кольцо.

Что же тебе еще? Ну, давай — желай!
Щукой волшебной ржавею в твоих сетях:
Пальцы на клавишах? Тихий собачий лай?
Книги на полках? Дом на семи ветрах?

Все ты давно имеешь — лицо, крыльцо.
Рыбкой непозванной тихо иду ко дну:
Хочешь колечко? Я буду тебе кольцом.
Хочешь... луну? — достану тебе луну.

Я — ИВА

Гордо раскинут кроны
Тополь, береза в срок.
Я же стою склоненной —
Ивовый я пруток.
Мне ль тополиной статью,
Ростом ли щеголять?
Белой березы платье
Иве ли примерять?
Иве — вдове плакучей —
В реку ронять печаль.

Небо набухнет тучей,
Ветер совет в спираль.
Смерч пролетит, ломая
Гордые тополя.
Я же стою. Живая.
Гибкая ива — я.

МАМА МЫЛА РАМУ

Чистый четверг

Нынче я, как букварная истина —
Мою рамы, стираю, варю.
Жизнь для мамы без рамы — немислима,
Если верить тому букварю.

Я и верила, как мне завещано:
«Мама мыла», а «Луша мала».
«Шар у Шуры». Конечно. Конечно... Но —
Шура — дура, а мама — ушла.

Мне осталась лишь рама немытая,
Да купель под названием таз.
Шура-дурочка горюшко мыкает.
В общем, жизнь в букваре — не про нас.

Только я унывать не приучена.
Мне букварные истины — свет.
Мама — к раме, к тазу неминуемому.
Луша плачет, и выхода нет.

Дом намытым стеклом улыбается.
Дождь пасхальный пускает слезу.
Только это уже не считается.
...Я купаю ребенка в тазу.

ЧУЖАЯ ЗИМА

Как тяжело зима мне легла на плечи,
Словно соболя шуба с плеча чужого.
Лето извечно лечит, зима — калечит.
Только б дожить до лета, дожить до слова —
Первого слова, теплого, как теленок,
Как горизонт в июне — взалхлеб громадный.
Рыбой зубастой воздух цедить каленый,
Медными жабрами звон издавать нескладный.
Жить в теплой заводи, двигая плавниками,
Не для того, чтоб плыть — чтоб забыть в покое
Про ледяное брюхо и серый камень,
Шубу соболию, снег и плечо чужое.

ЗИМНИЙ ГОРОД

Мой старый город, я больна сегодня
Твоей простудной слякотной зимой.
Бреду неспешно в давке новогодней.
Мой дряхлый город, посиди со мной
Вот здесь, на хлипкой парковой скамейке,
В интимно-теплом круге фонаря.
Мир кутается в снег, как в телогрейку,
Не веря на исходе декабря,
Что снег вечерний легок, как девчонка,
Недолговечен, как ее «люблю».
Луна, как шарик летнего пинг-понга,
Скатилась в руки древнему Кремлю.

ХОЛОДНО-ГОРЯЧО

Спрячется детство в памяти глубоко —
Черной горбушкой плюхнется в молоко.
Звонкой кричалкой хитро блеснет зрачок:
«Холодно... Холодно... Холодно... Горячо!»

Сказкой забытой примется ворковать.
Рваным мячом закатится под кровать,
Иль зашуршит за печкою, как сверчок:
«Холодно-холодно-холодно-горячо».

Вспомнятся шрамы, ссадины, синяки...
Соло шмеля мохнатого, светляки.
Старые кеды — выданный «язычок».
«Холодно-холодно-холодно-горячо».

Вера святая в чудо, в «мы не умрем»...
Детство и лето — кончатся сентябрем.
Снова, как в жмурки, ощупью, за плечо...
Холодно. Холодно. Холодно... Вот и все.

ИЮНСКИЙ ВЕЧЕР

Устал за окошком вороний хрип.
Рублевскою фреской закат искрится.
Расхристанный вечер к стеклу прилип,
Таращится в дом, а войти боится.

И больно в груди от ненужных слов
Несказанных, сдавленных в горле влажном.
...потрепанный томик твоих стихов
Травинкой заложен на самом важном.

Дмитрий Якушкин

ТРИ РАССКАЗА ПРО МОЮ ВОЙНУ

Письмо из далекого, огненного 1943 года и рассказы, написанные тогда же, передал в редакцию наш давний интересный автор Иван Георгиевич Якушкин, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института физики атмосферы РАН. Родом он из семьи с многолетними гуманитарными традициями, идущими от декабриста И.Д. Якушкина. Помимо естественных наук наш автор посвятил много времени изучению различных вопросов истории и филологии, знаменит в научно-элитарных столичных кругах лекциями и изданиями по истории культуры Европы и России... А тогда ему, мальчику, едва-едва понимающему, какой большой бедой объята Родина, дядя — Дмитрий Иванович Якушкин, только что надевший погоны лейтенанта, передал с просьбой сохранить тетрадку и письмо.

«Дорогой Ваня!

Мне бы хотелось, чтобы эту тетрадку ты прочел тогда, когда станешь уже достаточно взрослым. Вот уже более полутора лет идет Отечественная война, превращая в сплошной хаос сотни человеческих жизней. Тебе сейчас только 6 лет, мне, в конце концов, немногим больше, и я часто думаю, как мы с тобой похожи. Я думаю, к 18 годам ты будешь такой же, каким был я, когда прозвучало радио 22 июня. Ког-

да ты вырастешь, о войне ты будешь иметь представление как об отрывочных неясных картинках детства, с одной стороны, а с другой — ты будешь знать о ней, как об историческом факте, описанном в десятках учебников, книг и журналов. Мне кажется, что и то, и другое будет недостаточным для тебя...

1943 год».

Сегодня это письмо и рассказы стали не только уникальным историческим свидетельством военной эпохи, но и выразительным штрихом к портрету человека яркой судьбы — Дмитрия Ивановича Якушкина. В овейном славой роду именно ему было суждено стать вторым профессиональным военным после своего прапрадеда — Ивана Дмитриевича Якушкина, героя Отечественной войны 1812 года, капитана знаменитого мятежного Семеновского полка, который он вывел на Сенатскую площадь в Петербурге 14 декабря 1825 года, за что был приговорен к 20 годам каторги. С тех пор военных в семье больше не было. Но в 1923 году произошло событие, которому было суждено повлиять на это обстоятельство. В городе Воронеже в семье служащего Ивана Вячеславовича Якушкина, ставшего впоследствии академиком ВАСХНИЛ, родился мальчик, нареченный Дмитрием.

Ни о какой военной карьере он и не

мечтал, напротив, хотел пойти по стопам отца — ученого-естествоведа. Великая Отечественная война круто перестраивала многие судьбы. Так и 18-летний Дмитрий добровольцем пошел на фронт, окончил Саратовское танковое военное училище. Ускоренный выпуск 1942 года был направлен под Сталинград... В армии Дмитрий Иванович прослужил до 1947 года. Участвовал в Параде Победы. Но даже это знаменательное в жизни молодого человека событие не подтолкнуло к выбору военной карьеры. Якушкин поступил на экономический факультет МГУ, по окончании которого в 1953 году начал работать в Министерстве сельского хозяйства РСФСР, был помощником министра И.А. Бенедиктова.

И все же Дмитрию Ивановичу, славному потомку капитана Якушкина, на роду было написано служить Отечеству на военном поприще. Рубежным стал 1960 год, когда ему предложили перейти во внешнюю разведку. Этой сложнейшей работе он отдал 26 лет безупречной службы, из которых в общей сложности 14 лет — в США. Лишь один штрих: уже первая длительная командировка в Нью-Йорк молодого разведчика, работавшего под дипломатическим прикрытием, была отмечена государственной наградой — медалью «За боевые заслуги».

Затем в 1969 году Д.И. Якушкин был назначен заместителем начальника американского отдела ПГУ КГБ СССР, потом он стал начальником дру-

Генерал-майор
Дмитрий Иванович Якушкин

гого важного отдела разведки. С 1975 по 1982 годы Дмитрий Якушкин возглавлял резидентуру внешней разведки в Вашингтоне.

Даже уйдя в 1986 году в отставку, Дмитрий Иванович не отошел от активной творческой жизни, работал политическим и дипломатическим обозревателем ТАСС. Здесь он в полной мере реализовал свой огромный зарубежный опыт и знания в области международных проблем, щедро делясь всем этим с молодыми коллегами вплоть до своей кончины в 1994 году.

Владимир НОВОСЕЛОВ

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ. В УЧИЛИЩЕ

-С

той. Кто идет?

— Разводящий, со сменой.

— Разводящий ко мне, остальные — на месте.

Почти полная луна освещает фигуру часового в огромном тулупе, стоящего возле «гриба» перед большим каменным зданием. Разводящий быстро подходит к нему и, сказав несколько слов, командует смене. Смена четко строится влево, подходя к посту. Мы стоим в гарнизонном карауле, и весь ритуал караульной службы выполняется особенно точно.

— Подчасок 12-го поста, взять пост под охрану. Смена поста, на пост шагом арш, — раздается звонкий голос разводящего.

Вторая часть команды относится ко мне, и я подхожу к часовому. Часовой — мой товарищ, Колька Егоров, быстро и неразборчиво устно сдает пост, я повторяю за ним и, хотя сержант стоит рядом, ухитряюсь сказать ему, что в моей сумке в караульном помещении лежат для него две печеные картофелины. Николай снимает с шеи автомат и берет его в руку, я делаю то же самое и становлюсь спиной к нему. Он быстро выдерживает руку из тулупа, а я также быстро запускаю свою туда. Еще мгновение, и я уже в теплом тулупе. Смена отходит к моему подчаску. Они сменяются, проходит несколько минут, скрип снега под ногами уходящей смены смолкает, и мы остаемся одни: часовой первой смены 12-го поста и Юрка Горев, подчасок той же смены и того же поста.

Я знаю, что я только что заступил на пост, что мне стоять еще два часа, но какое-то непреодолимое желание посмотреть на часы (авось, да и прошло лишних пять минут) заставляет меня посмотреть на них. Стекло часов отсвечивает на лунном свете. Я долго всматриваюсь в циферблат и с трудом различаю стрелки, стоящие на 10 минутах 3-го.

Я поправляю поудобней автомат и, медленно, осторожно ступая по узенькой, протоптанной в снегу дорожке, иду к углу здания, где стоит мой подчасок. Мы с ним охраняем один из корпусов Н-ского авиационного завода. Наш пост находится в самом углу завода; с противоположной стороны здания — наше караульное помещение. А здесь, где стоим мы, в двухстах шагах от здания, тянется густое проволочное заграждение, за ним подальше — проселочная дорога, а еще дальше — темное небо упирается в белые, покрытые снегом холмы обрывистого берега Волги. Дорога вьется по обрыву и уходит в темнеющий на горизонте лес. И хотя окружающие меня предметы мне очень хорошо знакомы, сегодня они как-то выглядят особенно ярко и рельефно. На улице сильный мороз, но необычно для здешних мест тихо и безветренно. Темно-синее, почти черное небо полно звезд, луна стоит вертикально над моей головой и заливают все светом, исходящим из ее матово-стеклянного тела. Я подхожу к углу. Юрка стоит уже там, прислонившись к столбу «гриба», и ждет меня.

Юрка — мой сосед по койке. Он самый юный в нашей роте. До училища он учился в одной из московских артиллерийских спецшкол, но не окончил ее и после 9-го класса попал сюда. «Ребенок», — зовут его в роте. Я прислоняюсь к тому же столбу в полуобороте к нему. Так стоять очень удобно, можно перекинуться одним-другим словом, а вместе с тем обе стороны, охраняемые нами, видны на всем протяжении. Юрка начинает мне рассказывать, как ему удалось стащить с грузовика у заводской кухни десяток картофелин, которыми он так охотно поделился со мной. Потом он лезет в противопогаз под тулупом и достает оттуда одну печеную картофелину и, разломив ее, он сует мне половину.

— На, вот еще последняя осталась, — говорит он.

Я протестую и говорю ему, чтобы он ел сам.

— Нет, ведь ты с Николаем поделился, так что я ел больше тебя, — настаивает он, протягивая мне картошку.

Я беру ее. Мы стоим еще минуту, потом почти одновременно отталкиваемся от столба и идем в разные стороны. Картошка немного сыровата, но все же очень вкусна. Я, жуя ее, дохожу до угла здания, потом иду назад. Так мы ходим минут пятнадцать.

— Ты не знаешь, что в этом здании?, — спрашивает меня Юрка, когда мы с ним опять сходимся.

— Нет, не знаю. На цех не похоже, какая-нибудь лаборатория или конструкторское бюро, — отвечаю я ему, и мы, разойдясь, продолжаем равномерно ходить вдоль здания.

Проходит еще 15 минут. Мы ходим, сходясь у столба, где перекидываемся отрывочными фразами. Каждый думает о своем, но мысли солдата однообразны. В такие длинные часы караульной службы вспоминается Москва, дом, уютный круг семьи, родные и близкие лица своих, а потому, хотя мы думаем про себя, слова наши невольно попадают в резонанс нашим мыслям и не мешают их течению в голове каждого.

— Митька, ты ходил когда-нибудь вечером по Кремлевской набережной?, — спрашивает меня Юрка.

— Да, очень часто.

— Ты помнишь... — начинает он, и в это время раздавшийся шум мотора машины останавливает наш разговор. Мы оглядываемся: по дороге вдоль забора, тихо покачиваясь на неровностях, едет легковая машина с выключенными фарами. Мы провожаем ее глазами до тех пор, пока она не скрывается в лесу.

— Куда ее черт понес, — бормочу я. Резкий звон стекла, раздавшийся на моей стороне, прерывает мои мысли. Я поднимаю голову. Луна освещает здание и отражается в больших окнах. Тихо. Я уже склонен подумать, что звон мне послышался, но вдруг маленький кусочек стекла, сверкая при лунном свете, падает сверху и врезается в снег. Я схожу с дорожки и иду вдоль здания, вглядываясь в верхние окна. Юрка продолжает стоять на углу и смотрит на меня. Дойдя до половины, я вижу среди отблескивающих на луне стекол, черную выбитую дыру. Я пристально смотрю на нее. Вдруг громкий стук разбиваемого стекла, на этот раз уже с другой стороны здания, потом крик и два выстрела, заставляют меня обернуться.

Много дней спустя, возвращаясь к этому моменту, я всегда удивлялся, как быстро могли промелькнуть у меня в голове десятки мыслей, удивлялся их ясности и последовательности. Какая-то высшая сила подчинила меня в ту минуту.

То, что я увидел в первый момент, обернувшись, меня ошеломляет. Под столбом навзничь лежит Юрка, как-то странно откинутой рукой двигая по снегу. А прямо против него, возле забора, стоит человек и отрывает от столбов колючую проволоку.

— Почему же она так легко рвется? — мелькает у меня в голове, и в то же время я сбрасываю рукавицы с рук, скидываю одним движением тулуп, переводя предохранитель автомата, падаю на землю. Очередь выстрелов и пули, просвистевшие над моей головой, не нарушают хода моих мыслей.

— Стреляют из немецкого автомата... стреляет кто-то другой... надо раздвинуть ноги для устойчивости, — проносится в моей голове. Теперь я лежу и вижу кроме фигуры у забора еще одного человека с автоматом в руках, бегущего туда же.

— Он-то и стрелял, очевидно, в меня. Решил, что я убит, — прикидываю я. — Куда бить — в голову или в грудь?.. — И, прицелившись в грудь, нажимаю курок. Короткая очередь. Человек падает.

— Хорошо, теперь другой. Удачно, что я не густо смазал автомат, — так же спокойно думаю я. В это время яркий свет включенных прожек-

торов с крыши здания освещает пространство передо мной. Я стреляю. Второй человек уже выползает из-под изгороди. Ряд пуль ложится около него, поднимая снег.

— Неужели мимо? Нет, это бьют справа, — рассуждаю я и снова нажимаю спуск. Человек не шевелится. Выстрелы справа, ружейные и автоматные, несколько озадачивают меня. Я поднимаю голову и тут только замечаю, что на дороге стоит легковая машина, и к ней бегут по снегу два человека. Они, очевидно, бежали в нашу сторону, но теперь повернули и бегут обратно. По ним стреляют мои товарищи с соседних постов. Машина трогается, я прицеливаюсь в заднее стекло и нажимаю спуск. Мысль «неужели уйдут» грызет меня. Еще очередь, и магазин пуст. Я отсоединяю его и хочу вставить другой. Но, приподнявшись, замечаю, что навстречу машине из леса показались четверо верховых. Они стреляют, машину заносит в сторону, она полуопрокидывается и останавливается. Из ворот с винтовками наперевес бегут к ней курсанты.

Я встаю, присоединяю новый магазин и иду к Юрке. Он мертв. Все лицо его залито кровью. Я наклоняюсь и закрываю его распахнутый тулуп. Теперь я ничего не думаю. Моя шапка падает к нему на лицо. Я поднимаю ее. Сбоку раздаются шаги.

— Стой! — кричу я с досадой на себя за то, что забыл о своих обязанностях часового.

Ко мне подходит разводящий, за ним идут начальник охраны завода и смена. Я сменяюсь. Новый часовой с удивлением смотрит на меня, повторяя слова устной сдачи поста. Сержант тоже удивлен моей пунктуальностью, но мне почему-то доставляет это облегчение, и я во всех подробностях сдаю пост. Потом я иду вместе с начальником охраны к лежащим на снегу. Они оба мертвы.

— Молодец, прекрасно стреляешь, — говорит начальник охраны, указывая на шесть дырок в пальто убитого.

Я поднимаю и рассматриваю автомат убитого, он немецкий, последнего образца. Мы идем ко второму. Его тело изрешечено с двух сторон. Это пули мои и 13-го поста. К начальнику охраны подходят с разводящим несколько человек в форме НКВД. Они начинают осматривать трупы, а я иду в караульное помещение. В 6 часов наш караул сменяется внеочередным нарядом, и мы уезжаем к себе в училище.

Прошло два дня. Юра был похоронен скромно, по-солдатски. Официально для всей нашей роты, для его семьи он погиб от несчастного случая. Так думали все, а мы, немногие знавшие правду, за короткое время службы в строю уже научились молчать и не были склонны говорить о происшедшем. Койка рядом со мной была пуста, а в моей голове не исчезла мысль недоумения, которая возникла у меня перед Юриной могилой: «Почему он, а не я?» Я думал и не находил на нее ответа.

Яркий солнечный день. Группа курсантов стоит в кабинете начальника училища. Они одеты в старые поношенные гимнастерки, но их пуговицы блестят. Воротнички сияют белизной, а сапоги, как зеркало, отражают солнечные лучи. Солнце заливает весь кабинет. Знамя училища в углу. Портреты Ленина и Сталина. Золотые буквы фамилий выпускников из училища, Героев Советского Союза, погибших в боях за Родину.

— Смир-р-но! — командует командир батальона. Строй вздрагивает и замирает. В комнату входит полковник. Он принимает рапорт и здоровается. Строй отвечает одним дыханием и снова замирает, хотя подана

команда «вольно». Взяв со стола бумагу, полковник зачитывает приказ по училищу об объявлении благодарности составу караула. Потом он говорит о войне, о положении страны, о стоящих перед ним курсантах. Полковник замолчал. Мы готовы услышать команду о повороте и уже ослабляем ногу для него, но полковник, отступив, командует: «Курсант Якушкин, выйти из строя». Я делаю два шага вперед и поворачиваюсь кругом. Смотрю на комбата и чувствую, что выход из строя сделан достаточно четко. Полковник подходит ко мне и, глядя мне в глаза, с расстановкой произносит: «В дополнение к приказу, от лица службы, объявляю тебе благодарность» и протягивает мне руку. Автоматизм солдата, действовавший на меня все время до этого, исчезает, я не знаю, что делать, и только где-то в глубине сидящая психология гражданского человека заставляет меня расслабиться и пожать руку полковнику. Он улыбается одними глазами, а я, оторопело помолчав несколько секунд, произношу те слова, которые когда-то меня так пугали в мыслях о будущем:

— Служу Советскому Союзу! — твердо говорю я.

РАССКАЗ ВТОРОЙ. ПОСЛЕ ВЫПУСКА

Из-за прибрежных, покрытых дубовым лесом высот, медленно поднимался багряно-красный шар солнца. С левой стороны горизонта винювато, словно извиняясь, что не успела уйти до рассвета, быстро скользила огромная синяя туча с красноватым отливом на пухлых вершинах. Скупые, негреющие солнечные лучи освещали плац с лужами посередине и ряды белых палаток с натянувшейся мокрой парусиной. Сильный ветер рябил лужи и пригибал к самым палаткам молодые желтеющие тополя. От белых каменных зданий, резко разрезая воздух тихого утра, поплыл звук трубы, игравшей подъем. Его подхватили стоявшие на передних линейках лагеря дневальные и, перемешиваясь с голосом трубы, по лагерю пронеслись команды подъема. В палатках зашевелились. Курсанты, вылезая из-под горы соломенных тюфяков и одеял, где они спали, тесно прижавшись друг к другу, садились на низкие нары и, накручивая обмотки, делали невероятные по своей виртуозности движения, дабы не попасть ногой в огромные лужи, занимавшие центральные части палаток. Матерная ругань с ленинградскими, московскими, донбасскими оттенками окрашивала сцену в непередаваемый колорит.

До сих пор перед моими глазами ясно-ясно стоят картины этих осенних дней в Саратове, моих первых дней в строю. Ночи стояли уже холодные, шли дожди, саратовские степные ветры пробирали до костей. Вечерами после отбоя мы сбивались в кучу и, нагромождая вокруг себя рядами одеяла и тюфяки, засыпали до утра, согревая друг друга теплом своих тел. Просыпаясь по утрам, мы, бывало, обнаруживали, что крепкие кольца палатки вырваны ветром, а мы укрыты с головой мокрой парусиной, и наша одежда мокра до нитки. Мы ругались, злились, но вместе с тем были настолько глубоко заряжены солдатским оптимизмом, что тут же громким хохотом встречали каждую опрокинутую палатку, одежду, вдруг обнаруженную посередине лужи, или просто-напросто заковыристое выражение. Но иногда случалось, когда без рубашек, покрытые гусиной кожей, мы на ветру подставляли свои тела под струи ледяной воды, я вдруг ото всего отвлекался, забывая о холоде, стоял, зачарованно любясь красочными восходами солнца. Я нигде не видал таких зорь, как в

Саратове. Ветер ли, степной ли прозрачный воздух, или приволжские лесистые холмы придают восходящему солнцу здесь такую красоту, такие изумительные краски. Но я всегда был поражен необыкновенным зрелищем и с трудом отрывал глаза от неба.

Помню, как-то было особенно холодно. Солнце стояло уже высоко. Ветер рвал палатки, неудержимо продувал гимнастерки и, встретив на своем пути наши тела, вонзался в них, заставляя нас желать каждым нервом только одного — где-нибудь скрыться, загородиться от этого свирепого ветра. Можете представить, какое было у нас настроение в тот день, когда наш помкомвзвода объявил, что предстоят занятия по химделу, причем не в классе и не в палатке, а на улице, в поле. Но делать было нечего, взвод был построен, и мы, пряча руки в потрепанные рукава коротеньких гимнастерок, с пением и свистом зашагали к месту занятий. Это были наши первые занятия по химделу, и десятки глаз с любопытством рассматривали нового преподавателя — подполковника Ч., которому взводный отрапортовал о готовности взвода к занятиям. Расположились мы на заросшем травой бруствере полузасыпанного окопа на нашем учебном плацу. Подполковник был среднего роста, плотный, в гимнастерке, туго перетянутой ремнями. Седые волосы были коротко подстрижены и по всему его виду, по аккуратно заправленной коверкотовой гимнастерке, по высоким, туго натянутым хромовым сапогам, можно было узнать кадрового военного. Сухим, резким голосом он приказал нам достать тетради и, вынув из планшетки толстый блокнот, так же четко стал рассказывать о признаках и свойствах отравляющих веществ. Ветер продолжал свирепствовать. Уже через пятнадцать минут мы буквально посинели от холода. Писать было практически невозможно. Я беспрерывно передвигал пилотку с уха на ухо, чтобы хоть немного согреть их, но безуспешно. Подполковник диктовал быстро, и тот, кто хоть чуточку отвлекался, чтобы хоть немного отогреть руки в кармане, вынужден был пропускать кусок из диктуемого.

«Когда же он закончит», — думал каждый из нас и злобно глядел на методично расхаживающего перед нами подполковника. Так прошел первый час. Во время перерыва несколько курсантов попробовали было сказать подполковнику, что очень трудно заниматься в таких условиях, но тот спокойно ответил, что это дело командования выдавать нам шинели, а он обязан провести свои занятия, и из его слов можно было понять, что ему абсолютно нет дела, мерзнем мы или нет. Сказав это, он велел нам продолжать занятия. И снова началась диктовка. Многие, не успевая записывать, бросили карандаши, спрятав руки в карманы, только смотрели на подполковника, отмеряющего четыре шага вперед и обратно, и мучительно отсчитывали бесконечно тянущиеся минуты. Подполковник поднял руку, чтобы посмотреть на часы, и кто-то заметил, что под гимнастеркой у него надет теплый шерстяной свитер. Это наблюдение, как и подобает всем данным разведки, было доведено до сведения каждого, что вызвало еще большие, к сожалению, мысленные, ругательства в адрес подполковника.

А ветер между тем не утихал. На плацу сидел только наш взвод, остальные занимались в помещениях, и, очевидно, мы, оставшиеся, вызывали все усиливающийся напор и гнев ветра. Можно сказать, что мы доходили уже до самой последней точки замерзания. Но, наконец, подполковник закончил и, потребовав список взвода, начал делать переключку. Закончив и ее, он, не попрощавшись, повернулся и пошел к училищу. Нас

словно прорвало. Не успел он еще скрыться из виду, как человек десять наших талантов принялись передразнивать его интонацию, движения, в то время как остальные наперебой давали ему самые красноречивые характеристики.

И никто из нас не мог и предположить, что в это время подполковник сидит в кабинете комбата и докладывает об им точно установленных и зарегистрированных по списку курсантов, кто не вел записей на занятиях, и что по его настоянию они должны быть направлены на внеочередную работу на несколько воскресных дней вперед за халатное отношение к ведению конспектов по химделу...

История эта имела неожиданное продолжение. В те дни пароходы по Волге почти не ходили. Толпы желающих уехать обложили весь берег реки возле пристани и густо и основательно расположились на нем. Правее спуска к пристани, около самого берега, стояли две большие баржи. К ним были сделаны бревенчатые помосты-сходни из свежих неотесанных бревен. Несколько человек плотников, руководимые капитаном в форме танковых войск, скрепляли скобами последние бревна помоста возле барж. Сами же помосты и весь берег возле них был забит той же огромной толпой. На спуске к пристани показался строй бойцов. Четко отбивая ногу, с винтовками на плечах, горлая во все горло «Любушку», подходили два курсантских взвода. Последние, резко выброшенные слова песни, несколько глухих ударов ног, и строй, остановленный командой, стукнув прикладами винтовок, замер у бревенчатого помоста. Два взводных, посоветовавшись друг с другом, пошли к баржам, а за ними, выходя из строя, справа по два, шагая через людей, лежавших на помостах, лавируя между коровами, сундуками, спящими женщинами с грудными детьми, тронулись курсанты. Командиры взводов зашли на баржи, курсантские же цепи остановились, повернулись друг к другу спинами и, взяв винтовки перед собой, стали медленно очищать помост от людей.

Боже мой, что здесь поднялось! И без того шумливая толпа завопила, заголосила и обрушила на головы курсантов многоэтажную ругань на всевозможных языках. Но курсанты не останавливались до тех пор, пока помосты и дорога к ним не были освобождены, а они не стали шеренгами по их краям. Почти одновременно с этим на улицах, ведущих к Волге, раздался шум моторов, и один за другим на пристани показались танки. Здесь были и КВ, и 32-е, и 26-е, и БТ. Это танковое училище посылало на фронт своих выпускников-досрочников, наделив их боевыми машинами и экипажами из своего учебного парка, в котором они не успели даже доучиться. Время было тяжелое, техники не хватало, и из тыловых частей подчищали все материальные ресурсы для посылки на фронт. Железные дороги были забиты, сформированные в училище батальоны должны были подняться по Волге вверх и уже оттуда ехать на фронт. Вот для их-то погрузки и были очищены сходни к баржам курсантами того же училища.

Я стоял в составе цепи на краю помоста и, слегка облокотившись руками на штык, старался не слушать ругань, произносимую в мой адрес. Между тем началась погрузка. Бревна, на которых я стоял, прогибались под тяжестью машин. Один за другим танки заходили на помост. Экипажи, поставив машины, выходили на берег, где собрались для прощания родственники, знакомые. Вдруг мои соседи по цепи зашевелились, под-

тягиваясь и выпрямляясь из свободных поз, в которых они стояли. По сходяням, в сопровождении одного из уезжающих комбатов и только что выпущенного лейтенанта, шел полковник, начальник училища.

— А где же отец? — услышал я вопрос полковника, когда они приближались ко мне.

— Дома сидит. Начал сдавать старик, — ответил лейтенант и встряхнул головой, как бы отгоняя от себя что-то неприятное.

Они вошли на баржу

— Кто это? — спросил я соседа.

— Говорят, сын нашего подполковника по химделу, — отвечал тот.

— Да, это сын подполковника Ч., — подтвердил взводный, подойдя к нам.

— Вот ведь едет на фронт, а мог бы и тут остаться, — продолжал командир взвода. — Ведь его отец с начальником училища первые приятели. Полковник и предлагал ему оставить сына преподавателем, но отец не захотел. Пускай, говорит, как все едет. Я, говорит, сам воевал, пускай и он повоюет...

Между тем к баржам подошел буксирный пароход и начал цеплять их. Оркестр заиграл «Интернационал», отъезжающие курсанты быстро прощались и убегали на баржи. Одним из последних, обнявшись и поцеловавшись с начальником училища, туда вскочил сын подполковника. Буксир заревел. Баржи медленно отваливали от берега. Стоя на палубе, на корпусах машин танкисты махали шлемами, кучка провожающих военных стояла с руками у козырьков, только полковник, обнажив седую голову, махал фуражкой, да еще капельмейстер, такой же седой, дирижируя одной рукой оркестром, другой махал платком. «Скоро ли мы так же поедем?», — думал я, провожая глазами баржи. В это время я обернулся и увидел, что рядом со мной на бревне украинка, только что так буйно ругавшая меня, стоит и плачет, вытирая слезы кончиками головного платка. Все лицо ее наполнено какой-то величественной строгостью, у ног ее копошился маленький мальчишка, но она не слышала его и только глубоко вздыхала всей грудью, а крупные слезы ее падали на голубую ситцевую кофточку. И тут я только заметил, что вся окружавшая нас толпа замолкла и напряженно смотрела вслед отходящим баржам. И строгость, которую я увидел на лице моей соседки, написана и на их лицах. Вот стоит вся сморщенная старушка. Она крестится и кланяется в сторону барж. Рядом несколько женщин тихо плачут в платки, какой-то пожилой солдат с окровавленной повязкой на голове козыряет уплывающим баржам. Вот несколько моряков в пулеметных лентах оторвались от своего завтрака, вытянулись, глядя на реку... Команда взводного вывела меня из оцепенения. Я вскинул винтовку и пошел в строй.

За все последующее время моего пребывания в училище я мало сталкивался с подполковником Ч. Он перестал преподавать в нашем батальоне, и мы о нем знали только как о преподавателе, который был особенно придирчив к курсантам. Как-то один из моих товарищей по роте случайно не поприветствовал его и заработал тем самым десять суток ареста. О подполковнике Ч. говорили как о черстве, педантичном человеке, и за это он не пользовался большой любовью в нашей среде, хотя его подтянутость, умение себя держать и весь его подлинно офицерский облик нам нравились...

Через год после выпуска я стоял со своей частью в Кузьминках под Москвой. В один из теплых весенних дней я проводил занятия со своей ротой по выверке танкового оружия. Мы вывели из расположения части пару машин на полигон возле Люблина, расставили мишени и начали заниматься приведением оружия к нормальному бою.

Бойцы были разбиты на три точки, точками руководили командиры взводов, взводные были опытные, и мне делать было нечего. Я сидел на броне, грелся на солнце и лениво слушал доносящийся из башни голос Ваньки Горева, проводившего занятия. Перед моими глазами шла дорога в Люблино, а за ней тянулось только что освободившееся от снега вспаханное поле. От него к нам в ложину сбегали ручьи, и я наблюдал, как через них прыгали редкие прохожие, идущие по дороге. Вот на дороге показался какой-то военный. Он шел, сильно сгорбившись, опираясь на палочку. Можно было видеть, как он останавливался перед каждым ручьем, долго топтался на месте и только потом с трудом переходил через него. Мне стало досадно на него смотреть и я отвернулся.

— А что, среди вас никого нет из Саратовского училища? — раздался через несколько минут голос около моей машины.

Я поднял голову и увидел, что возле танка стоит только что виденный мною неуклюжий прохожий. Лицо его мне показалось знакомым.

— Есть, — ответил я, спрыгивая прямо с башни на землю.

Передо мной стоял человек с взлохмаченными грязно-седыми волосами, выбивающимися из-под фуражки, с морщинистым, давно не бритым старческим лицом. «Кто же это?» — подумал я. Между тем он протянул мне руку и тихо спросил:

— Вы не знаете меня?

— Нет, знаю, — ответил я, пожимая его руку. — Вы — подполковник Ч.

— Так точно, — улыбнулся он, и только в этот момент я действительно поверил в то, что это был подполковник Ч. Но, Боже мой, как он изменился и постарел! Бойцы выглянули из люка машины и смотрели на нас. Чтобы не мешать им, мы, полуобнявшись, отошли от танка. Из десятиминутного разговора я узнал, что подполковник командует батальоном в Калининском химучилище. Также в нескольких словах я рассказал ему о себе. После, когда он уже ушел, я понял, что он многочисленными, я бы сказал, ласковыми вопросами, заставил меня рассказать о себе значительно больше, чем сам он сказал мне. Хотя в разговоре выяснилось, что он, как и следовало ожидать, лица моего не помнит и даже удивлен, что я его знаю. Он сказал мне, что торопится на занятия. Он попросил меня зайти к нему, попросил приехать на танке, чтобы показать курсантам-новобранцам боевую машину, о которой они имеют весьма смутные представления. В конце разговора, после небольшой паузы, он спросил меня, знал ли я его сына. Я ответил отрицательно. Его губы и нижняя челюсть вдруг затряслись, глаза по-старчески сразу наполнились слезами, и он из человека, несколько прибодрившегося и имевшего хоть какой-то воинский вид во время нашего оживленного разговора, вдруг сделался совершенно разбитым дряхлым стариком.

— Убили его, — прошептал он и, уже больше не сдерживаясь, заплакал.

Я взял его под руку, и мы тихо пошли по дороге. Чуть пройдя, он остановился.

— Ну, Вам надо идти, — сказал он. — Можно мне обнять Вас?

Мы, как это вновь стало традицией в эту войну, троекратно поцеловались и остановились, держа друг друга за руки, смотря друг другу в лицо.

— Вы простите меня, — сказал он. — Ведь мне уже скоро семьдесят.

Я еще раз обнял его и смущенно пробормотал что-то невнятное. Мы пожали руки и разошлись. Отойдя несколько шагов, я поднял голову и увидел подполковника, смотрящего на меня со смущенным лицом, и руку, которой он в воздухе крестил меня. Я сделал вид, что не заметил, и пошел к машинам.

Ванька Горев, высунувшись из люка, спросил меня: «Кто это?»

— Помнишь Саратов? Подполковник Ч. Он потерял сына, — ответил я.

— Не может быть. Вот бы никогда не мог себе представить его таким, — ответил он.

Еще через год я был направлен на учебу в Академию Сталина. Офицерская корпорация очень охотно делится на землячества по городам, в которых заканчивала курсантские училища. И в Академии, встретив саратовцев, я узнал, что осенью 1942 года в бою под Моздоком старший лейтенант Ч., отказавшись сдаться, был заживо сожжен немцами в подбитом танке КВ. Его товарищи по бригаде после разгрома немцев нашли этот танк, а под ним останки офицера вместе с экипажем и похоронили их на кладбище моздокского пригорода.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ. В СОРМОВЕ

Старенький сормовский паровозик без тендера тяжело вздохнул и, напрягая свои последние старческие силы, медленно потянул на заводской двор десяток платформ. На платформах стояли искалеченные, с зияющими дырами, с погнутыми орудиями, с погоревшими кузовами разбитые танки. Строй бойцов уходил по шоссе на противоположную сторону, старшина роты удивленно оглядывался на меня, а я стоял и не мог оторвать глаз от машины с пожелтевшей надписью «За счастье» и черной круглой дырой в башне немного пониже буквы «ч», которая медленно уплывала в открытые ворота заводского двора...

Это было перед самым выпуском. Помню, в этот день дневальный принес почту только после ужина. Я стоял, прислонившись к колонне, и смотрел на оживленные лица ребят, окруживших дневального и расхватывающих письма. Письма в армии — большая редкость. Я чувствовал, что мне опять ничего не будет и, не дожидаясь конца раздачи, пошел к своей койке, чтобы лечь спать. Через открытое окно дул слабый теплый ветерок, на улице было тихо, и только окрики часовых нарушали покой засыпающего училища. Понемногу стала затихать и казарма, я долго смотрел на звезды, считая, сколько их помещается в рамке верхнего окошка, а потом незаметно для себя стал засыпать. Вдруг я почувствовал, как чья-то нога наступила мне на живот и кто-то прыгнул на мою постель. «Ты спишь?» — раздался голос Володьки Слизка. «Конечно, сплю, — отвечал я недовольно. — Тебя бы еще в час ночи приперло». — «Я сегодня буду спать у тебя вместо Николая, он уступил мне, — говорил Владимир, расстилая простыню на соседнем тюфяке. Я спал последний месяц один, и на соседнюю койку ко мне ежедневно приходил кто-нибудь из

моих друзей «в гости». «Тебе хочется спать? — с грустью спросил он, укладываясь поудобней и закрывая ноги одеялом. Володька, общий любимец роты, когда-то, до армии, учился в Ленинградской консерватории, а здесь, в училище, был самым неутомимым плясуном, запевалой, гитаристом. Всегда веселый, живой, он по-мальчишески сердился, когда слышал пессимистические разговоры и однажды даже дал по морде одному курсанту, когда тот стал доказывать о неизбежности сдачи Сталинграда.

«Ты же, подлец, мне все равно спать не дашь», — отвечал я. «Точно, — сказал Владимир и вдруг, схватив подушку, стал колотить меня ею. — Она жива! Жива, Митька, ты понимаешь, она жива!» — одним духом выпалил он, продолжая колотить меня. «Не может быть», — вскрикнул я, садясь в свою очередь на постель. «На, читай...» — И он протянул мне письмо. Я достал из-под тюфяка свечку, зажег ее и, закрывшись с головой одеялом, стал читать. Но не успел я прочесть и двух строк, как Володька не выдержал, и его голова просунулась под одеяло. «Давай вместе читать», — предложил он.

Письмо было от девушки, которая любила Владимира. Два уголка своей души Володька открыл только мне, хотя никаких оснований и поводов для этого не было: о своем отце, старшем механике крупного военного корабля на Балтике, трагически погибшем во время финской кампании; и о Еленке — девушке, с которой у него был, по его словам, «старый, давнишний роман». Вот от нее-то и пришло письмо. Она была медсестрой в Ленинграде, пробыла там всю блокаду, была ранена, лежала в госпитале в Средней Азии и по выздоровлении была направлена для работы в один из госпиталей прифронтовой полосы. Она писала, что вся ее семья погибла в Ленинграде, что она не писала так долго, потому что ее правая рука была перебита, а она не хотела, чтобы Володя узнал о ней от кого-нибудь другого. Письмо было наполнено таким хорошим чувством к нему, такой прекрасной женской любовью и заботливостью, что я был удивлен. Я читал ее письма, написанные прошлой осенью, когда они только что расстались. Тогда письма были более наивные, почти детские. Это же письмо было написано взрослым человеком, много видевшим и пережившим, с сильным чувством. Я кончил читать и посмотрел в странно блестящие глаза Владимира. Он покраснел и задул свечу. «Ах, Митька, Митька, если бы ты только знал, что это за человек», — сказал он. «Знать не знаю, но думаю, что представляю», — сказал я, улыбаясь. «Нет, ты слушай», — и он начал говорить то, что могут говорить только влюбленные, со всеми милыми для них мелочами, вроде ямочек на щеках и завитков на шее. За окном уже дважды сменились часовые, а Володька все говорил и говорил. Наконец, он замолк, уставившись в одну точку. Я смотрел на его красивое оживленное лицо с блестящими в темноте глазами, слабо освещенное ночной лампой, мне стало немножко завидно, и я отвернулся.

— Митька, дорогой, почему ты никогда ничего мне не рассказываешь?

— Нечего рассказывать, Володька.

— Врешь, ты просто не хочешь. А ты знаешь, почему я только тебе могу рассказывать?

— Нет, не знаю, — усмехнулся я.

— Помнишь, когда мы с тобой говорили о смерти папы, ты сразу понял, почему он для меня как живой. Понимаешь, я не хотел его видеть мертвым и не могу его представить таким, он для меня такой же, с жел-

тыми усами и трубкой в зубах. Он так смешно сердился, когда Еленка обыгрывала его в шахматы. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Он помолчал, потом снова подал голос:

— Митя, ты правда веришь в то, что человек не может погибнуть зря?

— Не только верю, но и знаю это. Человеческая жизнь слишком ценна, чтобы она могла исчезнуть зря: на войне может быть хорошая смерть, но плохая — никогда, — ответил я.

Это была тема, о которой мы как раз много думали и говорили в последние дни перед этим. Повернувшись несколько раз вокруг себя, Володька продолжал: «Ты знаешь, мне бы больше всего хотелось, чтобы Еленка всегда вспоминала меня весело, как о живом, даже если меня убьют. Ты, знаешь, когда она веселая, она еще лучше становится, я страшно люблю, когда она смеется. Мне будет приятней, если она будет так думать обо мне... Ну, будем спать». — «Будем спать». Но Володька еще долго ворочался с бока на бок, чиркал спичками и, наконец, я услышал его ровное дыхание. Немного погодя заснул и я. Проснувшись рано утром, я увидел раскинувшегося во всю постель Володьку, на губах у него была улыбка, в одной руке он держал спички, а в другой было зажато письмо и фотокартонка девушки с большими черными глазами...

Настал другой день, мы все стояли в последний раз в безукоризненном курсантском строю и слушали приказ наркома об очередном выпуске лейтенантов танковых войск из нашего училища. «Вы — дети одной семьи, воспитанники Саратовского училища, — закончил свою речь полковник. — Не забывайте никогда об этом».

Владимир, я и многие другие получили назначение в Горький, и через несколько дней мы покинули Саратов.

Расстелив шинель на танке и подложив сумку под голову, я лежал и с удовольствием смотрел на осеннюю стайку синиц, корольков и поползней, которые с писком перелетали с ветки на ветку соседних сосен, следуя за своим важным предводительствующим пестрым дятлом с общипанной в драках головой. Не хотелось ничего делать, никуда двигаться. Погода стояла всю эту неделю чудесная. Настоящее бабье лето. Дождей давно не было, целый день светило солнце, было тепло, хотя по утрам уже бывали заморозки. Небо было синее-синее, без единого облачка. «Пинь, пинь», — передразнивал я кузнечика, сидевшего напротив меня, потом, завернувшись в брезент, решил соснуть. «Куда тебя черт занес? — раздался голос, и я увидел Бориса, который подходил к моей машине. — Я тебя целый час жду. Знаешь, пришла какая-то девушка, спрашивает Володьку Слизова, ей сказали, что он здесь, а ведь ты знаешь, что он уехал на погрузку». Сонливость сразу слетела с меня: «Где она?». — «Там, на опушке». Я бегом к ротному, сказал, что мне нужно в город, и бросился к лесу. На опушке, возле будки часового, прислонившись к сосне, стояла девушка. Из-под синего со звездочкой берета выбивались густые, черные, немного вьющиеся волосы. Большие-большие глаза были устремлены куда-то в одну точку. Волосы и глаза подчеркивали нездоровую бледность лица. Она была в военном плаще, из-под которого выглядывало светлое шелковое платье.

— Вас зовут Леной? Вы к Володе? — обратился я к ней.

— Да-да, где он?

— Он уже уехал.

— Куда?

— На фронт. Сейчас я провожу Вас к нему, — ответил я, назвав себя, и поздоровался.

Мы вышли на шоссе, так как до поезда надо было ждать шесть часов. Мне не хотелось говорить; ей, очевидно, тоже. По шоссе прошли две автомашины, но, несмотря на мой резкий окрик, обе не остановились. Тогда я сошел с дороги в лес и, увидев первого попавшегося водителя-танкиста, отдал ему свои талоны на обед и ужин и попросил выехать на шоссе. Первая же машина, остановившаяся в недоумении перед стоящим поперек дороги танком, была вынуждена посадить нас. Лена села к водителю, я в кузов, танк съехал с дороги, и мы помчались. До этого я почти ничего не говорил Лене. «Только бы успеть, только бы успеть», — думал я. Я помнил, что когда ночью Володька прощался со мной, он сказал, что, по всей вероятности, они уедут до обеда. Доехав до вокзала, я бросился на товарную станцию. Лена не отставала от меня, по-видимому, она понимала, несмотря на мои успокоения, что мы можем опоздать. Увидав сквозь раскрытые ворота стоявшие вдоль линии танки, я замедлил шаг. Мы подошли к машинам, среди шума голосов я различил голос Владимира, он громко ругал кого-то в самых сложных русских выражениях. «Подождите меня здесь», — сказал я и быстро побежал вперед. «Владимир, мне нужно с тобой поговорить», — окликнул я Слизова, взял его под руку и повел вдоль машин, изо всех сил стараясь не улыбаться и делать вид, что ничего не произошло. Володька говорил, что сейчас будут грузиться, что отъедут только к вечеру. «Ты знаешь, какой мне водитель попался», — начал он, ругаясь, но я быстро закрыл ему рот. «Не знаю и знать не хочу, ты не ругайся, а лучше посмотри, кто стоит за этой машиной», — сказал я и толкнул его в проход между танками, а сам пошел к его командиру роты. Договорившись с последним, я пошел к Володьке и Лене.

Более непохожую друг на друга пару трудно было представить. Перед огромным, широкоплечим Володькой с белокурыми волосами и здоровым румянцем на щеках Лена выглядела еще более маленькой и хрупкой. «Еленка, а почему ты не в военном? — услышал я, подходя. «А ведь ты не любишь, когда я в форме, вот я и переоделась». — «И здесь верны себе», — подумал я и подошел к ним. «Что это у Вас?» — спросил я Лену, заметив кровь у нее на шее. «Это я запачкал», — сказал Володя, показывая свою руку с содранной кожей. «Дай», — сказала Лена, взяла его руку и поцеловала ссадину на ней, не обращая ни малейшего внимания на меня. «Ну, вот что, друзья, — сказал я. — Идите отсюда и приходите к отправке, я уже договорился, машину заведу на платформу и все сделаю. Идите». — «Пойдем, пойдем», — потянула Лена за руку Владимира. «Постой», — отвечал тот, улыбаясь, но потом, пожав мне руку, пошел за ней. Я проводил их взглядом и пошел к машинам. Действительно, водитель Владимира оказался пожилым человеком, для которого танк после трактора представлялся непостижимым божеством. После того как он заглушил мотор на самом выезде на платформу и как раз когда пришло начальство, я сел за рычаг, завел машину и все остальное время был непрерывно занят мелкими делами по приведению машины в окончательный порядок. Начинало темнеть, комендант станции доложил, что дает отправку эшелона. Мимо нас в голову состава, выпуская пар, прошел огромный паровоз «ФД» и начал медленно выводить платформы из тупика. Я начал волноваться. Но вот, ловко вскочив на ходу, к танку поднялся Владимир. Он сел рядом со мной на башню и, до боли сжимая мою руку, неподвижно смотрел на выделявшийся в темноте на фоне снарядных ящи-

ков силуэт девушки. «Самое грустное, — произнес он, — это то, что мне не на кого ее оставить». — «Ничего, все будет хорошо, дорогой», — ответил я, обнимая его. «Прощай, Митя, спасибо тебе». — «До свидания, Володя», — громко сказал я. Мы три раза поцеловались, и я соскочил на насыпь. К составу быстро подбежала Лена, и когда состав на минуту остановился, они обнялись с Владимиром. Раздался длинный гудок, резкий ляг буферов, и эшелон, с каждой мгновением ускоряя движение, тронулся вперед. Заиграл духовой оркестр, мы взяли под козырьки. Постукивая на стыках, проходили платформы, черные фигуры танкистов стояли на них, махая шлемами. На последней платформе показался красный фонарь, и по рельсам, удаляясь за составом, поползли розовые блики от него.

Вдруг маленькая девушка прильнула ко мне, растрепанная головка спряталась в расстегнутой шинели, я почувствовал, что она плачет. Я обнял ее одной рукой и тихо повел к вокзалу. Я знал, что нельзя молчать, но язык у меня словно одеревенел, и я не мог и слова выдать. Она заговорила первая, спросив меня, давно ли я знаю Володю. Я начал рассказывать ей о наших отношениях, об училищной жизни, о разговорах с ним. Мы пришли в Д.К.Л. Я выдал ее за дочь полковника, уехавшего на фронт, а себя за его адъютанта, но, несмотря на это, только после большого скандала добыл ей отдельную комнатку и талон на еду. Оказалось, что она с утра ничего не ела. Незаметно для нее, в разговоре, я заставил ее съесть довольно большую порцию хлеба с колбасой. Было уже очень поздно. Мы сидели рядом, не зажигая света, в ее комнате, на койке и говорили. Сначала я, а потом начала рассказывать она. «Ну, посидите еще немножко, немножко», — говорила она мне, когда я несколько раз порывался уйти. Наконец, когда время приблизилось к последнему ночному поезду, я решительно начал прощаться. «Я приду завтра проводить Вас», — сказал я ей. Она пожала мою руку и, вдруг вскочив с постели, поцеловала меня в лоб. Я склонился, поцеловал обе ее руки и вышел из комнаты. На поезд я опоздал. Когда я утром вошел в землянку усталый и грустный, я нашел на двери записку, где ротный сообщал мне в лестных словах, что рота уехала на завод. В этот же день, поздно вечером, под звуки того же оркестра, такой же паровоз увозил меня вперед, на запад...

Через два месяца военные дороги привели меня снова в Горький. Уже началась зима, и молодой пушистый снег покрывал землю. Снега было так много, что уже на второй день ездили на санях. Я проводил занятия по устройству немецких танков на свалке машин возле заводского двора. Поскольку народ начал замерзать, то я окончил занятие раньше срока и повел роту домой окольным путем вдоль линии железной дороги. Переходя линию возле станции, мы остановились перед десятком платформ со стоявшими на них разбитыми танками. Пока маневренный паровозик побегал за вагонами, я подвел строй к платформам и обратил внимание бойцов на круглую пробоину в одной башне танка. «За счастье», — было написано на башне. «Вот характерное попадание термитного снаряда», — говорил я, — очевидно, неопытный механик-водитель не заметил пушки и подставил борт. Учтите это и для себя: если у меня кто-нибудь подставит так машину, я ему пропишу. Вот, видите, командир машины-то, небось, от счастья на тот свет пошел, а, пожалуй, даже и башнеру попало, ибо выстрел дан с очень небольшой дистанции». — «Сейчас посмотрим, так ли это», — продолжал я, влез на машину, вынул ключ и открыл баш-

ню. «Как не странно, а башнер остался цел», — подумал я, залезая в люк. На коже орудия я увидел пятно густой запекшейся крови. Взглянув на командирскую линейку, я увидел белую надпись. Она была настолько невероятна, что я снял перчатку и протер глаза, усомнившись, правильно ли я прочел. На щитке красивыми буквами белой масляной краской было написано: «Вл. Серг. Слизков».

Бойцы задавали мне вопросы, но их смысл до меня не доходил. «Ведите людей, а то опоздаем на обед», — резко приказал я старшине, не вылезая из башни. Паровозик между тем подвез еще вагоны, сцепил их с платформами и дернул. Я все еще ничего не понимал, потрогал пальцем темное пятно на коже: мне на руку сыпались сухие, темные крошки крови. «Дай», — слышалось мне и почудилось, что я ощущаю на губах солоноватый вкус крови...

Я соскочил на землю. Одна за другой платформы уходили в ворота. Когда скрылась и эта платформа, я поспешно достал записную книжку и нашел в ней надпись, написанную четким почерком Лены. «Мой адрес», — прочел я, и вдруг в моих ушах раздался знакомый до ужаса голос: «Я бы хотел, чтобы она всегда вспоминала обо мне весело, как о живом». Я захлопнул книжку и побежал догонять строй...

В воздухе густо кружился рой белых снежинок, а по шоссе, гремя сталью и разбрасывая снег, проходили белые танки. Из открытых люков высывались головы танкистов в черных шлемах. Танки шли на погрузку, доказывая вместе с падающим снегом, что жизнь идет, продолжается, и ничто в мире не повлияет на ее спокойный и неизбежный ход.

Александр Сергеевич Ананичев родился в 1970 году в городе Сергиев Посад Московской области. Окончил Институт телевидения и радиовещания, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Автор поэтических сборников «Земное в небесном», «Четыре всадника», «Исход», «Теменуга» и других книг. Стихи переводились на польский, болгарский, английский языки. Лауреат ряда литературных премий. Сотрудник Паломнического Центра Троице-Сергиевой Лавры. Секретарь правления Союза писателей России.

Александр Ананичев

У ОГНЕННОЙ ЧЕРТЫ

ЦЕПИ АТАМАНА

Против пенной волны
Наши вышли челны,
Удалым атаманом ведомые.
Он лишь саблей взмахнет —
И гроза полыхнет,
И туманы ложатся бедовые.

Поменял образок
На тугой поясок,
Изумрудом расшитый и яшмою...
Только плеткой встряхнет —
И Самару сметет,
И Казань с погребями и башнями.

Высоко ставит стан
Над рекой атаман.
Пьет до доньшка чашу глубокую...
Рукавом поведет —
И в шатер приведет
До рассвета княжну темноокою.

Быть ему на коне
В златоглавой Москве,
Если б други не сдали любезные.
Молчаливый силач —
Государев палач —
Руки втиснул в оковы железные.

Отчего сам не свой
Атаман удалой,
Отчего угнетаем сомненьями?
Он плечо распрямит —
Глухо цепь загремит
Возле плахи пудовыми звеньями.

РАЗДЕРИХИНСКИЙ ОВРАГ

На разбуженной брусчатке —
Перестук и перезвон.
В куполах старинной Вятки
Лик московский отражен.

На семи холмах зеленых
Вятка молится Христу.
Как в столице, чахнут клены
В Александровском саду.

Есть еще примета края,
Где разросся кое-как,
Всю Россию разъедаая,
Раздерихинский овраг.

Древний склон зарос крапивой,
Но жива о нем молва:
Здесь, над братскою могилой,
Шелестя, растет трава.

Две столкнул однажды рати
Темной ночью грозный яр:
Устюжан здесь резал вятич,
Принимая за татар.

На заре остыла битва...
Смотрит вятич — невпопад
Тут и там среди убитых
Православные лежат.

Нас беда не вразумила —
Бьем по-прежнему сплеча!
Сколько мы своих с могилой
Повенчали сгоряча...

А потом целуем камни
И печаль несем в кабак.
И все глубже окаянный
Раздерихинский овраг.

РОДНЯ

Завтра выйду родных привечать —
Будем долго сначала молчать.
Захмелев за широким столом,
«Ямщика» до конца не споем.

Что-то с нашей случилось семьей.
Это раньше мы были родней!

Развела нас лихая пора:
Кто — в охранники, кто — в маклера.

Под иконы нечистый пролез:
Зять — католик, свояк — экстрасенс,
У сестры — белой-белой, как снег —
Подрастает сынок Джанибек.

Невпопад мы поем, невпопад...
Кто — за Сталина, кто — демократ.
И такая меж нами Чечня,
Не чужая ли это родня?

Я из дома до срока уйду,
В чистом поле в траву упаду.
Загорится над полем звезда
Ледяная, как наша вражда.

* * *

Ю. Кузнецову

Я стою у темного креста.
Землю запустила непогода.
День рожденья намертво черта
Приковала к вечеру исхода.

Кто почил здесь? Господи, спаси!
Подступаю к памятнику ближе.
Вот те раз! На мраморе свои
Числа закольцованные вижу.

Кровь рябины, алчная, горит,
Ветер — то залает, то засвищет.
Сердце не тоскует, не болит
И следов минувшего не ищет.

Что лукавить — страшно умирать.
Жить сначала — тягостнее доля:
Все равно, что заново вспахать
Пахарю засеянное поле.

СПАС НА КРОВИ

Он горит и не сгорает
В белом олове зари,
Достает крестом до рая
Храм, стоящий на крови.

А вокруг — земля дымится
От крыльца до алтаря,

Где однажды, как водица,
Расплескалась кровь царя.

...Кони. Камни. Гул колесный.
Полыхнуло. Обожгло...
И страдалец венценосный
Только выдохнул: «За что?..»

Храм горит. Он тоже страждет,
Смотрит жадно на восток —
Бывший склад и бывший даже
Городской просторный морг.

Помнит купол оскверненный
Грозовой блокадный ад
И застрявший восьмитонный
В ребрах апсиды снаряд.

Загудели, дрогнув, стены,
И под куполом тогда
Проступил благословенный
Лик распятого Христа...

Храм теперь — музей публичный:
В шапках топчется народ,
И о фресках мозаичных
Бойко врет экскурсовод.

Нет молитвы покаянной.
Лишь, вздыхая тяжело,
Незалеченные камни
Шепчут: «Господи, за что?..»

Петербург. Зима. Светает.
У луны тускнеет медь.
Храм горит и не сгорает,
Только некого согреть.

* * *

Я попал на великую сходку
Бородатых серьезных людей,
Где стихами тревожили глотку
Дотемна о России моей.

Шум стоял, надувались аорты,
И рыдали гитары навзрыд,
Двум поэтам начистили морды
После давеча спетых молитв.

Нараспашку, как водится, душу...
Бродит злоба в очах голубых.

Дай дубину — любого порушат,
Но сначала прикончат своих.

«За Царя!.. И Россию — для русских...»
Я грустил и смеялся до слез —
На подносах вина и закуски
В зал татарин раскосый принес.

Все с обеда не ели ни крошки;
Помолились опять на восток,
Где в еще незамерзшем окошке
Золотой трепетал огонек.

* * *

В те дни застойные, когда
Союз еще не канул в вечность,
Мы были все же человечней,
Чем в современные лета.

Свободе не учили нас —
Травой храмы зарастали,
А все ж мы были христиане
Поболе, нежели сейчас.

Свобода — это пустота:
Ее бы чем-нибудь заполнить...
Свободно катимся, как волны,
Ни звезд над нами, ни креста.

Горят в минувшее мосты.
А мы в тревоге бесполезной
Опять склоняемся над бездной,
Опять у огненной черты.

Елена Гусаченко (Гаврилова)

ПО СТРОЧКАМ СУДЬБЫ

(Письма и дневник приоткрыли историю
пропавшего без вести военврача)

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

*Письма военврача 3-го ранга Николая Куприяновича Гусаченко
сестре Раисе Гусаченко (февраль 1941 года — май 1942 года)*

Двинск (Даугавпилс), 16 февраля 1941 г.

Здравствуй, моя дорогая, крепко любимая Раечка!

Сегодня я получил от тебя письмо, которое меня обескуражило. Ты тысячу раз права, когда скромно, как это присуще твоей натуре и твоему чуткому сердцу, упрекаешь меня в молчании. Если до сегодня я еще имел всякие «объективные причины», то с получением твоего письма все эти «объективки» улетели так (ты красиво выразилась!), «как с белых яблонь дым». Ну что ж, дым развеян — надо объясниться...

...Раечка! Ты думаешь, я не знаю, что такое студенческая жизнь? Знаю прекрасно и то, что вам (обеим сестрам-студенткам, Вале и Рае. — Е.Г.) хуже, нежели было мне. Я был у тебя и надавал кучу обещаний, но ни одного не выполнил. Пытался передать тебе и Вале посылку с тетрадями и еще кое с чем, но кому зря ее нельзя доверить, а знакомых в новой части нет.

Скоро я попытаюсь получить отпуск за 1941 год и приеду специально к тебе.

...Когда я узнал о твоей успешной сдаче экзаменов, не удивился: я ни капельки в этом не сомневался. Ты у меня молодец, а я даже недостойн быть твоим братом! Твое письмо мне понравилось: само его построение уже заставляет думать, что из тебя выйдет настоящий литературный работник. Я горжусь тобой! И я уверен, Раечка, что в 1945 году ты, кроме хорошего диплома, будешь иметь и достойную тебя работу.

Теперь о Виталике (сын. — Е.Г.). Он заметно подрос и поумнел, уже хорошо разговаривает и все понимает, свободно произносит сложные фразы. Знает несколько стихотворений, но по просьбе их никогда не декламирует. Зато поет песни с пластинок Вертинского. Очень любит слушать сказки, просит петь песню про трех танкистов. Долго вспоминал и показывал на фото дедушку Куприяна и бабушку Пашу...

Вот все о нашей жизни. Завтра попробую через одного человека сделать тебе переводик на небольшую сумму.

Привет и поцелуй от Маруси (жена. — Е.Г.) и Витусика.

Твой брат Коля.

Семья военврача Николая Гусаченко

Фронт, 8.IV.1942 г.

Здравствуй, моя дорогая сестричка!

Я получил от тебя письмо! Как это было неожиданно — думал, что с тобой уже не налажу переписку. Раечка! От папы (*Куприян Иванович Гусаченко. — Е.Г.*), несмотря на то, что послал ему 5 писем, ответа нет. От Маруси (*Мария Тарасовна Пшеничная, жена. — Е.Г.*) ничего не получаю. Только ты сумела разыскать меня, за что я бесконечно благодарен.

Раечка! Немного о себе. Я на фронте. А на войне, как на войне. Был на Ростовском направлении, там мы имели успех, и еще какой успех! Сейчас наша часть оперирует недалеко от Изюма. Мы все время в боях, и здесь добиваемся побед. Фрицы называют нашу часть сумасшедшей за то, что мы наносим удары тогда и там, где нас совсем не ожидают. Берем пленных, трофеи. Так, 2 дня тому один наш боец сел на танк, поставил на башню пулемет «Максим», ворвался в расположение фрицев и дал им такого перцу, что долго будут помнить его. Он убил 12 фрицев и многих ранил. Правда, его тоже ранили. Чтобы много рассказывать, надо много времени, поэтому я ограничусь этим. Скажу одно. Теперь праздник на нашей улице. Победа будет за нами!

Я работаю старшим врачом полка. У меня большой штат. Много сделал полезного. Вот и сейчас одного оперировал...

Раечка! Прошу тебя написать побольше о Виталике. Как я по нему скучаю! Думаю вырваться к папе в Изюм.

Пиши чаще, не ожидая ответа.

Целую. Твой брат Коля.

Фронт, 10.IV.42

Раечка!

Я выслал 6-IV-42 г. по адресу, указанному тобою (Воронеж, ул. Транспортная, д. 4, Гусаченко Р.), 1700 рублей. Марусе выслал 2000 руб. Больше пока у меня нет. Я посылаю Марусе и Виталику аттестат, тебе я буду высылать понемногу ежемесячно. Учись, будь умницей! Напиши Марусе письмо, уведоми обо мне.

Пиши мне, не ожидая ответа. Пиши чаще. Знаешь, какая радость на фронте получить от близких письмо! У нас кто не получит письма, тот несчастен, а если есть письмо, то выпиваем по 100 грамм.

Мой адрес теперь: Действующая армия, ППС 7679751, старшему врачу Н.К. Гусаченко.

Целую. Твой брат Коля.

Май 1942 года

Здравствуй, Раечка!

Получил от тебя письмо. Благодарю за него. Как ты живешь? Получила ли деньги? У нас сейчас идет большой бой. Фрицы драпают, от артиллерии море огня. Захватываем пленных и трофеи. Скоро буду в Харькове.

Прости, некогда. Я сейчас очень занят.

Пищи чаще! Привет от Н. Стукалова.

Твой брат Коля.

Адрес новый: Кр.Армия, ППС 767–979 СП, врачу Н. Гусаченко.

* * *

ПШЕНИЧНОЙ
Марии Тарасовне

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж, военврач 3-го ранга, врач 106 дивизиона ПТО Гусаченко Николай Куприянович, уроженец Харьковской области, находясь на фронте, пропал без вести в июне месяце 1942 г.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии, приказ НКО СССР.

Райвоенком Нистеренко
ст. лейтенант

Начальник 2-й части
лейтенант Корона

(Такое же извещение хранилось в архиве отца — Куприяна Ивановича Гусаченко. — Е.Г.)

* * *

ДНЕВНИК ВОЕНВРАЧА **Николая Куприяновича Гусаченко**

(26.VI.1942 — 22.IV.1943)

26.VI.1942 г.

Прошел месяц, как я в плену. Попытаюсь восстановить в памяти, как это случилось. В мае 1942 года было начато наступление с задачей взять Харьков. К 20 мая мы продвинулись от Алексеевки до Дудковки, отбив ценою громадных потерь Берски, Западенный, Климентьевку, Пасики (прошли более 20 км за 8 дней).

С 20-го происходит какое-то замешательство — мы переходим в оборону. В это время нас окружают. 25 мая рано утром в беспорядке отходим назад, для того чтобы прорваться на Ost. К 26 мая в районе сел Красивое и Веселое скопилось море машин, обозов, артиллерии, людей. Командовать некому! В 6 утра мы бежим, как бешеные, на восток, пытаюсь прорваться. И тут началось то, что описать трудно. 26 мая в сумерках нас с Зиной, моей медсестрой, измученных и обессиленных, захватили в плен. На второй день, в день моих именин, началось этапное передви-

жение пленных. Лечебники и новые врачи, которых страшно много, работают, оказывая помощь раненым. Раненых тысячи...

Следующий этап — в Малиновку, затем в лагерь военнопленных г. Лозовая. Здесь я расстался с Зиной. Мне ее очень жаль: она была доброй и чуткой девушкой. Я попрощался с ней в надежде увидаться вновь. Но этому, по-видимому, не суждено случиться.

Дальше — Павлоград. Из Павлограда — в Запорожье, в лагерь. Здесь карантин и работа по специальности. 20 человек нас, врачей, выстроили и нескольких отобрали. Переводчик сказал, что нас будут отправлять в Германию. Делать нечего...

Нас перевели в лазарет военнопленных. Сейчас мы, группа врачей, сидим под охраной в ожидании чего-то нового. Может быть, мы будем отправлены в Германию, а может — в Италию, никто не знает. Говорят, якобы на днях куда-то увезут. Важно одно — не заболеть. Мои коллеги сидят здесь по 9–10 месяцев. Что нас ждет впереди как пленных, трудно себе представить. Плен остается пленом...

...Мне ужасно хочется видеть моего Витусика, но где он, крошка?..

Сейчас, будучи пленным, я имею единственное занятие — вспоминать прошлое. И мало думать о будущем. Я невольно задаю себе вопрос: был ли я счастлив за мои 29 лет? Счастья я не видел, за исключением некоторых отрезков времени, да и его, по сути, нельзя назвать счастьем. За 29 лет я испытал все, кроме счастья. Все! Я смотрел в глаза смерти и только по счастливой случайности, каким-то провидением я остался жив. А сейчас я говорю, что, к несчастью, я остался жить.

29.VI.42. Второй месяц в плену. Тоска по свободе неизбежна. Голодно и тоскливо. Нас 10 врачей, и только это до некоторой степени облегчает нам плен. В лагерьной больнице есть больные и раненые, но наша работа бесполезна: основным лечением тут должна быть пища...

Выезд в Германию по каким-то причинам отменен. Ждем чего-то нового.

2.VII.42. Дни проходят очень медленно. Газетных сведений никаких нет, они недоступны. Сегодня стало известно о падении Севастополя. Среди нас столько разговоров об этом. И о еде. Сегодня еще присоединилось желание курить. Курить нечего.

И такая тоска. Невыносимая тоска. Правда, можно немного читать. Но когда томит неизвестность и постоянно хочется есть, читать трудно. Но я перечитал «Капитанскую дочку», «Подорож в Берлин», «Богдан Хмельницкий». Пытаюсь рисовать (вспоминаю старое занятие). Очень тоскую по своим прежним коллегам.

6.VII.42. Вчера в сопровождении полиция нас отпустили на базар (купить лука и редиски). Ходил Д. Дубейковский, Л. Кула и я. Прошел немного, но после ходьбы чувствую ужасную слабость.

В субботу переводчица попросила меня нарисовать ей портрет с фотографии. За это мне досталось полбуханки хлеба. Я был очень доволен, т.к. смог поесть как следует. Старое ремесло пригодилось! Нарисовал второй портрет — для переводчика. За это он мне дает закурить.

Завтра переезжаем в новый лазарет. Я назначен в хирургическое отделение с Д. Дубейковским.

7.VII.42. Стало известно о падении Воронежа. Меня терзает мысль о том, где находятся Виталик и Маруся. Если бы они сумели попасть в Лиман или Изюм. Что будет с Раей?..

9.VII.42. Итак, мы в новом госпитале для военнопленных, врачей поместили отдельно. Тот же конвой, или стража, как ее зовут. Питание ухудшилось. Дают

300 г хлеба в день, утром — баланда из ржанных отрубей, то же и в обед. Вечером — баланда. Разговоры и мысли только о еде.

20.VII.42. Не было ни одной ночи без сновидений. Сегодня видел сон, как будто мы, я и Виточка, купались в бане. Сон был красочный и близок к реальной действительности. Мне кажется, что мой сыночек Виточка болен...

Жизнь моя проходит сравнительно спокойно, т.е. нет размышлений ни о чем другом, кроме как об исходе войны, о семье и — о еде.

Три дня назад узнали, что после сильных боев пал Ворошиловград (*Луганск. — Е.Г.*). Большая половина города горит... Вчера мы с доктором Минником под конвоем были отпущены к знакомым фельдшера Шуры (она упросила немецкого начальника о разрешении), которая решила нас подкормить. Нас там накормили обедом. Народ в Запорожье какой-то безучастный. Удивительно, как ведут себя женщины — гуляют напропалую с немецкими офицерами, забыв о том, что у них есть мужья. Нравственность утрачена...

25.VII.42. Вчера стало известно о падении Ростова. Сегодня немецкое командование сообщило о взятии Новочеркасска... Ходят слухи, что Англия и Советский Союз оккупировали Турцию...

17.VIII.42. Вот уже месяц, как я не писал. Да и о чем писать? Живу по-старому. Работаю в хирургическом отделении. Много интересного, но его не запишешь. Сегодня был инцидент: больной принес хлеб начальнику — показать, как это мало. Пожаловался! За это получил хорошую порку...

Я стал каким-то пустым. Медицинская работа перестала меня вдохновлять, как раньше. Без лекарств и медицинского материала от нее мало смысла.

Для души рисую в свободную минуту. Нарисовал портрет Маруси и Виталика... Рисую картинки разные и портреты. За это мне дают кто хлеба, а кто курить.

Говорят о 2-ом фронте...

6.X.42. Сегодня исполняется 4 года моему любимому сыночку Виточке. Вчера я в дружеской беседе рассказал о нем коллегам. Как больно мне переносить разлуку с сыном и женой!

18.X.42, воскресенье. Исполнилась годовщина, как я получил направление в 975СП253 с.д. — был переведен из авиации в пехотную часть.

29.X.42. Сегодня я видел во сне Марусю — такой, какой ее помню 4 года назад. Она угощала меня яблоками. Этот сон еще острее заставил вспомнить о прошлом...

В плену жизнь стала еще тяжелее. Нас предупредили, что в силу известных обстоятельств Международная конвенция Красного Креста на нас не распространяется, а потому при малейшем поводе нас, врачей, отправят на тяжелые физические работы.

По специальности работы очень много, но до конца ее довести нельзя. Вернее, невозможно полностью использовать все свое умение — из-за отсутствия необходимых лечебных средств...

19.XI.42. Меня перевели работать на плотину. Врачом.

24.XI.42. Я заболел, температура 40 градусов. Послали в лагерный лазарет.

19 декабря. Что-то со мной творится неладное после болезни — тоска овладевает мною. В последнее время я начал выходить из рамок нервного статуса. Сердце мое все чаще напоминает о себе. Я опасаясь, что декомпенсация не за горами.

Сегодня я проснулся в подавленном состоянии — снились сын и жена. Я как-то причинил ему боль, он падал. Я стоял на краю высохшего Дона, у пропасти, заполненной водой...

За последние 20 дней не выходил из помещения ни разу. Отвлекаюсь тем, что рисую. Рисую сына, жену, пейзажи. Детально ознакомился с произведениями Байрона, Жуковского; читаю Пушкина. Прочитал несколько современных романов. Сейчас читаю «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Так проходят дни за днями. Боюсь заболеть. Изредка заходят друзья — Минник и Дубейковский. Мои здешние коллеги Завьялов и Королев стали безучастными и апатичными. Может, если буду жив, и со мной то же будет?!

...Вспоминаешь о прошлом и больше думаешь о будущем. Что нас ждет?

28 декабря 1942.

Я еще в 1-м лазарете. Есть, или вернее — была возможность вернуться к своим товарищам, но... Волокиты много, а ходатайствуют только В. и С. Иван Петрович, по-видимому, не хочет этого: он правды не любит. 2 января ухожу в лагерь, а там видно будет.

Занимаюсь гравюрой и живописью. Если останусь жив, это поможет мне в жизни.

...Сильно похудел, одолевает слабость. За месяц только однажды удалось выйти на воздух. Сажу как бы в одиночке. Сегодня за все время растопил, так проклятые клопы ни лежать, ни спать не дают.

Через 3 дня Новый год. Что нас ждет впереди?

31 декабря 1942 г.

Новый год встречаю так: из 4 рукавов от шинели и двух портянок поставил себе на шинель «мех», иначе замерзаю. Позашивал все дырки на своей одежде. Обеденную баланду оставил на вечер, а она прокисла. Новый год ничего хорошего не обещает...

Итак, пережитое в 42 году уже не вернется, а 43-й себя покажет.

3.I.43. Иду в лагерь.

16.I.43.

Живу в лагере. Работаю на пропускнике: вылавливаю температурных больных. Термометра нет. У наших пленных много вшей. Вот уже третий врач заболел сыпным тифом. Если и дальше буду там работать, то тифа мне не избежать. В оставшееся от работы время стараюсь добыть что-то из еды (пшеницу, картофель).

Февраль.

Работаю в амбулатории хирургом. Очень большие и интересные события (*разгром фашистов под Сталинградом. — Е.Г.*).

25.III.43.

Пленных косит сыпняк. Живу с товарищем, больным тифом. Он замечательный парень, понемногу выздоравливает. Сейчас в сыпняке лежат трое врачей. Сегодня и я тоже нездоров: температура, диарея, головная боль. Если только сыпной тиф, то это очень плохо, так как у меня порок сердца.

14.IV.43. Сегодня меня отправляют работать хирургом во 2-й лазарет.

19.IV.43. Три дня тому я виделся с Ив. Дм. Дуб. и доктором Богоявленским. Их арестовали и отправили из лазарета в лагерь.

На второй день по прибытии в лазарет меня навестила Шура. Последний раз я видел ее в декабре 1942 г.

22.IV.43. Вчера был пойман Завьялов, который ушел из лазарета во время болезни. Сегодня его допрашивали...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На этом записи в дневнике Николая Куприяновича Гусаченко прерываются. Очевидно, это свидетельствует о его гибели. Умер от истощения? Сгорел в сыпняке? Был расстрелян? Ответа мы никогда не получим, тем более что свидетелям уже давно за сто лет... Обстоятельства кончины военврача Н.К. Гусаченко семье тоже неизвестны. Отец (*Куприян Иванович Гусаченко, работник вагоноремонтного завода в г. Изюме Харьковской области. — Е.Г.*) получил извещение о том, что сын пропал без вести в июне месяце 1942 года. Долгие годы он надеялся на чудо, как и его дочери, любимые сестры Николая — Варя и Рая. Продолжалось это до тех пор, пока Мария Тарасовна, вдова Николая Куприяновича (врач одной из поликлиник Львова), не получила письмо от неизвестной женщины из Запорожья. Есть веские основания предположить, что это была фельдшер Шура, упоминаемая в дневнике, выжившая в лагере и сохранившая блокнот с рисунками и собственно этот дневник военврача. Письмо было отправлено ею в г. Красный Лиман Донецкой (*тогда Сталинской. — Е.Г.*) области, по адресу родителей жены: Николай Куприянович, сообщая адрес, был уверен, что жена и сын после войны туда вернутся. Мария Тарасовна поехала на встречу с той женщиной, которая и передала ей то, что осталось после гибели мужа. Однако ни отец, ни сестры не были информированы об этом событии, что впоследствии вызвало понятное недоумение у родных. Только накануне кончины матери сын получил дневник отца и блокнот с его живописными работами.

Сын Виталий, ставший образцовым офицером, бережно хранил дорогие сердцу семейные реликвии. В 70-е годы прошлого века он служил на Дальнем Востоке, в последние годы жизни — в Белоруссии. Создал хорошую семью, вырастил дочь и сына: Михаил — талантливый программист, а Татьяна, к слову, по стопам деда пошла в медицину. Однако Виталий унаследовал отцовскую болезнь и скоропостижно скончался, едва отметив 60-летие.

Раиса Куприяновна (кандидат филологии, доцент престижного вуза, автор многих статей и учебных пособий, создатель востребованной книги «Поэты о русском языке», выдержавшей несколько изданий) свято хранила память о любимом брате. Она сберегла в своем архиве письма и фотографии Коли и до конца жизни (2008 г.) рассказывала детям и внукам о его доброте и заботе, которую брат проявлял даже в тяжелых условиях войны. Об этом свидетельствуют его письма «крепко любимой сестре Раечке». Когда младшая дочь родила мальчика, Раиса Куприяновна упросила ее дать внуку имя брата. Дочь согласилась. Теперь Николай — блестящий инженер-компьютерщик.

...После войны Раиса Куприяновна пыталась возобновить контакты с семьей брата (она нянчила племянника в его младенчестве, пережила с Виталиком и Марусей несколько месяцев эвакуации), но Мария Тарасовна уклонялась от контактов. Только после ее смерти тете удалось встретиться с Виталием. Она познакомилась с его женой и детьми, съездила к ним в Белоруссию, а они приехали к нам в Воронеж. Вот тогда Раиса Куприяновна и узнала, что существуют бесценные свидетельства последних месяцев жизни брата — блокнот с рисунками и дневник. Она переписала его от руки и присоединила вместе с блокнотом к письмам и фотографиям.

Пусть сегодня, накануне великого юбилея, читатель перевернет эту страницу памяти о минувшей войне и познакомится с судьбой еще одного солдата — жертвы Харьковского «котла», поглотившего многие тысячи бойцов Красной Армии...

Сергей Евгеньевич Луценко родился в 1980 году в городе Павловске Воронежской области. Окончил Современную гуманитарную академию и Воронежский государственный аграрный университет. Работал машинистом, оператором, слесарем, юристом, журналистом, мастером, преподавателем. Публиковался в журналах «Подъём», «Берега», «МолОко» и др., многих интернет-изданиях, коллективных сборниках. Автор пяти книг стихотворений, прозы, документалистики. Лауреат Исаевской премии, литературной премии «Кольцовский край», сайта «Российский писатель». Член Союза писателей России. Живет в Павловске.

Сергей Луценко

ПУСТЬ УСЛЫШАТ РУСИ ГОЛОС...

Переводы из русинский поэзии

Русины... Народ с удивительной судьбой. Сильные и настойчивые, терпеливые и открытые, жизнерадостные и дружелюбные. Самое главное, основополагающее для них — любовь к Родине.

Современные русины населяют Словакию (Прешовский край), Украину (Закарпатская область), Сербию (Воеводина), юго-восток Польши. Часть русинов проживает в Венгрии, Румынии, Чехии, Хорватии, США, Канаде, Австралии, России... Всего их более полутора миллионов человек. Русины подразделяются на этнокультурные группы: бойки, лемки, подольне, гуцулы, покутяне, верховинцы, долиняне и другие. Ныне две трети русинов Закарпатья являются православными, а остальные — грекокатоликами.

В качестве русинского литературного языка долгое время использовался церковнославянский с многочисленными вкраплениями, так называемое «язычие». С середины XIX одни представители русинской интеллигенции стали внедрять русский язык, другие украинский, третьи пытались образовать литературный русинский язык на народной основе. В настоящее время существуют разные варианты русинского языка...

Но самое главное, пожалуй, то, что, невзирая на многолетние испытания и беды, эти люди упорно именуют себя «русские, русские, руснаки, русины» и видят себя частью общерусской цивилизации. Они считают себя малой, но необходимой ветвью великого, вечного славянского древа, которое, несомненно, переживет все топоры и бури...

Антоний Могильницкий

* * *

Соловей, пришли минуты, —
Щебечи, как встарь, — ты знаешь:
Распустился отчий гай!
Не унизишь песнь ничью ты,
Никому не помешаешь,
Смело, братец, запевай!

Отошла зима лихая,
Что царила, грудь сжимая,
Вольно дышится — весна!
Всюду нежный дым соцветий,
Милые русинов дети
Неужель в тенетах сна?

Было: в клетке окаянной
Горло сжали те, кто в силе,
Все ж ты думал, щебетал;
А теперь замок открыли,
Волен ты — позорно, странно,
Чтобы кто-то дальше спал!

Прилети на луг старинный,
Сядь на куст родной калины,
Думой горло ты настрой:
Если веришь в свои силы,
Если любишь край свой милый,
Не охрипнет голос твой!

Солнце встанет, песне радо,
Будет в золоте природа,
Сгинет затхлая вода,
А те жабы, что когда-то
Верещали про невзгоды,
Вдруг исчезнут без следа!

Могильницкий, Антоний Любич (1811–1873) — поэт, писатель, общественный и политический деятель. Писал на язычии.

Маркиан Шашкевич

СЛОВО К МОЛОДЫМ ПОЧИТАТЕЛЯМ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Протяните руки, други,
Сердце к сердцу устремите;
Хоть терзают нас недуги,
Ум желаньями крепите.
Разом, разом, во все силы,
Из Руси гоните беды;
Чтобы зависть не сгубила,
Живо к свету, други, к свету!

РУСКАЯ РЕЧЬ

Фрагмент

Мать нас руская рожала,
Мать нас руская качала,
Мать нас руская любила:
Что ж ей наша речь постыла?
Отчего же, на смех людям,
Мы чужое вечно любим?

Яков Головацкий

СРЕЗНЕВСКОМУ² ПО СЛУЧАЮ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В УЖГОРОДЕ И ЛЬВОВЕ

Руский с руским повстречался,
Руский с руским обнимался...
Хоть и с дальней Украины,
Мы сыны семьи единой,
Мы один другому брат!
Час настал, русинов дети,
Гнать долой тоску столетий!
Укрепимся песней милой,
Попытаем наши силы, —
Все пойдет на лад!

Шашкевич, Маркиан Семёнович (1811–1843) - галицкий поэт, писатель, переводчик, публицист, фольклорист. Один из основателей и идеологов «Русской троицы» – литературного кружка, стоявшего у истоков русофильского и украинофильского движений в Галиции. В 1836 году открыто выступил против использования греко-католической церковью латиницы вместо кириллицы.

¹ Первые «будители» Галиции (от «*будить народ*») называли свой язык «рус-ким» (т.е. русинским). При этом они также именовали «русским» (с двумя буквами «с») собственно русский язык.

² **Измаил Срезневский (1812–1880)** — знаменитый филолог-славист.

Александр Павлович

ДУМА КАРПАТОБОРЦА

Русь, родительница, свете
Милый, драгоценный,
Научи своей душевной
Думе сокровенной!
Умоли Отца вселенной
Дать мне вдохновенье,
Чтобы удостоен был я
Вышнего прозренья;
Чтобы вещей Руси лира
Верою дышала,
Истиной святой певучей
Сердца пронизала;
Чтоб Руси родные чада
От сна пробудились,
О любви, надежде, вере
Горячо молились.
Русь, о мать, семьей единой
Помолись с сынами,
Чтоб мы истину вещали
Сердцем и устами.
Пусть услышат Руси голос
Разные народы,
Пусть для всех племен сияет
Свет святой свободы,
Согревает непрестанно
Племена земные,
Чтоб Творцу они явили
Плоды дорогие.
Освяти же, Боже, струны
Нашей лиры славной,
Чтоб свет западу открылся
Веры православной!

Иван Гушалевич

МИР РУСИНАМ

Мир вам, братья, всем приносим,
Мир — то наших предков знак,
Мира мы у неба просим,
И богатый, и бедняк.

Павлович, Александр Иванович (1819–1900) — русинский, украинский и словацкий поэт, публицист, писатель, издатель, фольклорист, этнограф, юрист, общественный деятель. Лучшие произведения написаны на шарышском наречии лемков, с элементами язычия.

Гушалевич, Иван Николаевич (1823–1903) — галицко-русский поэт, писатель, драматург, журналист, издатель, педагог, политич. деятель. Писал на язычии.

Все протягивают руку,
Каждый, братья, здесь любим;
Помогая все друг другу,
К общей цели поспешим!
Что нам ныне за препоны?
Всё исчезло, пробил час!
Дальше мирно и упорно
Всё во имя Божье, враз!
Мир вам, дети Руси милой,
И добро родным домам!
Соберите, братья, силы,
Счастье, счастье будет вам!

Юлий Ставровский-Попрадов

К МОЕМУ НАРОДУ

Все сыны народа, встаньте,
Одолейте долгий сон,
Над собою перестаньте
Погребальный ширить звон.

Встаньте, пастыри народа,
Слуги Господа Христа,
В ад не дайте стаду хода
Сквозь невежества врата!

Слово, дело укрепляйте —
Сейте всюду знания свет,
Жертвами освобождайте
Свой народ от сонма бед!

В путь, учителя, свободно!
Вам вручен народа цвет,
К цели новой, всенародной
Пролагать должны вы след.

Встаньте, все сыны народа:
Встань, ученый, встань, поэт! —
И созреет плод работы,
Оживет народ в ответ.

Встаньте, матери святые,
Русских деток воспитать!
Близьте, дочери родные,
Русской жизни благодать!

Встаньте все! Ночной невзгоде
Не подвластны зори дня.
Приступить пора к работе,
Встать из векового сна.

Ставровский-Попрадов, Юлий Иванович (1850–1899) — поэт, этнограф, лингвист, историк. Один из ярчайших представителей русофильского направления в литературе закарпатских русинов. Печатался в русской прессе Закарпатья, в Российской империи.

Елена Викторовна Антонова родилась в городе Магнитогорске. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН, член группы по подготовке Научного собрания сочинений А. Платонова, хранитель фонда А. Платонова в Отделе рукописей Института мировой литературы РАН. Живет в Москве.

Елена Антонова

«ЕСЛИ ПИСАТЕЛИ ВЫПОЛНЯТ СВОИ ОБЕЩАНИЯ...»

(Срез литературной жизни в переписке
Вячеслава Полонского и Николая Замошкина)

Данная публикация представляет читателю переписку главного редактора литературного журнала «Новый мир» Вячеслава Павловича Полонского (настоящая фамилия Гусин; 1886–1932) и редактора отдела прозы того же журнала Николая Ивановича Замошкина (1896–1960). Пожалуй, в настоящее время Полонский — один из самых известных редакторов «Нового мира» — уже не нуждается в особом представлении, тогда как литературный критик Замошкин до сих пор остается недооцененным. Зачастую перегруженный чтением чужих рукописей, сам он при жизни выпустил единственный сборник статей, далеко не полностью представляющий его критическое наследие. Между тем Замошкин обладал бесспорным литературным чутьем; в частности, он сразу обратил внимание на вторую прозаическую книгу («Сокровенный человек», 1928) еще «невидимого» для крупных критиков Андрея Платонова. По роду своей деятельности Замошкин переписывался со многими писателями и литераторами, но не случайно на протяжении долгих лет одним из постоянных его адресатов оставался другой в своем роде «сокровенный человек» — Михаил Пришвин. В биографии Замошкина, уроженца города Каля-

Вячеслав Полонский

зина, обнаруживаются, кстати, любопытные связи с Воронежским краем: его жена Ольга Николаевна (урожденная Рыкова) происходила из села Белогорье, куда и сам Замошкин периодически приезжал еще в середине 1920-х годов.

Обмен публикуемыми письмами происходил в августе — сентябре 1929 года, — в это время Полонский воспользовался возможностью отдохнуть на Кавказе и в Крыму, а Замошкин, почти в одиночестве, вел текущую редакционную работу в Москве. Письма, сохранившиеся в личных архивных фондах Полонского (РГАЛИ. Ф. 1328) и Замошкина (РГАЛИ. Ф. 2569), впервые соединены вместе, благодаря чему перед читателем предстает хотя и небольшой, но весьма красочный срез литературной жизни второй половины 1929 года, участниками которой являются И. Бабель, А. Воронский, Л. Леонов, Ю. Олеша, Б. Пильняк, А. Платонов, А. Толстой, А. Фадеев, К. Федин и многие другие.

Составляющие этой жизни — воплощенные и нереализованные творческие замыслы, литературные дискуссии и побоища, административные мероприятия Союза писателей... Редакционные архивы рубежа 1920-х — 1930-х годов сохранились крайне фрагментарно, что придает особую ценность выявленным документам. Помимо прочего, переписка является своеобразным дополнением к уже опубликованному дневнику Полонского «Моя борьба на литературном фронте» (Новый мир. 2008. № 1–6; издание доступно по адресу: https://magazines.gorky.media/novyi_mi).

В качестве дополнения к единому блоку писем (1–8) добавлена редакционная записка более позднего времени (9), содержащая упоминание об утраченном произведении Платонова, прошедшем в конце 1929 года через редакцию «Нового мира».

Несмотря на доверительный тон общения, в письмах Полонского и Замошкина явственно ощущается оттенок служебной субординации, и тем драматичней на этом фоне выглядит не столь отдаленный финал их взаимоотношений. Из дневника писателя Ивана Евдокимова можно узнать, что желающих проститься с Полонским на его похороны 4 марта 1932 года было немного: «Народу было, говорят, очень мало. Да так это и должно быть: критиков никогда не провожают тысячи. Кроме того, наш брат писатель, напуганный снятием Полонского с поста редактора, а особенно едкой неприязнью к Полонскому рапповцев, не рискнул даже произнести надгробное слово. Говорили на гражданской панихиде, кто хотел — граверы, <нрзб>, а писатели нет, как будто Полонский никогда не имел никакого отношения к литературе. <...> Громаднейшее количество писателей прошло через редакционное внимание Полонского, многим из них он сделал карьеру. Все забыто. <...> На меня произвели жуткое впечатление два автомобиля, стоявшие на дворе клуба «Федерации»: первый был перегружен трубами музыкантов, на втором — гроб. И вот оба автомобиля понеслись на кремацию и в одно мгновение скрылись из глаз» (РГАЛИ. Ф. 1246. Ед.хр. 140. Л. 133 об.). Так уж сложилось, что позже, около 10 часов вечера, Замошкин «вез один в автомобиле теплую урну с прахом Полонского в клуб» (Там же).

Письма печатаются по современной орфографии; сокращения раскрываются в угловых скобках, также в угловых скобках указывается, в случае отсутствия, условная дата письма и приводятся сомнительные случаи прочтения; неразборчи-

вые слова обозначаются сокращением <нрзб>. Журнал «Новый мир» в комментариях обозначается условным сокращением — НМ. Алфавитный указатель лиц, упомянутых в письмах, помещен в конце публикации.

<1>

ПОЛОНСКИЙ — ЗАМОШКИНУ

Теберда, 5 авг<уста> 1929.

Дорогой Николай Иванович! Вы, вероятно, на работе, а В<ера> К<онстантиновна> и Н<иколай> П<авлович> в разъездах. Что хорошего? Напишите мне, есть ли что-ниб<удь> интересное.

Я писал и Попову, и В<ере> К<онстантиновне>, чтобы мне прислали корректуру моих заметок «Проблемы литературы»¹ — необходимо было внести исправл<ения> — но корректуры нет. Что это значит? Напишите мне — почему кор<ректуру> не послали².

Попов июльскую книгу выпустил безобразно: ни Фадеева, ни Чехова (портретов) нет³. Объявление о моих книгах я дал ему для августовской книги — он сунул в июльскую. Безобразие!

Здесь — сказочно хорошо. Вот куда надо ездить отдыхать. Но жара — 45 — на солнце (R)⁴. Многие <нрзб> экскурсии.

Как В<асилий> И<ванович>? Есть ли новые рукописи? Пишите. Привет всем. Руки жму.

Адрес: Сев<ерный> Кавказ, Курорт Теберда, ЦЕКУБУ⁵.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед.хр. 339. Л. 8. Открытое письмо; на московском почтовом штемпеле дата: 10 августа.

1. Речь идет о статье Полонского «Проблемы литературы. Кого же, наконец, считать крестьянским писателем?». Опубл. в НМ № 10, 1929.

2. Сохранилось написанное В. Белоконь письмо Полонскому (от 10 августа), из которого следует, что открытка редактора с просьбой о присылке корректуры была получена 1 августа, и тогда же гранки были высланы (РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед.хр. 163. Л. 1 об.).

3. Публикация портрета Чехова планировалась, вероятно, в связи с 25-летием смерти писателя.

4. Указание на шкалу Реомюра ошибочно, в этом случае температура составила бы 56°С.

5. Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК СССР.

<2>

ЗАМОШКИН — ПОЛОНСКОМУ

<Москва, 12 августа 1929>

Дорогой Вячеслав Павлович.

Вот уже 10 дней, как я вернулся из отпуска, а в редакционном портфеле почти ничего не изменилось. Такая тишина стоит, что чувствуешь себя не секретарем редакции, а научным сотрудником, что ли... Слегка возмутил воду очерк Ляшко (принес для покрытия аванса)¹: индустриальные южные города с высоты птичьего полета — из кабинки аэроплана. «Кузница» начинает летать² — это симптоматично! Вас<илий> Иванович сдал его в набор. По-видимому, уверен в Вашем одобрительном отзыве, поэтому и не послал его Вам на санкцию.

Кое-что я раскопал в самотеке. Лично я стою за принятие «Музыкальной лавки»³. Автор ее — молодой человек. Рассказ довольно архаический, но талантливый. Кофанов мне не понравился: перепевы, перепевы...⁴ Рекомендованный Ал<ексеем> Толстым рассказ Новодворского⁵ имеет особую, т<ак> ск<азать>, отрицательную ценность. Читается легко. В нем есть единство стиля и замысла, но и

это все не ново. Выбирайте, Вячеслав Павлович, и не судите очень строго. Нужен нам хотя бы маленький запас на черный день.

Жду от Караваевой, Сейфуллиной, Огнева, Малышкина. Наверно, не подведут.

Пачка стихов Фиша и Соловьева находится у Зенкевича⁶. В пятницу он принесет отзыв, и если окажутся среди них достойные напечатания, то Вы их получите.

В октябрьской книжке беда у нас будет со статьями на тему о современной литературе. Если Вы ничего не дадите, то, кроме устаревшей заметки Поступальского о Хлебникове⁷, ничего там не будет. Выручайте, Вячеслав Павлович. Хотя это с моей стороны эгоистично: Вы ведь в отпуске, на отдыхе, а я говорю о работе, да еще срочной. Впрочем, Вы, как я слышал, пишете книгу? Значит, разбавляете свой отдых работой? Не стоило бы этого делать.

Корректуру от Вас получили. Она пошла в дело. Вас<илий> Вас<ильевич> кончает верстку. Скоро номер выйдет⁸. Как будто номер первоклассный. Объявления будут даны в срок⁹.

Вас<илий> Вас<ильевич> скорбит о случившемся, т.е. об отсутствии в июльской книжке портретов¹⁰. Он очень удручен.

Долго ли пробудете в Теберде? Когда отправитесь в дальнейшее путешествие?

Прочел Вашу статью о Фадееве¹¹. Вы в очень простой и ясной форме поставили все нужные точки и запятые в творчестве Фадеева. Очень мне понравились Ваши суждения о границах и понимании литерат<урного> влияния, в данном случае Толстого на Фадеева.

В<асилий> И<ванович> тут сказал, что боевая у Вас вышла статья о читателе¹². Тема эта мне очень близка, правда в ее психологическом значении, гл<авным> обр<азом>, но и вопрос об «иммунитете»¹³ (неловко и противоречиво его коснулся недавно М. Горький) тоже интересует.

Приехала из Парижа В. Дынник. Выглядит настоящей француженкой. Закончила монографию об А. Франсе, куда вошли даже неопубликованные материалы. Французы взялись ее издавать. Она хлопочет и у нас об издании¹⁴. Может дать нам очерк о Париже, но... если мы напечатаем ее «Берлин». Вяч<еслав> Павлович, не мешало бы, ради справедливости, включить «Берлин» в октябрьскую¹⁵?

Пакентрейгер обещался дать очерк об Электрозаводе московском. Я думаю, что он у него выйдет, судя по предыдущим выступлениям его в роли очеркиста. Собирается он также писать о «Девках» Кочина на 1/4 п<ечатных> л<иста>¹⁶. Как Вы думаете? По-моему, не мешает.

Липатов по своей инициативе прислал несколько измененный текст «Жидкого воздуха»¹⁷. Изменения совершенно не существенные. Я их перенесу в гранки, чтобы Вы, по приезде, сразу могли войти в суть. Должен сказать, перечитывая этот рассказ, я остался в лучшем настроении, чем прежде. Правда он варьирует истрепанную тему о туманном и зыбком Петербурге, но не получается надоедливо.

Я сейчас почитаваю Шагинян: все, что она написала¹⁸. Пестрое создается впечатление. Лучшее у нее — очерки. Она — чистейшая прагматистка (термин, вышедший из употребления, но точный в применении к ней). Читаю урывками, ибо весь в тяжелейших домашних условиях нахожусь и, можно сказать, погибаю. Отпуск провел безотлучно с сынишкой (нет няни), в деревне, очень скверной, под Москвой. От деревни осталось твердое впечатление: ее надо переломить, потому что она изжила себя и подсекла себя в самый корень. То, что она рычит и скулит, это пустяки. Она сама знает, что по-старому жить невозможно. Она ждет, огрызаясь, твердой руки хозяина, большевистской воли.

Для меня самого это было открытием.

Имею сейчас дерзкую мысль издать сборничек своих статей в «Федерации»¹⁹. Идти туда боязно.

Видел Ценского (он сейчас уехал к себе в Алушту)²⁰. Обижается, что Вы ему не ответили на письмо. Но это так, мимоходом. Он стал благодуще и имел успех в Москве среди писателей.

Простите за длиннущее <sic!> письмо. Желаю Вам горячо здоровья, отдыха и успешных работ (если Вы уж решили работать).

О всем дальнейшем буду сообщать незамедлительно. Вас<илий> Ив<анович> занят партработой.

Ваш Н. Замошкин.

P.S. Я выиграл 50 руб. по Моссовету²¹!

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед.хр. 178. Л. 10–12. На конверте (Там же. Л. 13) почтовый штемпель с датой отправки: 13 августа. Датируется условно.

1. Очерк Ляшко «С дорог без вещей» был опубликован в *НМ* № 10, 1929. Использованный Замошкиным образ «возмущенной воды» заимствован из евангельской притчи о расслабленном.

2. Здесь шутливо обыгрывается принадлежность Ляшко к литературной группе «Кузница».

3. Сведения о данном произведении и его авторе не выявлены.

4. Публикация не состоялась.

5. Неустановленное лицо; публикация не состоялась.

6. Публикации не состоялась.

7. Статья Поступальского «О первом томе В.Хлебникова» была опубликована в *НМ* № 12, 1929. 1-й том пятитомника Хлебникова вышел в 1928 г.

8. № 8–9 *НМ* вышел из печати в первых числах сентября, см. извещение от 4 сентября в газете «Известия».

9. Речь идет об анонсах № 8–9 *НМ*.

10. См. письмо 1.

11. Речь идет о статье Полонского «Очерки современной литературы. О Фадееве» в *НМ* № 7, 1929.

12. Речь идет о статье Полонского «О читателе и теории “иммунитета”», вошедшей в *НМ* № 8–9. К описанию собственного впечатления от статьи Замошкин вернулся в письме 6.

13. Под «иммунитетом» подразумевалась способность представителей пролетариата классово правильно воспринимать произведения буржуазного искусства.

14. Книга Дынник «Анатоль Франс. Творчество» была выпущена ГИХЛ в 1934 г.

15. «Письмо из Берлина» Дынник было напечатано в *НМ* № 1, 1930.

16. Роман Кочина «Девки» вышел отдельным изданием в начале 1929 г. и в последующем был неоднократно переиздан; отзыв Пакентрейгера о романе был напечатан в *НМ* № 11, 1929.

17. Публикация не состоялась.

18. Результатом погружения в творчество Шагинян стала статья Замошкина «Писатель-универсалист. Мариэтта Шагинян» в *НМ* № 12, 1929.

19. См. прим. 4 к письму 5. «Федерация» — издательство Федерации объединений советских писателей (ФОСП), созданное в 1929 г. на базе нескольких кооперативных издательств.

20. Сергеев-Ценский жил в Алуште с 1906 г. и появлялся в Москве лишь наездами для решения дел, требующих личного участия; состоял в многолетней переписке с Замошкиным. Описанная встреча произошла сразу по возвращении Замошкина из отпуска, об этом упомянуто также в письме к М. Пришвину: «Вот сижу два дня в редакции, а уже не узнаю себя: ужасное опустошение своего “я” чувствую от литературного распутства. <...> Видел

Николай Замошкин

я Ценского вчера (он был в Москве), его с помощью Горького реабилитировали по всем статьям. Вот это Горький! Литератур<ный> инспектор индустрии!» (РГАЛИ. Ф. 1125. Ед.хр. 1027. Л. 14 об.).

21. Речь идет о выигрыше в лотерею.

<3>

ПОЛОНСКИЙ — ЗАМОШКИНУ

Теберда, 20/ VIII <1929>.

Дорогой Николай Иванович, здравствуйте! Получил сегодня Ваше письмо и бандероль. Очень жалею, что Ваше лето прошло зря и Вам не удалось отдохнуть как следует. М<ожет> б<ыть>, удастся Вам выкроить дополнительный отдых этой осенью или зимой? Подумайте, если надо, это можно будет сделать, в кр<айнем> случае с помощью врача. Ваше здоровье ведь не ахти!

Я отдыхаю, много хожу по горам, с ночевками в палатках и даже под открытым небом. Как здесь хорошо, кабы вы знали, Н<иколай> И<ванович>! Много я видал красот — я ведь Кавказ порядочно знаю — но такой природы, как здесь, не видел. <Нрзб> <здесь> озера Муруджи, на высоте 2850 метров, окружены снегами вечными — поверите — рассказать нельзя, до чего это изумительно. Во сне, в сказке — да и то не всегда — можно только встретить такую красоту. Здесь курорт среди высоченных хребтов, покрытых вечным снегом и льдами — почти ежедневно экскурсии, есть база для туристов, проводники, лошади. Много езжу верхом, еще больше хожу — в весе я убавился пока на 2 кило. — По Крыму думаю навестить.

Не работаю — не хочется. Читаю не много. Ничего не хочется думать. И утомление, и некоторая пресыщенность «духовной пищей» сказываются в этом равнодушии к труду, без которого я все-таки жить не могу.

Рукописи, что Вы прислали, прочитаю в Крыму. Уезжаю отсюда 25 августа, так что дальнейшую корреспонденцию адресуйте: Крым, Кореиз, Гаспра, дом отдыха ЦЕКУБУ. Мне приятно, что моя статья о Ф<адееве> Вам понравилась¹. Я лично ею недоволен: я ее не писал, а выжимал из себя. Признаюсь — писать было очень трудно, так как Фадеев дает очень мало материала для критики, все это еще ученичество, талантливое, подающее надежды — но не имеющее пока самостоятельного значения. Я, мне кажется, мягко указал на то, что должен делать Ф<адеев>: это, прежде всего, стряхнуть с себя лапу Старика². Если он не сумеет этого сделать, Ф<адеев> останется навсегда подростком, которому никак не удастся подрасти. <Был бы> толк: он самый талантливый из напостов³.

Статья моя в октябре в «Н<овом> Мире» будет⁴. Она написана вчерне. По возвращении в Москву проутюжу, выправлю — и сдам.

Дорогой Н<иколай> И<ванович>! Если моя книга «Литература и общ<ество>» вышла (узнайте) — возьмите 2 экземпляра (из моих авторских) и вышлите мне в Гаспру⁵. Не забудете? Буду Вам признателен.

Журналы все имейте для меня под рукой: если понадобятся — попрошу выслать. Не понадобятся — сохраните к моему приезду.

Пишите обо всем, что может представлять интерес — если, разумеется, будет у вас охота писать.

Пока — до свидания. Руку жму крепко.

Ваш Вяч. Полонский.

P.S. Узнайте и сообщите мне адрес А.К. В<оронского>⁶. Я забыл улицу и дом.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 339. Л. 9–10.

1. См. прим. 11 к письму 2.

2. Речь идет о сильном влиянии Л. Толстого на творчество Фадеева.

3. Подразумевается принадлежность Фадеева к кругу рапповского журнала «На литературном посту». На тот момент Фадеев входил в редакцию журнала вместе с Л. Авербахом, В. Ермиловым, В. Сутыриным, В. Киришиным и Ю. Либединым.

4. См. прим. 1 к письму 1.

5. См. прим. 19 к письму 4.

6. См. прим. 20 к письму 4.

<4>

ЗАМОШКИН — ПОЛОНСКОМУ

Москва, 27 августа <1929>.

Дорогой Вячеслав Павлович.

Спасибо Вам сердечное за письмо. Слюньки <sic!> у меня текли, когда я читал Ваш восторг перед природой. Спасибо также и за пожелания. Великая сила — инерция. Вот я сейчас опять втянулся в редакц<ионную> работу и уж чувствую себя свободнее в ней, по сравнению с первыми днями после отпуска.

Это хорошо, что Вы мало пишете и гуляете, но, наверно, моменты бездумья (а ведь в них и заключается отдых, т.е. передышка) все-таки обходят Вас. Зато как хорошо издали всматриваться в то, что происходит, каков — и есть ли он — этот Гольфштрем¹ советского литерат<урного> движения.

Охотно сейчас сообщу Вам почти все, что произошло за эти дни. Ничего катастрофического, но и ничего созидательного. Все мелочи.

Начну с братьев-писателей, обещавших нам материал.

На Огнева мало надежды: пишет и продолжает «Калерию» свою лишь для «Мол<одой> Гвардии», а вот потом даст нам «Человека с пугачом»². Может быть, до ноября-декабря. И то хлеб, если это так случится.

Ив. Катаев даст нам рассказ 15 сентября, во всяком случае не позже 1 октября. В слова Катаева я верю: он еще не избалован, да и не болтлив³.

Олеша в отъезде, непродолжительном. Скоро вернется в Москву, через неделю. Его друга, растратчика своего таланта⁴, Вал. Катаева никак не могу прощупать: не то он в Москве, не то под Москвой.

П. Слетов на юге. Но мне с его слов достоверно известно (еще с весны), что он задумал большую вещь из жизни мордовской деревни первых лет революции, ездил в те края и поэтому, надо думать, повесть не скоро будет написана, имея в виду его метод работы и малую опытность в скорописи⁵.

Каравановой я послал пространное письмо. Судя по предыдущему, она ответит и не подведет. Если не ошибаюсь, она обещалась дать рассказ в первых числах сентября⁶.

Нитобурга разыскать никак не могу. Он не в Москве, а где-то.

Написал письмо Тихонову и Федину⁷. Попросил также и Лаганского досконально все узнать и выудить у них. Хотя бы стихи у Тихонова.

Об Артеме я писал Вам уже⁸. Он дает.

На днях поступит ряд обещанных очерков. Был Лидин (написал повесть и отдает в «Кр<асную> новь»⁹), который рекомендовал одного вьюношу, который дает на днях рассказ. Наверно, в Теберду после Вашего отъезда поступила рукопись Сейфуллиной и С. Маркова¹⁰. Боюсь, как бы не затерялись при пересылке к Вам. Очень интересно будет узнать Ваше мнение о сейфуллинских упражнениях на тему о гнилой интеллигенции. Переслал также Вам письмо Шагинян.

Басов-Верхоянцев пишет для нас заметку по поводу очередной халтуры Щеголева об Азефе и присовокупит др<угие> материалы о провокаторе¹¹. Я думаю, что Вы не опротестуете нашу посылку книги Щеголева Басову для рецензии?

Вышла 8-я книга «Кр<асной> нови»¹². Не читал, но выглядит бледнейшей не-

мочью. Только интересны там «воспоминания» (чистейший памфлет) «старого журналиста» (говорят, что это известная бестия О.Л. Д'ор) о «Речи» и «Дне»¹³.

Зато вот последняя книжка «Журнала для всех» выпалила всю свою злость против Вас, за Ваше «эстетство» — по поводу статьи об Олеше¹⁴. Гнуснейшая статья, подписана Голодниковым каким-то, который сам себя рекомендует пролетарием с 20-летним стажем, но боюсь об заклад, что в статье три четверти текста написаны Бахметьевым¹⁵. Журнал Вам не высылаю. Во время отдыха лучше не утруждать себя чтением подобной «критики».

Был Лаганский, справлялся о судьбе замятинского рассказа¹⁶. Он у Вас? В редакции нет никаких следов.

Читали ли вы передовую статью Волина в «Литературной» газете об опубликовании Пильняком в «Петрополисе» своего романа «Красное дерево»¹⁷? И вправду, как же рукопись попала в белое издание? Или во исполнение какого-либо старого договора автора с издательством. Если так, то наивно и легкомысленно. Я думаю, что безобиднейший и вполне советский человек Пильняк, в силу своего фрондерства, часто кажется недаленовидным политикам человеком вредным. Кстати: в «Красной» ниве напечатан отрывок совершенно безобидный, из этой повести¹⁸, и вот после статьи Волина пошли слухи и т.п.

Ваша книга «Литература и общество» пока еще печатается. Выйдет в начале сентября¹⁹. Немедленно по выходе вышлю Вам два экземпляра. Твердо надеюсь в этом случае на мою аккуратность. Адрес А.К. Воронского: Липецк, Первомайская, 60, дом Дьякова²⁰.

Простите за многоречивость в письме. Хочется в конце письма сказать о себе два слова. Я снес сборник своих статей (вышло после тщательного отбора 8 печатных листов) в «Федерацию», но встретил в лице Губера такое ироническое отношение, и даже просто некорректное, что на другой же день взял обратно²¹. Лучше самому остаться в роли издателя, не желающего печатать меня, чем ждать этого фактически. И в самом деле: «свои», т.е. Горбов, Губер (а о нем я в свое время написал малопохвальную рецензию, которую Горбов не пустил в «Красной» ниве) и Лежнев, в лучшем случае не поддержат, а другим никакого дела нет²². Взял я обратно потому что узнал наверное о провале. Мне так нужны деньги для лечения и квартиры, иначе бы я и не пошел издаваться — не досор... Нельзя сомневаться в том, что Берковский²³, конечно, опытнее меня и умнее во всех отношениях, да и тягаться с Горбовым и Лежневым я не буду: они вон даже рецензии тискают в свои книги. Пишу Вам об этом, дорогой Вячеслав Павлович, в порядке личного, товарищеского. Почему выходит так, что все меня щипают *<sic!>*. Есть на это причины, по-видимому.

Вот написал Вам об этом и жалею немножко: боюсь, что мои слова звучат жалобой. А между тем, я далек от этого мелкого чувства. Просто хотелось сказать человеку, которого считаю своим патроном и независимым в суждениях литературного порядка.

Желаю Вам здоровья и крымских интимных впечатлений. Ведь Крым намного интимнее и сердечнее Кавказа?

Ваш Замошкин.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед.хр. 178. Л. 14–16.

1. Совр.: Гольфстрим.

2. Публикация не состоялась. Роман Огнева «Три измерения Калерии Липской» опубликовался в №№ 7–10, 19–22 журнала «Молодая гвардия» за 1929 г.

3. Публикация не состоялась.

4. Шутливый намек на повесть В. Катаева «Растратчики».

5. В 1929 г. в НМ № 11 все же был опубликован рассказ Слетова «Перевозчик». С конца 1929 г. в анонсах НМ упоминается роман Слетова «Черный передел»; в итоге в 1930 г., начиная № 7, в НМ печатается «мордовский» романа Слетова «Заплатная республика».

6. См. прим. 9 к письму 6.
7. См. прим. 8 к письму 6. Письмо Федину было написано Замошкиным 26 августа, сохранилось в фонде Государственного музея К.Федина в Саратове (ГМФ 20610).
8. Более раннее письмо Замошкина с упоминанием о намерениях Артема Веселого не обнаружено; предположительно утрачено.
9. Публикация Лидина в «Красной нови» не состоялась.
10. Речь идет о рассказах Сейфуллиной «Расплата» (опубликован в *НМ* № 10, 1929) и Маркова «Летающий куршак» (опубликован в *НМ* № 12, 1929). Рукописи действительно не застали Полонского в Теберде и выяснение их судьбы стало одной из постоянных тем дальнейшей переписки, см. письма 5–8.
11. Публикация, посвященная выпущенной Щеголевым книге «Провокатор: Воспоминания и документы о разоблачении Азефа» (1929), не состоялась.
12. В газете «Правда» о выходе № 8 «Красной нови» было сообщено 25 августа.
13. Имеются в виду воспоминания «Литературный путь дореволюционного журналиста», опубликованные под псевдонимом «Старый журналист». «Речь» — орган кадетской партии, ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в 1906–1918 гг.; газета «День» — орган меньшевиков, издавалась в 1912–1918 гг.
14. Речь идет о статье «О писателях и критиках» (*Журнал для всех*. № 8, 1929), явившейся откликом на статью Полонского «Преодоление “Зависти”» (*НМ* № 5, 1929).
15. Редактор «Журнала для всех».
16. Сведений о рассказе Замятина, находившемся в редакции *НМ*, не имеется. Возможно появление замятинской темы в письме Замошкина косвенно связано с началом активной критической кампании по поводу романа «Мы», см. прим. ниже. Лаганский в 1929 г. являлся заведующим ленинградским отделением «Красной нивы».
17. Статья Волина «Недопустимые явления» (*Литературная газета*. 26 августа) касалась зарубежных публикаций Пильняка («Красное дерево») и Замятина («Мы»). Примечательно, что на рубеже 1928–1929 гг. публикация «Красного дерева» планировалась в *НМ*, о чем неоднократно извещалось в анонсах журнала. Издательство «Петрополис» с 1922 г. находилось в Берлине.
18. См. рассказ «Частники, покупатели старины» в «Красной ниве» от 25 августа 1929 (№ 35). Литературно-художественный иллюстрированный тонкий журнал «Красная нива», как и *НМ*, существовал в орбите газеты «Известия», что обуславливало участие в выпуске обоих журналов одних и тех же лиц. В частности, в редактором «Красной нивы» являлся Полонский, см. письмо 5.
19. Книга Полонского вышла во 2-й декаде сентября, см. письмо 6.
20. Воронский был выслан в Липецк после ареста в январе 1929 г., см.: Вопросы литературы. 1995. № 3 // «Может быть, позже многое станет более очевидным и ясным» (Из документов «Партийного дела А. К. Воронского»). *Вступительная статья Н. Дикущиной; подготовка текста и примечания Н. Дикущиной, Т. Исаевой*. С. 273, 282.
21. При содействии Полонского публикация сборника Замошкина все-таки состоялась, см. прим. 4 к письму 5.
22. Перечисленные критики являлись теоретиками литературной группы «Перевал» и принадлежали к ближайшему окружению Воронского. Более подробно об отношении к ним Замошкина, также входившего в «Перевал», см. в письме 6.
23. Замошкин демонстрирует осведомленность о готовящемся в «Федерации» издании книги критика Берковского «Текущая литература: Статьи критические и теоретические»; вышла в 1930 г.

<5>

ПОЛОНСКИЙ — ЗАМОШКИНУ

Гаспра, 1/IX — 29.

Дорогой Николай Иванович.

Письмо В<аше> в Гаспре получил, а рассказов Сейфуллиной — нет¹. Для чего же Вы их послали в Теберду? Ведь я здесь с 26/VIII? Досадно, если затеряются. Я с своей стороны послал в Теберду открытку с просьбой переслать сюда.

С рукописями у нас слабовато. Но авось — вывернемся как-нибудь.

Прилагаю письмо какого-то <нрзб>: будьте добры — взгляните и ответьте ему. Рукописи Замятина у меня нет². Д<олжно> б<ыть> осталась у Смирнова. Стайтеку в «Ж<урнале> д<ля> в<сех>» читал. Глупо и мелко. Конечно — это бахметьевская «страшная месь» за мое упоминание о Мартыне в статье о Фадееве³. Мелкий человечешко — и неосторожен. Ведь если рассердит — придется пощупать его серый журналишко: что останется?

По поводу В<ашей> книги — не грустите. Приеду в М<оскву> — думаю, устроим ее либо в той же «Федерации», либо в ЗИФе, во всяком случае — издадим⁴. Не падайте духом. Что же касается всех этих Губеров — то ведь они сегодня здесь — а завтра там. Литературная пыль. А как себя чувствует Горбов? Лежнев? Поругивают меня? Кажется мне, что любовью их я не пользуюсь. Не понимаю — почему. Неужели — только потому, что я не перевалец? Или мешаю им проявить их таланты вовсю? Загадка их Ник<олай> П<авлович>. Все еще охотится? А В<асилий> И<ванович>? Так же усердно посиживает в редакции?

Почему еще нет «Н<ового> Мира»? Ведь книга должна была выйти 25/VIII⁵? Где Вас<илий> Вас<ильевич>?

«Кр<асную> Ниву» я здесь не получаю. Надо бы все-таки. Как-никак редактор.

Журналы все для меня подберите и держите в порядке. М<ожет> б<ыть>, попрошу выслать сюда. Да, «Кр<асная> Новь» — с тех пор как стала добропорядочным и «идеологически выдержанным» журналом — совсем захирела⁶. Раньше хоть там иной раз сверкал С<ергеев>-Ц<енский> — а теперь — черт знает что.

В «На Лит<ературном> посту» — говорят — опять не меня <пороли>⁷?

Мне здесь говорят, что <там> точат на меня нож вострый: в одной из ближайших книг новый опус против меня. Подождем.

Пока — до свидания.

Жму руку крепко.

Привет всем.

Пишите

Ваш Вяч. П.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 339. Л. 12–12 об.

1. См. прим. 10 к письму 4.

2. См. прим. 16 к письму 4.

3. См. прим. 11 к письму 2 и 14, 15 к письму 4. В статье о Фадееве Полонским был упомянут Мартын Баймаков — герой романа Бахметьева «Преступление Мартына».

4. Книга Замошкина «Литературные межи» вышла в издательстве «Федерация» в 1930 г. ЗИФ («Земля и фабрика») — государственно-акционерное издательское общество 1920-х гг.

5. См. прим. 8 к письму 2.

6. Речь идет о состоянии «Красной нови» после снятия Воронского с должности главного редактора журнала во второй половине 1927 г.

7. См. прим. 21 к письму 6.

<6>

ЗАМОШКИН — ПОЛОНСКОМУ

Москва, 12 сентября <1929>.

Дорогой Вячеслав Павлович.

Книга Ваша вышла в «Федерации», и Вы ее, наверно, уже получили (я попросил изд<ательст>во немедленно выслать Вам 2 экз<емпляра>, что и сделано). 8–9 книга «Н<ового> м<ира>» вышла действительно с небольшим запозданием¹ — по вине типографии; впрочем, Вас<илий> Вас<ильевич>, уезжая, наметил день выхода 29–30 августа, согласно Вашей записки, где значился предель-

ный срок 30 августа. Мне кажется, Вячеслав Павлович, особенно горевать не стоит, т.к. к 1-му октября новую книжку мы все равно не успеем выпустить: нет «Севастополя», не получен ответ от <нрзб> о воспоминаниях Justus'a², Гальперин даст только к 20-му, Ваша статья тоже запоздает³. Если Вы и не получите из Теберды рукописей Сейфуллиной и Маркова (я их Вам выслал, т.к. не имел ни от кого никаких сведений о дне переезда в Гаспру), то едва ли они пропадут: в секретариате должна быть расписка от заказной бандероли⁴. Простите, что время от времени тревожу Ваш отдых новыми посылками рукописей: Никифоров, Колбасьев, от Ариан из Берлина, Андр<ей> Платонов...⁵ Вас<илий> Ив<анович> настаивает на этом. Часть материала я все-таки задержал у себя в ожидании Вашего возвращения (рассказ Валова, очерки Борисова и Ряховского и пр.⁶). Самая ценная и даже безусловно ценная вещь — рассказ Платонова, но и наиболее спорная⁷. Что Вы скажете о нем?

К сегодняшнему дню я успел разузнать, что:

1) Федин наконец-то взял за горло своего безголового Христофора, который будет окончен не позже ноября и попадет в декабрьскую книжку⁸. Если бы это было так...

2) А. Караваева, «занятая сейчас подготовкой к пленуму РАППа», успеет дать рассказ для ноябрьской⁹.

3) Вал. Катаев просил уверить Вас, что даст через 1 1/2 мес. свою «оригинальную» вещь¹⁰.

4) Н. Тихонов находится где-то в Армении и до него никак не доскачешь.

5) Ю. Олеша молчит... (Не верю, чтобы он дал нам своего «Нищего»¹¹).

6) А. Яковлев собирается дать нам небольшую повесть¹².

7) Огнев заверил меня, что через месяц рассказ будет в редакции¹³.

8) Бабель «написал за последние годы очень много», но он «не собирается печататься в наше время» — по одному ему известным причинам¹⁴. (Бабель гостил у Воронского в Липецке, о чем и поведал Воронский своим друзьям, присовокупив от себя, что действительно, печататься сейчас не следует...) Не знаю, может быть Вам, знающему Бабеля, это сообщение покажется уткой, не берусь судить, ибо никакого критерия для проверки этого факта у меня нет.

9) Был, после неудачной охоты на Урале, Толстой в редакции. Он действительно намерен продолжить своего «Петра» и на будущий год¹⁵.

10) Слетов пишет роман¹⁶.

Прочел Вашу статью об «иммунитете»¹⁷. Ваша бесспорная заслуга: постановка этого вопроса в «Н<овом> м<ире>», т.е. в большой аудитории. Необходимо продолжить обсуждение этого вопроса в журнале — настолько он важен и, доведенный до ясности, он грозит значительной модернизацией марксистского литературоведения. Я чувствую, что в недрах его таится возможность ереси (спасительной для застывшего марксистского литературоведения). Конечно рубакинской теории Вы только коснулись — она не входила как самостоятельная тема в статью, но, по-моему, следовало бы все-таки указать, что он не ограничивается изучением индивидуальных мнем¹⁸... У него есть комплексные мнемы, правда <не> марксистская, но все ж «социологическая». Конец «заметки» (признание ошибки...) у Вас выскочил как-то неожиданно и поэтому кажется постскриптумом, а не организической частью статьи. Грешным делом, я подумал: нет ли тут, не было ли тут других причин. Во всяком случае, этот кончик, как говорится, выпячивается.

«Как себя чувствует Горбов? Лежнев?» Ужасно трудно ответить на этот вопрос. Это люди — уязвленные в самое «святое святых»: хотят быть политиками (Горбов, напр<имер>, всерьез говорит о новой странице в марксистской критике, связанной с его именем), а им не удастся это, ибо Горбов во всех отношениях эклектик, выбравший себе удел постоянно фрондировать, не имея ни руля, ни

ветрил. Лежнев умнее, с убеждениями человек, но «талмудист», т.е. человек богатый логикой, но лишенный художественного вкуса. Я с ними «не вожусь», ибо меня наконец стошнило от их высокомерия и «переваловской» узости. Они постоянно чувствуют себя солью земли и готовы (не хуже напостовцев) все переделывать на перевальский лад (но руки короткие), продолжая в этом отношении странную политику Воронского. «Поругивают меня?» — Вы спрашиваете. О, это длинная история и ведет начало от Воронского, науськивавшего их на Вас. Они не допускают одного: как это Полонский не перешел в их веру! Вот если бы «Н<о-вый> м<ир>» стал их лейб-органом, тогда была бы справедливость соблюдена! Если бы обстоятельства позволили, то они могли бы конкурировать с напостовцами в «зажиге» всяческого инакомыслия. Я с ними не вожусь. Горбов и Лежнев удивительно ловко уживаются в одной берлоге, будучи антиподами. Но это до времени, и для этого не надо быть пророком. Их объединяет ненависть ко всем остальным. Всякое мое несогласие с ними они оценили как проявление «службизма», т.е. равнения на Вас как редактора! Мне ничего не осталось сделать, как перестать с ними встречаться. Уж если напостовство тяжело и уродует личность, то надо во всеуслышание сказать, что эти «<достоисты>» так же, если не более, неприемлемы в среде «свободных марксистов», каковыми себя считают Горбов и Лежнев.

Не знаю, какое впечатление произведут на Вас вышеприведенные мысли мои о наших «ближайших сотрудниках», но это только вступление к дискуссии, сумбурно изложенное.

«Известия» переходят на непрерывное производство¹⁹. Не знаю, что получится. Между прочим, мы переживаем в быту Октябрь. Детали перехода еще не выяснены. Линотиписты вызвали нас на соцсоревнование: сдавать рукописи в набор в отделанном и чистом виде! Состоится на днях совещание. Работишка в редакции есть. Но тихо. В<асилий> И<ванович> регулярно посещает редакцию. Журналы, предназначенные для Вас, берет на время себе и обязуется все вернуть Вам. «Кр<асная> Нива» Вам высылается. Ник<олай> Павл<ович> еще отдыхает. Вера К<онстантиновна> тоже. Попович²⁰ заглянул к нам вчера — сделал 5000 верст на пароходе по рекам!

В 16-ой книжке «На лит<ературном> посту» не обошлось без уколов по Вашему адресу²¹! Ой, как скучно. Упорно говорят, что «Журн<ал> д<ля> всех» скоро стыдливо умолкнет: с 1930 г. его не будет²². Удивительный журнал: был и нет. И никто не заметит.

На истории с Пильняком²³ некоторые себя «реабilitируют». Так, напр<имер>, поступил Вал<ентин> Катаев, этот арап. Что Пильняк абсолютно советский человек — я не сомневаюсь, но что он рекламист в то же время — это тоже так. Он ничего не теряет. В этой истории поджали хвост партийцы из Союза писателей. Горбов трусит и др. Говорят, что Пильняку предложено молчать в течение года. 2-й карантин (1-й был после «Луны»²⁴). В некрологах иногда Фриче называют «великим ученым»²⁵! Злые люди говорят, что он, умирая, вызвал на соревнование П.С.Когана! Последний, кстати, уходит из ГАХНа, с которым творится что-то неладное: выселяют и пр.²⁶

Шлю Вам свои глубокие пожелания здоровья и бодрости. Ваш Н. Замошкин.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед.хр. 178. Л. 19–20.

1. См. прим. 8 к письму 2.

2. Неустановленное лицо.

3. Прогноз Замошкина более чем оправдался: № 10 *НМ* вышел лишь в начале ноября (см. извещение в газете «Известия» от 5 ноября). Публикация повести А. Малышкина «Севастополь», 1-я часть которой была напечатана в *НМ* в начале 1929 г. (№№ 1–3), продолжилась лишь в конце 1930 г. Очерки международной политики Гальперина «По всему све-

ту» и статья Полонского «Проблемы литературы. Кого же, наконец, считать крестьянским писателем?» вошли в состав номера.

4. См. прим. 10 к письму 4.

5. Из перечисленного был опубликован лишь рассказ Никифорова «Игра», в № 10 *НМ*.

6. Очерки Борисова «По Донецкому бассейну» и Ряховского «Земля бродит» были опубликованы соответственно в №№ 12 и 11 *НМ*, 1929. Публикация Валова не состоялась.

7. О каком именно рассказе Платонова идет речь, неизвестно (возможно, «Усомнившийся Макар»); в 1929 г. писатель регулярно, но безрезультатно предлагал свои произведения в *НМ*.

8. Повесть Федина «Христофор с собачьей головой» осталась неоконченной; упоминалась в анонсах *НМ* конца 1928 — начала 1929 гг.

9. Публикация не состоялась. 2-й расширенный пленум Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) проходил с 20 по 29 сентября 1929 г.

10. Публикация не состоялась.

11. О работе Олеси над повестью «Нищий» 9 сентября 1929 г. сообщила также и «Литературная газета» (в рубрике «Над чем работают писатели»); публикация не состоялась.

12. Публикация не состоялась; лишь в *НМ* № 2, 1930, был опубликован очерк Яковлева «На неведомой дороге».

13. См. прим. 2 к письму 4.

14. В 1929–1930 гг. анонсы намечавшихся публикаций Бабеля неоднократно появлялись в *НМ*, но сами публикации так и не состоялись. Подробности взаимоотношений Бабеля с *НМ* содержатся также в опубликованном дневнике Полонского.

15. Роман Толстого «Петр I» публиковался в *НМ* в 1929 (№№ 7–12) и 1930 (№№ 1–7) гг.

16. См. прим. 5 к письму 4.

17. См. прим. 12 к письму 2.

18. Речь идет об основах библиологической психологии, разработанной русским книговедом и библиографом Рубакиным; его книга «Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию» вышла в СССР в феврале 1929 г. Термин «мнема» был заимствован Рубакиным у немецкого психолога Р. Семона; мнематические явления — сложный психический процесс воспроизведения реальности под влиянием раздражений, идущих от письменной и звуковой речи, вообще от текста.

19. Переход на непрерывное производство «в предприятиях и учреждениях СССР» осуществлялся во исполнение постановления СНК СССР от 26 августа 1929 г. Следующее постановление от 24 сентября регламентировало распределение рабочего времени и отдыха в условиях непрерывной производственной недели: четыре дня работы и один день отдыха. Интерес Замошкина к «Известиям» обусловлен тем, что журнал «Новый мир» возник в 1925 г. на базе этой газеты и продолжал сохранять с нею тесную связь.

20. Замошкин шуточно обыгрывает фамилию редакционного сотрудника Попова.

21. Полонский упоминается в статье К. Рыжикова «Оптимизм и пессимизм Вс. Иванова (Опыт социологического объяснения)».

22. В 1930 г., со 2-го номера, журнал сменил название на «Пролетарский авангард»; прекратил существование в октябре 1932 г.

23. См. прим. 17 к письму 4.

24. Т. е. после напечатания «Повести непогашенной луны» (1926). Повесть вышла в *НМ* № 5, 1926, что повлекло за собой конфискацию журнала и прочие серьезные последствия для участников ее публикации, см. протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 мая 1926 г.: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&i13d=68072>.

25. Последние сообщения Замошкин пытается уместить на краю листа, чем и объясняется некоторая отрывистость изложения. Фриче умер 4 сентября 1929 г. Крайне критическое отношение Замошкина к Фриче отразилось также в его письме Пришвину, написанном 2 марта 1929 г., после того как Фриче сменил Полонского на посту редактора журнала «Печать и Революция»: «Теперь там (в «Печати» и Револуции») сидит скудоумный Фриче и фриченята. Ломают журнал» (РГАЛИ. Ф. 1125. Ед. хр. 1027. Л. 3 об.).

26. Государственная академия художественных наук была ликвидирована в 1931 г. и вошла в состав Государственной академии искусствознания. Коган являлся президентом ГАХН все время ее существования.

<7>
ПОЛОНСКИЙ — ЗАМОШКИНУ

<Гаспра, 16–19 сентября 1929>

Дорогой Николай Иванович.

Письмо Ваше большое и все рукописи (за исключ^ением Сейф^уллиной[>]) получил. Спасибо. С рукописями — оч^ень плохо. Ни одной вещи нет <годной> для «Н^ового» М^ира». Конечно, Платонов талантлив и остер. Но рассказ тот ведь нельзя сейчас печатать в «Н^овом» М^ире»¹. А остальное — ниже среднего уровня. Никифоров — посредственен, хотя приемлем — в слабой степени, разумеется. Сегодня получил Колбасьева — <прочту>. Вы писали также про нов^{ый} рассказ Маркова — он увяз с Сейф^уллиной[>]?²

Малышкин мне пишет, что «Севастополь» будет только к декабрю³. Плохо. М^ожет б^ыть, Артем выручит⁴? Перешлите ему мою записку.

Слабо с материалом. Очень слабо.

Кира Александровна сегодня уехала в Москву — и повезла с собой все прочитанные рукописи.

Возьмите их и передайте Малышкину, как он приедет. Он будет в Москве числа 26–27. Я ему решил не пересылать в Коктебель — их немного, прочтет в Москве. Все равно октябрьскую книжку придется сдавать в конце сентября.

Журналы мне все соберите — до последнего номера — юмористические также. Я здесь их в руках не держал, а они мне необходимы. О «друзьях» и недругах писать не хочется. Признаться — мне они одинаково надоели. Очень, конечно, жалею, что приходится иметь дело с людьми внутренне враждебными. О собирании настоящих литературных единомышленников придется подумать.

Мне уже надоело отдыхать, но возвращаться еще не хочу. Чувствую себя недостаточно хорошо — не знаю почему. Числа 25–26 буду в Москве. Если будет охота писать — пишите. Письма Ваши читаю с удовольствием.

Здесь несколько дней — около недели — холод. От этого — грусть и мерехлюндия.

«Лит^ературу» и общ^ество» — получил — спасибо.

Привет всем в редакции.

До свидания.

Руку жму крепко.

Ваш Вяч. Полонский.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 339. Л. 15. Впервые: *Полонский Вяч.* На взгляд редактора // Новый мир. 1989. № 5. С. 215–216. Публикация М. Вашкевич и К. Эгон-Бессер (Полонский).

Является ответом на письмо 6; датируется в соответствии с возможной датой получения Полонским письма 6.

1. См. прим. 7 к письму 6.

2. См. прим. 10 к письму 4.

3. См. прим. 3 к письму 6.

4. Артем Веселый предоставил для № 10 *НМ* главы из романа «Россия, кровью умытая».

<8>
ЗАМОШКИН — ПОЛОНСКОМУ

Москва, 16 сентября 1929.

Дорогой Вячеслав Павлович.

Если писатели, с которыми я беседовал, выполнят свое обещание, то это будет прекрасно. Список продолжаю: Ю. Олеша заверил меня в том, что в первых числах ноября, даст нам рассказ размером в печ^атный лист¹. Никуда, по его сло-

вам, он не собирается его давать, кроме «Н<ового> м<ира>». Кроме того, он к концу года заканчивает повесть в 10 печ<атных> листов, которую также намерен дать нам, о чем и думает с Вами вести разговоры. Об одном он озабочен: будет ли у нас место в январской и др<угих> книжках. (Как я убедился, у писателей живет представление о богатом новомирском портфеле).

Менее определенно обстоит дело с Л. Леоновым. Встретился я с ним случайно, и он первый задал вопрос о своем первом (индустриальном — о бумажной фабрике) романе, о котором тоже хочет говорить с Вами². Стороной я тоже узнал, что Леонов собирается дать туда, где больше заплатят! Вот и вся стратегия наших маститых писателей.

Сегодня получил по почте рукопись Нитобурга³. Прочту. Высылать Вам ее воздержусь.

Беспокоит судьба бандероли с рукописями Сейфуллиной и Маркова⁴. Главное то, что я ничего не знал о сроке Вашего переезда в Гаспру, и Вас<илий> Ив<ано-вич>, который собственно и переправлял рукописи, ничего мне <не> сказал об этом. Мы послали сегодня телеграмму завед<ующему> домом отдыха ЦЕКУБУ в Теберду с оплаченным ответом. Все-таки недопустимые порядки в Теберде: неужели получение рукописей там исключение, а не частое явление? Наверно, не Вы одни получали там рукописи и пр<очие> ценные посылки. Порядок какой-нибудь должен же быть... Неприятно.

Постепенно съезжаются отпускники: Ник<олай> Павл<ович>, Вера Констан<овна>. На днях будет Вас<илий> Вас<ильевич>.

Был я вчера не экстренном собрании Союза писателей⁵. Перебирали правление. Все чувствовали ненужность этой истории и полное безверие в живучесть союза. Было много мелочей, пошлости в прениях. Непозволительно вел себя Львов-Рогачевский. Горбов критиковал союз совсем по-напостовски (это перед чисткой). Пильняк был весел. Одну из первых скрипок в новом правлении будет играть (совсем неожиданно) Г. Серебрякова.

Звонил Гоффеншефер из ГИЗа: там ждут от Вас обещанных статей в 1) антипереверзевский сборник и 2) о Кравченко⁶. Ждем Вашего приезда. Отдыхайте последние дни всюю. Зима будет работающая. Ваш Н. Замошкин.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед.хр. 178. Л. 17–17 об. Отправлено предположительно ранее получения Замошкиным письма 7.

1. Публикация не состоялась. См. также прим. 11 к письму 6.

2. Речь идет о романе Леонова «Соть», публикация которого состоялась в *НМ* № 1–5, 1930.

3. Проза Нитобурга «Простодушие Турсуна Фуйзалова» была опубликована в *НМ* № 11, 12, 1929.

4. См. прим. 10 к письму 4.

5. 15 сентября прошло экстренное собрание Московского отдела Всероссийского союза советских писателей (ВССП), см. «Союз писателей сменил свое руководство» (Литературная газета. 16 сентября). Перевыборы были спровоцированы делом Пильняка (см. прим. 17 к письму 4), который являлся председателем правления ВССП.

6. ГИЗ — Государственное издательство РСФСР. Конкретные сведения об упомянутых статьях Полонского не выявлены. В первом пункте речь идет о сборнике, направленном против так называемой переверзевской школы литературоведения.

<9>

ЗАМОШКИН — ПОЛОНСКОМУ

<Москва, декабрь 1929>

Вячеслав Павлович.

Посылаю Вам рукописи, намеченные для январской книжки. Сделайте, пожалуйста, отметки «в набор».

Соловьев прочел платоновские «Рассказы про население» и не очень склонен их печатать¹. Просил Вас их вновь пересмотреть, прежде чем сдавать в набор.

Очерки Соколова о зерносовхозах «Великие будни» сокращены автором при посредстве Н.П. Смирнова до $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ п<ечатных> л<истов>².

Шишков прислал письмо, сообщает, что пришлет небольшие изменения в свой «Бродячий цирк»³.

Н. Замошкин.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед.хр. 178. Л. 31.

1. Публикация не состоялась. Речь идет об утраченном произведении Платонова, которое известно также по записке Платонова Полонскому (от 16 ноября 1929 г.) как «маленькие рассказы под названием “Рассказы про население в сельских местностях”» (РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 1. Ед.хр. 276. Л. 2).

2. Опубликовано в *НМ* № 1, 1930.

3. Повесть опубликована в *НМ* № 6 (1930).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦ, УПОМИНАЕМЫХ В ПИСЬМАХ

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), один из лидеров партии эсеров, провокатор — п. 4.
Ариан-Горкина Ася Абрамовна (1887–1963), переводчица — п. 6.

Артем, см. *Веселый А.*

Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940), писатель — п. 6.

Басов-Верхоянцев Сергей Александрович (1869–1952), поэт-сатирик — п. 4.

Бахметьев Владимир Матвеевич (1885–1963), литератор, партийный деятель — п. 4, 5.

Белоконь Вера Константиновна, редакционный работник *НМ* — п. 1, 6, 8.

Берковский Наум Яковлевич (1901–1972), литературовед, критик — п. 4.

Борисов Семен Борисович (1894–1941), писатель, журналист — п. 6.

Валов Василий Игнатьевич (1902–1941), писатель, журналист — п. 6.

Василий Васильевич см. *Попов В.В.*

Василий Иванович, см. *Соловьев В.И.*

Вера Константиновна, см. *Белоконь В.К.*

Веселый Артем (Кочуров Николай Иванович; 1899–1938), писатель — п. 4, 7.

Волин Борис Михайлович (1886–1957), партийный и государственный деятель — п. 4.

Воронский Александр Константинович (1884–1937), писатель, критик, теоретик искусства — п. 3, 4, 6.

Гальперин Семен Владимирович (1889 — после 1946) — п. 6.

Горбов Дмитрий Александрович (1894–1967), критик, литературовед — п. 4, 5, 6, 8.

Горький Алексей Максимович (1868–1936), писатель, общественный деятель — п. 2.

Гоффеншефер Вениамин Цезаревич (1905–1966), критик — п. 8.

Губер Борис Андреевич (1903–1937), писатель, критик — п. 4, 5.

Д’ор О.Л., см. *Оршер И.Л.*

Дынник-Соколова Валентина Александровна (1898–1979), литературовед, переводчица — п. 2.

Замятин Евгений Иванович (1884–1937), писатель — п. 4, 5.

Зенкевич Михаил Александрович (1886–1973), писатель, редактор поэтического отдела *НМ* — п. 2.

Караваева Анна Александровна (1893–1979), писательница — п. 2, 4, 6.

Катаев Валентин Петрович (1897–1986), писатель — п. 4, 6.

Катаев Иван Иванович (1902–1937), прозаик — п. 4.

Кира Александровна, см. *Эгон-Бессер (Полонская) К.А.*

Коган Петр Семенович (1872–1932), литературовед, критик — п. 6.

Колбасев Сергей Адамович (1899–1937 или 1942), писатель, моряк — п. 6, 7.

Кофанов Павел Евтихиевич (1893–1943), поэт — п. 2.

Кочин Николай Иванович (1902–1983), писатель — п. 2.

Лаганский Еремей Миронович (1887–1942), писатель, журналист — п. 4.

Лежнев Абрам Захарович (1893–1938), критик, литературовед — п. 4, 5, 6.

Леонов Леонид Максимович (1899–1994), писатель — п. 8.
 Лидин Владимир Германович (1894–1979), писатель — п. 4.
 Липатов Борис Викторович (1905–1954), писатель — п. 2.
 Львов-Рогачевский Василий Львович (1874–1930), литературовед, критик; член правления ВССП — п. 8.
 Ляшко Николай Николаевич (1884–1953), писатель — п. 2.
 Малышкин Александр Георгиевич (1892–1938), писатель; член редколлегии *НМ* с мая 1929 г. — п. 2, 7.
 Марков Сергей Николаевич (1906–1979), писатель, историк, географ — п. 4, 6, 7, 8.
 Никифоров Георгий Константинович (1884–1938), писатель — п. 6, 7.
 Николай Павлович, см. *Смирнов Н.П.*
 Нитобург Лев Владимирович (1899–1937), писатель — п. 4, 8.
 Новодворский, неустановленное лицо — п. 2.
 Огнев см. *Розанов М.Г.*
 Олеша Юрий Карлович (1899–1960), писатель — п. 4, 6, 8.
 Оршер Иосиф Львович (1878–1942), писатель, журналист — п. 4.
 Пакентрейгер Соломон Иосифович (1891–?), критик — п. 2.
 Пильняк Борис Андреевич (1894–1938), писатель — п. 4, 6, 8.
 Платонов Андрей Платонович (1899–1951), писатель — п. 6, 7, 9.
 Попов Василий Васильевич (1902–1972), издатель, книговед — п. 1, 2, 5, 6, 8.
 Поступальский Игорь Стефанович (1907–1989), писатель — п. 2.
 Розанов Михаил Григорьевич (1888–1938), писатель — п. 2, 4, 6.
 Рубакин Николай Александрович (1862–1946), книговед, библиограф — п. 6.
 Ряховский Василий Дмитриевич (1897–1951), писатель — п. 6.
 Сейфуллина Лидия Николаевна (1889–1954), писательница — п. 2, 4, 5, 6, 7, 8.
 Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (1875–1958), писатель — п. 2, 5.
 Серебрякова Галина Иосифовна (1905–1980), писательница — п. 8.
 Слетов Петр Владимирович (1897–1981), писатель — п. 4, 6.
 Смирнов Николай Павлович (1898–1978), писатель, критик, секретарь редакции *НМ* — п. 1, 5, 6, 8, 9.
 Соколов А. — п. 9.
 Соловьев Борис Иванович (1904–1976), писатель — п. 2.
 Соловьев Василий Иванович (1890–1939), революционер, журналист, партийный работник; член редколлегии *НМ* с мая 1929 г. — п. 1, 2, 5, 6, 8, 9.
 Тихонов Николай Семенович (1896–1979), поэт — п. 4, 6.
 Толстой Алексей Николаевич (1882–1945), писатель — п. 2, 6.
 Толстой Лев Николаевич (1928–1910), писатель — п. 2.
 Фадеев Александр Александрович (1901–1956), писатель — п. 1, 2, 3, 5.
 Федин Константин Александрович (1892–1977), писатель — п. 4, 6.
 Фиш Геннадий Семенович (1903–1971), писатель — п. 2.
 Франс Анатолий (1844–1924), французский писатель — п. 2.
 Фриче Владимир Максимович (1870–1929), литературовед-марксист — п. 6.
 Хлебников Велимир (настоящее имя: Виктор Владимирович; 1885–1922), писатель — п. 2.
 Ценский, см. *Сергеев-Ценский С.Н.*
 Чехов Антон Павлович (1869–1904) — п. 1, 2.
 Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982), писательница — п. 2, 4.
 Шишков Вячеслав Яковлевич (1873–1945), писатель — п. 9.
 Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931), историк — п. 4.
 Эгон-Бессер (Полонская) Кира Александровна (1899–?) — п. 7.
 Яковлев Александр Степанович (1886–1953), прозаик, журналист — п. 6.

Петр Иванович Ткаченко. Родился в 1950 году на Кубани, в станице Старонижестеблиевской. Окончил Владикавказское высшее общевойсковое командное училище и Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в журнале «Пограничник», газете «Красная звезда», Военно-художественной студии писателей, главным редактором редакции художественной литературы издательства «Граница». Автор многих книг прозы и публицистики, альманаха «Соленая подкова», составитель ряда изданий по этнокультуре Кубани. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Петр Ткаченко

«СКВОЗЬ ТОЧЕК СМОТРОВЫЕ ЩЕЛИ...»

(Духовный смысл в поэзии Юрия Кузнецова)

*Шел бой в земле — его конец
Терялся во Вселенной...*

Юрий Кузнецов

Надо отдать должное литературной и общественной мысли начала семидесятых годов прошлого века, когда Юрий Кузнецов (1941–2003) входил в литературу. Сразу же, изначально было замечено не только его своеобразие, но отмечено, что это поэт, несущий нечто такое, чего до него в русской литературе XX века не было. В принципе, было дано точное его определение: это *не бытовое, а бытийное* постижение жизни. В том числе и Великой Отечественной войны. В его поэзии было замечено, прежде всего, духовное постижение жизни, а не только ее социальное и историческое значение: «Снова небесная битва/ отразилась на русской земле». Как писал поэт уже позже: «Битвы земные чреваты небесной войной». Другое дело, что в обществе, в котором преобладали позитивистские, материалистические, атеистические воззрения, духовный смысл поэзии Юрия Кузнецова, брань духовная, воплощенная в его стихах, не получила, да, видимо, и не могла получить должного объяснения. Да и как могло это случиться, если *духовное* нередко, а то и зачастую понимается не иначе, как «церковное». Как нечто нереальное, а то и «суеверное» или «потустороннее» в негативном смысле, к чему должно относиться настороженно...

Я полагал, что в названии первой посмертной книги Юрия Кузнецова, составленной самим поэтом, допущена досадная небрежность: вместо «Крестный путь» — «Крестный ход». Но оказалось, что это принципиальная позиция издателей. То есть вместо духовного подвига — просто церковный обряд... Поминаю этот, хорошо известный факт потому, что слишком уж он симптоматичен и символичен, когда высокое духовное понимается лишь как служебное. Впрочем, как это уже было у революционных демократов XIX века.

Если у нас в серии ЖЗЛ выходит книга «Иисус», если Спаситель проходит в нашем сознании лишь как «замечательный человек», то это ни о чем не говорит, кроме как об абсолютном непонимании и нечувствовании святости. Ведь таким подходом искажается суть святости — не Богочеловек, а Человекобог. То есть люди снова ведут себя как боги, несмотря на все трагические последствия этого. Снова предпринимают Вавилонское строительство, проявляемое в каждую эпоху в разных формах. Все это к тому, в какой среде заявил о себе Юрий Кузнецов как поэт большой духовной мощи.

Он вошел в литературу как-то сразу, без всякого ученичества. Видимо, потому, что его поэтический мир отличается поразительной цельностью. Причем, без всяких внешних признаков преднамеренной оригинальности, что было в поэзии этого периода в моде. Точно отмечал Станислав Куняев, что «объем знаний о мире был ему дан сразу...» («И бездны мрачной на краю...», М., «Голос-Пресс, 2015). Такое редкое своеобразие мы наблюдаем разве только в творчестве М. Лермонтова.

Такое стремительное и даже бурное вхождение Юрия Кузнецова в литературу имело свою принципиальную особенность. Он не отвергал предшествующего в литературе, не свергал кумиров, не сотрясал основ. Да, он говорил, что поэзия погрязла в быте, но не свергал этого, как ему «мешающего». Это было совсем не то, что мы наблюдали в «шестидесятничестве», как XIX века, так и XX, когда сам протест, сам бунт уже почитался величиной положительной и драгоценной. Вне зависимости от того, куда и зачем он направлен, имел причины или нет.

Совсем иначе все обстояло в творческой судьбе Юрия Кузнецова. Он просто утверждал свой мир. И даже те его стихи, в которых поначалу была усмотрена гордыня, бунт и вызов, со временем получили объяснение. Скажем, эти, в свое время зацитированные: «Звать меня Кузнецов. Я один / Остальные обман и подделка». Уяснилось, что это вовсе и не гордыня, а скорее поэтическая традиция: «Един есть Бог, един Державин». Или — в стихах Б. Пастернака: «Я слежу за разворотом действий / И играю в них во всех пяти. / Я один. Повсюду фарисейство. / Жизнь прожить, не поле перейти». Он говорил о духовной природе человека и божеском устройении мира. Но уклонение в обществе от таких представлений было столь сильным, что выражаемое им воспринималось как вызов, как нечто не вполне реальное, «виртуальное», «потустороннее», а то и «суеверное».

Вместе с тем он возвращал и поэзию к ее исконному и истинному предназначению, полагая, как и великие предшественники его, что искусство вечно, как душа человека. В отличие от позитивистских воззрений, считавших, что каждая эпоха порождает свое искусство, всецело обусловленное преходящими, а не вечными представлениями. Совершенно прав Владимир Личутин, говоривший о том, что «в двадцатом веке Юрий Кузнецов, пожалуй, единственный, кто вернулся к мироощущению родоначальников русской поэзии» («Взгляд», Краснодар литературный, 2008). Но именно это погрязшему в позитивизме и материализме обществу было непонятным, казалось чем-то архаичным, необязательным и лишним.

Вот причина его несогласия с преобладавшими представлениями: поэзия уклонилась от своей природы и от предназначения своего. Поэт всего лишь и говорил о том, что и в обществе, и в поэзии нарушена иерархия ценностей. И что необ-

Юрий Поликарпович Кузнецов

ходимо вернуться к извечным представлениям о мире и человеке, которые оказались заслоненными «случайными чертами». Но это, такое естественное намерение не на шутку перепугало критиков как «позитивистского», так и «прогрессистского» толка. Об этом поэт сам говорил на страницах «Независимой газеты» в беседе с Геннадием Красниковым: «А напугал я потому, что тогда иерархия ценностей была поставлена с ног на голову. Это тогда. А сейчас вообще никакой такой иерархии нет в помине, или делается вид, что ее нет. Сплошь подмена» (27.10.1998). Чрезвычайно важна эта оговорка поэта, «или *делается вид*», что иерархии ценностей нет. То есть — иерархия не упраздняется по чьему бы то ни было произволу, но она рукотворно искажается и за нее надо бороться.

Но в поэзии Ю. Кузнецова был увиден «модернизм» лишь на том основании, что модернизм по природе своей разрушает обыденную реальность и традицию. Была увидена преемственность с революционной романтикой 20-х—

30-х годов, то есть с «романтикой» людоедства (Т. Глушкова). Был увиден «тип сознания, сформированный модернистской эпохой» (К. Анкудинов), каким-то образом усмотрен «латентный», сокрытый «постмодернизм» (Н. Переяслов). Это однозначно свидетельствовало о том, что у преобладающей критики не оказалось инструментария для оценки творений духовных, так как предлагаемые понятия имеют всецело социальную природу. По сути, преобладающая критика оказалась не в состоянии постичь поэзию Юрия Кузнецова.

О том, как корчилась в муках наша общественная и литературная мысль, пытаясь дать хоть какую-то оценку явлению Юрия Кузнецова, свидетельствует статья Ларисы Васильевой: «Парадоксы Юрия Кузнецова», опубликованной в «Литературной России» еще в 1987 году (23 января) и перепечатанная во № 2 «Нашим современником» в 2006 году. Но теперь уже совершенно очевидно, что это были «парадоксы» не Кузнецова, а нашей скобоченной общественной мысли. По недоброй «традиции», она называла его «поэтом-модернистом», «абстракционистом» и «авангардистом», сравнивая его с Сальвадором Дали. А как же иначе? Разве могла на тот момент «передовая» мысль обойтись без этого? Не могла, иначе она и «передовой» не признавалась бы. Вместе с тем она признавала за Ю. Кузнецовым великое явление: «Сквозь века и времена залетело богатырское семя в двадцатый век, выросло в душе поэта». Однако, по ее же мнению, все это для реальной жизни общества, народа, страны — просто *нелепость*... И вот почему: «Но нелепость такого богатыря очевидна, подвиг его обречен на заведомое одиночество в мире современных коллективов, поэтому ему ничего не остается делать, как выразить именно нелепость своего появления!». Значит, явилось богатырство, столь драгоценное и необходимое для благонамеренного жития, но оно нам не нужно, оно — «нелепо». Это почему же? Что должно утверждаться *вместо* него? Все самое ничтожное, ибо таков «дух времени»? Но если так, то тогда мы ведем речь вовсе не о поэте, а о самих себе, когда «можно» не только не отвергать низкое и постыдное, но даже бахвалиться им. В таком случае поэт здесь ни при чем.

Я намеревался было выделить в творчестве Юрия Кузнецова собственно военную тему. Но оказалось, что чисто тематический подход к его поэзии невозмо-

жен. Несмотря на то, что о войне он писал изначально. Ведь стихотворение «Со страны начинаюсь, с войны начинаюсь» открывает уже его первый сборник «Гроза» (Краснодарское книжное издательство, 1966). Его стихи о войне не являются только его человеческим долгом. Они не отличаются по глубине от других стихов. Ведь не случайно поэт входит в общественное сознание этими стихами — такими разными по содержанию и сходными по сути: «Возвращение» и «Атомная сказка». Если первое стихотворение было признано новым словом нового поколения о войне, то второе можно назвать новым словом в русской поэзии вообще. Его уже ранние стихи о войне, об армейской службе отличаются той же глубиной и необычностью мысли, свойственной всему его творчеству:

Я обживаю третий год окоп,
Вон выпвели погоны на шинели!
Мне жизнь морщины нанесла на лоб
Глубокие, как смотровые щели.
Но я не сплю, я на посту стою
В застегнутой на все крючки шинели
Стихи пишу —
как будто бы смотрю
На мир сквозь строчек смотровые щели.

«Морщины», «смотровые щели», «поэтические строчки» — как синонимы. Совмещение, казалось бы, несовместимого, непривычный взгляд на вещи, хорошо известные, новые смыслы в давно известном. Собственно это и вызывало претензии к его стихам. От него ждали быта, а он выражал бытие. И война представляла в его поэзии не в обыденном смысле, но во вселенском: «Шел бой в земле — его конец терялся во Вселенной...»; «Память ничего не объясняет. / Вечный бой гремит и там, и тут»; «Ты сражался с невидимым злом, / Что стоит между миром и Богом». То есть поэт постигал духовный смысл человеческого бытия и духовную, а не только социальную природу человека. Поэт пытался постичь Божеское устройство мира. И в этом он был абсолютно последовательным во весь свой творческий путь. Но этот аспект человеческого бытия — веры и Бога оказался для него самым трудным, как для человека, выросшего в атеистической среде. Но логика его размышлений абсолютно закономерно приводит его к поэмам о Христе. То, что поэт обратился к Священному Писанию, не было исключением, но обыкновением для всей русской поэзии. Не говоря уже о XIX веке, об А. Пушкине, М. Лермонтове, Ф. Тютчеве, А. Блоке, это было необходимостью и неизбежностью, уже начиная со «Слова о полку Игореве». Глубокий исследователь библейских текстов Е.А. Авдеенко в своих книгах «Тема «Каин» в современном мире» и «Враги Давида и враги мессии», вышедших в издательстве «Классис» в 2014 году, совершенно справедливо писал, что «возможно смотреть на события современной истории при помощи категорий Священного Писания ...Возможно богословское зрение современности». Да, собственно это является первой необходимостью, если мы постигаем духовный смысл нашей истории и жизни, а не только их внешние проявления.

Иными словами, не только обращение русских поэтов к Священному Писанию, но постижение своей современности через библейские образы всегда было обыкновением. В том числе и в русской литературе XX века, в советский период истории.

Но безрелигиозное сознание усмотрело в творчестве поэта «заигрывание со злом», мрачную метафизику, заподозрило его в «рискованных связях с силами тьмы», увидело «потусторонность». Но главная претензия к поэту и его творениям состояла в том, что он давал добру равные права со злом, что «Бог с дьяволом у него на равных правят миром, как две вечные силы». Эта претензия поэту особен-

но примечательна, так как за ней угадывается довольно специфическое представление о мироустройстве вообще и о природе человека. Согласно этому представлению о зле и добре, Бог и дьявол имеют в мире не равные права лишь потому, что мы убеждены: Бог — это хорошо, хотя, как известно, Он приносит не мир, а меч, а дьявол — это плохо. На самом же деле каждый человек в равной мере находится под их сенью и влиянием, ибо с рождения у него за плечами — ангел и сатана. Об этом Юрий Кузнецов пишет в поэме «Путь Христа»: «С правой руки Дух Святой, его ангел-хранитель. / С левой руки дух лукавый, его искуситель». Борьба между ними и составляет содержание земной человеческой жизни, брани духовной. И пока человек живет, еще неизвестно, кто одолеет: «Живу на одной половине с судьбой без последней страницы». У А. Блока: «Над нами сумрак неминуемый иль ясность Божьего лица». Сам Юрий Кузнецов, точно понимая это извечное соотношение, восклицал: «Сатаны нет? Да он в каждом из нас и во мне».

Но в нашем обществе получило преобладание иное, искаженное представление позитивистского толка, согласно которому зло не вечно в этом мире. И рано или поздно, когда-нибудь добро обязательно одолеет зло. И тогда наступит... Что наступит тогда, неизвестно. Но добро обязательно победит зло. Но мир устроен иначе, не согласно такой упрощенной схеме. Зло неистребимо в этом мире.

Да что там, сам Господь не только оставляет Каина, но и защищает его, накладывая на него знамение, печать. Соотношение добра со злом и есть содержание человеческой жизни, ибо нет более важного события в человеческой жизни, кроме как утрата веры и обретение ее. Все остальное — производное от этого. Это и было во все времена, если можно так сказать, причиной и предметом поэзии. Всегда, в том числе и сейчас. Приведу в подтверждение хотя бы стихотворение Якова Полонского:

Я ль первый отойду из мира в вечность — ты ли,
Предупредив меня, уйдешь за грань могил,
Поведать небесам страстей земные были,
Невероятные в стране бесплотных сил!
Мы оба поразим своим рассказом небо
Об этой злой земле, где брат мой просит хлеба,
Где золото к вражде — к безумию ведет,
Где ложь всем явная наивно лицемерит,
Где робкое добро себе пощады ждет,
А правда так страшна, что сердце ей не верит,
Где — ненавдя — я боролся и страдал,
Где ты — любя — томила и страдала,
Но —

Ты скажи, что я не проклинал,
А я скажу, что ты благословляла.

Извечный вопрос о соотношении веры и поэзии. И его земной аспект — о соотношении Церкви и литературы. Вера не отменяет поэзию. Скорее наоборот, является непременным и неизбежным условием ее существования. Другое дело — земная Церковь и литература. Но прежде надо припомнить предание о происхождении искусства вообще. Принято считать, что когда люди стали утрачивать способность слышать ангельское пение, они и придумали искусство, заменитель этого пения, эрзац. Отсюда, мол, и отрицание Церковью искусства, а литературы и поэзии в особенности. Сам Юрий Кузнецов подозревал или знал об этом, так как писал: «Естественно предположить, что первыми певцами были ангелы».

Но такое происхождение искусства неточно. Когда люди стали утрачивать способность слышать ангельское пение и утрачивать свою связь с Богом, тогда и появились наиболее чуткие из них, сохранившие в себе эту способность — поэты, которые стали *напоминать людям о Боге* («Веленью Божию, О Муза, будь по-

слушна». А.С. Пушкин). Так появилось *два вида искусства: с Богом и — без Бога*. Но начетчики, не различая этого, стали отрицать все искусство, как якобы свидетельствующее об отпадении от Бога. Этим объясняется та конфронтация Церкви и литературы, которая существует искони и до сего дня. Несмотря на то, что положение понятное, суть которого состоит в том, что религиозные представления и поэтические — это разные сферы сознания, никак не заменяющие друг друга. Это хорошо понимали поэты вплоть до наших позитивистских времен. Ап. Григорьев пишет А.Н. Майкову 11 декабря 1857 года: «Я хотел сказать только, что религия и искусство — две вещи разные... Высший голос спрашивает нас вовсе не о том, что мы сделали для человечества как художники, критики, лекаря и пр., а как мы установили в себе центр своего малого мира, т.е. как мы слили этот малый мир с великим миром...» То есть, с Божеским миром. Вот задача, стоящая перед каждым истинным поэтом: как слить, соединить свой малый мир, свой краткий земной путь с миром вечным?..

И тут мы сталкиваемся, пожалуй, с главной несообразностью нашего времени, которая особенно проявилась в обсуждении поэзии Юрия Кузнецова, точнее, в неспособности ее постичь и объяснить. Его редкий дар соотносить явления современной жизни с представлениями христианского мировоззрения был расценен как заигрывание с темными силами, как «отрицательная творческая энергия». И поскольку вся современная литература якобы «давно утратила традиционное религиозное самосознание», надо оставить ее и обратиться к «другой литературе», духовной, то есть богословской, созданной великими отцами Православной Церкви. Художественная литература должна быть заменена духовной, то есть богословской. Именно такое соотношение литературы и веры представлял в свое время Валерий Хатюшин в статье «Во имя истины» («Российский писатель» № 18 октябрь 2003). Во имя, разумеется, возвращения к Богу и к вере. Но такое представление не является истиной, вовсе не является путем к Богу, ни с точки зрения литературной, ни с точки зрения Священного Писания. Если поэзию, этот дар Божий, можно оставить во имя Бога, то это вовсе путь не к Нему, а скорее наоборот — отпадение от Него... Ведь из Священного Писания хорошо известно, когда люди утрачивают образное мышление и когда уничтожается поэзия. При Вавилонском строительстве, являющемся вечной мировой деятельностью, которая, изменяя формы, присутствует в человеческой жизни всегда. Современные же, вроде бы, литераторы и поэты, критики Юрия Кузнецова почему-то полагают, что отречение от поэзии является верным признаком на пути к Богу...

Всем своим творчеством Юрий Кузнецов противостоял такому губительному упрощению. Его последние стихи «Поэт и монах», представляющие собой диалог, свидетельствуют об этом. Это, по сути, завещание нам, написанное поэтом за два дня до кончины. («Завтра», № 47, 2003, «Наш современник» № 1, 2004).

Вера человека, тем более его природная вера, то есть дедов и отцов, по определению, не может входить в противоречие, в конфликт с его творчеством, вне зависимости от того, какое это творчество — поэтическое или научное. Скорее, она является неперменным условием творчества. А если такое противоречие все-таки происходит, как у нас в России с середины XIX века, не в литературе даже, а в околολитературной публицистике, то это никак нельзя считать нормальным и естественным. Оно чревато, как мы теперь уже знаем, грандиозными потрясениями общества и страны. А потому мне не интересны бунтари и низвергатели, упрощенные по своей природе. Гораздо интереснее тип человека, органически сочетающего в себе веру и творчество. Такие, как ученый-физиолог академик И.П. Павлов, хирург и святитель Лука Войно-Ясенецкий. Наш современник и мой ровесник Валентин Катасонов, человек точных знаний, финансист, знающий всю неприглядную изнанку этого мира и вместе с тем — глубокий мыслитель, отнюдь не

отрицающий духовную природу человека. Безусловно, к этому редкому типу людей относится и Юрий Кузнецов.

Как видим, критики отвергают не постижение Юрием Кузнецовым духовных истин, но отвергают сами эти истины. Похоже, сами того не ведая. Хотя декларируют вроде бы защиту истин от поэта.

Складывается впечатление, что ниспровергатели поэм о Христе Юрия Кузнецова только и были заняты всю жизнь постижением Священного Писания для того, чтобы теперь защитить его «чистоту» от поэта. Вчера только открывшие Евангелие, когда это стало велено... Но являют то, что сами находятся вне духовных понятий и представлений. Но что удивительно, и вне литературной традиции. Словно во всей русской литературе ничего не было написано о соотношении божественного и поэтического. И стоит лишь поражаться тому, как мог пятнадцатилетний М. Лермонтов выразить в стихотворении «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный...») то, что и до сих пор не вошло в наше общественное сознание.

Земная Церковь всегда находилась и находится в определенной мере конфронтации с литературой, поэзией. Но на чем основано убеждение в том, что во имя Бога и веры надо оставить художество и вместо него обратиться к духовной, то есть богословской литературе? Смее утверждать, что основано оно на недоразумении, а точнее — на недостаточно глубоком постижении Священного Писания. На этом основано и наше нынешнее возвращение к вере, которое трудно назвать таковым, так как коллективных возвращений к вере, как и коллективных покаяний не бывает. Скорее, это блуждание вокруг Православной Церкви. Основано это на упрощенном представлении о том, что когда народ отпадает от Бога, когда мир утопает во зле, якобы непорочной остается земная Церковь, которая стоит незыблемо. На самом деле это не так, ибо когда народ отпадает от Бога, то отпадают *все* — и князья, и цари, и пророки, и священники, господствующие при посредстве их. Тогда и появляются пророки, которых Господь не посылал. В книге пророка Иеремии: «Они, цари их, князья их, и священники их, и пророки их» (2; 26), «Ибо от малого до большого, каждый из них предан корысти, и от пророка до священника — все действуют ложно» (6; 13). «Изумительное и ужасное совершается на сей земле: Пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого?» (5; 31).

А потому нет ничего хорошего в том, что писатели, бросив свое трудное, неприютное дело, бросились в храмы, став воцерковленными до неприличия. Это свидетельствует об одном: и писательство не было для них смыслом жизни, а скорее способом существования, и веру они понимают недостаточно глубоко. Свидетельствует, в общем-то, об интеллектуальном срыве. Нет ничего хорошего и в том, что, скажем, учреждается Патриаршая премия *по литературе*. Не богословская, а именно литературная. И самое поразительное состоит в том, что не нашлось ни одного литератора, который честно и смело сказал бы об этом, хотя бы словами русского царя Ивана IV: «Не подобает священникам творить царские дела». То есть мирские дела. Это не нужно ни Церкви, ни этим «демам»... Ведь у Церкви самой много таких проблем, которые остаются невидными и которые имеют только богословское разрешение. Скажем, истинно верующие не находят ответа на вопрос о том, почему к 1000-летию Крещения Руси канонизирован Максим Грек, осужденный двумя церковными соборами за еретическую правку богословских книг. То ли правка была не еретической, то ли отменены решения Соборов? И возможна ли такая отмена? Это обстоятельно изложено выдающимся историком нашего времени Игорем Яковлевичем Фрояновым в монографии «Драма русской истории» (М., издательский дом «Парад», 2007).

Да и первая страница русской святости требует объяснения. Почему канонизированы Борис и Глеб, а брат их, князь Древлянский Святослав, так же безвинно убиенный, не канонизирован? Верующие задаются этими вопросами в светских изданиях, а богословы, Церковь этого не замечает, занятая, видимо, художественной, светской литературой, заниматься которой ей никак не следует... Я уж не говорю о других фактах, которые прямо-таки вопиют не о прошлой, а о нашей нынешней жизни... Я попытался изложить это в работе «У церковной ограды», опубликованной в моем авторском альманахе «Соленая Подкова» (М., «Алекс», 2010). Рассмотреть факты, уже не богословские и не литературные, а напрямую касающиеся нынешнего состояния народа и государственного устройства.

Остановлюсь для примера только на одном образе Юрия Кузнецова в стихотворении «Завещание»: «В тени от облака мне выройте могилу...». В «Золотой горе»: «В тени от облака нашел тяжелую плиту». Даже слово «ничего», то ли загадка, то ли притча «В тени от облака живет». Что это за облако? Оно означает признак присутствия Бога. После Потопа, увидев настоящую жертву Ему, Бог сказал: «Не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышления сердца человеческого — зло от юности его» (Бытие 8; 21). Но поставлю завет — радугу в облаке: «Я полагаю радугу мою в облаке, чтобы она была знамением завета между Мною и между землею» (Бытие 9; 13).

Облако связано также с тайной Ковчега Завета, который указывал путь сынам Израилевым. Не дорогу — куда идти, но путь — как жить; «Когда поднималось облако от скинии, тогда отправлялись в путь сыны Израилевы во все путешествие свое. Если же не поднималось облако, то и они не отправлялись в путь, доколе оно не поднималось» (Исход 40; 36). То есть облако — это знак присутствия Бога. И это не такая уж редкость в русской поэзии. У Владимира Соколова: «Зачем ты нужна мне, ночная / Тропинка в тени облаков». И это вовсе не заимствование, а свидетельство того, что поэты находились в едином духовном поле.

Должен и обязан особо подчеркнуть, что я говорю о тех духовных представлениях, проявившихся и в поэзии Юрия Кузнецова, которые присутствуют в нашей жизни всегда, во все времена, не устаревая. Наше же обыденное безрелигиозное позитивистское сознание полагает, что это все является лишь достоянием прошлого. Непростительная наивность и ничем не извинительное упрощение жизни человеческой...

Юрий Кузнецов — это прежде всего мысль. Мысль глубокая, сообщающая новые смыслы вроде бы хорошо известному, возвращающая нас к исконным представлениям, к духовной природе человека: «Рассекает пустыни и выси серебристая трещина мысли»; «О древние смыслы! О тайные знаки!» Это «какая-то сверхмысль», — писал Сергей Небольсин. И в этом значении Кузнецов действительно «присутствует в русской поэзии как-то особо, ни на что и ни на кого не похоже...» (Вячеслав Лютый). Но мысль его столь необычна, с такой неожиданной стороны подсвечивает нашу жизнь, что это не то, что нельзя понять, в это трудно и страшно поверить:

От вечной книги дым валит,
В ней выгорали строки.
Мир покосился, но стоит...
Еще не вышли сроки.

Или это в поэме «Четыреста»:

Летели мимо поезда
И окнами смеялись.
Шла жизнь, но люди, как вода
В графине не менялись.

И позже: «К перемене погоды заныла рука, а душа — к перемене народа...» Эту стремительную «перемену народа» мы наблюдаем сегодня. И, кажется, нет никакой силы, которая могла бы остановить это адское действо, исход которого пока не вполне ясен...

Это был некий мощный интеллектуальный всплеск, словно предвидевший нынешний интеллектуальный провал нашего общества. Вместе с тем, он указал путь спасения в этом покосившемся мире — не через новые, а по сути, старые социальные теории, лишь слегка припудренные, а через возвращение к духовной природе человека. И теперь «на руинах великих идей» мы продолжаем жить под знаком Юрия Кузнецова.

«Русский зигзаг» в мире Кузнецова — это вместе с тем мировой зигзаг в пошатнувшемся мире. Мы ведь не можем теперь не задаться вопросом: а не является ли история с эпохи Возрождения неким зигзагом, который исчерпал себя, и начинается какое-то новое положение человека в мире.

Все три Рима — вот мое богатство!
Вот мое святое божество!
А свобода, равенство и братство —
Призраки и больше ничего.

Заметим — «Все три Рима», а не только Третий Рим...

Валентин Катаонов говорит, что теперь Священное Писание читаешь как газету, настолько оно близко и объясняет время. В частности, говорит о конце Вавилона. В нашем нынешнем случае — это духовная, долларовая и мировоззренческая экспансия, что будет он низвергнут не постепенно, как казалось, а мгновенно, «в один день» и «в один час», как об этом сказано в «Откровении святого Иоанна Богослова: «И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его» (18; 21).

Но для этого должен отыскаться «один сильный Ангел»... Как в «предсказании» М. Лермонтова: «В тот день явится мощный человек», «И будет все ужасно, мрачно в нем»...

Что же тогда значит вся эта «визилизация», в которой мы жили, что значат тогда все те «учения», которые считались «передовыми», и которые, казалось, должны были предсказать, что и как будет, если все это уже давно предсказано в «Откровении»?..

С наследием больших поэтов происходит со временем нечто удивительное. Когда горел собор Парижской Богоматери в наше время, 15 апреля 2019 года, разве можно было не вспомнить стихотворение Юрия Кузнецова, написанное за сорок лет до этого: «Для того, кто по-прежнему молод, / Я во сне напоил лошадей. Мы поскачем — во Францию-город / На руины великих идей». Я попытался осмыслить это пророчество Юрия Кузнецова в статье «На руинах великих идей», которую можно посмотреть на электронном ресурсе «Литературной газеты» (4 января 2020) и в книге «Трагические судьбы русских писателей» (М., «Звонница-МГ» 2020).

Казалось, какая-то и вовсе фантазмагория в стихотворении 1984 года вдруг обобщается непостижимым, страшным пророчеством:

Птица по небу летает.
Поперек хвоста мертвец.
Что увидит, то сметает.
Звать ее: всему конец.
...Над страной пролетела,
Повела одним крылом —
И страны как не бывало
Ни в грядущем, ни в былом.

Это «ночная птица»: «Когда кричит ночная птица, / Забытым ужасом полна, — / Душа откликнуться боится, / Она желает быть одна». А «всеу конец» угадывается в роковом «все равно», которое было хорошо известно, всеохватывающим накануне революционного крушения страны начала XX века. О нем в поэме А. Блока «Возмездие»:

То роковое *все равно*,
Которое подготавливает,
Чреду событий мировых
Лишь тем одним, что не мешает.

Вот, оказывается, каким поразительным свойством обладает русская поэзия. Всегда, во все времена, если, конечно, это действительно поэзия. Таким свойством она обладала и во второй половине XX века. И нам еще не раз придется вернуться к ней, постигая ее тайные смыслы, постигая свою жизнь.

Произошло, казалось, немыслимое и невозможное. «И страны как не бывало...» Произошло без веских на то причин. Произошло потому, что не оказалось достаточной крепости духа и ума у большинства современников для того, чтобы постичь то, как устроен этот прекрасный и ужасный мир... Юрий Кузнецов оказался на этом трудном пути один из немногих, если не один... Ведь такого решительного возврата к исконным человеческим представлениям, как у него, в этот период нашей истории, во второй половине XX века, кажется, ни у кого не было. Да он и сам это понимал, бережно исполняя свою миссию: «Задача всего моего творчества — вернуть русской поэзии первичность, которую она утратила в XX веке». И теперь, ввиду происшедшего в нашей жизни и не происходящего в литературе, становится ясно, что эта самооценка несколько не завышена. Так все и есть. Но очевидно и то, что эту его миссию в нашей народной и государственной судьбе мы еще не вполне осознаем.

Егор Исаев: «ОТ НЕРВА БОНДАРЕВА МОЖНО БЫЛО ПРИКУРИТЬ»

Завершил свой земной путь Юрий Бондарев — последний крупный писатель-фронтовик, чья проза, безусловно, определяла развитие русской литературы второй половины XX века. 60 лет он отдал литературному творчеству, и любое его произведение — «Тишина», «Горячий снег», «Батальоны просят огня», «Берег»... — по праву считаются вершинами художественного воплощения темы Великой Отечественной войны.

Многие годы Ю.В. Бондарев был членом редколлегии журнала «Подъём», всегда с готовностью помогал воронежским литераторам-дебютантам. Крепкая дружба связывала Юрия Васильевича с известным поэтом, нашим земляком Егором Исаевым. О занятом и поучительном эпизоде их знакомства рассказывает Михаил Фёдоров.

Сердце содрогнулось при известии, что ушел из жизни Юрий Бондарев, один из родоначальников «лейтенантской прозы», воин, защищавший родную землю, свой народ, честный человек, не покрививший совестью. И теперь, ощутив всю глубину утраты, мне хочется вспомнить, как отзывался о «Юре» — так называл писателя-фронтовика его друг — поэт Егор Исаев.

Он сказал: «Юра Бондарев — он действительно думающий. Он не просто думающий, а нервно думающий. От его нерва иногда можно было прикурить».

Вспоминаются встречи с Егором Исаевым, когда он говорил о Юрии Васильевиче... Однажды я узнал, какую знаковую роль сыграл Бондарев в судьбе поэта. Благодаря ему Егор Исаев стал студентом Литинститута...

Егор Александрович рассказал:

— Поступал я в Литературный институт с приключениями. Мне в армии предлагали остаться. Я всего лишь младший сержант, но уже печатался в Москве. Нас задержали на службе. 25-й и 26-й год рождения. Приехал начальник политуправления Центральной группы войск, это под Веной. Генерал-лейтенант Кладовой. И редактор Жуков. И они меня стали упрашивать: «Товарищ младший сержант... или товарищ Исаев... Вы журналист. По штату должность капитанская, майора... Мы вас посылаем на курсы во Львов, в политическое училище. Отделение журналистики. Проходите курсы, мы вам даем звание старшего лейтенанта, и вы остаетесь в военной редакции...» А я уже в армии семь с половиной лет! Я, может быть, и согласился бы, но у меня было два письма от Долматовского и от Грибачева. Грибачев

медал поэзией в «Советском воине», он тогда «Красноармеец» назывался. А Долматовский — в «Смене». Вот эти письма и возбуждали мою мечту о Литинституте...

А пока они меня уговаривали, время-то ушло. Я приехал в Москву с опозданием. Сразу на Киевский вокзал. Потом на метро до Арбата, и все равно, беги не беги, лети, ползком ползи — время уже прошло. И вот бульвар Тверской, 25. Литинститут. Пришел на второй этаж, тут заведовал кафедрой творчества Василий Александрович Смирнов. Отличный прозаик... Нет, не тот, что писал «Брестскую крепость». Я: «Вот к вам...» А он на меня посмотрел и засмеялся: «Уже и занятия идут. Вот видишь. Комиссия распущена. Всё».

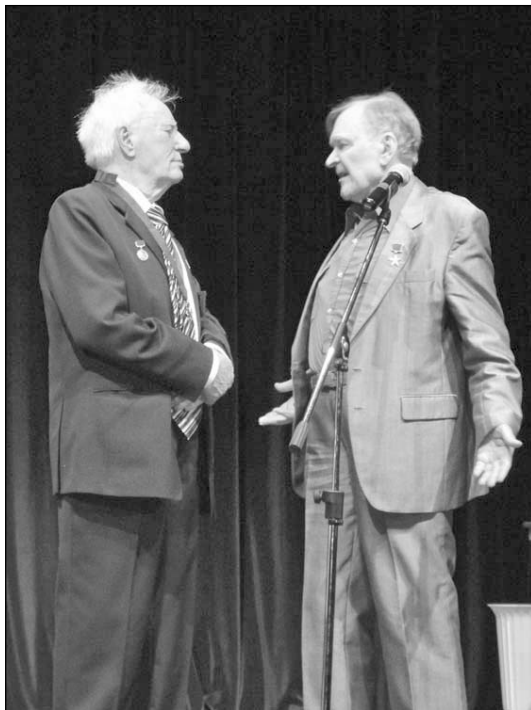
В грусти и тоске поворачиваюсь и спускаюсь вниз. Выхожу в сквер, там стоит один в офицерском кителе. Следы от погон. Он говорит: «Младшой, ты чего такой?» Говорю: «Да вот, опоздал». И всё ему в подробностях рассказываю. «Как — опоздал? Это армия опоздала. Пойдем!» За руку — и меня опять к Василию Александровичу. И Смирнов уже не мне объясняет, а ему: «Ведь никакой же рекомендации! Обычно рекомендации от писателей нужны, а у него ничего нет. Чем тут поможешь?!»

И когда он сказал о рекомендациях, я вспомнил: «Да у меня письма есть». — «Какие письма?» — «От Долматовского и Грибачева». — «Чего же ты не говорил?» А Грибачев в это время уже был секретарем Союза писателей СССР. И он там же ведал партийной организацией. И вот поехал в Корею, тогда даже написал поэму «Ким Ир Сен». И он (представляешь, какие люди были!), уезжая в Корею, встретил Смирнова и сказал: «Если из Австрии приедет боец, вы его обязательно примите в Литинститут». Правда, фамилию мою почему-то не назвал. Смирнов нам все это и рассказывал. А поскольку комиссия-то распущена, экзамены я не сдавал. Студентом стал в порядке исключения. Но учился, что называется, взахлеб и на следующий год уже получал Крыловскую стипендию. А вскоре у меня в военном издательстве вышла книжечка «Над волнами Дуная».

Кто же был тот, в офицерской форме? Юра Бондарев! Вот что такое фронтовики!.. Он многим помогал...

— Юра Бондарев, он же и Распутина подымал. Тот ему письма писал. Надо об этом говорить...

Светлая память бойцу-писателю и писателю-бойцу!
От многих-многих ему земной поклон.

Егор Исаев и Юрий Бондарев

Михаил ФЁДОРОВ

Андрей Григорьевич Румянцев родился в 1938 году в селе Шерашово Бурятской АССР. Окончил Иркутский государственный университет, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Работал в региональной печати, на телевидении и радиовещании, в Литинституте им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Октябрь», «Юность», «Огонек». Автор более двадцати поэтических и прозаических книг. Его произведения переведены на французский, монгольский, эстонский, бурятский и др. языки. Народный поэт Бурятии. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Иркутске.

Андрей Румянцев

ДЛЯ МУЗЫКИ НЕТ ПРОВИНЦИЙ

(Штрихи к портрету
пианиста-виртуоза Дениса Мацуева)

Издательство «Молодая гвардия» подготовило к выпуску в популярной серии «Жизнь замечательных людей. Биография продолжается» книгу Андрея Румянцева о всемирно известном российском пианисте Денисе Мацуеве. Для автора это третье биографическое повествование о своих знаменитых земляках-сибиряках. В последние годы уже выходили его книги о прозаике Валентине Распутине и драматурге Александре Вампилове.

Искусство Мацуева хорошо знакомо воронежцам. Музыкант часто выступает в нашей области и имеет здесь многих поклонников. Предлагаем читателям отрывок из новой книги о пианисте-виртуозе.

Не однажды Дениса Мацуева посещали грустные мысли: почему мы на своей родине, даже в иных крупных городах, не имеем просторных музыкальных залов? Почему в региональных филармониях нет приличных роялей? Почему народ, давший миру Глинку, Мусоргского, Чайковского, Рахманинова, Шостаковича, Свиридова, не имеет возможности слушать у себя, в родном краю, музыку этих чародеев, как и великих зарубежных композиторов? Человек действия, Мацуев решил для себя: начинать нужно с приобретения инструментов, с организации симфонических оркестров, с подготовки юных музыкантов. Построить в провинции новый зал — это пробле-

ма, но то, что намечал он, можно было осуществить и в областной филармонии, и в скромном районном Доме культуры, и в сельском клубе. Кому-то нужно начинать.

Сам Денис начал с фестиваля «Крещендо». Договариваясь с руководителями регионов о проведении своего музыкального праздника в республике, области или крае, пианист ставил условие: купите высококачественный рояль, создайте филармонический оркестр, пригласив в него молодых исполнителей, соберите талантливых детей, чтобы известные музыканты и педагоги могли провести с ними мастер-классы.

В марте 2016 года Денис Леонидович с командой стипендиатов Фонда «Новые имена» и лауреатов конкурса, прошедшего перед этим в Астане, приехал в Воронеж. В этом городе сам пианист выступал многократно — по программам фестивалей «Крещендо», «Пасхальные дни», гастрольных турне. И как всегда, первая встреча в областной филармонии — с коллективами оркестров. Именно оркестров, потому что в старинном русском городе их два: большой академический под управлением Владимира Вербицкого и молодежный во главе с Юрием Андросовым. Первый оркестр имеет давнюю и богатую творческую историю, а вот второй был создан недавно, и составили его студенты музыкальных учебных заведений. К таким коллективам у Мацуева особый интерес, теплое, братское внимание. Когда в предыдущий раз Денис Леонидович вместе с оркестром Мариинского театра приезжал в Воронеж на пасхальный фестиваль, он предложил прославленному дирижеру Валерию Гергиеву объединить на сцене свой коллектив со студенческим. С таким музыкальным сопровождением пианист и выступал. «Тот концерт настолько запал мне в душу, — признался Мацуев, — что я почти каждый год, приезжая в Воронеж, выступаю именно с молодежным оркестром». Более того, готовя очередной фестиваль «Крещендо» в московском зале «Филармония-2», Денис Леонидович пригласил принять в нем участие своих новых друзей. «Искушенной столичной публике их выступление понравилось, — подвел итог пианист. — Я еще раз убедился: в поисках новых талантов не нужно заикливаться на Москве и Санкт-Петербурге. В российской глубинке их тоже немало».

А о концертах в Воронеже весной 2016 года он рассказал: «Здесьняя публика очень подготовленная. Вчера, например, был удивительный прием. Выступления длились три с половиной часа, а люди слушали нас, затаив дыхание. В первом отделении исполнителями были юные воронежцы — стипендиаты Фонда «Новые имена», прошедшие мастер-классы у профессоров Московской консерватории, и лауреаты последнего конкурса в Астане. Во втором — в сопровождении молодежного оркестра я сыграл Третий концерт Рахманинова. Оркестр чисто выполнил самый сложный аккомпанемент, который и аккомпанементом-то не назовешь. Это тщательно подготовленное, отточенное исполнение. Пригласил молодежный коллектив летом на фестиваль во французский город Анси. В зале было много студентов, старшеклассников. После концерта они окружили лауреатов Фонда «Новые имена», засыпали их вопросами. Видно было, что пример “звездочек” увлекает их сверстников».

Когда Мацуев ратует за создание в России молодежных симфонических оркестров, у него есть зарубежные примеры. Разве мы беднее музыкальными талантами, например, американцев? Летом 2016 года пианист начал европейское турне с необычным коллективом. Организаторы концертов предложили ему выступить с Национальным молодежным оркестром США. Дирижером его был человек, «родной» для Мацуева, — Валерий Гергиев.

Само существование *такого* оркестра вызывало у Дениса Леонидовича особый интерес. Кто стал инициатором создания коллектива? Как осуществлялся набор? Какие музыканты по возрасту и опыту в итоге составили оркестр? Ответы на эти вопросы, как и следовало ожидать, оказались поучительными.

Создать юношеский оркестр предложила администрация знаменитого Карнеги-холла во главе с исполнительным директором Клайвой Гиллинсоном, человеком опытным и творческим. Для него это был не первый значительный проект. Решено было на основе

строгого конкурса отобрать талантливых музыкантов в возрасте от шестнадцати до девятнадцати лет. Причем только граждан США, выходцев из любого региона страны. Очная учеба в консерваториях помешала бы их концертной деятельности, поэтому для молодых оркестрантов организовали занятия в мастер-классах выдающихся педагогов со специализацией в инструментальном исполнении музыки.

Впервые всеамериканский конкурс для отбора в Национальный молодежный оркестр был проведен в 2013 году. Возглавить жюри организаторы пригласили Валерия Гергиева. Первые гастролы маэстро и его необычного коллектива прошли совместно со скрипачом Джошуа Беллом и включали концерты в Вашингтоне, Москве, Санкт-Петербурге и Лондоне.

«Для меня большая честь участвовать в предложенном туре, — написал в своем блоге Мацуев. — Мне доставляет особое удовольствие играть с молодежным коллективом. Ребята излучают мощную энергию и горят желанием выступить как можно лучше. Я играл с разными юношескими оркестрами, в том числе, с Фестивальным оркестром Вербье, например. В последние годы и нам есть чем гордиться. Уже известными в России стали Юношеский оркестр Воронежа, который принимал участие в фестивале “Крещендо” в Москве, и Молодежный оркестр Свердловской филармонии, оставивший своей игрой большое впечатление на фестивале в Екатеринбурге. Никогда не забуду, как восторженно принимала выступление детского оркестра из Иркутска “Созвездие Байкала” публика на фестивале во Франции. Сейчас Юрий Башмет создает Всероссийский юношеский симфонический оркестр.

На мой взгляд, это замечательное движение. Молодые музыканты приобретают уникальный опыт, общаются со знаменитыми дирижерами, получают ежедневные уроки в мастер-классах. Уверен, что многие из них свяжут свою жизнь с работой в оркестре. Они оценят, что значит заниматься музыкой в большом коллективе, где все группы оркестра играют слаженно, чутко откликаются на каждое движение дирижера. Оркестр, в котором музыканты собираются вместе лишь время от времени, для гастролей, такого творческого удовлетворения не дает».

В июле 2017 года на очередном фестивале «Крещендо» в Сочи выступал Уральский молодежный симфонический оркестр из Екатеринбурга. Дирижировал им маэстро Энхэ, приглашенный в Россию из Монголии. Свое впечатление от этого коллектива, впервые вышедшего на сцену родного города десять лет назад тоже по программе фестиваля «Крещендо», Мацуев выразил, как всегда, эмоционально: «Я был поражен!» Чем же?

«Я много раз говорил, что юношеские коллективы — это всегда особенная история. Помню, какими оркестранты были в самом начале их творческого пути. Да, увлеченными, энергичными. Но ведь опыт и к увлеченным приходит не сразу, тем более, что речь идет о большом коллективе, которому нужна слаженность. Я и подумать не мог, что ребята добьются такого блестящего результата: сбалансированности всех групп, удивительной энергетике. Красивые и талантливые молодые люди, чье желание сыграть как можно лучше, их горящие глаза не могут не вдохновлять. Предвкушаю игру с ними. И радость слушателей: перед ними выступают вместе с Уральским молодежным симфоническим оркестром талантливые воспитанники Фонда “Новые имена”, лауреаты конкурса “Синяя птица”. Это будет феерия из классики и джаза!»

Мы не случайно выбрали российские адреса, которые подтверждают уверенность Мацуева: «Для музыки нет провинций». Для музыки открыты и нефтеносный тюменский край, и древнерусская воронежская земля, и сочинский уголок Черноморья. Прибавим для убедительности примеров еще одну обитель «звучащей красоты» — Кузбасс, родной дом шахтеров.

Мацуев играл здесь много раз. И на своих сольных концертах, и в компании с участниками фестиваля «Крещендо», с юными музыкантами Фонда «Новые имена». «Могу утверждать, — рассказывал он, — что здесь особенная, хорошо узнаваемая мной

Денис Мацуев в Воронеже

публика. Шахтерский труд, жизнь в суровых зауральских условиях, готовность к риску делают этих людей патриотами края, романтиками своей профессии. Со многими жителями Кузбасса я общаюсь в Интернете, мы переписываемся, насколько позволяют мне перелеты. Я представляю, какую серьезную роль в жизни этих людей играет музыка. Посещения концертов стали для них привычными. Уже не редкость, что накануне моих концертов кто-то из них просит сыграть на “бис” Прелюдию Рахманинова или Венгерский танец Листа. Это настолько трогательно и важно!

Классическая музыка обладает очень сильным целительным воздействием, о котором я все время говорю. И подтверждение — превосходный концерт с кемеровским оркестром под руководством китайского дирижера Тао Линь. Выступали потрясающие молодые солисты: Мария Баянкина, Артур Назиуллин, Нарек Ахназарян, Роман Симович. Последний, кстати, родом из Кемерово. Отец Романа был основателем оркестра местной филармонии. Теперь он — солист Лондонского симфонического оркестра. Удивительно, как все тесно переплетено в этой жизни!»

Кроме своего сольного концерта пианист провел в Кемерово еще один — вместе с юными музыкантами, стипендиатами Фонда «Новые имена». Не забыты были и занятия в мастер-классах. Десятки одаренных мальчишек и девчонок посетили уроки известных московских педагогов, как и самого Дениса Леонидовича. И на этих занятиях, и на концертах прозвучало обещание Мацуева: будем встречаться в Кемерово каждую осень!

Полетав немало по свету, Мацуев убедился в том, что люди, одержимые музыкой, ищут все новые возможности «озвучить» ею мир. Например, передавать во все уголки своих стран с помощью телевизионной и радиотрансляции концерты из специальных центров — виртуальных залов. В ноябре 2014 года к радости пианиста был осуществлен первый в России такой проект.

«Я участвовал в открытии виртуального концертного зала Московской филармонии, — рассказал Денис Леонидович. — Мне думается, что это очень нужное начинание. Я не устаю повторять, что классическая музыка исцеляет души. Она сглаживает конфликты и приносит мир туда, где царит разлад. Проект виртуального концертно-

го зала Московской филармонии — действительно замечательный. Подразумевается трансляция в режиме реального времени огромного количества концертов классической музыки для любых залов по всей стране. Это, конечно, не отменяет трансляции их в сети Интернет. Но проект дает возможность общения с классической музыкой огромному числу людей в регионах, где нет пока специальных концертных залов. И даже тем жителям глубинки, которые не могут доехать до областного центра, чтобы попасть на концерт. Теперь не имеет значения, где ты находишься, лишь бы было в населенном пункте подходящее помещение.

На сцене виртуального концертного зала смогут выступать и молодые музыканты. Это очень важно. Благодаря фестивалю “Крецендо”, например, подрастают уже второе и третье поколения талантливых ребят. Нам хочется познакомить с ними страну. Формат виртуального концертного зала здесь как нельзя лучше подходит.

Я предвижу возражения, что концерт такого рода не заменит слушателям присутствия на выступлении в реальном зале. Но организаторы проекта и не стремились к этому. Предложенный формат поможет сделать концерты классической музыки регулярными в дальних селениях, познакомит миллионы новых слушателей с великими произведениями, современными исполнителями. Так поступают во всем мире. Это, поверьте, непросто, в том числе, и с технической точки зрения. Потребовалось оснастить широкополосным Интернетом многие и многие региональные площадки. Зато в Домах культуры, библиотеках огромное число людей смотрело концерт в прямом эфире. И качество трансляции было замечательным: отличный звук, четкая картинка. Нужно поблагодарить за высокий профессионализм технических специалистов Московской филармонии, которые неоднократно работали и на моих конкурсах в Астане и Москве. Для меня было большой честью участвовать в открытии виртуального зала».

«В сельский клуб приехала «Ямаха»... Если бы читатель случайно открыл страницу незнакомой книги или развернул случайно попавшую в руки газету и увидел такой заголовок, то он мог подумать: в клуб приехал какой-то важный человек. Но инструмент, который имеется в виду, и в самом деле вызывает у пианистов особое отношение. Впрочем, это история обычная: когда в распоряжении мастера есть испытанный, любимый инструмент, он не пожалеет для него дифирамбов. В этом несложно убедиться, послушав Дениса Леонидовича.

Когда внук Сергея Рахманинова — Александр Борисович — предложил ему написать неизвестные до тех пор сочинения композитора, сыграв их на рояле деда, пианист был, как говорится, рад до небес. Инструмент особенный, его Сергею Васильевичу подарила семья Стейнвей, владевшая фирмой по производству роялей. Он был на десять сантиметров длиннее обычного концертного инструмента. Но самое главное, рояль имел неповторимый звук, более тягучий, чем у нынешних его «потомков». К этому концертному чуду за десятилетия прикасались, кроме хозяина, только два пианиста — Владимир Ашкенази и Михаил Плетнев.

Денис Мацуев говорил о рояле как о существе одушевленном: «Александр Борисович вывез его из виллы Сенар в концертный зал города Люцерн, чтобы я мог сделать там еще одну запись произведений его деда. Во время исполнения у меня было такое ощущение, будто руки сами играют Третий концерт Рахманинова. Такая магия, что перестаешь руководить собой. Мне доводилось сидеть за роялем Чайковского в Клину. Там я тоже испытывал благоговение и трепет, но все-таки Петр Ильич не был пианистом. А Рахманинов — мой кумир и как композитор, и как исполнитель.

Я играл на рояле Ференца Листа в Будапеште в день двухсотлетия со дня рождения композитора, на личных инструментах Эдварда Грига в норвежском Бергене и Дмитрия Шостаковича в доме его сына Максима под Петербургом. И во всех случаях это воспринималось мной как потрясающее, даже мистическое действо. Святослав Рих-

тер шутливо говорил: “Что стоит, на том и играю”. Хорошо бы так. Самое ужасное, когда есть выбор. В Лондоне или Берлине перед сольным концертом выкатывают пять инструментов, и ты должен решить, какой оставить. Тут и начинаются мучения. Все рояли высочайшего класса, но трудно предугадать, как они поведут себя во время концерта. Нюансов масса. Но, знаете, мне даже нравится укрощать строптивых. Играть на самом хорошем и послушном инструменте, конечно, приятно, однако в девятые годы приходилось иметь дело с такими “дровами”... Словами не передать! Я и начинал на мамином пианино “Тюмень”. Инструмент сохранился до сих пор, стоит в Москве в помещении Фонда “Новые имена”. Как раритет. Мы перевезли его из Иркутска на съемную квартиру, на нем я выучил программу, которую потом исполнил на конкурсе имени Чайковского. Я долго занимался на “Тюмени”, пока бабушка Евгения Михайловна, та, которая продала ради моей карьеры иркутскую квартиру, не купила чешский Petrof. Он стоил тысячу шестьсот рублей. Огромная сумма по тем временам!

Сейчас за мной нередко возят рояли. Если знаю, что где-то стоит не слишком качественный инструмент, прошу известную фирму, чаще всего — Yamaha, и ее сотрудники доставляют рояль, куда скажу. Так было в Зальцбурге, например. Везут заранее, за несколько дней, чтобы инструмент отстоялся, так сказать, «пообвык».

И вот после этого монолога на тему, что значит для пианиста рояль, мы сможем перейти к разговору о том, как остро не хватает качественных инструментов в концертных залах нашей страны. Мнение Дениса Леонидовича на этот счет неутешительное: «На чем играют сегодня в музыкальных школах? Их по стране около пяти тысяч, и в большинстве из них дети мучаются, занимаясь на допотопных пианино. В России не осталось фабрик, выпускающих хотя бы простенькие инструменты.

Проблема еще в том, что древесина для дек должна отстаиваться чуть ли не десять лет. Валерий Гергиев высказал идею: в мире есть несколько брендов, находящихся на грани банкротства. Почему бы не сделать дистрибуцию? Ведем же мы на российских предприятиях сборку машин западных марок. На таких же условиях можно производить пианино. Другой вопрос, что самый скромный рояль марки Yamaha стоит более двухсот тысяч рублей. Вряд ли инструмент отечественной сборки окажется дешевле. Значит, нужна помощь государства или меценатов, чтобы дотировать покупку роялей школами».

Мацуев не из тех людей, которые видят проблему, но сами мало что делают для ее решения. В своих поездках по России он всякий раз ищет возможность, чтобы для области, края, республики были приобретены качественные рояли. В своих дневниковых записях пианист, как азартный игрок, ведет счет своим «победам»: вот еще вчера в стране было столько-то первоклассных инструментов, а сегодня уже намного больше! И времени для того, чтобы в очередной поездке опробовать новый рояль и показать в компании с местными музыкантами его качество, не жалеет.

15 марта 2015 года он рассказал в своем блоге:

«Завтра начинаются мои очередные “Оренбургские сезоны”, которые будут проходить уже в пятый раз. Как всегда, придет знаменитый оркестр (нынче это будет Государственный академический симфонический оркестр России имени Е.Ф. Светланова и дирижер — заслуженный артист России Александр Сладковский), выступят блистательные солисты Сергей Крылов, Мария Баянкина и другие. Обязательно состоится отбор талантливых ребят в команду Фонда “Новые имена”. Оренбургский праздник занимает особое место в ряду моих российских фестивалей. Здесь происходит то, что нужно сделать и в других регионах страны. Губернатор области Юрий Берг любит классическую музыку. Во многом поэтому Оренбуржье в последнее время захлестнула “фортепианомания”. Можно сказать, “новоселья для роялей”.

Юрий Александрович по моей просьбе за этот год сумел организовать покупку восьми (!) роялей. Все они приобретены для районных Домов культуры. И что важ-

но — ни один рояль не был куплен на бюджетные деньги. Это результат объединенных усилий губернатора, местных меценатов и общественников, которые собирали деньги. Вдохновляет то, что теперь у местных ребят будет стимул заняться музыкой, станут возможны гастроли и знаменитых, и молодых пианистов в эти небольшие города и поселки. У нас был уговор: приезжаю туда, где будут рояли. И я свое слово держу. В прошлом году мы ездили в первые два районных центра — Новосергиевка и Беляевка. А на этот раз по просьбе губернатора совершили вояж в четыре районных центра. Проехали на машине семьсот километров.

Еще вчера я был в Париже, играл в филармоническом зале на три тысячи мест, с уникальной акустикой, а сегодня в пять утра приземлился в Оренбурге. В восьмом часу мы выехали из города и отправились по районным центрам — Илек, Ташла, Первомайский, Бузулук. Для каждого из этих городков был куплен салонный рояль “Ямаха”. И в каждом концерт на новом инструменте открывали талантливые дети. Это было невероятно трогательно. Здесь я нашел для “Новых имен” несколько потрясающих юных “искорок”, за которыми мы будем внимательно следить теперь.

А внимание слушателей на концертах! Любой, кто хотя бы раз гастролировал в таком жестком режиме, знает, что это непросто. Но усталость окупается сердечным теплом зала. Оно действительно исцеляет, заряжает энергией. Люди в этих районных центрах творят такую магию, которая иногда и в самых знаменитых залах отсутствует. Особенности, простые, чистые лица, светящиеся глаза. И сколько молодежи, детей в зале! Мы с губернатором не собираемся останавливаться на достигнутом, потому что районных центров в Оренбуржье тридцать пять, а рояли пока есть только в восьми.

Из новых записей музыканта выберу еще одну, из которой читатель, надеюсь, поймет, что за характер у Дениса Леонидовича, на что он идет ради важного дела. 2 марта 2015 года:

«По большому счету вчерашний концерт в Воронеже нужно было отменять, потому что играть с температурой 39,4 в принципе, конечно, можно, но экспериментировать с этим опасно. Наверное, это сумасшествие. Но я не смог отменить сольное выступление в зале, где должна была пройти презентация нового рояля “Стейнвей”. Такие концерты, к моей радости, уже становятся доброй традицией. За последнее время мне удалось убедить губернаторов и спонсоров купить более сорока пяти новых инструментов для филармоний по всей стране. Буквально неделю назад я проводил презентацию нового рояля в Уфе, вчера — в Воронеже. Обычные таблетки не помогали сбить температуру, но я в очередной раз убедился, что хорошо действует “лекарство”, которое мы открыли вместе с моим другом Владимиром Спиваковым. Я говорю о “сценотерапии”. Когда я вышел на сцену, появились и силы, и нужный настрой».

Сколько юных талантливых пианистов открыл Денис Мацуев? Это трудно подсчитать, да никто и не возьмется за такую арифметику. Можно лишь представить. В России проходит около десяти инициированных им музыкальных фестивалей (зарубежные не в счет). На каждый из них команда Дениса Леонидовича приглашает несколько уже проявивших свой талант юных исполнителей. Не только пианистов, но и тех, кто хорошо играет на других инструментах. Далее, возглавляемый им Фонд «Новые имена» ведет постоянный отбор одаренных детей для последующей учебы в престижных музыкальных школах, колледжах и консерваториях страны, назначает им стипендии. Мацуев участвует и в работе жюри телевизионного конкурса нынешних вундеркиндов «Синяя птица». Победители в музыкальных номинациях этого многопланового состязания сразу берутся на заметку Денисом Леонидовичем. Он «выстраивает» вместе с их родителями путь юных лауреатов к творческим высотам. Наконец, в постоянных гастрольных поездках по стране, а их за год оказывается около двухсот, пианист встречается с одаренными детьми, организует для них мастер-

классы, занятия в которых ведут столичные педагоги, помогает получить путевки в летний лагерь юных музыкантов, уже несколько лет действующий в старинном городе Суздале. Все это — огромная работа, ни на месяц не прекращающаяся и дающая хорошие результаты.

Думается, можно приоткрыть подробности: что же стоит за явлением, которое, не преувеличивая, мы назовем российской «школой Мацуева».

В один из ноябрьских вечеров 2015 года пианист завершил музыкальный фестиваль в Тюмени. И уже в два часа ночи сел в купе поезда, чтобы утром сойти на перрон в Екатеринбурге. Видимо, и после короткого сна гость выглядел сносно, потому что встречавший его председатель правительства области тут же пригласил Мацуева в дальнюю поездку.

Путь их на легковой машине лежал в небольшом городке под названием Нижняя Тура, за пятьсот километров от Екатеринбурга. «Я не мог отказать от такой поездки, — написал позже Денис Леонидович. — Меня ждали двести пятьдесят детей, которые съехались со всей Свердловской области, чтобы сыграть для меня концерт».

О самом выступлении юных музыкантов пианист рассказал: «Я был поражен качеством их игры, тем, как свободно они чувствовали себя на сцене. И точно могу сказать, что каждый из них имеет шанс стать настоящим артистом. Школа феноменальная, удивительные педагоги, дети открытые, свободные, с неподражаемым чувством юмора и достоинством. Мы договорились с губернатором Денисом Паслером, что совместно с фондом “Новые имена” осуществим большой проект, который позволит детям проявить свои блестящие способности.

Признаюсь, в какие-то минуты я пережил настоящее потрясение. Последним в концерте на сцену вышел мальчишка по имени Владимир Кошиль, ученик третьего класса. Он сыграл джазовый стандарт “Святой Томас”. Я не мог поверить в то, что за роялем сидел девятилетний мальчик, а не опытный пианист, обладающий музыкальной фантазией, умеющий импровизировать, обостренно чувствующий ритм. В итоге я не усидел в кресле, и мы вместе с ним сыграли импровизацию. Я был поражен настолько, что мгновенно пригласил его на съемки празднования Нового года в Москве. Пока не буду говорить, что это за проект, телезрители страны все увидят сами».

Концерт в маленьком уральском городке был одним из десятков подобных «смотров юных талантов», которые организуются стараниями Дениса Мацуева и его единомышленников.

Строки, появившиеся в дневнике пианиста в марте 2017 года: «Закончился наш седьмой фестиваль в Перми. Наверное, Пермь — это единственный из городов, где я был больше тридцати раз. И каждый раз этот фестиваль приносит много открытий и для меня, и для пермской публики. Удивительные, благодарные и очень понимающие музыку слушатели. Они готовы к любым программам: и ко Второму концерту Щедрина, и к Третьему концерту Бетховена, и ко Второму концерту Прокофьева для скрипки, блистательно сыгранному юной Александрой Конуновой, и к Сен-Сансу в исполнении ее сверстника Александра Бузлова.

Меня радует, что каждый раз здесь, в Перми, мы находим новых талантливых самородков, а публика открывает для себя новых исполнителей и даже композиторов. Например, в этом году одним из самых знаменательных событий фестиваля стало исполнение молодым музыкантом из Грузии Сандро Небиеридзе концерта собственного сочинения. Первое исполнение этого произведения в России. Сандро — замечательный пианист, участвовавший и победивший в конкурсе “Astana Piano Passion”. Он незаурядная и яркая личность, романтик. Поразительно, как он смог в таком юном возрасте сочинить настолько глубокий, самобытный и зрелый концерт! Потрясающий парень!»

Тридцать первого декабря 2016 года по телевидению транслировался конкурс юных талантов «Синяя птица». Началась передача с выступления юного композитора Жени

Николаева, под фортепианную музыку которого артист Сергей Гармаш прочитал стихотворение Давида Самойлова. Приветствуя паренька, Денис Леонидович сказал, что музыка его очень яркая, талантливая и напоминает по стилистике Скрябина. ПИАНИСТ вспомнил, что в юности тоже играл, сопровождая чтение стихов Пушкина Сергеем Юрским и импровизируя на темы классической музыки. Играть в таких случаях, заметил Мацуев, очень увлекательно и полезно для исполнителя, потому что ищешь в своей душе те ноты, которые соответствуют поэзии, дополняют ее, уносят тебя в волшебный мир. «Продолжай свое творчество, — напутствовал паренька маэстро, — пробуй писать мелодии для кино, спектаклей, поэтических выступлений артистов».

Еще одна картинка с конкурса. Пятилетний Елисей Мысин написал композицию для фортепиано «Торнадо». Мацуев вышел с ним на сцену, и вместе они сыграли сочинение юного музыканта. После аплодисментов зала Денис Леонидович сказал маленькому коллеге:

— Мы будем следить за тобой, юноша!

А композитор Евгений Крылатов, тоже поднявшийся на подиум, добавил:

— И беречь!

«Синяя птица» — благородный, успешный проект, который уже выявил и объединил десятки талантливых детей — композиторов, исполнителей на различных инструментах, танцоров, воздушных гимнастов, декламаторов.

Камера все время показывала реакцию Мацуева на выступления вундеркиндов. И тогда, когда девочка выполняла сложные упражнения на перекладине и в серебристом кольце над сценой. И когда под аккомпанемент Александры Пахмутовой и оркестра мальчик чудесным голосом вел песню «Ты моя мелодия». И когда юная пара танцоров зажигательно исполнила «Ламбаду». В эти минуты Денис смотрел на детей с восхищением. Он радовался их успеху, как своему. Вот и после выступления танцевального дуэта ведущая конкурса Дарья Златопольская спросила его:

— Денис, у тебя не возникло желания аккомпанировать ребятам?

— Да, — ответил он, — мы исполним эту композицию 10 января в Париже.

Действительно в этот день Денис Леонидович с участниками проекта «Синяя птица» выступал во французской столице. Они произвели настоящий фурор. Соня Тюрина поразила игрой на саксофоне, Варя Кутузова виртуозно исполнила пьесу на фортепиано. С блеском выступили в своих музыкальных, спортивных, литературных номерах другие дети. В Париже располагается культурный отдел Юнеско, он способствовал организации концерта «юных звездочек» из России. Решено сделать выступления талантливых детей — соотечественников пианиста ежегодными.

И таких музыкальных праздников — для себя, для юной смены, для музыкального мира Денис Мацуев сделал уже многие десятки...

Александр Гуторов

КОГДА В КАРТИНАХ ЖИВЕТ ДУША

(Творческий путь художника Николая Трунова)

Судьба каждого человека, чье рождение помечено 1924 годом, уникальна. Школьная юность их поколения закончилась выпускным балом и началась самой страшной для Отечества войной. Совсем немногим удалось выжить. Николай Алексеевич Трунов прошел войну до Варшавы, получил тяжелейшее ранение, долго лечился в госпиталях, весной 1945-го вернулся домой. И жизнь будто в награду предоставила ему возможность реализовать то, к чему он себя сосредоточенно готовил раньше.

Родом Николай Трунов из воронежской глубинки — из села Катина Землянского уезда. Тяга к рисованию пробудилась в нем очень рано, благодаря, наверное, бабушкиным увлечениям. Николай Алексеевич как-то вспоминал, как бабушка любила расписывать печку к праздникам. Красок в привычном понимании не было, но все у нее выходило красочно и чудесно: делала отвар лопуха — получался зеленый колер, тертый кирпич с водой давал красный цвет, разбавленная глина — желтый, сажа — черный. И становилась печка такой замечательной картинкой, какой не было ни в одной избушке.

Так и маленький Коля с энтузиазмом взялся изображать все, что в голову при-

ходило: животных, улицу, речку, лес, огород. А больше всего нравилось рисовать людей. Портретом еще серьезнее увлекся в школьные годы, что впоследствии стало одной из основных тем его творчества. Тогда же, в школе, Николай начал писать акварелью, причем техника рисунка и технология красок интересовали юного художника меньше, чем яркость и свежесть цвета, которые, наверное, давали большую возможность отразить отроческие впечатления от окружающего мира.

Безусловно, настоящим прорывом к профессиональным открытиям стал для Николая Трунова переезд в 1939 году в Воронеж. Здесь он учится в средней школе. Город открывает пытливому юноше свои музеи. Он знакомится с подлинными произведениями искусств, знакомится со специальной литературой, бывает на выставках, слушает обсуждения и выступления художников. Большое влияние на формирование его художественных предпочтений и вкусов оказал в то время воспитатель многих юных воронежских талантов художник А.А. Бучкури.

Николай вдохновенно готовится к поступлению в Воронежское художественное училище, студентом которого становится осенью 1940 года. Его педа-

гогами были Д.А. Колосов и Е.П. Фило-соф. Учеба захватила начинающего художника всецело. Все обрывается вой-ной.

В действующую армию Николая Тру-нова призвали в 1943 году. Фронтового лихолетья хлебнул по полной, но при этом никогда не расставался с каранда-шом и карманным альбомом. Он полу-чил тяжелые ранения, стал инвалидом, но руки не опустил. По фронтовым зарисовкам в будущем Трунов создаст це-лую галерею портретов участников Ве-ликой Отечественной войны. А после демобилизации он живет мечтой о про-должении учебы и осенью 1945 года по-ступает на второй курс Орловского ху-дожественного училища, потом продол-жает обучение в Харькове. Окончив уче-бу, возвращается в Землянк, где стано-вится преподавателем рисования в мест-ном детском доме.

Новый этап и жизни, и творчества — окончательный переезд в Воронеж в 1950 году. Тут Николай Алексеевич сразу вступает в товарищество «Ху-дожник». Его захватывает самостоя-тельная профессиональная деятель-ность, он активно участвует практиче-ски во всех городских выставках. Тру-нов работал плодотворно и вдохновен-но. По картинам разных лет можно проследить сложный путь его творче-ства. Его пейзажи, портреты, натюр-морты и жанровые композиции всегда своеобразны, сделаны с присущей авто-ру непосредственностью, лаконичнос-тью и свежестью колорита. Эти работы не спутаешь ни с кем. Кажется, перед

Николай Алексеевич Трунов

нами традиционный пейзаж, но это именно труновский пейзаж, потому что в нем нередко присутствует человек. Оттого картины столь душевны, от них веет теплотой и обжитостью. Душа художника и творчество до конца его дней были жизнеутверждающими, несли людям оптимизм и надежду на луч-шее. Как показала недавняя выставка, посвященная 95-летию со дня рожде-ния Н.А. Трунова, это чувство нашло благодарный отклик почитателей его таланта и истинных любителей живо-писи.

Петр Рябинин

КРОНУ ПИТАЕТ ПОЧВА

(Историческая проекция на современность
в книге воронежских ученых и литераторов)

Презентация сборника «Почва и крона» (редакторы-составители — историк Аркадий Минаков и литератор Геннадий Литвинцев), в которой участвовали авторы статей и очерков, руководители некоторых региональных общественных организаций и движений, представители прессы, заместитель главного редактора журнала «Подъём», ожидаемо перешла в многомерное и заинтересованное обсуждение темы исторической памяти, ее значения для духовного формирования нового поколения, воздействия прошлого на болевые точки современной жизни. И могло ли быть по-другому, если книга посвящена людям, связанным биографией с Воронежским краем и прославившимся в свое время в России и в мире, но в большинстве своем ныне незаслуженно забытым или, во всяком случае, малоизвестным? Выход в свет сборника, финансово поддержанного областным правительством, не только призван, как указывается в аннотации, «расширить горизонт истории и культуры края, пополнить воронежский пантеон славных имен», но и может стать своеобразной программой культурной деятельности на ближайшие годы. Возвращение знаменитых некогда имен в контекст современности, с одной стороны, призывают власть и общественность отдать им дань памяти, а с другой — дает незаменимый материал для просвещения, воспитания молодежи. Чем больше исторической памяти войдет в наш культурный обиход, чем богаче будет представляться наше прошлое, тем строже

мы будем относиться к настоящему, тем шире будет открываться нам будущее.

Сборник, сформированный по хронологическому принципу, открывается очерком Геннадия Литвинцева о первом воронежском воеводе Семене Федоровиче Сабурове. Пожалуй, впервые в нашей краеведческой литературе представлен столь емкий и убедительный материал об этом замечательном человеке. Как и следовало ожидать, очерк заканчивается сожалением, что «в Воронеже, в отличие от большинства других городов, нет памятника или памятного знака в честь основателя города». В самом деле, история с памятником воеводе Сабурову у нас явно затянулась, хотя уже имеется всеми одобренная монументальная скульптурная композиция президента Союза художников России, Народного художника РФ Андрея Ковальчука. Осталось выбрать место и решить вопрос с финансированием. По справедливости, именем основателя города должна бы называться и одна из центральных улиц или площадей Воронежа.

Автор следующего очерка журналист и литератор Святослав Иванов, по-моему, весьма убедительно доказывает, что знаменитый философ Григорий Саввич Сковорода, целиком «приватизированный» соседней страной, в равной мере принадлежит и Украине, и России. И было бы правильно, чтобы именно Воронежская область начала возвращать в Россию память о странствующем мудреце. Для начала хорошо бы, например, в Острогжске, где Григорий Сковорода жил и учил, назвать в честь него улицу, поставить

памятник, учредить ежегодные чтения. Личность философа, актуальное и в наше время его философское и литературное наследие стоят того. Не так много времени остается до 300-летия со дня рождения Сковороды (3 декабря 2022 года). Так почему бы не создать у нас оргкомитет по празднованию юбилея? Уверен, хорошо проведенное в Воронеже празднование будет иметь положительный и международный резонанс в пределах всей славянской ойкумены.

Историк Арина Мещерякова открыла для воронежцев неожиданную связь с нашим краем знаменитого генерал-губернатора первопрестольной столицы графа Федора Васильевича Ростопчина. Своим призывом к народу вооружаться он одним из первых провозгласил начало партизанской войны с Наполеоном. А разве не актуально и в наши дни звучит антифранцузский памфлет Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева», написанный им в 1807 году после нашей победы под Прейсиш-Эйлау. Вот как начинается свою речь Сила Андреевич: «Господи помилуй! да будет ли конец? долго ли нам быть обезьянами? ...Прости Господи! уж ли Бог Русь на то создал, чтоб она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, корми-

лице, и спасибо никто не скажет? Ее же бранят все не на живот, а на смерть. Приедет француз с виселицы, все его наперехват, а он еще ломается, говорит: либо принц, либо богач, за верность и веру пострадал; а он, собака, холоп, либо купчишка, либо подьячий, либо поп-расстрига от страха убежал из своей земли. Поманерится недели две да и пустится либо в торг, либо в воспитание, а иной и грамоте-то плохо знает. Боже мой! да как же предки наши жили без французского языка, а служили верой и правдой государю и отечеству, не жалели крови своей, оставляли детям в наследство имя честное и помнили заповеди Господни и присягу свою? За то им слава и царство небесное!»

Не менее актуально наставление Ростопчина дочери: «Ты хорошо делаешь, что любишь родину. Всегда нужно кончать возвращением на родину, чтобы умереть там, если на то будет воля Божия. Можно странствовать по свету для своего удовольствия, образования или здоровья, и все-таки внутренний голос скажет нам: иди кончать жизнь там, где ты ее начал». Конечно, и для Ростопчина непременно должно найтись место в воронежской культуре. Тем более что у нас есть прекрасный мемориал Тернового кладбища, где лежат герои войны 1812 года.

Очерк Аркадия Минакова «Воронежский ревизор» о Михаиле Леонтьевиче Магницком читается как детектив. Магницкий получил назначение на должность воронежского вице-губернатора и с 1817 года фактически выполнял губернаторские обязанности. Первые впечатления Магницкого от Воронежа были довольно мрачными. «Я надорвался внутренне, — писал он в одном из писем, — видя пять лет сряду и особливо теперь здесь, что у нас делается в губерниях. ...Сия Россия в тысяче верстах от столицы его угнетена и разоряется, как турецкая провинция».

То, с какою решительностью и в какие короткие сроки Магницкий навел порядок в губернии, заслуживает того, чтобы в кабинетах всех воронежских чиновников, правоохранителей, контролеров и ревизоров о нем знали и ему подражали.

Фигура князя-инока Аникиты (Сергея Александровича Ширинского-Шихматова) привлекла того же Аркадия Минакова тем обстоятельством, что он является автором жития святого Митрофана Воронежского.

Нужно ли объяснять, что все, связанное с великим подвижником Митрофаном, соратником Петра Первого, для нас чрезвычайно важно. Митрофан в своем ревностном служении был равновелик Петру. Он задал ту планку нравственной высоты и для мирян, и для священников, на которую мы будем равняться всегда. Житие святого Митрофана, епископа Воронежского, раскрывает высокий пример гражданина и пастыря.

В сборнике представлено двадцать одно имя — церковных деятелей и философов, богословов и писателей, ученых, художника. Остановлюсь на одной из центральных фигур русской общественной жизни конца XIX-го — начала XX веков Алексее Сергеевиче Суворине, происходившем из небогатой семьи жителей Бобровского уезда. Издатель, журналист, писатель и драматург, создатель единственной в своем роде национальной газеты «Новое время», Суворин сам может называться целой эпохой. После известия о его смерти парижская газета «Темп» писала: «Со смертью Алексея Суворина русская литература потеряла одного из наиболее блестящих своих представителей, а европейская журналистика — одного из своих главных руководителей. Скромность его происхождения — из провинциальной семьи мелкого дворянства — указывает, что он всем был обязан самому себе и решительно ничем связям и протекциям. Он унаследовал от крепких, любящих свою родину крестьян те свойства характера и темперамента, которые создают *representative men* и которые дали России великого гражданина». А вот уже наш современник, познакомившийся с жизнью и творчеством Алексея Сергеевича, пишет: «Откройте для себя... публициста А.С. Суворина и убедитесь, насколько незамутнен он как источник национальной силы, столь необходимый России в XXI веке. Читая Суворина, вы не разочаруетесь в России и наверняка встанете в ряды тех, кто сейчас созидает величие нашего Отечества». Кстати, воронежский губернатор Алексей Гордеев предлагал в свое время руководителю Санкт-Петербурга Георгию Полтавченко поставить памятник Суворину в городе на Неве. Но почему Воронеж должен уступать северной столице первенство в деле увековечения памяти великого человека, нашего земляка?

Заканчивается сборник очерком Александра Минакова о гениальном русском ученом, одном из основателей космического естествознания, основоположнике космической биологии и гелиобиологии Александре Леонидовиче Чижевском, которого называли Леонардо-да-Винчи двадцатого века. В 1932-1935 годах Чижевский работал в Воронеже, где на базе СХИ под его руководством была создана специальная научно-исследовательская станция, а в двух больницах проводилось лечение ионизированным воздухом. С помощью аэроионной установки проходили опыты по предпосевной обработке семян сельскохозяйственных культур. В газете «Коммуна» за 1931 год от 29 сентября была напечатана большая статья Чижевского «К вопросу об ионификации». Всего известно 33 работы Александра Леонидовича за период 1933-1934 годов, где местом публикации назван Воронеж. А есть ли в нынешнем Воронежском государственном агроуниверситете хотя бы аудитория имени Чижевского? Чтят ли его имя в медицинском университете, где занимаются космической биологией? А вот в крупнейшем университете Европы — Сорбонне среди барельефов великих ученых находится барельеф Александра Леонидовича Чижевского. Памятник Чижевскому установлен у здания Калужского государственного педагогического университета имени Константина Циолковского. В ноябре 2013-го учреждена Международная медаль Чижевского, которая ежегодно вручается в Бельгии молодым ученым во время Международной недели космической погоды.

В мире растений мощная крона вырастает, как известно, на хорошей, удобренной почве. Но то же самое и в человеческом обществе. Таланты и разнообразные способности людей растут и развиваются там, где к ним проявляется поощрительное внимание. Хотелось бы надеяться, что небольшой по объему, но столь нужный сборник рассказов о личностях, создавших на воронежской почве мощный культурный пласт, выльется в целую серию подобных изданий. Очень нужны такие книги всем, кто интересуется и дорожит историей края, особенно тем, кто только вступает в жизнь. В молодости так важно услышать об упорстве, мужестве, дерзости и верности своему призванию. На таких примерах создается поколение будущего.

Департамент культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов должны сообщить редакции: краткую биографическую справку; домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, регистрация); ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция просит авторов направлять электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала в формате Word.

Корректор Андреев А.М.

Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Телефоны редакции: директор-главный редактор — 228-64-12 / 8-903-858-64-12, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 228-64-15 / 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор, отдел верстки — 228-64-09 / 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 228-64-13 / 8-903-858-64-13, производственный отдел — 228-64-16 / 8-903-858-64-16.

Электронный адрес журнала «Подъём»: **podiem@mail.ru**

Сайт журнала «Подъём»: **<http://www.podiemvrn.ru>**

Электронный архив журнала с № 1, 2001 г. по № 6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
ISSN 0130-8165.

Журнал «Подъём»

Главный редактор И.А. Щёлоков

№ 4 (667). Подписано в печать 15.04.2020.

Дата выхода в свет:

Индекс 73312.

Тираж 850 экз.

Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «School Book». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,9 + 0,5 п.л. цв. вкл. Отпечатано с готового оригинал-макета

ГБУК ВО журнал «Подъём». Заказ № . Цена свободная. 12+.

Адрес редакции: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

**Адрес издателя ГБУК ВО «Журнал «Подъём»: 394030, Воронежская область,
г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.**

**Адрес типографии ИП Коновалов И.С.: 108809, г. Москва, пос. Толстопальцево,
ул. Пионерская, д. 13.**

**Журнал «Подъём» зарегистрирован Министерством печати РФ. Свидетельство № 331
от 12.11.1990 г.**

Учредитель (соучредители): Союз писателей Российской Федерации;

Трудовой коллектив редакции журнала «Подъём».

**Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.**

**Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться
к ИП Коновалов И.С.**